Барс - троглодит

Барс - троглодит - 1

Papirus

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Он родился и вырос в клане лучших в стране и, может даже в мире, воинов — барсов. Однако среди высоких, светловолосых и голубоглазых барсов он выделялся своей внешностью давнего предка людей, живших в пещерах и одевавшихся в шкуры, и получил прозвище «Троглодит». По достижении совершеннолетия и окончания обучения его ожидала обычная карьера в элитных частях королевской гвардии, однако судьба и совет старшин клана распорядились иначе. За драку в трактире он на пять лет был отлучен от клана и должен был самостоятельно искать работу. Более того. Через пять лет он должен доказать соклановцам, что не просто зарабатывал на жизнь, но и совершенствовал свое воинское искусство. По пути ему встретятся друзья и враги, любовь и предательство, бои и новая учеба.

- Papirus
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
  - Часть вторая
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17

Papirus
Барс — Троглодит

Часть первая

Глава 1

Призрачной тенью я бесшумно скользил между деревьев просыпающегося леса, просачивался сквозь кустарник, если обходить было далеко и лень, перепрыгивал, не снижая скорости, через ямы и поваленные стволы деревьев. Состояние легкого транса очень способствовало бегу, экономя силы и не давая с головой погрузиться в бессмысленное пережевывание детской обиды на весь белый свет. Вроде бы меня изгнали, а вроде и нет. Рода не лишили, но из поселка фактически выгнали.

Не понять мне решения совета старшин нашего клана барсов — клана лучших в мире воинов и телохранителей. Во всяком случае, я так думаю, что лучших в мире. Правда, когда я так прямо и сказал наставнику по борьбе без оружия, тот скептически улыбнулся и рассказал про каких-то монахов в далекой восточной стране, которые только тем и занимаются, что курят благовония и крутят молитвенный барабанчик… в свободное от занятий борьбой время. Говорил еще про боевые пляски каких-то горцев на севере и кулачную драку на туманном острове… думаю, не иначе как с воспитательными целями. Чтобы старались больше. Не верить наставнику причин не было, но все-таки… кто их видел монахов с горцами?

С другой стороны, до определенного возраста и папа у меня был самый сильный и умный и мама — самая красивая и ласковая. С возрастом я стал более критично относиться к родителям, но своего мнения о них на противоположное, как это бывает у некоторых, не изменил. Они так и остались для меня «самыми-самыми»… любимыми людьми в мире. Возможно, когда-нибудь появится еще одна… или даже несколько «самых-самых», но по некоторым причинам это маловероятно. Мне так кажется.

По достижении совершеннолетия и успешного прохождения испытания мне предстояло с группой сверстников отправиться на практику в один из элитных отрядов гвардии короля Ларика (номер короля не помню — вроде седьмой). Затем через три года вернуться в поселок и отчитаться перед старшинами о своих достижениях. Если отчет принимался с одобрением, практиканта признавали воином, магическому изображению барса на его груди добавляли усы и направляли служить, либо в гвардейские отряды короля и его вельмож, либо в службы охраны герцогов и графов, либо, в некоторых случаях, в охрану богатейших торговцев. Если были для них свободные от службы воины. За каждого наниматели платили звонкой монетой, не считая очень

достойного содержания: питания, снаряжения, обслуживания и так далее, — самого охранника. Причем четыре доли от общей суммы получал воин, а шесть — сыпались в общинную кассу клана. За пять лет службы экономный барс вполне мог скопить приличную сумму. Построить себе двухэтажный дом в Барске или те же пять лет прожить не работая. Но кто видел экономного барса, не транжирящего деньги на качественное оружие, красивые, редкие вещи и книги? Встречались, конечно, и те, кто тратил свой заработок на вино, женщин и азартные игры, но такие быстро переставали быть барсами.

Так что, нанять хотя бы одного из нас могут позволить себе далеко не все богатые подданные короны. Кроме надежной защиты, это еще и очень престижно. Достаточно эдак между делом сказать кому-нибудь, что у тебя в службе охраны есть парочка воинов нашего клана, и почет с уважением, считайте, у вас в кармане.

Теперь же, после фактически изгнания, группа моих сверстников отправится в столицу, как и намечалось, а я совсем в другом направлении. Старшины сказали: иди в город Вармок, устраивайся там или в другом месте, как хочешь, но пять лет в поселок не приходи. Дескать, это и будет твоей практикой. Почему именно в этот город — как раз понятно. Он находится в пяти днях пути по лесным тропам на запад от поселка. Контактов с тамошними аборигенами мы практически не имеем и там меня никто не знает, в отличие от близлежащего — всего-то полтора дня пути на телеге — Орбуса. С орбусянами у нас вполне добрососедские отношения. Они к нам частенько приезжают продать-купить, женихов-невест присмотреть, в кабаках с друзьями посидеть, и мы к ним с этими же целями периодически наведываемся. Про кабаки я по малолетству все никак в толк взять не мог, зачем в такую даль тащиться, когда и у нас есть пиво, сваренное в Орбусе, и у них — сваренное у нас, в Барске? Не понимаю и посейчас. Кстати, с женихами-невестами тоже дело очень не просто обстоит. Если совет старшин будет против, то молодым остается небогатый выбор: отказаться от брака или… от клана. Жестоко, но так завещано предками. Стать барсом, если ты не рожден в клане, очень трудно. Перестать им быть, напротив, очень легко.

Любой человек, проживший в поселке не менее года, имеет право просить у старшин разрешения на испытание. Те оценивают его человеческие качества и, если признают достойным такой чести, выносят положительное решение. Однако чтобы пройти его, надо с детства заниматься по методике барсов, поэтому чаще всего просят об этом уже дети и внуки вольных поселенцев, благо

воинской науке учат всех желающих из числа постоянных жителей. Мастер-целитель говорил, что таким образом удается избежать вырождения и разбавить кровь клана свежей. Если рассуждать логически, то пиво от разбавления становится только хуже. Значит, кровь от разбавления тоже должна стать пожиже. А о ком говорят, что у него кровь жидкая? Вот то-то же.

Но не исключено, что я здесь чего-то недопонимаю. Наш мастер очень уважаемый человек. Его и в столицу приглашали, да он отказывался. Говорит: здесь в предгорьях воздух чище и травы редкие прямо под боком растут. Он меня многому научил. Правда чем больше учил, тем больше я понимал, насколько мало знаю и умею.

Урожденному барсу, однако, тоже легкой жизни никто не дает. По достижении совершеннолетия он просто обязан пройти испытание. В случае провала, из поселка его не выгонят, но членом клана не признают. Неудачник имеет право еще на две попытки, но не ранее, чем через год каждая. Все это время он должен жить на правах вольного поселенца, принимать участие в общественных работах и платить не малый налог в общинную кассу. В то время как барсы налогов не платят и в работах не участвуют. У них другие заботы — совершенствование воинского мастерства. Некоторые из старых, опытных ветеранов даже уходят жить отдельно от клана в горы, чтобы в тиши и глуши оттачивать существующие приемы борьбы и придумывать новые. Иногда они на короткое время возвращаются в поселок и передают свой опыт молодым. Таким образом, искусство непрерывно развивается и совершенствуется.

Для вольных право жить в поселке барсов стоит очень дорого. Тем не менее, желающих хватает с избытком, а принимают далеко не всех. Несмотря на то, что бОльшая часть взрослых мужчин служит за его пределами, поселок постоянно растет и вот-вот станет городом.

Первое испытание, которое необходимо пройти, чтобы стать барсом — «лабиринт смерти». Лабиринт, в котором стены из живой изгороди, земля и потолок — в тех местах, где тропа уходит под землю — таят на каждом шагу массу каверз для претендента. Атака ведется сразу в нескольких плоскостях и самым разнообразным оружием, известным в мире, а всевозможные хитрые ловушки только и ждут, чтобы сбросить на голову неосторожного бревно, полыхнуть огнем или открыть провал с тупыми кольями на дне. Многорукие и многоногие деревянные истуканы поодиночке и группами атакуют всевозможным колющим, рубящим и дробящим оружием во многих плоскостях одновременно. Когда я полгода назад

проходил там, пришлось здорово попотеть, но вершину эту я одолел с честью. То, что сам вышел, а не вынесли, уже хороший результат, но то, что на несколько минут раньше контрольного срока, можно сказать, просто отличный. Правда, ответственный за полигон еще долго скрежетал зубами завидев мою личность — трех многоруких истуканов пришлось делать заново. Прежние годились только на дрова, а их железки в перековку.

Насколько «легко» пройти этот коридор, свидетельствует пример королевского гвардейца, сопровождавшего некоего чиновника, прибывшего в поселок с визитом. Услышав про лабиринт, этот опытный и умелый воин, «приняв на грудь» кувшинчик крепкого вина, громогласно заявил, что деревяшки с железками воину не противники. Он-де пройдет его с закрытыми глазами и оставит за собой развалины. Как ни отговаривали — гвардеец уперся и даже чиновника попросил походатайствовать. Отказать тому не смогли и на утро трезвый, как стеклышко, собранный и вооруженный воин все же вошел в коридор смерти. Надо отдать ему должное, прошел он больше половины пути и не так уж сильно покалечился.

Следующие испытания уже потруднее: стрельба из лука, арбалета, пистоля, фитильного и кремневого ружья; метание острых и тупых предметов в цель; бои с оружием, без оружия, с подручными средствами и голыми руками против ветеранов под пристальными взглядами наставников. Здесь, конечно, никто не ждет победы новичка. Анализируются его техника, количество и величина ошибок. Если они в пределах допустимого, то испытание считается пройденным; затем недельный поход через лес. Из снаряжения только охотничий нож. Задача — добраться до определенного места и постараться как можно ближе подкрасться к группе бывалых охотников-барсов. Оценивается, успел ли новичок к сроку и насколько близко сумел подобраться, пока его не заметили; и, наконец, философия, математика, травоведение, целительство…

До пятнадцати лет я был как все мои сверстники. Не лучшим, но и не худшим. Крепким середнячком. Единственное, что меня выделяло из всех — это, мягко говоря, нестандартная для нашего клана внешность. Если барсы в основном красивые, высокие, голубоглазые блондины, то я на полголовы ниже всех, шире в плечах, черноглазый, коренастый, мускулистый и длиннорукий тип. Низкий лоб, черные, прямые волосы, маленькие, широко посаженные глаза, и тяжелая челюсть делали меня похожим на наших очень отдаленных предков, которых, как говорил наш наставник по философии, называли троглодитами. Почему у красивой пары типичных барсов родилось подобное чудо,

неизвестно, а подозрениями мою мать никто обидеть не посмел. Отец — один из искуснейших воинов — при первом же намеке готов был вырвать язык каждому сплетнику. Матери он доверял всецело, а она никогда не давала повода усомниться в своей верности мужу. Тем более, больше года перед моим рождением она поселок не покидала, и гостей в наших краях с похожей внешностью в это время не было. Старшины говорили, что подобное редко, но случается. Всё в руках Создателя.

Разумеется, с такой внешностью рассчитывать на внимание девушек не приходится. Если на сегодняшний день мои сверстники в большинстве своем уже обзавелись постоянными подругами, обещавшими дождаться их после трехлетней обязательной практики на службе у сильных мира сего, я оставался один, изгоняя тоску дополнительными изматывающими тренировками или упражнениями на концентрацию. Правда, известный трепач Скром говорил мне как-то, честно глядя в глаза, что мной живо интересуется Лусия, дочка владельца кабака, знатного воина в прошлом, но я этому не верил. Соврет — недорого возьмет. Вообще-то к внешности отношение барсов было вполне терпимым. Ценились больше качества воина и человека, нежели смазливое личико и роскошь шевелюры. Однако же у одного философа, на мой взгляд вполне логично, было сказано, что женщины подсознательно ищут себе в пару сильного и красивого мужчину, заранее представляя, какие от него будут дети. Теперь представьте, что может уродиться от меня? Трогло-дети! Ночной кошмар под вой бесноватой метели.

Таким образом, сухая логика не оставляла мне места для надежд.

Как я уже говорил, было мне пятнадцать лет, когда на одном из занятий наставник выставил против меня сразу четырех сильнейших бойцов в нашей группе. В тот момент я подумал, что он это сделал либо для того, чтобы сбить спесь, но вроде я и не хвастал своими достижениями, либо, чтобы наказать за что-то. За что я тоже в толк взять не мог, хотя, понятное дело, как и все был далеко небезгрешен. Тем не менее, наставнику виднее и мы начали учебный бой.

Парни грамотно окружили меня и атаковали. Вскоре, как и следовало ожидать, я пропустил несколько чувствительных ударов и готовился получить еще десяток — с моим уровнем противостоять каждому из парней в отдельности для меня было почти невозможным делом, а уж против четверых и вовсе безнадежным. Дежурный целитель уже приподнялся со скамьи, готовясь приводить мое тело в чувство, как вдруг…

Барсы не сдаются. Эту истину мы с помощью добрых

наставников познали… даже и не помню когда. Она казалась настолько очевидной и неоспоримой, что и в голову не приходило думать иначе. Поэтому, несмотря на очевидность поражения, я выкладывался до конца, до самого донышка и даже больше. Вот уже вроде все. Не могу больше. Не хватает скорости. Не хватает мастерства. Нет больше сил. Сейчас один из тренировочных специально затупленных мечей рубанет меня по ноге. Второй — по ребрам. Третий и четвертый я успешно блокирую, но не успеваю к первым двум. В отчаянном усилии уйти, отразить, не дать себя достать, напрягая все силы буквально через «не могу», я, видимо, перешел за некую грань, и волна жуткой стужи прошлась снизу вверх по моему телу. Она смыла все чувства, оставив кристальную ясность сознания и замороженное время вне меня. Мозг с неимоверной быстротой стал обрабатывать сигналы и просчитывать варианты, выбирая наиболее эффективную для данной ситуации стратегию и тактику боя. Противники, словно сонные мухи, замедлились настолько, что я холодно и спокойно, особо не спеша, отбил удары третьего и четвертого, прыгнул вперед между ними. В прыжке рубанул мечом по шее четвертого и одновременно с разворотом попал пяткой в лоб третьему. Используя инерцию вращения, из низкой стойки подбил ноги первому и, пока тот падал, успел воткнуть меч в живот второму.

Потом мне рассказали, что со стороны мое тело как бы размылось, растворилось в воздухе. Всех, кто стоял рядом и наблюдал, обдало морозным холодом и через секунду моих противников, будто ураганом, разметало в стороны. Ребят спасло то, что оружие было не боевое, но лечиться им после этого пришлось довольно долго. К своему ужасу я осознал — в этот стылый момент они были для меня не соплеменниками и друзьями, а бездушными целями, которые следовало уничтожить максимально быстро и экономно. И только где-то глубоко в подсознании с младенчества внушаемое требование не доводить до смерти в учебных поединках не позволило мне их тут же добить. Вероятно, мой разум посчитал задачу выполненной и прекратил бой.

Я стоял с тренировочным мечом в руках полуоглушенный и сам толком не понимал, что произошло. Мастер, по-видимому, ничуть не удивился. Возможно, он даже рассчитывал на такой результат. Позже я узнал, что был прав в своих подозрениях. Только таким рискованным способом, доведя до предела физическую и психологическую нагрузку, можно было пробудить эти способности. Или в реальном бою.

— Ирбис. Снежный барс. Истинный, — тихо сказал он, но я

его услышал.

— Вот что, парень, — уже громко продолжил он. — С сегодняшнего дня помимо общих тренировок тебе придется дополнительно заниматься с мастером Лоркитом. Прямо сейчас пойдешь и подробно расскажешь ему, что здесь произошло.

Наставник Лоркит вел какие-то особые занятия со своими четырьмя учениками разного возраста. Чему конкретно он учил, до сего дня я даже не предполагал. Способности-то у всех разные. Для тех, кто проявил себя с лучшей стороны в том или ином виде деятельности в поселке были организованы дополнительные занятия. Например, алхимией, целительством, травоведением и другими. Так что, Лоркит мог учить чему угодно, вплоть до вышивания крестиком.

Мой рассказ вызвал у него живой интерес. Он дотошно выяснил все нюансы боя и моих ощущений во время него, после чего обратился к ученикам:

— Ребята, представляю вам новенького ирбиса. Он сегодня смог войти в холод и сразить в учебном бою четверых лучших бойцов группы. Тем не менее, попрошу не обижать. Он еще маленький снежный барс. Так. БАРСИК пока.

С этого дня начались мои занятия по контролю над этим состоянием. Они включали в себя углубленное изучение техники медитации и транса, способы отгораживания от него и расщепление сознания на несколько независимых… областей, скажем так. При этом на занятиях боевыми искусствами от меня требовали ни в коем случае не задействовать мои способности, чтобы отшлифовать технику должным образом.

Еще одна дополнительные нагрузка на меня свалилась из несколько другой области, нежели смертоубийство. Увидев на одном из занятий по оказанию первой помощи, как под моей рукой быстро склеиваются края длинного пореза и останавливается кровь, мастер-целитель категорически потребовал, чтобы я обязательно прошел обучение и у него. На мой скромный вопрос: а когда же спать, — он усмехнулся и пообещал обучить специальным упражнениям, позволяющим в трансе очень быстро восстанавливаться и легче усваивать материал.

Месяц назад я прошел последнее испытание, хотя девятнадцать мне исполнится только через шесть недель. Вся группа ирбисов прошла. В том числе и дополнительное испытание по контролю холода. Всем нам торжественно с помощью артефакта барсов внедрили изображение головы клановой кошки, но пока без усов. Усы — после практики. Головы кисок нашей группы отличались от прочих отсутствием

характерных пятен. Так на то мы и снежные барсы.

Я был страшно горд и просто щенячьи счастлив. Весь поселок должен был обязательно видеть мой триумф, поэтому целый день я расхаживал по нему, посетив даже те уголки, в которые лет пять уже никто не заглядывал. Но я подумал, а вдруг как раз сейчас кто-то заглянул и не видел, какой я молодец. В том, что по прошествии трех лет, моего барсика украсят роскошные усы я ни минуты не сомневался.

Вот таким образом, к девятнадцати годам я стал элитным воином клана барсов и немножко — чуть больше всех — целителем. Мастер-целитель говорил, что у меня очень неплохие задатки мага, но данная стезя не популярна среди барсов и лучше мне не смотреть в ту сторону. Он даже собирался обговорить с советом старшин возможность оставить меня на практику в поселке, чтобы продолжать изучение целительства, совершенно не интересуясь при этом моим мнением. Однако тут очень некстати случилась эта злосчастная драка с гостями.

И что меня тогда потянуло в кабак? Подозреваю, что желание увидеть Лусию. Все-таки я хоть и не поверил словам Скрома, но подсознательно очень хотел надеяться… неизвестно на что.

Злосчастные охранники были не из Орбуса, а откуда-то издалека. Говорят, притащились на свою беду с обозом какого-то торгаша из самой столицы. Получив причитающуюся плату, тут же один десяток, как водится, направил стопы свои в кабак, утолить многодневную жажду. Второй остался сторожить имущество. Подвыпив, уставшие воители возжелали развлечений. Орбусяне-то хорошо знали тонкую грань между оскорблением и шуткой, старались никогда ее не переступать, да и мы по-соседски многое им прощали. Пришлые не знали и решили, что раз их много, то все можно. Так получилось, что я сидел через проход как раз напротив их стола. Выпив по третьему кувшину пива и оглядевшись по сторонам, они, видимо, нашли кандидатуру для предстоящего веселья и с гоготом, перебивая друг друга, начали соревноваться в остроумии по поводу моей внешности:

— Посмотри на эту рожу. Я, кажется, уже где-то ее видел, — глумливо говорил штатный острослов, длинный, как жердь, и бледный, как смерть, своему соседу слева, широкоплечему, мрачноватому брюнету с любовно ухоженными бородой и усами.

— И где ж ты мог его видеть? — лениво цедя слова, задал мрачный ожидаемый вопрос. Остальные предвкушающе придвинулись ближе, чтобы не пропустить ни слова из этого представления. Четверо сидевших ко мне спиной развернулись и с любопытством уставились на мою скромную персону. —

Неужели ты уже бывал в этой дыре?

— Нет. Не бывал, — ответил жердь.

— Тогда где ты мог видеть эту образину?

Слушатели, затаив дыхание, дожидались ответа жерди. Тот не спеша отпил пива из кружки и ответил:

— Да в королевском зверинце. Там полно его братьев. А может и мама с папой по клеткам прыгают в компании с дедушкой и бабушкой…

Всеобщее ржание, наверное, услышал весь поселок. Я продолжал спокойно сидеть, продумывая план предстоящего боя — про мою физиономию они могут болтать все, что им заблагорассудится, но задевать родителей — это явный перегиб. Наставники всегда советовали: если есть время, спешить не стоит. Лучше тщательнее продумать и пару раз перепроверить план действий. Кроме того, они явно наготове и ждут, что я в бешенстве кинусь на них с кулаками. Тут-то самое веселье и начнется. Кабак пустой. Хозяин куда-то отлучился. Местные все на работах. В зале только я и разносчица. То есть помешать веселью никто не сможет. Это они, наверняка, так думали.

Как раз в это время слева, со стороны кухни, к их столику подошла Лусия с подносом, заставленным кувшинами пива и блюдами с закуской. Она все слышала и вмешалась:

— Да как вы можете?! Что вам сделал этот парень? Почему вы его оскорбляете?

У меня даже на сердце стало тепло и празднично от того, КАК она это сказала.

Охранник, сидевший в торце стола, ближе всех к девушке, гибко и плавно выскользнул из-за стола. Моментально оказался за ее спиной и, привстав на цыпочки, глумливо загнусавил ей на ушко, имитируя любовное томление с толикой ревности:

— Де-е-евушка. Краса-а-а-вица. Что тебе в этой обезьяне?

Он был на голову ниже Лусии, но это его явно не смущало. Неожиданно ухватив ее за ягодицы, он, извиваясь в похабных телодвижениях, стал подталкивать ее к столу, продолжая томно гнусавить:

— Обож-ж-жаю высоких девушек. Не пожалею серебряную монету за ночь любви и нежности. В вашей деревне уже давно не было крепких парней. Я же вижу, как тебе хочется нашей любви. Иди же к нам. Не ломайся, курочка…

Девушка растерялась. Она не привыкла к такому обращению. Слезы у нее на глазах появились не от страха, а от унижения. Все приезжие обычно знают, чем чревато обижать наших девушек. И дело даже не в том, что весь поселок захочет подробно обсудить с обидчиками вопросы выживания при получении многочисленных

травм, зачастую несовместимых с жизнью. Каждая девушка у нас, если не барс, то рысь точно. Практически все они на хорошем уровне владеют боевым искусством, что с оружием, что без. Впрочем, трудно сказать, когда реально приходится драться без оружия, если вокруг просто неимоверное количество предметов, которые обученный барс и… хм-м-м-м… барсиха, барсетка, барсу… в общем, девушка-барс может превратить в оружие. Только огромным удивлением Лусии можно объяснить то, что озабоченный наемник моментально не брякнулся на пол с переломанными руками и ногами. Зато не растерялся я. К тому же их шуточки меня откровенно уже «достали». Более не сомневаясь, я с удовольствием рухнул в объятия битвы за правое дело, то есть словами обвинения стал зачинщиком обычной кабацкой драки.

Гнусавый по моим предварительным расчетам был самым опасным противником. Ему первому досталось по голове точно направленной кружкой. Через секунду дурному примеру кружки последовала глиняная тарелка. Она, вращаясь и зловеще шурша, прилетела прямо в зубы жерди и там застряла. Шутник, глотая кровь и зубы, рухнул со скамьи навзничь. Думаю, с этого момента шутки в его исполнении приобретут некоторую шепелявую пикантность. Остальные со злобным ревом вскочили на ноги, а я не стал ждать, когда на меня навалятся всем скопом. Опираясь на руки, отжался от стола и «выстрелил» ногам в двух ближайших. Получив по удару в грудь, парочка спиной вперед согласовано перелетела через столешницу и рухнула на своих же товарищей. Я приземлился в проходе и, крутнувшись волчком, подбил ноги следующего и пока тот рушился спиной на скамью, в прыжке нанес удар ногой в челюсть четвертому, из тех, кто сидел на проходе. Все. Эта сторона стола теперь наиболее безопасна.

Лусия тоже времени даром не теряла. Быстро оправившись от шока она грациозно лягнула ногой в пах ударенного кружкой, заставив того свернуться калачиком и подумать на полу о взаимоотношении полов. Все содержимое подноса девушка любезно и умело с размаху сгрузила прямо в голову мрачному, добавив ему в качестве добавки коленом по мужским колокольчикам между ног. Этот охранник рухнул на пол рядом с ловеласом, надолго задумавшись на ту же тему, что и тот. Ум хорошо, а два лучше.

Жердь-шутник успел к тому времени не только выплюнуть невкусное блюдо, но и встать на ноги, схватившись за кинжал. Лусия и его не забыла… кулаком левой руки в солнечное сплетение, ребром ладони правой по шее и ногой в пах. Действовала она четко и эффективно, как на тренировке.

После таких скоротечных процедур против нас поднялось всего четверо подонков успевших выпутаться из клубка, получившегося в результате неожиданного налета своих сотоварищей. Десятый, проявив незаурядную сметку и почти ясновидение, на хорошей скорости успел выскочить за дверь, вероятно за помощью. Хотя бедолаги были вооружены и в большинстве, мы с Лусией весело переглянулись и, понимая друг друга без слов, будто всю жизнь отрабатывали парный бой, хищно набросились на них сами.

То, что охранники были всего лишь покалечены, говорит о том, что я достиг существенных успехов в управлении собой. В состояние холода мне в этом бою переходить даже не пришлось. Всего лишь через полминуты уже девять тел корчились на полу, стараясь стонать тихо, дабы ни в коем случае не обратить на себя наше внимание. Причем троих я даже пальцем не тронул. Специфический характер повреждений, препятствующих продолжению рода этих ублюдков, прозрачно намекает на участие в этом веселье разозленной Лусии. Однако намек — не доказательство. Предчувствуя грядущие неприятности, я шепнул Лусии, чтобы она ни в коем случае никому не говорила о своем участии в этом деле и быстро уходила на кухню.

Вскоре, как и следовало ожидать, в зал кабака ворвался десяток, охранявший имущество, вместе со сбежавшим охранником. Вслед за ними наша дежурная группа охраны порядка.

Торгаш, само собой, поднял вой, требуя моей крови. Разбирательство провели в кратчайшие сроки: опросили свидетелей и пострадавших. Тех, кто мог внятно говорить, конечно. Получалось это далеко не у всех. Четверо, помимо прочих увечий, получили переломы челюсти и, пока наши целители не залечат, питаться ближайшие пару недель должны будут чем-нибудь жиденьким, мычанием рассказывая о своих переживаниях.

Пришлые настаивали на том, что большинство наемников не нанесли нам с Лусией ни одного удара, то есть, якобы, в драке не участвовали и пострадали безвинно.

Х-ха! Да они не успели просто! Это и самому тупому буйволу понятно. Но поучаствовать, явно, очень хотели. Что я мог ответить старшинам? Так учили! «Промедление, как и излишняя задумчивость на поле боя, смерти подобно». Они с этим не спорили, однако, все равно решили, что я был излишне жесток, и отправили подальше от поселения на долгих пять лет, для клана обставив дело так, будто я уезжаю на обычную практику, а для торгаша — будто изгнан в наказание. Чем-то он был важен этот

торгаш для поселка.

Вот таким макаром я впервые стал жертвой политики.

В дорогу мне выдали великолепную отлично сбалансированную шпагу с клинком из рунной стали — барсы признают оружием только изделия лучшего качества — в пару к ней узкий обоюдоострый кинжал, охотничий нож, легкую кольчугу и перевязь с пятью метательными ножами. Мать собрала в мешок смену белья и еды на пару дней. Отец выделил целых пятнадцать серебряных «воробьев», что составляло полторы золотых «ящерицы». На самом-то деле на золотой монете изображен был дракон, а на серебряной — профиль орла, но народ привык к более простым и менее гордым названиям. Один золотой дракон был равен десяти серебряным орлам или ста медным «косточкам». На медной монете были выбиты две скрещенные шпаги, но чеканка была настолько невыразительной, что выглядели они и впрямь как косточки.

Вечером я попрощался с друзьями, распив в памятном кабачке бочонок свежего пива. Отец Лусии подошел ко мне, крепко сжал плечо и, взглядом высказав мне благодарность, выставил пятилитровый кувшин неплохого вина от себя. Лусия за весь вечер так к нам и не вышла. Я понимал и не осуждал ее. Все-таки косвенно я был виновником и свидетелем ее унижения.

Утром встал, как обычно. Последний раз вместе с поселком провел утреннюю разминку, обнял родителей и отправился в путь.

* * *

И вот, впервые за девятнадцать лет, у меня появилось то, о чем я мечтал с самого раннего детства — свобода и свободное время. Я наконец-то сам решаю, что делать, и сам отвечаю за последствия своих решений. Конечно, воину довольно часто приходится принимать на себя ответственность за свои решения, но сейчас все было несколько иначе. Сейчас было… глобальнее, что ли. Никто не доводит до сведения распорядок дня, расписание тренировок и дополнительных занятий. Никто зорко не высматривает, пришел ли ты на разминку, с душой ли занимаешься, не тешишь ли свою лень. Никому теперь нет дела до этого. А самое грустное в этой ситуации то, что я и сам не знаю, чего хочу на самом деле. Стратегически, если можно так выразиться, я хотел стать полноправным воином, но вот

тактически… То есть, чем занять себя на эти годы свободы, чтобы потом с гордостью рассказать о своих успехах, я пока не представлял.

Сколько себя помню, я учился, учился и учился. Старшины не знали, что такое праздность, и это нелепое невежество почитали за высшее проявление мудрости, как своей, так и высокочтимых предков. По третьему удару колокола утром, в обед и вечером все население нашего поселка выходило на разминку, повторяя базовые движения комплекса боевого искусства барсов, чередуя с лечебно-оздоровительными упражнениями. Касалось это всех. Членов клана и вольных. От мала до велика. То есть от младенцев, едва научившихся ходить, до глубоких стариков, включая сто восьмидесяти двухлетнего патриарха Молтки. Единственное исключение делалось для караульных и больных. С малышней занимались обычно двое наставников, которые постепенно приучали детей к нагрузкам, подавая им упражнения в игровой форме. То есть тогда, всего-то вчера, а кажется целую вечность назад, думать, чем заняться, совершенно не нужно было. Думали и решали старшие. Выход в самостоятельную жизнь должен был состояться в гвардии. Постепенно. Под приглядом опытных барсов.

Теперь звонить на разминку придется самому. Колокольчик на шею повесить что ли?

На второй день своего забега Барск — Вармок наткнулся на труп самки кугара — самого умного хитрого и опасного зверя из кошачьих. У нас в поселке считалось доблестью выйти против этого зверя в одиночку и победить. Однако специально за ними никто не охотился. Все-таки почти «родственники». Они — кугары, мы — барсы. Тем не менее, непредвиденные встречи случались и не всегда заканчивались мирно. Эта самка, будучи тяжело раненой, видимо, ушла от охотников подальше и здесь разрешилась от бремени. Из всего выводка в живых остался к моему приходу только один котенок, жалобным писком зовущий мать. По этому самому писку я их и обнаружил.

Бросить живую душу на погибель я не смог, поэтому покормил котишку остатками молока, да и взял с собой. Надо заметить, что из котят кугара вырастают преданные друзья и защитники, однако добыть их очень сложно. Трудно справиться с мамашей, но еще труднее найти ее логово. Можно неделями гоняться за самкой. Она будет кружить, путать следы, нападать из засад, но к логову никогда не приведет. Так что, мне несказанно повезло на них наткнуться. Впрочем, и охотничье чутье, заставившее сделать небольшой крюк и тонкий слух,

позволивший уловить писк малыша, нельзя сбрасывать со счетов. Правда, мастер-целитель говорил, что это никакое не охотничье чутье, а магические способности позволяют мне просматривать местность, подсознательно оценивая окружающие объекты на предмет опасности или, наоборот, полезности для меня. Обещал заняться развитием этой способности, если я на практику останусь в поселке, но, увы, уже не судьба.

На четвертый день снова охотничье чутье увело меня немного в сторону от маршрута. Через некоторое время я отчетливо услышал всхлипы и, бесшумно подобравшись к источнику, тихо развел ветки куста. На меня с испугом вытаращились два больших, круглых и синих, как небо, глаза. Затем после глубокого и судорожного вздоха раздался визг, и тоненькая девичья фигурка попыталась, сжавшись в комочек, добраться до корней несчастного растения. Сделать это ей не удалось. Тогда девчушка, на вид ей было лет тринадцать-четырнадцать, вскочила, и, умело держа прямым хватом небольшой кинжал, встала в оборонительную стойку. Одета она была в богатый охотничий костюмчик, светлые волосы, когда-то уложенные в прическу, теперь топорщились, как у мокрого кота шерсть, глаза наполнены страхом и непреклонным желанием дорого продать свою жизнь. В целом, картинка была уморительная. Я не выдержал и рассмеялся.

— Уходи! — вскрикнуло это чудо. — Уходи, а то ударю!

Я пожал плечами, развернулся и, моментально забыв про встречу, пошел своим путем. Девушка — не котенок. В таком возрасте она уже должна уметь позаботиться о себе. Во всяком случае, у нас даже вольные с десяти лет на недели в одиночку уходили в лес. Например, доставить продукты отцу семейства на дальнюю заимку. Ну, так пусть, стало быть, и заботится о себе сама. Мне-то что? Может ведь и обидеться, что полез помогать без спросу. Будто слабой посчитал.

Отчаянный писк за спиной не дал мне перейти на бег:

— Постой! Куда же ты?!

Я повернулся и честно ответил:

— В Вармок.

— А… а почему ты уходишь?

— Потому, что мне надо в Вармок, — терпеливо ответил я на глупый вопрос.

— А… а как же я?

— А что ты? — теперь не понял уже я.

— Ты… так и… бросишь меня одну? Здесь.

— Я тебя не подбирал, чтобы бросать. Иди себе своей дорогой, а я пойду своей.

Я снова развернулся, собираясь уходить, как девчушка снова пристала со своими вопросами. Вот ведь говорливая попалась.

— Благородные люди так не поступают с дамами!

Это меня заинтересовало. Наш философ учил: умный человек учится всегда, всему и у всех. В знании сила! Поэтому я решил, пользуясь случаем, прояснить, чего я не знаю про благородных людей. Указом еще прапрапра…дедушки нынешнего короля все барсы поголовно за воинскую доблесть приравнивались к ненаследному, безземельному дворянству. Так что, я мог с полным основанием считать себя благородным. Осталось только выяснить, чего я не знаю про это сословие.

— С чего ты решила, что я благородный?

— У тебя шпага на поясе и… — она засмущалась и покраснела, — ты меня не… ну, это самое…

— Чего я не это самое?

— Ну, не разоружил и не… — она замолчала.

— Чего не? — тупо продолжал допытываться я.

Наш философ, умнейший человек, всегда говорил: умен не тот, кто много знает, а тот, кто не боится задавать глупые вопросы. Вот я и задавал. Не люблю туманные намеки невесть на что.

— Чего-чего! — вдруг разъярилась девчонка. — Не убил и не ограбил! Вот чего!

Я оценивающе посмотрел на нее. Девушка снова испугалась и прямо сжалась вся под моим взглядом.

— Да у тебя и брать-то нечего, — вынес я заключение.

— Как это нечего? — неожиданно обиделась потенциальная жертва. — А сапожки из кожи виверны, а колечко с изумрудом, а кинжал гномьей работы, а…

— Ты чего, продаешь себя, что ли?

— Я-а-а-а-а-а?!! — и куда только слезы делись. Под ее прожигающим насквозь взглядом они высохли прямо моментально.

— Ну, так. Нахваливаешь себя, как торговка на базаре.

— Да как ты смеешь! Троглодит несчастный! Дикарь необразованный! Да я!… да!… - ей уже не хватало воздуху, чтобы продолжить высказывать мне свое возмущение.

— Ну ладно. Пошел я.

Сказав это, я спокойно развернулся… в который раз.

— Стой! Подожди! Так не поступают благородные люди!!

— А что я должен сделать? Убить, ограбить и «ну, это самое»? — неподдельно удивился я.

— Да нет же! Благородные люди не бросают даму одну в лесу!

— Так я тебя не подбирал, чтобы…

— …Бросать! Знаю. Говорил уже. Но это говорится так. Когда кого-то покидают в опасном месте, говорят: «Он его бросил». Выражение такое! — как совсем тупому недоумку объяснила мне девушка.

— Ну хорошо. А прямо попросить о помощи ты могла? Чего вокруг да около впотьмах бродить?

— Не могла! — аж притопнула ногой моя собеседница. — Благородный человек сам должен догадаться, что нужно даме. Особенно… Особенно, когда она одна в диком лесу.

Что-то устал я уже от ее болтовни.

— Короче. Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты проводил меня.

— Нет.

— К-как это нет? — от удивления девчонка даже заикаться стала.

— Не маленькая. Сама дойдешь. Кинжал есть? Руки есть? Амулет зажигательный есть? Или хотя бы огниво?

Заворожено глядя на меня, она машинально кивнула, подтверждая, что все это у нее действительно есть.

— Ну вот и славно. Значит, с голоду не умрешь и от холода не окочуришься. Так что давай. Топай куда тебе надо. А я пойду, куда мне надо.

В очередной раз я развернулся уходить и в очередной раз меня остановили.

— Постой же! А если я тебе заплачу? Мне нужно в Торсель.

Я стал вспоминать уроки географии и карты, которые нам давали для изучения. Сейчас мы в предгорьях королевства Аталия. На северо-востоке от нас Швицерия. На северо-западе — Галлития. На севере — княжество Нибеллунг. На юго-востоке — Янчарское ханство. На юго-западе — королевство Конкиста. На юге — море, а за ним черный континент. Если я не ошибаюсь, Торсель — порт на западе Галлитии. Это ж месяц туда топать — не дотопаешь!

— Нет, красавица. Я иду в Вармок.

— А ты чудовище!..

— Я знаю…

— Ой! Прости! Я не хотела тебя обидеть. Само вырвалось!

— Ладно. Забыли.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнула девушка. — Ну, хотя бы до Вармока проводишь?

Чувствую, не отвязаться мне. Да и зарабатывать пора бы уже. А тут работу почти по специальности предлагают.

— Хорошо, — девушка обрадовалась, но рано. — Сколько?

— Чего сколько?

— Сколько ты предлагаешь за услуги?

Моя предполагаемая нанимательница видно совсем растерялась.

— А сколько это может стоить?

Я прикинул плату начинающему барсу-телохранителю и уменьшил ее вдвое. Потом подумал. Учел обстоятельства и… не стал уменьшать.

— Восемь ящериц…

— Ско-о-о-олько?!

— В день, — невозмутимо закончил я.

— Это же наглый грабеж!!

— Я не навязываюсь.

— Это не благородно! Дикарь! Троглодит! Как так можно? Использовать бедственное положение девушки!

— Какое же оно бедственное? Руки есть? Есть. Кинжал есть? Есть.

— А еще есть огниво, сапожки и ноги, — в ярости крикнула благородная дама. — Я согласна!! Придем в Вармок, возьму деньги в банке и расплачусь с тобой! Даю слово. Этого достаточно?!

— Достаточно, — невозмутимо ответил я. — Кроме платы все дорожные расходы, включая мое питание, проживание, лечение и снаряжение за твой счет, леди.

Она закатила глаза к небу и простонала.

— И на это согласна. Кровопивец! Вампир!

— Вот и договорились. Если ты уже готова, прошу следовать за мной.

Я сделал приглашающий жест, развернулся и, наконец-то, продолжил свой путь. Правда, уже с неожиданной попутчицей.

Глава 2

— Да постой же! — скорее недоумевающий, чем рассерженный, возглас в очередной раз развернул меня к лесу задом, к девушке передом.

— Ну, в чем дело?! — не скрыл я своего раздражения. — Я тебе что, волчок крутиться через каждую минуту? Что опять не так?

— А представиться? Двое благородных не могут совершать путешествие вместе, не представившись друг другу! — мелкая леди сказала это с таким изумлением, будто мы собрались сделать что-то неприличное прямо на королевском балу.

Я тоже кое-что помнил из этикета. Усмехнувшись, предложил согласно самому строгому варианту:

— Мне сбегать за ближайшим благородным, чтоб он нас представил?

Девочка серьезно посмотрела на меня, церемонно — не очень глубоко — поклонилась и торжественно возвестила:

— Позволь представиться. Леди Верния! Дочь барона Шамта! С кем имею честь?

В ответ я тоже сделал серьезное донельзя лицо, поклонился — гораздо глубже — и не менее торжественно произнес:

— Сэр… Троглодит! Сын… папы с мамой! Честь имею!

В глазах леди загорелся огонек предвкушения романтической истории и на меня обрушился град вопросов:

— Ты путешествуешь инкогнито? Скрываешь свое имя, дабы не опорочить честь прекрасной дамы? Тебя преследует отец девушки, отказавший в притязаниях на ее руку и сердце? Ты должен совершить три подвига, чтобы воссоединиться с любимой?…

— Какой отец? Какая девушка? — прервал я трескотню. Показав указательным пальцем на свой нос, предложил: — Посмотри на меня внимательно.

Верния разочарованно вздохнула, но комментировать не стала.

Завершив церемонии мы, наконец-то, сделали первый шаг на пути в Вармок. Скорость нашего совместного передвижения упала на порядок, по сравнению с моим одиночным бегом. Однако это меня не смущало. Наоборот. Примерно прикинув, как и куда мы пойдем, пришел к выводу, что маршрут необходимо немного изменить и двигаться не прямо на Вармок, а сначала выйти на тракт южнее и продолжить путь уже по нему. Может, какая попутная телега попадется, или в придорожных трактирах удастся

купить лошадь. Леди явно не привыкла путешествовать пешком и спать под кустом. Во всяком случае, прямо там, где я ее застал, она и ночевала, но ничего похожего хотя бы на попытку создать себе минимальные удобства не наблюдалось. Даже лапника на постель не нарубила. Так и спала на голой земле, завернувшись в плащ.

То, что девушка совершенно не умеет передвигаться по лесу стало ясно с первых же шагов. Тяжелое дыхание, треск веток, шелест травы и, иногда, звуки падения за спиной — медведь в малиннике ведет себя тише. Хотелось цыкнуть хорошенько на неуклюжую особу, а то и без обеда оставить в наказание. Но вовремя вспомнилось, как болезненно морщился наш наставник по маскировке, разведке и охоте в лесу, когда мы, стадо шестилеток, вот также с хрустом веток и пыхтением, слышным всему лесу, топали за ним, поминутно спотыкаясь, на первое занятие. Сам же мастер разведки, двухметровый верзила, казался призраком, бесплотной тенью, скользящей сквозь лес и не способной колыхнуть самой тоненькой былинки. Пришлось пройти через ведра пота, неисчислимое множество царапин, растяжений и вывихов, чтобы к девятнадцати годам более-менее научиться понимать лес, сливаясь с ним воедино. И то на испытании я смог подобраться к охотникам только на пятнадцать метров. Хотя для отличного результата достаточно было двадцати, я все равно белой завистью завидовал мастерам. Уж они-то даже кугара могли погладить так, чтобы он до последнего мгновения их не почуял. Что же ожидать от подростка, никогда и не слышавшего о таких тренировках.

Через два часа ходьбы Верния потребовала сделать привал, на что я охотно согласился. Она, видимо, ожидала от меня совсем другой реакции. Скорее всего, ворчания, брюзжания, ехидства по поводу изнеженности некоторых особ, но не того, что я беспрекословно с ней соглашусь и с энтузиазмом начну обустраивать временный лагерь.

— А… ты тоже устал? — в растерянности спросила она.

— Нет.

— А… почему ты не ругаешься, что мы медленно идем? Вот мой старший брат всегда кричит, что я тащусь как черепаха.

— Все очень просто. В Вармоке меня никто не ждет. Там я должен найти себе работу, а раз я ее уже нашел, то куда торопиться? Чем дольше продлится наше путешествие, тем больше я заработаю.

Верния, приоткрыв рот, смотрела на меня, как на барана, украшенного рогами лося. Если бы я сказал, что не тороплюсь исключительно из желания подольше побыть рядом с ней, это

было бы в духе романтических любовных романов и, следовательно, в ее глазах достаточно оправдано. Но эта моя меркантильность жестоко разрушала образ благородного рыцаря — спасителя дам, скучающих за вышивкой в пещерах дракона. Я понимал, какой вопрос горячей фасолиной вертится у нее на языке. Ну да. Я дикарь и троглодит. Веду себя совсем не так, как те дворяне, которых она видела у себя дома. Интересно. Усомнится в моем дворянстве или нет?

Не усомнилась. Вслух во всяком случае. Молча насупилась и гордо присела на охапку лапника, которую я для нее нарубил. Вообще-то, и лапник рубить, и обед готовить я не обязан. Включить, что ли, в дорожные расходы? Ладно. Не буду. А ведь это услуги, которые она даже и не заметила. Считает само собой разумеющимся.

Первое мое впечатление о ней, похоже, было верным. Семья, скорее всего, девчушку любит и балует, потакает всем ее капризам. Взрослые, наверняка, до сих пор считают ребенком и многое прощают. Привыкла быть в центре внимания. Слуги по первому намеку кидаются выполнять приказы. Благородные куртуазно целуют ручки, восхищаются ее умом и красотой. А когда ей случиться нахамить, называют это милой непосредственностью. Вряд ли она хоть раз задумалась, как ее поведение и слова могут восприниматься незнакомыми людьми. Совместные усилия родителей, учителей и любовных романов вбили в ее очаровательную головку довольно таки кривое отношение к жизни и миру. То есть дворяне в ее понимании всегда благородны, воспитаны и готовы в лепешку расшибиться ради улыбки красавицы, не требуя ничего взамен. Разбойники — это отдельное сословие. Нечто среднее между воинами и дворянами. А уж предводитель бандитов всегда благородный до ужаса, младший сын герцога или, на худой конец, маркиза, покинувший свет из-за романтической любви.

Однако заниматься ее воспитанием мне совершенно не хотелось. Три дня и прости-прощай, юная леди Верния.

Когда костер разгорелся я достал из-за пазухи пригревшегося котенка и пустил его прогуляться. Мелко-мелко покрошил мяса на лист лопуха, немного разбавил это блюдо водой и поставил поближе к зверю. К сожалению, молоко кончилось. Придется котофейке привыкать к более взрослому рациону.

Появление моего усатого «сородича» произвело настоящий фурор. Гордая леди взвизгнула и, как простая деревенская девчонка, кинулась его обнимать, целовать и… всячески мешать животному съесть хоть крошку угощения. Пришлось твердой рукой наводить порядок. Сначала обед, потом эмоции.

Надо было раньше познакомить ее с найденным зверем. Он явно разрядил обстановку и убрал излишнюю напряженность между нами. Как ни храбрилась девчонка, но даже спиной я чувствовал ее тщательно скрываемый страх. Из двух зол — выбираться из страшного леса одной или идти с ужасным мной — она выбрала меня. Но это еще не значит, что стала полностью мне доверять и оставила свои страхи.

Котенок все-таки умудрился поесть вопреки стараниям юной леди и заснул у нее на руках.

— А почему ты не спрашиваешь, как я здесь оказалась?

— А что спрашивать? Поехала на охоту с папенькой, маменькой и толпой слуг. Лошадь чего-нибудь испугалась. Зайца, например, внезапно выпрыгнувшего из-под копыт, и понесла. Через некоторое время ты с нее благополучно свалилась, а потом, оставшись одна, храбро решила не дожидаться помощи и двигаться к лагерю. Целый день прошагав, лагеря не нашла и заночевала под тем кустом, где я тебя нашел. Я все правильно изложил?

Девушка, глядя на меня совершенно круглыми глазами, машинально кивнула:

— Да-а-а-а! Так все и было… Только не заяц выскочил, а какая-то птица, — и тут слова полились сплошным потоком. — Мы с папой ехали в Торсель. Там должна состояться помолвка с этим противным мальчишкой Листором, сыном графа Сорбо. Когда мы заехали к моему дяде барону Вермону, он предложил пару дней отдохнуть у него и съездить с ним на охоту. Пообещал научить меня стрелять из ружья. Потом собаки залаяли, все быстро поскакали вперед, а со мной остались два егеря. Тут эта птица, как вылетит из кустов! Прямо перед лошадью. А та понесла. И так быстро. Я зажмурилась… Я не боялась, но сержант — он меня с детства фехтованию и на лошади скакать учил — говорил, что в лесу надо обязательно зажмуриться и низко-низко наклониться, чтобы ветки не сбили и глаза не выкололи… вот я и зажмурилась. Держалась крепко-крепко. Но потом все равно упала. А лошадь убежала. Потом я пошла к лагерю. Шла-шла, а его все нет и нет…

— М-да… — только и смог я ответить на это.

Я прикрыл куском дерна костер, разбросал лапник и, не особенно усердствуя, постарался скрыть следы стоянки. Мы пошли дальше. Котенка понесла Верния, не желая ни на минуту с ним расставаться.

— Дит, скажи…

— Кто?

— Ди-ит… А что? Тебе не нравится? Не могу же я тебя

называть этим… самым… А меня можешь называть Ния. Меня дома все так называют.

— Ну хорошо. Пусть будет Дит.

— Дит, скажи, а разве благородные нанимаются в проводники?

— Нанимаются. Тем более, нанялся я не мусорщиком, а в твою службу охраны. Временно. До Вармока.

— А-а-а-а. Значит, ты меня будешь защищать и охранять, как капитан Серджо.

— Предполагаю, что уважаемый Серджо — капитан службы охраны твоего папы.

— Да.

— Значит на эти дни я твой капитан Серджо вместе со всей его службой.

Некоторое время мы шли молча. Верния собиралась с духом, чтобы задать важный вопрос. Наконец, решившись, спросила:

— Дит. А-а… там, откуда ты, женятся по любви?

Я усмехнулся. Слово любовь у меня не связывалось с чем-то конкретным. Описание этого чувства я читал в книгах и сам переживал нечто похожее. Но не до такой степени, чтобы забыть про все на свете, в том числе и долг перед кланом, да удрать в дальние края с девушкой на плечах.

— Бывает и по любви. Но чаще старшины говорят, кому за кого идти. Если парню или девушке подходят несколько кандидатов, тогда можно и выбрать.

— И что, никто не спорит? Не отстаивает право на любовь?

— Бывает и такое, конечно. Парни, сменяясь со службы, иногда приезжают с девушками. Старшины тогда разрешают им пожить в поселке пару месяцев, после чего принимают решение, можно ли им жениться.

— А если нельзя?

— Тогда парень отвозит девушку обратно, и они расстаются.

— А как же любовь?

Я пожал плечами:

— А что любовь? Если придется выбирать между любовью и долгом перед кланом, семьей, людьми… что ты выберешь?

Девушка надолго задумалась.

— И все-все всегда-всегда выбирали долг?

— Не все и не всегда.

— А что с ними делали?

— В общем-то, ничего. Лишали знака клана и запрещали жить в поселке. Старшины расторгали его договор, и дальше он должен был жить сам, как хочет.

— А что за договор?

— Дело в том, что воины нашего клана служат обычно в службах охраны короля и высшего дворянства. Изредка в охране богатых торговцев. Но все договоры обязательно заключаются с нашими старшинами, а не с каждым воином в отдельности. Это дает возможность сменять воинов на службе. Год или два воин служит. Потом год или два живет в поселке. Занимается семьей, тренировками, обучением молодежи. Потом снова служит. Может быть уже в другом месте. Старшины называют это ротацией, чтобы не терялась свежесть впечатлений. Но это не всегда. В специальных отрядах служат по пять лет подряд. Тогда семья на весь этот срок переселяется по месту службы мужчины.

— И весь-весь поселок одни воины? И все-все хотят служить?

— Подготовку проходят все, но служат не все. Если, к примеру, член клана хороший кузнец, ткач, охотник или целитель, его могут даже не отпустить на службу. Хорошие мастера и нам нужны.

Верния немного помолчала, вздохнула и опять завела разговор о том, что явно тревожило ее больше всего:

— Неужели везде так? Выдают замуж не за кого хочешь, а за кого надо?

Я снова пожал плечами:

— Не знаю. Может есть места, где только по-любви… но я о них не знаю. А что? Твой жених плохой человек? Или такой же «красавец», как я?

— Нет. Он обычный парень. Ну… судя по портрету и рассказам… Но это не правильно всё! Замуж надо выходить по любви! А я этого жениха даже не видела никогда вживую!

Мне вспомнилось, как я нечаянно подслушал один разговор в поселке. Отец вразумлял сына, оказавшегося примерно в такой же ситуации. Давно это было, а вспомнилось, будто только вчера. Возрастом до того отца я, конечно, еще не вышел, но говорить теперь стал, как он.

— Скажи, леди Верния, родители тебя любят?

— Да-а-а-а… очень.

— А ты их любишь?

Девушка не понимала, зачем я все это спрашиваю, удивлялась, но терпеливо отвечала.

— Да-а-а-а…

— Стала бы ты делать что-нибудь во вред им? Чтобы им было плохо?

— Не-е-е-ет. Конечно же, не стала бы! — удивление девушки с каждым моим вопросом все возрастало и уже почти достигло максимума.

— Так почему ты думаешь, что твои родители станут так

поступать с тобой?

— Но ведь в книгах пишут…

— Как ты считаешь, твои родители книг не читали и не знают, как правильно? — перебил я ее. — Ты мать свою просила рассказать, как она когда-то выходила замуж за твоего отца?

Девушка энергично замотала головой, на глазах заблестели слезы:

— Но ведь они любят друг друга!

— А ты уверена, что они полюбили друг друга еще до свадьбы, а не после?

— Я… Я… Я не знаю!

— Ну вот и слезы… Платок есть? — Верния кивнула и достала вышитый платочек, который тут же нашел применение.

— Так вот, я уверен, что твой жених не противный мальчишка, как ты его назвала, а нормальный парень. Благородный граф. И он наверняка тебя полюбит…

— Правда? Ты так считаешь? — сквозь слезы улыбнулась девушка.

— Безусловно. Такую красавицу разве можно не полюбить?

Если я и кривил душой, то совсем чуть-чуть. Я действительно был уверен, что граф не отдаст свою дочь за какого-нибудь монстра. Хотя он мог и не знать всей правды о женихе.

После нашего содержательного разговора Верния молчала долго. До самого вечера. Когда поужинали запеченным тетеревом, подбитым мной по дороге, девушка заговорила снова.

— Дит. А ты сам что бы выбрал?

— Конечно же, долг, — ответил я гордо и уверенно, хотя кольнуло сомнение — вдруг любовь это такая болезнь, что противостоять ей очень сложно. Те, кто ее выбрал, тоже ведь не слабыми воинами были.

— А когда мы придем в Вармок?

— Если будем двигаться с такой же скоростью, то через два дня. Всё. Давай спать. Будет холодно — залезай ко мне под бок. Не бойся, я детей не ем и не «ну, это самое».

Девушка хихикнула и тоже стала укладываться. В сторонке.

Я спал охотничьим сном — то ли спал, то ли дремал, то ли медитировал — чутко отслеживая обстановку возле лагеря. Любую опасность я готов был встретить во всеоружии, но опасности в эту ночь предпочли гулять подальше от нашей стоянки. Под утро, когда надоело дрожать от холода, Верния осторожно подкатилась ко мне под бок, немного повозилась, пригрелась и благополучно заснула.

* * *

К полудню следующего дня мы уже шагали по тракту. Пару раз за одну медную косточку леди удалось немного проехать на крестьянской телеге. Платить, разумеется, пришлось мне, так как денег у нее не было совсем.

Поздним вечером мы добрели до постоялого двора. Добрела леди. Я вполне нормально дошел и мог бы идти еще столько же.

Толстый хозяин с разбойничьей рожей, зевая, выдал нам ключ от комнаты и обещал прислать туда же то, что осталось от ужина. Кровать в номере была только одна и Верния в растерянности остановилась, не зная, как быть.

— Ты ложись к стенке, — предложил я, — завернись в одеяло и спи спокойно. Можешь даже не раздеваться. Даже так будет лучше. Мне кажется, что постель не очень чистая.

— А как же ты?

— Я лягу с краю и укроюсь плащом.

Не очень доверяя хозяину и его гостям, спал я, как в лесу. Настороже. Сам хозяин вряд ли будет грабить постояльцев, но несколько личностей, прикорнувших в обеденном зале под лавками, мне очень не понравились.

Глухой ночью чувство опасности подсказало мне вооружиться и ждать неприятностей. Я тихонько встал, вынул из ножен шпагу, неслышно подошел к двери и стал спиной к стене слева от засова. Пронзительный луч луны освещал дверь, и мне даже не пришлось переходить на ночное зрение. Вскоре внутренний, видимо хорошо смазанный, засов стал медленно и почти бесшумно сдвигаться. Две минуты и он больше не запирал дверь. Створка без скрипа приоткрылась и в проеме показалась голова незваного гостя. Не знаю, что на меня нашло, но вместо того, чтобы врезать кулаком между глаз, я оскалился, резко выглянул в дверь и зарычал. В лунном свете увидел побелевшее лицо воришки и круглые от ужаса глаза. Посетитель шарахнулся от меня назад, налетел на подельников, и вся компания с грохотом ссыпалась по лестнице на первый этаж. Там с воплями, спотыкаясь в темноте о столы, скамьи и спящих гостей, они штурмом взяли входную дверь и удрали. Остаток ночи прошел спокойно. Разве что под утро примчался какой-то отряд. Люди быстро позавтракали, дали небольшой отдых лошадям и умчались дальше.

Мы тоже не стали задерживаться. Привели себя в порядок, перекусили прямо в номере и собрались продолжить путь. К сожалению, по уверениям хозяина, лошадей на продажу у него не было, так что пришлось опять рассчитывать на свои ноги.

Я подошел к стойке расплатиться. Хозяин посмотрел на меня, на девушку и шепотом, как сообщнику, сообщил, что утром у него спрашивали про девушку… по описанию очень похожую на Вернию. Намек я понял. Он без сомнений отнес меня к той категории подонков, которые похищают детей ради выкупа. Петушиться и доказывать обратное я не стал. Мне нет дела до мнения этого проходимца. А то, что он не сказал про нас, может быть полезным. Кто знает, что за отряд шастает по дорогам? У барона могут быть недоброжелатели, которым выгодно пленить его дочь. Поэтому я добавил «воробья» к счету и хозяин проводил нас, как самых дорогих гостей, выдав еще и еды на дорогу.

Через некоторое время нас догнал обоз торговца, едущего в Вармок. Недолго поторговавшись, я расстался с пятью косточками, получив взамен два вполне удобных места в повозке под тентом. Честно говоря, я бы заплатил и больше. Погода была солнечная и очень жаркая. В тени леса жара не так ощущалась, как на пыльном тракте. Я-то привык к подобным трудностям, а девушка могла и не выдержать. Следует признать, обоз появился вовремя. Мало того. Вармока мы достигли гораздо быстрее, чем я планировал. Еще не наступил вечер третьего дня, как мы, заплатив стражникам пошлину, въехали в ворота этого города. Скорее все-таки городка. Был он небольшой, аккуратный и чистый. Трехэтажные каменные дома из кирпича. Некоторые облицованы белым мрамором. Булыжные мостовые, которые по утрам тщательно метут. Добротно и нарядно одетые горожане… в основном. Нищие и воры здесь тоже были, а куда ж без них. Но они прятались по углам, что свидетельствовало о том, что стража здесь службу несет на совесть.

За воротами наши с торговцем пути расходились. Ему налево — на постоялый двор, нам… пока неизвестно. Верния хотела срочно расплатиться со мной, поэтому первым на очереди был банк. Я помог девушке спуститься на мостовую и свистнул мальчишкам, игравшим неподалеку. Тут же подбежал один из них и согласился за одну косточку проводить нас до банка, а затем в приличную гостиницу.

В прохладном операционном зале банка слева вдоль стены с дверями, ведущими во внутренние помещения, располагался ряд столиков, за которыми клерки принимали клиентов. На противоположной стороне метрах в пяти от клерков возле окон были выставлены два столика, несколько стульев возле них и диван, обитый кожей. Там можно было с удобствами подождать пока идет оформление. В данный момент они пустовали.

Три столика были заняты, остальные пять пустовали. Однако стоило нам войти, прозвенел колокольчик и, вероятно,

магический сигнал известил о новых посетителях. К нам тут же вышел служащий и пригласил к одному из пустующих мест. Верния уверенно подошла, представилась и заявила, что хотела бы снять со счета некоторую сумму.

Клерк внимательно посмотрел на девушку, перевел взгляд на меня и сказал:

— К сожалению, госпожа, я не могу выдать тебе деньги. До совершеннолетия банковским счетом распоряжается твой уважаемый отец, — говоря это, он явно пытался на что-то намекнуть девушке. — А тебя, господин, попрошу подождать там, — и он указал мне на места для клиентов, — где тебе будет удобнее. Все операции в нашем банке ведутся только наедине с клиентом, без посторонних лиц.

Я пожал плечами и удалился, куда сказано. Мне было интересно, что за игру он ведет, поэтому на всякий случай вошел в легкий транс и приготовился к возможным неприятностям. В этом состоянии мне было хорошо слышно все, что говорилось за каждым из столиков. Но интересовал меня только один.

— Это не так, — ответила Верния. — Отец положил некоторую сумму на специальный счет, с которого я имею право снимать деньги без его согласия. Это подарок на мой день рождения.

— Госпожа, — понизив голос, ответил ей клерк, — если этот тип угрожает тебе, мы вызовем стражу, да и наша охрана в стороне не останется. Не бойтесь. Мы с ним справимся. Он ничего не сможет сделать.

— Нет-нет, — также понизив голос, сказала Верния, — все в порядке. Мне ничего не угрожает. Я дала слово и должна расплатиться с ним за то, что проводил меня до города.

Клерк понимающе усмехнулся, но формального повода позвать стражу не получил.

— В таком случае, я все-таки должен получить разрешение управляющего.

Он поспешно удалился куда-то в глубину банка и минут пять отсутствовал. Вернулся успокоенным, и сразу же выложил на стол магическую коробочку. Я видел такие в Орбусе — они использовались для идентификации личности при совершении сделок.

Девушка без колебаний положила руку на коробочку и четко произнесла:

— Я леди Верния, дочь барона Шамта. Мой счет номер… — и быстро проговорила ряд цифр и букв.

Коробочка засияла зеленым светом, подтверждая.

— Сколько вы хотели бы снять?

— Тридцать пять золотых драконов.

— Вам придется немного подождать. Мы проверим счет и, если все в порядке, а мы уверены, что все в порядке, отсчитаем требуемую сумму.

Он снова вышел за дверь внутрь банка, а через пару минут после этого через входные двери ворвался десяток крепких парней в одинаковой униформе с баронским гербом на плащах и камзолах. Очень быстро они встали полукругом между мной и девушкой, направив в мою сторону обнаженные шпаги. Командовал ими высокий, поджарый черноусый офицер лет пятидесяти. Увидев его, Верния радостно взвизгнула и бросилась ему на шею:

— Сэр Серджо! Как я рада! А папа где?! Тоже здесь? А как вы меня нашли?

Офицер улыбнулся, аккуратно поставил девушку на пол и ответил… во всяком случае, на часть вопросов:

— Я тоже рад, даже счастлив, видеть тебя леди в полном здравии. Его светлость не здесь. Мы нашли тебя по следам, поняли, что ты направляешься в Вармок, и пытались догнать, но где-то разминулись. Мы предупредили всех хозяев гостиниц и постоялых дворов, чтобы, как только увидят тебя, известили нас. Слава Создателю, служащих банка тоже догадались предупредить. А теперь скажи, — Серджо посерьезнел и перешел на шепот, — что это за тип, похожий на дикаря? Он тебя обижал? Шантажировал? Он тебе угрожал? Он что-нибудь тебе сделал?

Пока они шептались, я на всякий случай просчитывал план силового ухода. Десяток гвардейцев барона — серьезная сила. Но шансы выбраться у меня вполне реальные. Тут, правда, у входа замаячил полудесяток городской стражи и изнутри добавился пяток охранников банка. Шансы уйти без потерь существенно снизились, но все еще оставались высокими. Я решил, если почувствую малейшую угрозу, уйду в холод и атакую первым. У капитана за поясом торчали рукоятки двух кремневых пистолетов с пружинными замками. Точность, конечно, мизерная, но можно захватить девчонку и, прикрываясь ею, прорываться на выход. Стрелять в таких условиях он явно не рискнет, а про благородство в таком деле надо основательно забыть. На войне, как на войне.

— Это Дит. Он нашел меня в лесу, и я наняла его, чтобы проводил до города.

— Ну что ж, — в полный голос сказал капитан, — тогда я ему заплачу из тех средств, что выделил барон. Сколько ты ему должна?

— Двадцать пять драконов.

— Ско-о-о-олько?! — совсем как Верния в лесу, переспросил Серджо.

— Двадцать пять.

— Да он нахал! Воспользовался твоим бедственным положением и нагло обобрал. Больше трех драконов за три дня это не может стоить. Даже самые лучшие телохранители не берут больше. Я сейчас с ним поговорю. Не беспокойся.

— Но я дала слово! — воскликнула девушка.

— Слово, данное мошеннику, считается недействительным.

— Эй! — угрюмо прорычал я. — Еще одно оскорбления и я вызову тебя на дуэль, сэ-эр!

Капитан, раздвинув гвардейцев, подошел ко мне и, глядя прямо в глаза, жестко спросил:

— А как еще это назвать? Ты, пользуясь безвыходным положением девушки, требуешь от нее непомерную сумму…

— Я еще дешево у нее запросил, — оскалился я в ответ.

— Дешево? А сколько было бы в самый раз? — насмешливо спросил у меня Серджо. Его бойцы тоже усмехнулись, удивленные моей наглостью.

— В самый раз было бы двадцать ящериц в день. Восемь мне и двенадцать в казну клана.

Капитан стал что-то понимать. Приподняв брови, он внимательно посмотрел на меня и медленно спросил:

— Какой клан ты имеешь в виду?

— Клан барсов.

Услышав эти слова, охранники банка попятились на максимальное от меня расстояние, городские стражники перестали проявлять энтузиазм и лезть в первые ряды. Гвардейцы барона побледнели, но не отступили. Глаза Серджо сузились и стали похожи на два стальных лезвия, вонзающихся в мой лоб.

— Что-то ты не похож на барса.

Я поднял левую руку к плечу и на раскрытой ладони проявил голову моей киски.

— Снежный барс, — как один человек выдохнули присутствующие.

Капитан склонил голову в поклоне и твердо сказал:

— Прошу простить за недоверие. Надеюсь, ты понимаешь, что некоторые, скажем так, особенности твоей внешности…

— Я понимаю и прошу не продолжать. Твои извинения приняты. Надеюсь сомнений, что я запросил гораздо меньше стандартной платы новичка нашего клана, больше нет?

— Ни малейших. Отряд, — скомандовал Серджо, — шпаги в ножны. Всем выйти и ждать нас на улице.

Гвардейцы убрали оружие, слаженно развернулись и вышли

из банка. Местные охранники ушли так, что никто этого не заметил. Будто испарились, прихватив за компанию городских стражников.

— Дит, — подала голос Верния. — Я тебя очень прошу. Продай мне котенка. Ну зачем он тебе нужен? Продай. Он мне так понравился.

Собственно мне путешествовать с животным было не с руки. Он же подрастет и кормить его станет проблемой. Ему же кашка или пироги без надобности. Подавай мясо каждый день и в немалых количествах. Да и вообще… пока не устроился, с ним будет трудно.

— Хорошо. Забирай. За восемьсот ящерок.

— Ско-о-о-олько?! — хором воскликнули Верния и капитан.

Кажется, у меня входит в привычку постоянно выслушивать этот вопрос.

— Ния. Ну что тебе в этом котенке? Пойдем я тебе за одного серебряного воробья куплю на рынке десяток породистых котят.

Серджо, судя по всему, человек понимающий, поэтому, чтобы избежать лишней болтовни, я пояснил:

— Это котенок кугара. Я нашел его в том же лесу. К тому времени его мать уже умерла от ран вместе с остальным пометом.

Капитан стремительно развернулся и потребовал от клерка:

— Мне нужно восемьсот двадцать пять драконов. Быстро!

Служащий шустро достал коробочку для идентификации личности и льстиво затараторил:

— Превосходная покупка, господин капитан. Превосходная! Мои поздравления…

— Шевелись давай! — прикрикнул на него капитан.

— Сей момент все будет сделано. А молодой человек желает получить наличными всю сумму или положить на свой счет?

— Восемьсот на счет, остальные наличными.

— У тебя есть счет в нашем банке? Нет? Сей момент. Все будет сделано в максимально краткие сроки, — с этими словами клерк исчез.

Верния, с огромным удивлением понаблюдав за происходящим, тихонько подошла и шепотом спросила:

— Сэр Серджо. А почему ты не торгуешься? Это же очень дорого.

Не подозревая, что я все хорошо слышу, капитан ответил также шепотом:

— Тише. Котенок кугара может стоить от тысячи до двух драконов. Твой отец давно мечтает о таком защитнике для тебя. Но купить котят очень трудно. Они большая редкость. Ты, видимо, понравилась этому барсу, и он его тебе фактически

дарит.

Верния посмотрела на меня с благодарностью, потом подошла, поклонилась — гораздо ниже, чем в лесу — и сказала:

— Благодарю тебя, Дит, за все, что ты для меня сделал. Когда будешь в наших землях, заезжай в гости. Я буду рада тебя видеть. Я уверена, что и мои родные тоже.

Я молча поклонился в ответ.

Подошел и капитан. Поблагодарив за помощь юной леди, посетовал, что его сюзерен хотел бы нанять десяток барсов для своей службы охраны, но столько свободных воинов нет. Однако он готов переговорить с бароном, чтобы нанять хотя бы меня одного, к тому же, не просто барса, а снежного, но решение придется отложить до возвращения из поездки. То есть на три-четыре месяца. Если к тому времени я еще не буду занят, то, добро пожаловать в гвардию барона Шамта.

Вскоре появился клерк и сообщил, что на мое имя открыт счет. Его номер записан на бумаге в запечатанном конверте. Рекомендовал открыть конверт только будучи в полном одиночестве и номер счета не говорить никому. Затем попросил положить руку на знакомую коробочку. После появления зеленого сигнала торжественно возвестил, что слепок моей ауры принят артефактом банка и в течение месяца станет известен всем филиалам. В том числе и в других королевствах. На сегодняшний день я имею восемьсот драконов. Все операции во всех филиалах данного банка… «Ах, простите, я думал это всем известно. Наш банк называется Астросбанк». Так вот все операции во всех филиалах бесплатны. В других банках будут брать процент за услуги.

На выходе из банка я помахал рукой Вернии, пожал руку капитану и мы расстались, если не друзьями, то, во всяком случае, по доброму.

Глава 3

Не скрою, был соблазн заломить цену. Котенок юной покупательнице понравился, и можно было хорошенько поторговаться. Однако я подумал, что, во-первых, вряд ли барон выделил своему капитану больше тысячи ящерок, и тот наверняка не сможет позволить себе потратить все до косточки. Мало ли какие расходы предстоят, а возвращение Вернии в лоно семьи — задача поважнее покупки котов. Во-вторых, как учил нас наставник, иногда следует поумерить жадность и потерять немного денег, приобретая взамен дружеское расположение. Кто знает, что и когда может в жизни пригодиться.

Кошелек с золотом я засунул поглубже в сумку и огляделся в поисках нашего проводника. Мальчишка терпеливо ждал на противоположной от здания банка стороне, широко раскрыв глаза и навострив уши. Представление, устроенное стражниками и гвардейцами барона, не прошло мимо его внимания. Будет что рассказать друзьям. Наше дружеское прощание позволило ему сделать вывод, что заработок по причине ареста или недееспособности клиента от него не уплыл. Он подбежал ко мне и вновь приступил к обязанностям проводника. Вскоре мы с ним вышли к довольно приличной гостинице. Указав на нее рукой, он пояснил, что у дядюшки Сэмния комнаты для постояльцев всегда чистые и готовят на кухне хорошо. Есть гостиница и получше, но там дороже раза в три. Останавливаются там, в основном, богатые торговцы, да графы с баронами, когда заезжают в этот городок.

Внешний вид приюта путешественников мне понравился, и я без колебаний кинул парню две косточки, добавив одну за расторопность. Страшно довольный проводник мгновенно исчез, не забыв сказать, что найти его можно у ворот, и он всегда рад услужить щедрому господину.

Порадовало меня то, что в отличие от большинства постоялых дворов и трактиров, вход в номера был сделан отдельно от обеденного зала. То есть не надо было каждый раз проходить сквозь строй нетрезвых посетителей с риском нарваться на скандал. А то, что желающих прицепиться к моей внешности для оттачивания собственного сомнительного остроумия найдется немало, я знал абсолютно точно. Даже в Орбусе поначалу такие находились. Никак не могли поверить, что такая фигура, как я может иметь прямое отношение к клану барсов. Пришлось некоторое время мягко указывать на ошибку с помощью небольшого членовредительства. Но там были соседи, к

которым после этого я не раз и не два приезжал, как в компании, так и один. Там был смысл в подобной воспитательной работе. Здесь же я задерживаться не собирался, а как отнесется стража к подобным методам работы с местным населением, я просто не знал.

Быстро договорившись с любезной девушкой о проживании и выплатив четверть суммы вперед, я получил ключ и поднялся в свой номер на третьем этаже. Не самый лучший, но и не самый дешевый. Интерьер мне понравился. Напротив входа окно с веселенькими занавесочками, стол, покрытый чистой скатертью, с кувшином воды и двумя глиняными стаканами на нем. Два стула рядом. Слева от входа платяной шкаф. Справа — широкая, на вид крепкая, кровать, сделанная явно с расчетом на супружескую пару или сон с «ночной грелкой» под боком. Замок мне не показался примитивным, поэтому я спокойно оставил лишние вещи в шкафу, тем не менее, на всякий случай, нашептав заклинание предупреждения. Это заклинание знали, пожалуй, все, кому не лень было его выучить. Не надо быть магом, чтобы его использовать, но вот сделать так, чтобы оно не сработало и не предупредило о том, что кто-то зарится на заклятую вещь, сумел бы только маг.

Дежурная по этажу, дав мне время разместиться, деликатно постучала в дверь, дождавшись моего разрешения, зашла в номер и предложила ознакомить меня с ассортиментом услуг, предоставляемых гостиницей.

Умывальня и туалет находились в двух помещениях в конце коридора. Холодная вода в умывальне была всегда. Помыться, побриться, почистить зубы можно было бесплатно. Для этого в помещении стоял кувшин с мыльным раствором и коробка с новыми полосками коры тукового дерева для зубов. Ванну надо было заказывать за отдельную плату и стоило это удовольствие полворобья. Ее готовили в той же умывальне, наполняя горячей водой большую дубовую лохань. В плату входила новенькая мочалка, флакон жидкого мыла и чистое полотенце. Имея при себе и на счету в банке солидную сумму, я мог позволить себе это удовольствие. Конечно, в лесу я обязательно утром и вечером мылся в ручьях и озерцах, но это, разумеется, не могло сравниться с горячей ванной.

Через час, выжав из потраченных денег максимум удовольствия, я чистый до скрипа и выбритый до синевы, спустился в обеденный зал. Поскольку гостиница была беднякам не по карману, зал не разделялся на «чистую» и «грязную» половины. Я нашел свободное место за столиком на четверых в самом дальнем от входа углу рядом с кухней. Два места на

скамьях напротив друг друга занимали двое по виду торговцев, которые усиленно работали челюстями, при этом успевая живо обсуждать подробности какой-то сделки. Они были так увлечены, что не обратили на меня никакого внимания и только кивнули головами на мой вопрос: могу ли я к ним присоединиться?

Я с удобствами развалился на скамье, опираясь спиной о стену, и, дожидаясь выполнения своего заказа, оглядел помещение. Зал был полон ужинающими людьми. Здесь были небогатые дворяне, торговцы средней руки, зажиточные ремесленники и мастера. Две официантки сбивались с ног, разнося полные подносы с горячим, напитками и зеленью. Несмотря на то, что людей было много, в зале не было слышно пьяных криков, воплей и шума разудалого веселья. Стоял ровный гул, похожий на завывание ветра в кронах деревьев. В целом, я признал обстановку достаточно уютной и немного расслабился.

Кухня здесь была действительно хороша. Я сметелил огромный кусок жареного мяса с овощами, запивая хорошим — но, увы, не барским и даже не орбусским — пивом. Насытившись, попросил официантку принести пяток пирожков, кувшин пива и вяленой рыбки на закуску. Заодно передать мой поклон и уважение повару. Девушка-разносчица улыбнулась и обещала все выполнить в точности.

— Господа позволят к ним присоединиться?

Перед нашим столом стоял дворянин примерно моего роста и возраста. Худощавый, даже излишне, но это скорее от недоедания, чем по природному строению тела, гибкий и подвижный. Лицо узкое, немного хищное, глаза карие, в них иногда мелькала бесшабашная удаль, нос с горбинкой немного, совсем чуть-чуть, длинноватый. Незнакомец носил черные усы стрелочкой и длинные, слегка вьющиеся, волосы до плеч. Одет он был в узкие штаны, заправленные в потрепанные сапоги, свободную рубашку со шнуровкой и потертый колет. На поясе слева висела длинная шпага, справа тонкий кинжал. Скорее стилет. Взгляд его в данный момент отрешенно изучал стенку поверх наших голов, однако наш совместный машинальный кивок он каким-то образом разглядел и присел на свободное место.

Подошла разносчица и не очень любезно предложила сделать заказ. Видимо личность этого парня была здесь хорошо известна. Однако, как я понял впоследствии, крайняя холодность разносчицы была вызвана не личными качествами парня, а исключительно состоянием его финансов. Весьма плачевным, следует признать.

Незнакомец со вздохом выложил на стол медную косточку и с ожиданием посмотрел на девушку. Та поморщилась, забрала

монетку и ушла на кухню. Вскоре она вернулась и поставила перед парнем кружку пива и тарелочку с одиноким пирожком на ней.

Глядя с какой осторожностью он ест этот продукт, стараясь не уронить ни единой крошки, я понял, что это его сегодняшний завтрак, обед и заодно ужин.

Чем-то мне этот парень понравился. Я чувствовал, что он горд, немного мечтателен, немного плутоват, но не мошенник. Главное — честь для него не пустой звук и на предательство он не способен.

Настроение у меня сегодня было праздничным, хотелось как-то отметить удачную сделку. Таких денег в полном моем распоряжении у меня никогда не было, и я чувствовал себя богачом. Однако одному праздновать несколько скучновато, поэтому я решил с кем-нибудь познакомиться, и этот сидящий напротив дворянин показался вполне подходящей кандидатурой. Кроме прочего, я все-таки не очень хорошо ориентировался во внешнем мире — редкие поездки в Орбус не в счет — а этот дворянин может на первых порах оказаться неплохим советчиком.

— Позволь представиться, — первым завел я разговор.

Незнакомец перевел взгляд со стенки на меня, побледнел и отшатнулся. Похоже, он настолько занят был своими проблемами, что только сейчас разглядел, с кем сидит за одним столом. Однако морщиться и кривиться не стал. Поняв, что мог своим движением ни за что ни про что оскорбить меня, немного покраснел и извинился:

— Прошу простить меня, здесь несколько темновато… — смущенно забормотал он, не зная, что придумать в свое оправдание.

— Да. Действительно темновато, — поддержал я его и начал сначала:

— Позволь представиться, — я встал из-за стола, и склонил голову в поклоне. — Сэр… Дит.

Незнакомец точно также вместе со мной привстал из-за стола и склонил голову в поклоне, представляясь:

— Сэр Ромис.

Мы снова сели на свои места, и я продолжил знакомство, предложив разделить со мной ужин. Ромис энергично отказывался, уверяя, что уже объелся и ни кусочка проглотить не в силах.

— Очень жаль, сэр Ромис, — тяжело вздохнул я и сокрушенно покачал головой. — Очень жаль. Я был слишком голоден и от жадности заказал больше, чем могу съесть. Придется выбросить эти чУдные пирожки собакам. А я, понимаете ли, всегда плохо

себя чувствую, когда приходится выбрасывать… ну очень вкусные пирожки… Ах, какой аромат! Вы только понюхайте, — я протянул ему под нос тарелку с пирожками и скорбно проговорил: — Чувствуете?! Вот! А я больше не в состоянии. Ни крошки. Так жалко. Вы даже представить себе не можете…

Ромис судорожно проглотил слюну, откашлялся и хрипло сказал, не отрывая взгляда от тарелки:

— Исключительно, чтобы тебе не было плохо, дабы не загубить старания повара я, пожалуй, смогу съесть пирожок. Один. Или два… Но не больше, — поспешно закончил он.

— Эй, красавица, — окликнул я разносчицу, — два пива мне и сэру Ромису.

Девушка исчезла, чтобы мгновенно проявиться с двумя большими кружками, белеющими шапками пушистой пены.

Ромис было запротестовал, но я быстро пресек его возражения:

— Думаю, если смочить горло, можно будет больше пирожков спасти от собак, — на что мой сотрапезник, недолго подумав, ответил согласием.

Дальше у нас с ним завязался непринужденный разговор, из которого я узнал нехитрую историю парня. Ромис — младший сын небогатого дворянина, полновластного владетеля одной единственной деревеньки дворов в двадцать, главы большого семейства из шести дочерей и трех сыновей. Двух старших девушек удалось удачно выдать замуж за сыновей соседей, но еще четыре отчаянно нуждались в приданом и родители моего нового знакомого из сил выбивались, стараясь сэкономить каждый медяк. Средний брат уже где-то служил и за его будущее можно не переживать. Старший — готовился принять наследство, но тоже, не теряя времени, устроился в гвардию какого-то графа. Братья искренне любили сестер и старались при любой возможности передать хоть немного денег на приданое. Недавно Ромису исполнилось девятнадцать. Он стал совершеннолетним, и отец благословил его в путь на поиски удачи. Кроме благословения, двух «воробьев», шпаги и умения ею владеть больше ничего подарить сыну он не мог. Мать и сестры, как водится, всплакнули, обцеловали будущего героя и богача, собрали немного еды на дорогу и долго махали платочками, провожая.

Насколько мне было известно, очень типичная история. А из кого бы иначе формировать гвардию «сильных мира сего» и армейские отряды легкой кавалерии? Правда, чтобы вступить в кавалерию надо еще и лошадь иметь. Для гвардии тоже неплохо бы, но там нужда в ней определяется подразделением, в какое

попадешь. Элитные отряды барсов, как правило, в лошадях не нуждались, разве что для доставки в отдаленную местность, но тогда об этих средствах доставки, основных, заводных и вьючных заботился сам наниматель.

Ромис пришел в Вармок и уже две недели жил, надеясь наняться в какой-нибудь торговый караван охранником, чтобы добраться до столицы и попытаться предложить свои услуги, ни много ни мало, самому королю в качестве храброго гвардейца. Ну, а если это не удастся, в столице обитает множество других владетельных господ, которым можно с выгодой «продать свою шпагу». Деньги, к сожалению, имеют неприятное свойство стремительно покидать кошелек и отнюдь не спешат в него вернуться. Ужинает он здесь, а не в таверне попроще, где за ту же «косточку» дадут не маленький пирожок, а большую тарелку овощей с кусочком мяса, исключительно из-за этого стремления найти здесь попутный караван и переговорить с его хозяином. В кабаках попроще такие люди просто не появляются.

Вскоре мы с Ромисом уже были накоротке, опуская в разговоре вежливое «сэр». Узнав, что мой новый друг в последние дни ночует, где придется, я предложил снять ему номер, на что он гордо ответил отказом, заявив, что и так многим мне обязан, а в должниках ходить не привык. Тогда я предложил ему подняться ко мне и продолжить, так как одному скучно, а охота повеселиться еще не пропала. Парень согласился. Я заказал вина, фруктов и кое-какую закуску в номер. Поднимаясь наверх, предложил ему, пока сервируют стол, принять ванну и постирать одежду. Искушение было слишком велико и, помявшись, Ромис не отказался, заверив, что как только у него появятся деньги, непременно отплатит за все. Потом все же нахмурился и, глядя в сторону, неохотно сказал, что весьма вероятно, долг вернуть не сможет, на что я легкомысленно махнул рукой, проговорив: «Все в руках Создателя», — и пообещал, что как-нибудь непременно сочтемся. Потом выдал ему свои запасные штаны и рубаху, чтобы не сидеть завернутым в простыню.

Чисто вымытый и умиротворенный, Ромис, тем не менее, производил довольно комичное впечатление. Рост у нас с ним был почти одинаков, но вот ширина плеч, талия и ляжки… Короче, в моем одеянии он выглядел сиротинушкой в одежде с чужого плеча. Рубашка старательно сползала, обнажая правое плечо. Штаны, подвязанные поясом, собрались у талии волнами разной величины, зато ниже выглядели, как форменные шаровары воина Янчарского ханства.

Пьянствовали мы недолго. Ромис сказал, что к завтрашнему дню ему необходимо набраться сил и собрался уходить. На мое

предложение остаться и переночевать у меня он подозрительно посмотрел на меня, на единственную кровать, снова на меня, опять на кровать и бочком-бочком стал перемещаться к дверям, бормоча, что не хочет никого стеснять, и вообще, дома привык спать на сеновале, так что, вполне хорошо устроится в конюшне… Сначала я не понял, в чем дело, но потом, вспомнив его взгляды на меня и на кровать, догадался о ходе его мыслей, расхохотался, уверил, что к любителям мальчиков никоим образом не отношусь и предложил, если уж он так меня опасается, лечь на коврике у двери со своей шпагой в обнимку.

Приятель покраснел, путано стал извиняться, приговаривая, что ничего такого не думал, просто привык как-то на свежем воздухе, но, впрочем, не желая терять это славное ощущение чисто вымытого тела, готов разделить со мной кровать, если хозяина номера это никоим образом не стеснит. Я уверил, что не стеснит, и первым лег спать у стенки, завернувшись в одно из одеял. Ромис некоторое время постоял на пороге, потом, решившись, осторожно лег рядом и также завернулся в одеяло.

Утром я встал раньше него, выскочив во двор, провел часовую тренировку, после чего хорошенько вымылся и заказал завтрак на двоих в обеденном зале. Наша одежда — свою я тоже вчера отдал в стирку — высушенная и выглаженная с помощью магического амулета, уже дожидалась нас в номере, аккуратно разложенная на стульях. Ромис к тому времени уже встал и убежал мыться.

Через некоторое время мы расположились в обеденном зале за накрытым столом и отдали должное местной кухне. Однако вкусная еда, похоже, не подняла Ромису настроения. Он все больше и больше мрачнел.

— Если не секрет, что тебя мучает, Ромис? — задал я ему, наконец, прямой вопрос.

Он не хотел говорить, но, в конце концов, признался, что на десять часов дня, то есть уже примерно через час, у него назначена дуэль. Из моих дальнейших настойчивых вопросов выяснилось, что накануне он повздорил с Леокартом, сыном местного барона Тафки. В узком переулке тот с двумя дружками шел в ряд перегородив дорогу. На вежливую просьбу дать пройти они расхохотались и предложили, как простолюдину обойти их по сточной канаве. На что бедный, но гордый дворянин ответил отказом. Слово за слово и Леокарт, объявив себя оскорбленным, вызвал парня на дуэль.

— Ты сомневаешься в своих силах? Считаешь, что не справишься? — спросил я у него.

— Мой отец служил в гвардии герцога Лорика и обучил меня всему, что знал и умел сам, — вспыхнул Ромис. — Если бы дуэль

была «один на один», я бы надрал задницу этому мальчишке! Но он потребовал поединок «все на всех», — он стукнул кулаком по столу. — Подонок! Знает, что у меня нет знакомых в этом городе. Мне придется драться сразу с тремя. С ним и его дружками. Как еще десяток гвардейцев своего папеньки не подписал в секунданты?!

Надо сказать, что дуэльный кодекс мы в поселке изучали, но на практике участвовать или видеть настоящую дуэль вживую мне не доводилось. Условия ставил оскорбленный, объявляя их заранее: «один на один» или «все на всех»; «на смерть» или «на кровь». Правилами запрещалось использование любых метательных устройств: луков, арбалетов, огнестрельного оружия.

Бой «один на один» предполагал, что драться будут только обидчик и оскорбленный. Секунданты здесь были формальностью, поскольку за соблюдением договоренностей надзирал арбитр из магистратуры. «Все на всех» — это бой между дуэлянтами и их секундантами. Количество секундантов с каждой стороны могло быть не более десяти.

Выбрав условие «на смерть», дуэлянты имели право поубивать друг друга, в том числе и дорезать раненого. Впрочем, также имели право пощадить противника. Если оговаривалось условие «на кровь», арбитр вправе был остановить схватку при появлении у одного из соперников хотя бы небольшой царапинки. Случайно убить, конечно, могли, но зарезать сдавшегося уже нет. Разумеется, в бою «все на всех» за царапинами не уследишь, поэтому он всегда был «до смерти».

Ну и конечно же по правилам все имущество, которое оказывается на побежденном, достается победителю в качестве трофея. Поэтому, выходя в круг, осторожные отдавали деньги и ценности на сохранение друзьям, родственникам, или оставляли дома. Довольно часто дело ограничивалось выкупом и реально оружие и одежду отдавать не приходилось, однако победитель мог заставить побежденного бежать за выкупом голым, если хотел побольнее уязвить того.

Ромис не знал никого, кто бы согласился стать его секундантом и сражаться на его стороне, поэтому вынужден был выступить один против троих. По его словам, даже против двоих он имел неплохие шансы выстоять и победить, но не против троих сразу.

— В таком случае, не согласишься ли, чтобы я был твоим секундантом?

Ромис удивленно посмотрел на меня и спросил:

— Прости, но зачем тебе это надо?

— Во-первых, хочу посмотреть, что это такое — дуэль.

Никогда не приходилось видеть. Во-вторых, я тоже ищу службу, а в компании, если я тебе еще не надоел, это делать веселее. Ну и… не люблю хамов. Этого достаточно?

Ромис обрадовался, буквально на глазах стал оживать, заверил, что мои резоны ему очень даже понятны, и я никоим образом ему не надоел… Как раз подошло время идти на площадку для дуэлей, мы встали из-за стола, я полностью расплатился по счету, но обещал хозяину непременно вернуться. Он внял и усиленно закивал головой, скалясь мне, как родному. Когда мы выходили, я заметил смутно знакомого человека, выскочившего за дверь сразу вслед за нами и куда-то торопливо убежавшего, но решил отложить загадки на потом.

Мы подошли за пять минут до назначенного срока. Одновременно с нами появилась компания наших противников, возглавляемая роскошно одетым и при дорогом оружии парнем лет восемнадцати. Был он немного повыше меня, плотного телосложения, мускулистый, русоволосый и кареглазый. На породистом лице, будто приклеенная, ухмылка превосходства и высокомерного презрения.

Два его прихлебателя в тени своего вожака выглядели настолько блекло, что казались просто тенями.

Завидев нас, Леокарт радостно заухмылялся еще шире и раскинул руки якобы для объятий.

— Ба-а-а-а! Наш малыш Ромис соизволил прийти! Я уж думал, что ты лишишь нас удовольствия и просто не явишься на поединок.

Насколько я помнил кодекс, в этом случае неявившемуся независимо от причин присуждалось поражение, а если впоследствии ему не удавалось убедительно доказать, что он не мог прийти из-за непреодолимых обстоятельств, то его лишали дворянского достоинства. На такой позор решались очень немногие, когда жизнь в любом ее виде представлялась милее и важнее чести и достоинства. Поэтому опаздывать на дуэль было крайне нежелательно. Ждать до бесконечности никто не будет, а по истечении десяти минут после оговоренного начала поединка, арбитр уже имеет право принимать решение.

— Не дождешься, Леокарт, — угрюмо ответил Ромис и предложил: — Может, начнем?

— А что это за обезьяну ты с собой привел? — вякнул один из дружков Леокарта. — Будет нас развлекать? — троица с удовольствием заржала над этой немудреной шуткой.

Я молча посмотрел на умника и решил, что умрет он вторым. Не раньше. Сначала поймет и прочувствует неизбежность ухода на звездную тропу душ. Что-то, наверное, в моем взгляде было

такое, что умник поежился и спрятался за спину вожака.

Мы прошли на площадку утоптанной земли, посыпанной песком, имеющую форму круга и огороженную невысоким забором. Арбитр предпринял последнюю попытку нас примирить, предложив отменить дуэль по обоюдному согласию или одной из сторон принести свои извинения. Из сочувствия к Ромису он шепнул ему, что эта троица — известные городу бретеры и отменные фехтовальщики. Рекомендовал быть осторожными, а лучше и вовсе принести свои извинения.

Ромис поблагодарил арбитра и неуверенно посмотрел на меня. Однако не за тем, чтобы последовать совету доброго человека.

— Прости, Дит. Я даже не спросил, как ты оружием владеешь, так обрадовался, что у меня появился шанс. Может, откажешься пока не поздно?

Я подумал и честно ответил:

— Оружием владею средне, — что это в понимании барсов, пояснять Ромису не стал, — а вот отказываться теперь не буду ни в коем случае, поскольку меня только что оскорбили. Если в родном поселке я могу еще простить своим, то здесь делать этого не буду ни в коем случае.

Выяснив у обеих сторон, что примирение невозможно, арбитр вышел за пределы круга и подал сигнал к бою.

Вокруг площадки толпился народ, но не сказать, чтобы полгорода сбежалось полюбоваться на зрелище. Дуэли здесь не редкость, поэтому приходили в основном самые азартные — сделать ставки и попытаться выиграть немного деньжат.

Вошли мы одновременно через противоположные калитки. Оказавшись внутри, Леокарт скомандовал своим дружкам:

— Вы вдвоем по-быстрому разбираетесь с этим… а потом стоите и не вмешиваетесь. Разве что, в крайнем случае, но, думаю, до этого не дойдет.

Мы с Ромисом разошлись в разные стороны, чтобы не мешать друг другу. Нас вполне устраивал расклад, предложенный Леокартом. Сам он, выхватив богато изукрашенную шпагу и под стать ей дагу, осторожно стал сближаться с моим другом, в то время как ко мне двинулись, обнажив только шпаги, двое его дружков. Я вызвал легкий транс — состояние граничное с переходом в холод в готовности немедленно в него войти. Наставники предостерегали от недооценки противника и учили всегда сражаться против любого так, будто перед тобой воин более искусный, чем ты. Однако и новые приемы боя я должен буду продемонстрировать старшинам через пять лет для получения усов на мордашку моей киски, поэтому сознательно

пренебрег этим золотым правилом. Хотелось увидеть, на что способны эти парни. Вдруг да смогут меня чему-нибудь научить.

Противники не оправдали моих надежд. Через две минуты мне были уже известны их наиболее отработанные атакующие и защитные комплексы. Не отработанные тоже. К сожалению, ничего интересного перенять было невозможно. Я перестал сдерживаться и на контрударе пронзил шпагой горло одного из них. Как и обещал, умника, любителя пошутить над чужой внешностью, оставил напоследок. После гибели партнера в глазах у него появилось загнанное выражение, и на лбу крупными каплями выступил пот. От усталости, наверное. Пренебрежительных ухмылок шакалы лишились гораздо раньше, когда и третья их совместная пАрная атака провалилась. Когда я увидел в его глазах, что он, наконец, понял неизбежность собственной гибели, только тогда я длинным выпадом, как и его дружку, нанес укол в горло, пробив его насквозь вместе с шейными позвонками. Выпустив из руки шпагу, умник захрипел, рухнул на колени и, постояв немного в такой позе, опрокинулся навзничь. Я протер лезвие шпаги своим платком и бросил его на труп. Платка мне было не жалко. Его мне не вышивала и не дарила любимая девушка на прощание, а на трофеи от двух бывших дворян, как я уже примерно прикинул от нечего делать, можно будет купить повозку таких платков. Не потому, что добыча велика. Просто платки дешевы.

Ромис с Леокартом все еще продолжали свои танцы. Каждый уже имел по царапине — мой друг на боку, а его обидчик на лице. Они кровоточили, но не сильно. Крупные сосуды не были задеты. Ромис был явно лучше. В один из моментов, когда оба противника отскочили друг от друга для краткой передышки, я глазами спросил Ромиса: надо ли мне вмешаться? Оценив, что я спокойно стою, а мои враги лежат, он одобрительно улыбнулся, но подал знак оставаться на месте.

На площадь ворвался отряд всадников. Они раздвинули толпу, скакавший первым вельможа с баронской цепью поверх богатого камзола быстро спрыгнул, открыл калитку и встал в проеме. Не входя в круг, он мрачно и молча наблюдал за схваткой Ромиса с Леокартом, бросив всего один равнодушный взгляд на мертвые тела его дружков.

К этому моменту преимущество моего друга стало очевидно. Он теснил своего противника, который едва успевал защищаться, даже не думая нападать. Следующая атака Ромиса увенчалась успехом, проведя два ложных укола и отбив своей дагой шпагу Леокарта, он молниеносно атаковал и вонзил клинок в плечо Леокарта. В следующее мгновение кончик шпаги уперся в горло

забияки. Тот выронил оружие, левой рукой зажал рану на плече и, тяжело дыша, затравлено посмотрел на Ромиса.

Друг не спешил доводить дело до конца. Так они и стояли несколько секунд. Мрачный барон словно очнулся и крикнул:

— Сэр! Прошу тебя! Оставь ему жизнь!

— Сдаешься? — спросил Ромис, казалось, не обратив внимания на просьбу барона.

Леокарт сглотнул и прохрипел:

— Да.

Ромис посмотрел на арбитра, но тот отрицательно помотал головой:

— Если побежденный в силах, он должен, как положено, заявить о сдаче.

Друг слегка надавил, и из-под кончика его шпаги на горле Леокарта появилась капля крови.

— Я сдаюсь на милость победителя, — поспешно сказал тот положенные слова.

— Я оставляю тебе жизнь, — ответил Ромис ритуальной фразой, вложил шпагу в ножны и заявил свое условие, — положенные мне по праву победителя трофеи хочу получить здесь и сейчас.

Леокарт побледнел от унижения, отцепил от пояса кошель и бросил на землю, освободил пальцы от перстней и снял кулон с крупным изумрудом на прочной золотой цепочке. Если перстни он даже немного равнодушно бросил на землю, то с кулоном явно не хотел расставаться. Его руки дрожали, когда он аккуратно и благоговейно положил его поверх кошелька. Настала очередь оружия. Леокарт начал расстегивать пояс, когда снова вмешался барон и предложил Ромису:

— Сэр. Я, барон Тафка, хочу предложить тебе за все имущество этого… — он кивнул в сторону сына, — недостойного мальчишки… семьдесят драконов.

Я не торговец, но по моим прикидкам, если продавать, то можно выручить ящерок сорок за все про все. Значит, оружие — вероятно, фамильное — и кулон, имеют для барона особую ценность, раз он предлагает заплатить почти вдвое больше.

Ромис согласился и барон тут же отсчитал ему всю сумму. Кроме того в кошельке, доставшемся победителю, также оказалось четырнадцать ящерок, три воробья и около семнадцати косточек.

Мой улов был пожиже. Всего пять ящерок. Около двух в сумме было в кошельках дружков Леокарта, и еще три мне предложил барахольщик, тут как тут нарисовавшийся возле нас, стоило только закончиться схватке. Сначала-то он предлагал одну

ящерку, но после небольшого торга я убедил его, в том числе и с помощью моей фирменной улыбки, что смогу продать все за пять, и, так и быть, отдам такому уважаемому человеку за четыре. В результате сошлись на трех. Похороны павших — за счет торговца.

Довольный сделкой я увидел, как барон с сыном шепотом о чем-то яростно спорят. Войдя снова в транс и «навострив уши», стал молчаливым и незаметным участником разговора.

— …Покарать голытьбу. Отец, ты не можешь оставить все как есть! Пострадает наша честь, — бледный, как моль, но горячий, как кипяток, распинался Леокарт.

— Честь наша уже пострадала, когда ты собрался драться с этим Ромисом не один на один, а вместе с дружками, — столь же яростно шипел на него барон. — Ты не понимаешь своей тупой башкой, что независимо от исхода поединка каждый ничтожный смерд тыкал бы в нас пальцем: «Они боятся выйти один на один против нищего дворянчика и зовут на помощь не меньше двух друзей»?! Не понимаешь?!

— Но они и не должны были вмешиваться!

— А кто об этом знает? А?! Ты понимаешь, что я едва успел?! Стражник прибежал весь в мыле предупредить, что мой сын выходит в круг против барса…

— Ко-о-о-ого?! — ахнул Леокарт. — Этот дворянчик — барс?!

— Нет. Не он. Дружок его.

— Эта о… — барон заткнул сыну рот и зашипел целым клубком гадюк:

— Тиш-ш-ше! Если он услышит и вызовет тебя на поединок, я ничего не смогу сделать.

— Отец! Да пусть он хоть помесь тигра со львом! Ты же здесь владыка. Одно твое слово и…

— Да. Одно мое слово и… — мрачно и устало сказал барон, — набегут королевские дознаватели, всех подряд посадят под обруч правды и докопаются до истины. Ты, в лучшем случае, лишишься дворянства и станешь беднее последнего нищего, а мне так легко не отделаться.

— Но почему так? Подумаешь, барс?

— Их клан очень сплочен и всегда лоялен королю. Все случаи гибели своих они тщательно расследуют и горе тому, кто убил не в бою или защищаясь. А король их всегда поддерживает. Вот если бы этот барс на кого-нибудь ни с того ни с сего напал… Но эти воины как раз славятся в числе прочего своей выдержкой. Видишь теперь, что просто так и владетельный господин не может убить неугодного?

Барон снова вскипел:

— Сколько раз я тебе говорил заняться делами вместе со мной?! Вместо того, чтобы учиться управлять, ты шляешься по бабам и затеваешь дуэли… Ты понимаешь, что наше фамильное оружие, которое я тебе так опрометчиво вручил, не дожидаясь твоего совершеннолетия, могло достаться какому-нибудь торгашу? А кулон твоей покойной матери? «Носи, сынок, и помни обо мне» — говорила она тебе. А сынок… готов его первому встречному…

Леокарту помогли сесть в седло, и кавалькада шагом покинула площадь. Ко мне подошел сияющий, как новенький воробей, Ромис, положил руку мне на плечо и предложил:

— Ну что? В кабак и по девочкам?

Глава 4

В кабак, так в кабак. Против этого я ничего не имел, но вот «по девочкам»… Стыдно признаться, но опыт в этом отношении у меня был чисто теоретический. Мастер-целитель в свое время рассказывал нам и про эту сторону жизни людей. Каждый из нас прочитал книгу восточных мудрецов с подробными иллюстрациями и имел представление об эрогенных зонах. То есть, что, как и куда, я знал, но на практике применить знания так и не довелось. Это меня немного беспокоило.

Ромис между тем не забыл о своих сестрах и первым делом предложил зайти в банк. Ему не терпелось порадовать родителей очень приличной суммой, которой, по его словам, должно хватить на приданое одной сестре точно, а при удаче так и сразу двум. В знакомом помещении нас встретили приветливо и живо обслужили. Заплатив ящерку за услуги, Ромис перевел на имя своего отца пятьдесят драконов. Пятнадцать положил на свое имя, а восемь оставил на расходы. Поскольку транжирить он не привык, то их за глаза должно хватить до самой столицы.

Закончив дела в банке, мы наконец-то отправились к дядюшке Сэмнию, где Ромис решил снять номер дня на три и отпраздновать победу на дуэли. Быстренько заселившись неподалеку от меня, он предложил умыться и отпраздновать здесь же в обеденном зале гостиницы.

— Пойдем, дружище. Сегодня Я угощаю!

Мы спустились вниз и Ромис с видом богача, собравшегося основательно покутить, занял тот же столик, что и вчера. Вся гостиница уже знала о его победе и даже, сколько денег примерно ему досталось в качестве трофея. Разносчица появилась моментально и затараторила, перечисляя блюда, которые можно получить прямо сейчас, а также те, что делаются под заказ. Мы выбрали жареные колбаски, гуся, пиво, лепешки и зелень.

Первым принесли большой жбан пенного напитка и две кружки. Ромис разлил пиво по кружкам и предложил тост.

— За тебя, дружище! Если бы не ты, хоронили бы сейчас не этих шакалов, дружков Леокарта, а меня! Я восхищаюсь тобой! Уложить двоих не слабых фехтовальщиков — это нечто! А почему ты мне сказал, что оружием владеешь средне?

— Потому что это так и есть. До уровня мастера мне еще тренироваться и тренироваться.

— Что ж за мастера у вас там, если ты считаешься средним бойцом?

— О! Мастера у нас… — не скрывая зависти, ответил я, — могут такое, что тебе и не снилось! — и с грустью добавил: — И мне пока только снится.

— Так… таких бойцов надо бы в гвардию короля, не меньше! — воскликнул приятель.

— Там и служим обычно, — пожал я плечами.

— Постой-постой… я, кажется, что-то такое слышал про чудо-бойцов, которые служат в гвардии короля и его вельмож… — старательно копая пласты своей памяти, задумчиво сказал Ромис.

Некоторое время мы пили пиво в тишине, потом лицо Ромиса просветлело, он оживился и радостно воскликнул:

— Вспомнил! Отец мне как-то рассказывал, что в одной из заварушек ему довелось сражаться вместе с… леопардами… или гепардами… Нет. С барсами! Ох, говорит, они и дрались. Говорит, рядом с ними чувствовал себя мальчишкой, впервые взявшим в руки учебную шпагу. Говорит, все они, как на подбор, рослые, светловолосые и голубоглазые… — Ромис осекся, посмотрел на меня и смущенно закончи: — Прости, но ты совсем на них не похож.

Я угрюмо кивнул:

— Не похож.

Подняв к плечу левую ладонь, я проявил знак моего клана:

— А так похож?

Ромис восхищенно потряс головой и сказал:

— Пох-о-о-ож! Еще как похож! С ума сойти и в лужу рухнуть! Я познакомился с настоящим барсом! Скажи кому — не поверят. А почему ты вместо того, чтобы во дворце короля романы с фрейлинами крутить, в Вармоке киснешь? — он оглянулся по сторонам и шепотом спросил: — Или ты на тайном задании?

— Нет. Не на задании.

Под гуся и колбаски я поведал Ромису свою нехитрую историю, начиная с драки в трактире и кончая знакомством с ним.

Все когда-нибудь кончается. Закончился наш обед, и наступило то тревожное мгновение, когда Ромис хлопнул ладонью по столу:

— Все. Пора по девочкам. Двум уставшим воинам необходимо сбросить напряжение.

Легкое волнение и неуверенность с новыми силами навалились на меня. Заметив мое состояние, друг забеспокоился и стал допытываться, в чем дело. Пришлось мне смущенно признаться в том, что это у меня будет впервые и никогда ранее…

— Грозный барс боится девушек?! — улыбнулся Ромис. — Не переживай. Я все устрою в лучшем виде. Пошли. Я знаю одно

приличное заведение, где тебе точно помогут.

— Ты что, все деньги на девочек потратил?

— Нет. Здесь я не бывал, но вот в других городах… Раньше. Отец иногда давал деньги на профессионалок. Говорит, у деревенских девок толком ничему не научишься. Так что я тоже через это прошел… — он легонько хлопнул меня по плечу. — Не тушуйся. В первый раз все нервничают. Одна из моих «наставниц» говорила: «Большинство мужчин такие нежные создания… Не будешь деликатной — удовольствия не дождешься».

Про нежное создание мне не понравилось, но спорить я не стал и молча последовал за другом. Пока мы шли, Ромис уточнил, есть ли у меня деньги, поскольку он меня ведет в очень дорогое заведение, в котором ночь любви стоит около двух ящерок, но иначе нельзя — первый опыт обязательно нужно получить в соответствующей обстановке. Про то, сколько я выручил от продажи котенка кугара, я ему не рассказывал, да и вообще про встречу с Вернией особо не распространялся: наткнулся в лесу, нанялся в проводники, привел в город и получил расчет. Однако сказал, что деньги у меня есть, и он может не беспокоиться на этот счет.

В аккуратном двухэтажном домике, окруженном небольшим ухоженном садом, нас приветливо встретила элегантно одетая женщина лет пятидесяти. В целом, обстановке никак не походила на душный и мерзкий приют порока, как его описывали некоторые философы-моралисты. В правом углу уютной гостиной стоял легкий ажурный столик с роскошным букетом цветов в хрустальной вазе. По стенам помещения были расставлены низкие мягкие диванчики, а центр занимал огромный янчарский ковер. Все это освещали три страшно дорогих магических светильника, плавающих прямо в воздухе на разной высоте и неторопливо перемещающихся по всему пространству комнаты. Все три, каждый в своем ритме, плавно меняли свой цвет, создавая волшебную игру теней и полутонов.

Ромис о чем-то пошептался с женщиной, та кивнула и пригласила меня пройти за ней. При расставании он предложил не искать друг друга, а встретиться после завершения дел в гостинице у дядюшки Сэмния.

Хозяйка провела меня в комнатку на втором этаже и показала, где, что находится. В самой комнате самым интересным предметом мебели была огромная мягкая кровать, заправленная чистым бельем, и невообразимое количество зеркал по стенам и даже на потолке. В этом помещении были еще две двери. Одна вела в туалет, другая — в ванную комнату. Огромная лохань уже была наполнена чистой водой, а с внешней стороны в борт

лохани был вмонтирован амулет подогрева воды. Женщина показала мне как его активировать и дезактивировать, когда вода достаточно нагреется. Для вызова прислуги, чтобы поменять воду или заказать обед в нескольких местах свисали витые шнуры — дернешь за веревочку, кто-нибудь да появится.

Хозяйка вышла, предложив немного осмотреться и подождать. Не прошло и пяти минут, как дверь приоткрылась и в комнату скользнула девушка. На вид ей было лет двадцать пять. Немного ниже меня ростом, чуть полноватая, смуглая и черноволосая. Ее чуть раскосые, карие глаза глянули на меня доброжелательно и с живым интересом. Она была одета в полупрозрачные шаровары и свободную блузу из той же ткани. В этих одеяниях она не выглядела обнаженной. Скорее, слегка прикрытой. В сочетании с тонким ароматом сладковатых восточных духов это создавало образ гарема янчарского эмира.

Описывать подробности моих практических занятий под чутким и деликатным руководством Лейли, так звали девушку, я не буду. При желании каждый может найти это заведение в Вармоке и испытать все сам. Одно могу сказать — восторг и блаженство. Теория — теорией, но как обычно от практики она несколько отличается. Первым делом девушка спросила у меня:

— Господин желает научиться получать удовольствие только сам или доставлять его своей партнерше тоже?

— Я не насильник и меня интересует второй вариант, — ответил я ей.

Через пару часов наших практических занятий, когда партнерша пару раз мягко поправила меня, сказав, что здесь нужен не массаж, а ласка, я использовал знания и навыки, переданные мастером-целителем и, войдя в легкий транс, попытался, как можно глубже познать свою партнершу. В эмоциональном плане, разумеется. Не исключая, впрочем, и иного смысла данного понятия. С этого момент прогресс в понимании плотской любви пошел у меня кавалерийским галопом. С каждым часом я все лучше и лучше понимал Лейли. Что ей нравится, а что нет. Где и когда надо поцеловать, где погладить, а где и слегка шлепнуть ладонью. В общем, я чувствовал, что она хочет, старался дать ей это, видел, что она искренне наслаждается, хотя могла бы и сыграть, и сам от этого возбуждался все больше и больше.

Наш урок продолжался весь остаток дня и почти всю ночь с перерывами на ужин и ванну. Уже под утро Лейли запросила пощады:

— Господин, прости меня, но умоляю остановиться. Я уже и так от любого твоего прикосновения на стенку лезу от

вожделения. Это — не нормально. Могу ли я дать господину один совет? — получив мое согласие, девушка продолжила: — Если тебе встретится неопытная девушка, она может не понять, когда надо перестать, и это может для нее плохо кончиться. Постарайся, пожалуйста, не доводить ее до такого.

— Спасибо, Лейли. Я постараюсь, — серьезно ответил я, поцеловал девушке руку и стал одеваться.

Я мог бы поспать и здесь, вот только платить лишнего не хотелось. За три воробья в час лучше уж в оплаченной гостинице отдохнуть.

Усталый и с блаженной улыбкой на губах я, вероятно, выглядел местным дурачком, нашедшим блестящий камушек. Однако мой вид ни у кого из обслуги этого дома не вызвал удивления. Привыкли, похоже. Заплатив за науку почти пять ящерок, я быстро дошел до гостиницы и своего номера, где, быстро раздевшись, рухнул в постель отсыпаться.

Далеко за полдень проснулся полным сил и в самом лучезарном настроении. Часика полтора поразминался на заднем дворе, потом умылся, привел себя в порядок и пошел обедать. За нашим столом сидел Ромис, потягивая пиво. Перед ним лежала развернутая карта местности, каковую он вдумчиво изучал, судя по всему, уже не первый час.

— Привет. Нашел чего интересного на этой размалеванной бумажке? — спросил я его, усаживаясь за стол.

Ромис посмотрел на мою довольную жизнь ро… личность, весело хмыкнул, поздравил с первым боем в любовной битве и ответил:

— Думаю. Куда двигаться дальше? Здесь фактически тупик — в Вармок ведет только одна дорога, и торговцы бывают только те, кто специально сюда ездит. Охрана у них, как правило, постоянная и со стороны они берут людей крайне редко.

— А зачем тебе наниматься в охрану. Разве тебе не хватит денег доехать до столицы пассажиром или купить лошадь?

— А у тебя что, папа — герцог? Или ты нашел неиссякаемый источник монет? — в свою очередь удивился Ромис такому транжирству с моей стороны. — Или ты барышня, которую надо охранять от бед и трудностей пути? Зачем тратить деньги там, где можно, наоборот, их заработать, да еще не заботясь о ночлеге, пропитании, корме для лошади?.. Кстати, а ты куда намерен двигаться?

Я пожал плечами:

— Собственно, мне все равно. Где-то надо искать службу. Кроме столицы. Мне старшины запретили служить королю. Я же вроде наказан. Придется как-то выкручиваться и искать место

службы самому.

— Раз тебе все равно, может, проводишь меня до столицы? Вдруг по дороге чего найдется? — он с ожиданием и надеждой посмотрел на меня.

Мне уже вроде обещали службу у отца Вернии, но это будет не раньше, чем через три-четыре месяца, а до этого времени сидеть в Вармоке, есть, пить и… по борделям ходить, мне показалось скучным.

— Хорошо. Согласен. У тебя уже есть какие-нибудь планы?

Ромис обрадовался и с воодушевлением стал рассказывать о своей задумке.

— Вот смотри. Карта нашего королевства. Вот здесь Вармок. Если проехать по этой дороге до развилки, потом сделать крюк и проехать на юго-запад до Лиманго, что на границе с Конкистой, то там можно будет неплохо устроиться в какой-нибудь караван до столицы. Через этот город идет торговый путь с Конкистой. Хотя с этим королевством у нас напряженные отношения и регулярные пограничные стычки, торговля не затихает. К тому же торговцам из Конкисты предписано именно в этом городе нанимать не менее десяти охранников из числа граждан нашего королевства. Если ты не знаешь, этот указ короля принят специально для пригляда за возможными шпионами от наших соседей. В Конкисте, кстати, действует аналогичный указ… Ну? Что скажешь?

— Так ведь там, наверняка, уже сработавшиеся десятки нанимаются. Новичков вряд ли берут.

— Ты забываешь, что люди болеют, получают ранения и просто уходят на покой, так что куда денутся — возьмут… с осторожностью, конечно. Возможно с испытательным сроком, но непременно возьмут!

— Ладно. Убедил. Когда в путь?

— Завтра. Сначала надо прикупить лошадей, припасы в дорогу. Мне надо бы обновить гардероб. Немного. Еще не помешал бы пяток метательных ножей и легкая кольчуга… Ну и кое-что по мелочи.

На рынке Ромис показал себя во всей красе. Он торговался за каждую косточку до хрипоты, до самозабвения, находя настоящие и мнимые дефекты, существенно снижающие цену товара. При этом был столь убедителен, что минут через десять спора торговец и сам, казалось, начинал верить, что первоначальная цена была слишком уж несуразна. Только оружейник был тверд, как его сталь. Когда друг по накатанной дорожке начал объяснять ему насколько плохи предложенные к продаже метательные ножи, тот усмехнулся и предложил господам не терять

драгоценного времени и идти себе подобру-поздорову туда, где им предложат товар получше. Ромис повздыхал, но вынужден был выложить пять воробьев за пять ножей с перевязью для них.

Конюшня в Вармоке была одна-единственная, и выбор предоставляла небогатый. Ромис, лучше меня разбирающийся в лошадях, прошел ее из конца в конец, поговорил с конюхами, приценился к трем лошадкам, весьма неказистым даже на мой неискушенный взгляд, и, огорченно покачав головой, вышел.

— Здесь сплошные одры. А цены за них заламывают, как за породистых. Завтра из города уходит караван и всех приличных лошадей уже скупили торговцы. И как это меня занесло в такую глушь? — патетически воскликнул он. — Ну почему я не посмотрел на карту, когда нанимался к торгашу сопроводить до Вармока?

— Не беда, — хлопнул я его по плечу, — дойдем до Лиманго, там что-нибудь, да подвернется.

— Понимаешь, пешком путешествует только нищета или простолюдины. Дворянам невместно им уподобляться.

— Насколько я помню, раньше тебя это не беспокоило…

Ромис покраснел и яростно сверкнул глазами:

— Да! Было время, когда у меня не было денег! — он встопорщился, как дикий кот. — Но теперь-то деньги есть! А…

— …Лошадей нет, — закончил за него я. — Не сердись. Это ведь временно. Придем в Лиманго и…

Ромис немного расслабился:

— Прости. Просто обидно — деньги есть, а путешествовать опять придется пешком!

Утром чуть свет мы рассчитались, позавтракали, прикупили продуктов на первое время, наполнили фляги слабым вином, подхватили свои вещички и покинули этот славный город. Почему бы и не быть ему славным, если в нем я заработал кучу денег и приобрел друга, а в дальнейшем может быть и работу. Отряд барона — это, конечно, не столь масштабно, как у графа или герцога, но тоже неплохо.

Повозки двигались медленно. Нам даже не приходилось спешить, чтобы не отставать от каравана. Однако спокойно следовать за ним нам не довелось. Не успели мы потерять город из виду, как к нам подскакал начальник охраны и потребовал уходить.

— Мы и так уходим, — делано удивился Ромис. — Просто нам как раз в ту сторону, куда движется этот обоз.

— Командир охранников разъярился и в довольно грубых выражениях потребовал, чтобы мы либо «отвалили», либо заплатили за охрану. Ромис издевательски вежливо пояснил

вояке, что он благородный дворянин и не потерпит чьих-либо указаний. К тому же в охране мы не нуждаемся, а другой дороги из города нет, так что идти мы будем там, где нам нужно, а если охрану пугает наше присутствие, мы будем следовать в отдалении. Но! С той скоростью, с какой хотим. За караваном. Или впереди. Как нам заблагорассудится.

Воевать с охраной было бы неуместно, поэтому мы приотстали метров на сто и продолжали идти, с одной стороны вместе с обозом, а с другой — вроде сами по себе. Так было спокойнее, да и не хотелось нам подвергать соблазну романтиков большой дороги видом двух, якобы беззащитных путников. Впрочем, внезапный арбалетный залп мог навсегда прервать нашу будущую карьеру, несмотря на все нашу подготовку.

Так мы шли до полудня. На привал остановились также вместе с обозом. Пообедали, передохнули и снова в путь.

Через несколько часов, когда лес подступил к самой дороге и хвост каравана скрылся за поворотом, дорогу нам преградили десять человек. Девять в форме гвардейцев барона Тафки и Леокарт с рукой на перевязи. Почти полный десяток. Вероятно, один остался с лошадьми. Все — молодежь нашего возраста и чуть постарше. Выделялся только один седой ветеран, стоявший справа от Леокарта.

У меня появился повод для самобичевания, поскольку я позволил себе расслабиться и не почувствовал угрозы. Это, конечно, трудно, двигаясь за такой массой людей и животных, почувствовать приближение еще одной небольшой группы, к тому же не несущей угрозы каравану, но вполне возможно.

На мой взгляд, барон не мог послать этот отряд, чтобы втихую рассчитаться с нами. Для этого он, во-первых, должен был послать больше людей — десяток не гарантирует победу над барсом — во-вторых, отряд действовал бы иначе. Во всяком случае, я бы расстрелял неугодных из засады, а потом добил раненых, если бы это понадобилось. Так что, скорее всего наша встреча — тайная инициатива сынка. Втихаря подбил авантюрную молодежь рассчитаться с обидчиками и выехал, якобы, в очередной раз покутить да расслабиться, а людей взял для охраны, так как ранен и драться может только левой рукой. Единственный, кто не вписывался в сложившуюся картину — седой ветеран. Он на безголового авантюриста похож не был.

Друг, завидев компанию, остановился и положил ладонь на рукоять шпаги, глядя сузившимися глазами на Леокарта. Тот криво усмехнулся и сказал:

— Успокойся, Ромис. Так низко я еще не пал, чтобы нападать вдесятером на победителя в честной дуэли. Нас интересует твой

дружок. Наставник говорит, что он явно не барс. Не похож — это раз. Знак клана ему за деньги мог подделать любой сильный маг, а в Вармоке барсов не бывало, чтобы порвать самозванца — это два. Он долго разбирался с моими приятелями. Барс проткнул бы их за полминуты — это три.

Сынок барона вопросительно посмотрел на седого и тот медленно кивнул, пристально глядя на меня.

— Мы совершили столь дальний путь с единственной целью. Не соблаговолит ли достопочтенный сэ-э-эр… — ехидно протянул Леокарт.

— Дит, — помог я ему немного.

— …Дит… э-э-э…

— Просто Дит.

— …Сэр «просто Дит» провести один тренировочный бой с моим наставником?

— Соблаговолит, — ответил я спокойно. — Нельзя отказать людям, проделавшим столь долгий путь ради одного урока.

Я вежливо — неглубоко — поклонился, аккуратно положил вещи и плащ на траву под кустик и обнажил шпагу. Седой также скинул плащ на руки одного из гвардейцев, вынул шпагу из ножен и встал напротив меня.

Вдруг из-за поворота, куда только что втянулись последние повозки каравана, раздались крики, звон стали и пара выстрелов из пистоля. Мы насторожились, и Леокарт знаком указал одному из гвардейцев сбегать проверить, что происходит. Все застыли в ожидании.

Через несколько минут воин прибежал к нам и доложил о том, что впереди разбойники напали на торговцев.

Леокарт хмуро посмотрел на нас и сказал:

— Предлагаю отложить бой, пока мы не разберемся с этой швалью, — не дожидаясь ответа, развернулся и скомандовал: — За мной!

Отряд слаженно побежал к месту боя, на ходу перестраиваясь для защиты господина. Ромис кинулся следом.

— Постой. Ты куда? — крикнул я ему.

— Там же разбойники напали, — приостановился он недоумевая. — Надо помочь.

— Разбойникам?

— Тьфу, — сплюнул он. — Охране каравана, конечно же!

— А тебе за это платят?

Ромис сделал пару глубоких вздохов и более спокойно ответил:

— Мне плевать на торгаша, но разбойников не люблю. Считаю, чем меньше их будет, тем лучше. Ты, как хочешь, а я

пошел.

Он развернулся и побежал. Бросать друга в бою — последнее дело. Оставив вещи там, где положил, я побежал за всеми.

Бежал и думал: ну кто ж так делает? Ломиться толпой, словно крестьяне с дубьем за злой ведьмой, это верный путь к бессмысленным потерям. Если разбойники не законченные кретины, то наверняка оставили в лесу несколько человек с луками и арбалетами. Сейчас стрелки щелкают охрану помаленьку, а стоит нам выбежать, и мы все станем для них лакомой мишенью. Стреляй в нашу сторону, не целясь, в кого-нибудь, да попадешь. Однако я не один был такой умный — седой сумел остановить этот забег перед самым поворотом, отдал распоряжения — Леокарт не возражал — четверо гвардейцев нырнули в заросли справа, а пятеро — слева. Ромис, не долго думая, присоединился к четверке, я — к той же группе. Догнать воинов мне не составило труда — по лесу они передвигались немного получше, чем Верния, но все дело в том, что именно — немного. Сюда бы больше подошли королевские егеря. Вот кто в лесу мало уступает барсам. Однако кого здесь не было, так это их.

Обогнав гвардейцев, я сделал им знак остановиться.

— Стоп, ребята. Так не пойдет. Сделаем иначе — я бегу впереди и стараюсь разобраться со стрелками. Вы через пару минут за мной, но тихо. Пусть помедленнее, но, главное, тихо. Если понадобится помощь, крикну. Всем все ясно? — выждав несколько секунд, скомандовал: — Действуем.

Один, видимо старший, попытался отстоять право командовать, но я оскалился своей неотразимой улыбкой и пристально посмотрел ему в глаза. Борьба взглядов продолжалась недолго — недаром именно его седой назначил старшим — парень проявил благоразумие и не стал нарываться. Действительно, кто меня такого красивого знает? Вдруг и впрямь барс? Сцепляться с обиженной кошкой обычно мало желающих.

Дальше все было, как на многочисленных тренировках по отработке действий против засад. Только в этот раз противостояли мне не свои же товарищи барсы, а обычные разбойники. С такими уже приходилось сталкиваться. Чтобы стать барсом, надо было хлебнуть живой кровушки. Не в прямом смысле этого слова. Не вампиры мы. Нам было уже по семнадцать лет, когда старшины стали отправлять нас на задания против разбойничьих банд. В первый выход командовали нами, разумеется, наставники. В последующие — кто-нибудь из группы. Наставники обязательно шли с нами, но в командование не вмешивались. Все примечали и по возвращении в поселок устраивали подробнейший разбор, тыкая носом в ошибки, как

кутят в свою лужу. В роли командира отряда довелось побывать и мне. Как правило, известен был только район действия банды. Выследить и уничтожить. Такова была наша задача.

Первый лучник, спрятавшись за деревом, что-то выцеливал на дороге, когда я бесшумно возник за его спиной и ударил кинжалом в надключичную ямку. Разбойник захрипел и плавно осел при моей поддержке на землю. Один есть. Звуки драки на дороге должны были бы заглушить его падение и без моей поддержки, но лучше не лениться и стараться делать, как учили. Чувства барса подсказали мне примерную позицию следующего стрелка. Следует признать — нашел далеко не сразу. Арбалетчик сидел на дереве метрах в тридцати от первого, цветом одежды сливаясь с деревом. Немного далековато для уверенного броска метательного ножа и ракурс неудобный. Приготовив нож, я сместился метров на десять ближе и на пять левее. Опасаясь, что под курткой у арбалетчика может быть кольчуга, я метнул нож, целясь в основание черепа. Два есть. Правда, шум его падения с дерева и треск ломаемого арбалета, на который он упал, могли услышать подельники, но тут уж ничего не поделаешь. Добежать и подхватить его в свои объятия, как возлюбленную, прыгнувшую с балкона, я не успевал.

Сзади послышался шорох и треск веток догонявшей четверки гвардейцев и Ромиса. Подождав соратников, предложил им углубиться немного в лес и, сделав небольшой крюк, выйти к предполагаемой голове каравана с тем, чтобы после этого двигаться мне навстречу. Гвардейцы, выполняя команду, скрылись, а я застыл в легком трансе, отрешенно глядя вперед. Снова чувство барса подсказало, где искать следующего стрелка. Я, как мог осторожно и быстро, двинулся к кустам, располагавшимся примерно напротив центра каравана. Однако меня уже ждали. Лучник, отвлекшись от дороги, видимо, уловил шум падения сотоварища и напряженно всматривался в лес, держа наготове лук с наложенной на тетиву стрелой. Он даже успел натянуть тетиву и крикнуть, как метательный нож вошел ему точно в глаз. Мозг еще не успел осознать опасности, как тело перекатом вправо ушло от выстрела второго лучника. Дальше пошли танцы «Уйди от стрелы», так как лучник этот оказался очень даже хорош. Одна из стрел даже пропорола мне одежду и глубоко оцарапала левое плечо, пока мой второй нож с шорохом и хрустом влетал в его незащищенное горло. Стрелок так и рухнул навзничь, не выпустив боевой лук из рук.

Я приложил ладонь правой руки к ране, глубоко вздохнул, сосредоточился и как учил мастер-целитель, вытолкнул сгусток энергии на рану, склеивая края. Такие царапины барсы

заживляют самостоятельно, в том числе и во время боя, если есть хотя бы полминуты передышки. Наставники всегда требовали не бравировать стойкостью, рискуя ослабеть от кровопотери из-за таких вроде пустяковых царапин, а при любой возможности стараться залечить их.

Оставшихся стрелков тихо убрать не удалось. Гвардейцы пошумели, их заметили и двое оставшихся лучников, перемещавшихся как раз ближе к середине каравана, успели сделать по выстрелу, прежде чем метательный нож одного из гвардейцев и шпага Ромиса не отправили их на тропу великой охоты. Один гвардеец был ранен в ногу, а второму стрела пробила грудь. Легкая кольчуга не смогла защитить бойца. Таким образом, боеспособных осталось вместе со мной четверо.

Вернувшись немного назад к убитым стрелкам, я, подхватив первый попавшийся лук и наполовину пустой колчан, выдвинулся на позицию. Ситуация на дороге была, мягко говоря, очень тяжела для торговцев. Сражение постепенно смещалось спереди и сзади каравана к его центру, где еще держались оставшиеся защитники. От трех десятков охраны их осталось пятнадцать… нет, уже тринадцать человек. Двоих убили на моих глазах. Однако и разбойников полегло немало. Тем не менее, их еще было чуть меньше сорока. На каждого охранника они старались нападать сразу по двое и по трое. Тем приходилось туго.

Не теряя времени, я начал обстрел, стараясь нанести как можно больший урон, пока на нас не обратили внимания. Ко мне присоединился один из гвардейцев, обученный стрельбе из этого неблагородного оружия и вместе с ним мы успели уложить четверых надолго, если не навсегда, и троих задеть.

От головы обоза отделилась группа в восемь человек и бросилась через лес к нам. Я крикнул гвардейцам, чтобы бежали на помощь охранникам, а сам продолжал опустошать колчан уже в сторону этой группы. Ромис хотел, было, остаться помочь, но я рыкнул на него, чтобы не мешал и не попал случайно под горячую руку.

Стрелять по целям, которые постоянно скрываются за деревьями занятие очень сложное, однако я успел зацепить двоих, к сожалению, легко. Отбросив бесполезный лук, сделал пару глубоких вдохов, вошел в холод и двинулся навстречу разбойникам. Я — барс. Мои лапы удлинены двумя острыми и крепкими когтями. Один покороче — кинжал, другой подлиннее — шпага. Остальные лапы, хоть когтей и не имеют, но тоже очень даже не безобидны. Все происходило, как в густом киселе. Я «неторопливо» просчитал план уничтожения целей и с ледяным спокойствием стал его воплощать. Парировал удары и сам их

наносил той конечностью, которой было удобнее в данный миг. Ногами на уровне головы не махал — бил, в основном, в голень, по коленной чашечке или в пах. Кинжалом, держа обратным хватом, предпочитал отражать удары и резать незащищенные места — горло, внутренние стороны бедер или локтевые сгибы. Довольно сложно, несмотря на всю мою «холодную» скорость и выучку, парировать уколы и уворачиваться от ударов, когда их много и стремятся они к твоему телу большей частью одновременно. Несколько раз разбойничье железо проскрежетало по моей кольчуге. Правда, не опасно. Я и пропустил эти удары только потому, что был уверен в ее прочности. Зато смог быстрее и эффективнее справиться с теми, кто их нанес. Скоро шесть целей были поражены. Остались двое, раненых мной стрелами. Они подтянулись только что. На свою погибель. Никаких расшаркиваний, кодексов чести и предложений наподобие «Давайте я отброшу кинжал и сражаться буду только левой рукой». Левой я работаю не хуже, чем правой, а встретились мы с этими покойниками не на дуэли «до крови». Так что, ничуть не мучаясь, я перерезал горло одному и снес голову второму.

Неожиданно появились новые противники и, грамотно взяв меня в квадрат, атаковали. Пятый — смутно на кого-то похожий — в бой ввязываться не стал. Крикнул только, торопливо скрываясь в лесу:

— Уходим! К охране кто-то пришел на помощь. Быстро разберитесь с этим и догоняйте!

Самое сложное в этой ситуации было то, что эта четверка была не чета предыдущей группе. Это были настоящие гвардейцы-ветераны… в форме барона Тафки, а где-то через полминуты, из отпущенных мне двух с половиной, я должен выйти из холода.

Для опытного барса справиться с четырьмя королевскими гвардейцами не представляет большой трудности, но и не скажешь, что сделает он это «одной левой». Моими противниками были не королевские гвардейцы, а баронские, но по мастерству немногим слабее первых. Однако и я еще не барс, а… барсик, и с такими бойцами еще не сталкивался.

Полминуты холода — это и много, и мало. Времени хватит только на одну атаку против каждого. Если хоть один отобьется, повторную мне придется проводить в обычном состоянии. К тому же, полминуты после выхода их холода я буду приходить в себя и восстанавливаться, то есть бойцом на тот момент стану довольно средним.

Действуя на пределе, начал с гвардейца справа и сзади от меня. Отбив шпагу, в длинном выпаде провел укол под подбородок. Есть. Не мешкая, прыгнул к следующему и стопой

ударил по колену, шпагой заблокировал его клинок и ударил кинжалом в подмышечную ямку. Два. В третьего метнул кинжал. Такая атака видно была для гвардейца неожиданна, да и скорость у меня — глазом не уследить. Третий с кинжалом в глазу стал рушиться навзничь, когда я подскочил к последнему. Короткий обмен ударами и блоками… Этот гвардеец был хорош — некоторое время он смог эффективно противостоять моей скорости, однако все-таки чуть-чуть не успел и мой клинок взрезал его шейную артерию.

Все. Разбойников рядом не наблюдается. Я вышел из холода, немного постоял, глубоко дыша и впитывая энергию всем телом. Сознание прояснилось, и вскоре тело опять было готово к бою. Я поспешил к дороге, но там уже все закончилось. Среди разбойников пронесся панический крик: «Нас предали!», — и, когда я выскочил на дорогу, оставшиеся в живых бандиты разбегались кто куда. Их никто не преследовал. В отряде Леокарта после боя насчитывалось всего четверо бойцов, способных держать оружие. В том числе сам баронский сын и седой ветеран. Двое гвардейцев были убиты и трое ранены. Из охранников на ногах осталось восемь человек.

Немного переведя дух, охранники вместе с гвардейцами, выжившими возчиками и слугами торговцев пошли вдоль каравана, оказывая помощь раненым сотоварищам и добивая разбойников. Тела разбойников стаскивали на обочину, укладывая в ряд. По мере своих сил и способностей я тоже принял участие в исцелении ран. Мог я, правда, не много — остановить кровотечение, зашить резаную рану, перевязать колотую и немного ускорить регенерацию. Вымотался под конец, как собака, честно выполнившая свой долг по облаиванию чужака. Присел в тенечек под деревом, и разве что язык не вывалил, тяжело дыша. Заодно начал тщательно обдумывать ситуацию с нападением.

То, что отряд Леокарта без рассуждений кинулся на помощь и храбро сражался с бандитами, у меня сомнений не вызывало. Но и форму с гербами барона, в которую были одеты напавшие на меня, я видел достаточно отчетливо. Поскольку носить ее могли, не оскорбляя чести и достоинства владетельного дворянина, только его люди, то, следовательно, действовали они по его прямой указке. Вполне могло быть так, что барон все-таки послал гвардейцев разобраться с обидчиками его сына, а те посчитали момент благоприятным для нападения. Тогда понятно их стремление уходить, не выполнив задачу до конца — Ромис дрался на виду, незаметно убить его невозможно, а поскольку к охране подошла помощь, вполне вероятно, что гвардейцам за

нападение на защитника не поздоровилось бы.

Не исключал я также и того, что барон действительно пошаливает на дорогах с помощью прикормленной банды. Пятерка воинов в этом случае работала наводчиками, сообщая время выхода каравана, численность охраны и порядок следования. Потом эта же пятерка забирала свою долю добычи и переправляла к барону. В этом случае сынок барона был ни при чем, и знать не знал о шалостях своего папеньки. Поэтому и в бой ввязался очертя голову.

В результате нападения больше всего пострадали передняя и задняя части каравана. Там погибли все: арьергард из пяти охранников и авангард также из пяти бойцов во главе с командиром, а также торговцы и их слуги. Центр, где были сосредоточены основные силы охраны, почти не пострадал. Люди то есть. Повозки с барахлом остались целыми все. Ведь разбойники рассчитывали поживиться и не стали их крушить-ломать.

Я сидел под деревом, восстанавливался, впитывал энергию и ломал голову над загадками, пытаясь продумать свое дальнейшее поведение в этой ситуации. Мимо меня под руки провели двух чудом выживших торговцев от головы каравана. Они шли медленно, не поднимая глаз и тяжело подволакивая ноги. Однако стоило им увидеть Леокарта с его отрядом, как оба стали вырываться из рук помощников.

— Это разбойники!! Что же вы все медлите?! Убейте их! — закричал один из караванщиков, указывая охране на гвардейцев.

Леокарт резво развернулся навстречу предполагаемому неприятелю и… никого сзади себя не увидел. Недоумевая, спросил крикуна:

— Какие разбойники? Где ты их видишь? Они уже разбежались давно. Кто выжил, конечно.

— Ты разбойник! Ты напал на караван! Это тебе даром не пройдет.

Далее из его путаной речи, полной угроз пожаловаться королю, выяснилось, что командовал разбойниками некий барон, которого они оба видели не очень хорошо, но зато прекрасно разглядели форму и герб. Кроме того, они слышали, как его люди обращались к нему: «Господин барон» и «Твоя милость». Это они готовы подтвердить под присягой.

— Это не те ли самые, что лежат во-о-о-он там? — указал я рукой в направлении того места, где вел бой с гвардейцами.

Все, даже с трудом передвигающиеся раненые, поспешили в указанном направлении. Я не спеша встал, потянулся, отметил, что снова готов к бою, и пошел вслед за толпой.

— Раз, два, три… восемь и еще раз, два… четыре. Итого дюжина! Ого! Кто ж их так? — услышал я вопрос неизвестного математика, подходя к толпе, сгрудившейся на месте моего боя.

— Это мой друг! — услышал я гордый ответ Ромиса. — На нас напали восемь разбойников. Он говорит: бегите на помощь охране, а я их задержу! И вот… задержал. Эта четверка появилась, наверное, позднее… Кстати, Леокарт, не узнаешь кого-нибудь из этих господ?

— Нет, — мрачно сказал Леокарт, внимательно всматриваясь в тела. — Никого из них я раньше у отца не видел. Один только мне кого-то напоминает, — и он указал на последнего из убитых мной, — но вспомнить, где видел, сейчас не могу.

— Так они были не с вами? — с подозрением спросил кто-то из охраны.

— Нет! — твердо сказал Леокарт. — Не с нами! И я точно знаю, что отец не грабит караваны! Готов в этом поклясться на чем угодно. Хоть на обруче правды.

Это произвело определенное впечатление.

— Тогда кто это может быть? — задумчиво про себя спросил Ромис.

Подумав, он попросил меня посмотреть раны чудом выживших торговцев из головы каравана, а сам побежал туда, где их нашли.

Осмотр ран заставил меня отбросить ранее продуманные варианты появления неизвестных гвардейцев. Теперь они действительно стали именно неизвестными. Кажется, я догадался о ходе мыслей Ромиса.

Все напряженно ждали, когда друг вернется, и вопросительно посматривали на меня, но я решил высказать то, что понял, только после его сообщения.

Наконец, Ромис вернулся и сообщил:

— Как я и предполагал, все в голове каравана убиты с гарантией. Некоторых, видимо раненых, сразу дорезали. Тогда непонятно, почему не добили этих двоих? — он со значением посмотрел на единственных выживших. — Что ты можешь сказать об их ранах? — попросил он меня поделиться соображениями.

— Одно могу сказать. Оглушающие удары нанесены аккуратно. Так, чтобы не убить ненароком.

— Вот и я думаю, почему бы разбойникам так щадить именно этих двух?

Теперь уже на несчастных торговцев стали посматривать с подозрением.

— Да вы что! — воскликнули они чуть не хором. — Подозреваете нас в сговоре? Не было этого! Чем хотите

поклянемся.

— А может, сговор все-таки был? — стал наступать один из их сотоварищей, отличающийся необъятным брюхом и зычным голосом. Возможно, капитал свой он начал сколачивать уличным разносчиком, где без громкого голоса заявить о себе клиентам очень проблематично. Сейчас своей выдающейся частью он и теснил этих двоих. — Договорились с лихими людьми. Свои товары получили назад, а наши поделили. И от конкурентов избавились! А?

— А и зятя своего, дочки средней мужа, тоже загубил я?! — запальчиво заорал пострадавший. — Может я дикарь и троглодит какой, что людей ест? Да еще родню свою?! А кто, как не я требовал увеличить охрану? Разве не я? А ты кричал, что и так все дорого!..

— Стоп, — остановил я разгорающийся спор. — Уважаемые. Потом разберетесь между собой. Лично меня это совершенно не интересует.

Все повернулись и выжидающе посмотрели на меня.

— А интересует меня — причастен ли к этому нападению барон Тафка или нет! Кто может сказать по существу?

Гвардейцы с Леокартом угрюмо молчали. Охранники тоже не спешили высказаться, хотя по взглядам, бросаемым ими на людей барона, можно было сделать однозначный вывод — не верили они в невиновность барона ни на грош.

Неожиданно Ромис вышел из задумчивости и сказал:

— Не сходится.

— Что? — это, похоже, был вопрос, который задали все одновременно.

— Непонятно, зачем барону могло бы понадобиться обряжать своих людей в свою форму, если он действительно решил ограбить караван. Это риск. И немалый. Гораздо проще одеть так, как предпочитают одеваться наемники… или разбойники — так случайный свидетель никогда не сможет рассказать о его причастности к нападению. Здесь же мы наблюдаем следующее: вместе с разбойниками на торговцев нападает группа людей, одетых в форму известного им барона. И во время боя к командиру обращаются именно, как к барону. Двое уважаемых торговцев в результате нападения, судя по характеру нанесенных им ран, обязательно остаются в живых и под присягой готовы подтвердить, что напал на них означенный барон… Короче говоря, я бы не исключал возможность того, что барона хотят оклеветать в глазах короля.

— Я уверен, что так и есть! Я должен немедленно известить отца! — разволновался Леокарт. — Господа, вы не откажетесь

вернуться, чтобы засвидетельствовать свои наблюдения? Поймите — это очень важно!

— Нет, — ответил я. — Лично я откажусь. Это не мое дело — бороться за честное имя барона. Свои выводы Ромис тебе сказал, трупы неизвестных гвардейцев можешь забрать, после того, как я соберу трофеи, а дальше разбирайся сам. Мы ничего тебе не должны.

Леокарт надулся, покраснел, с шумом выдохнул и зло сказал:

— Хорошо. Обойдемся без вас! — он повернулся к торговцам и отрывисто приказал. — Мне нужна повозка! Одна! С кучером! Чтобы доставить тела в замок отца. Готов оплатить эту услугу.

После непродолжительного торга всего лишь за шесть ящерок повозка Леокарту была предоставлена. На нее погрузили тела погибших гвардейцев его отряда и трупы неизвестных. Разместили раненых. Один из гвардейцев сбегал и вернулся с оставленными в лесу лошадьми. Кстати, Ромис тоже не растерялся и, проявив смекалку, нашел, где псевдогвардейцы оставили лошадей. Так мы стали конными, а не пешими странниками, имеющими двух заводных коней, нагруженных трофеями. Кошельки, оружие и кольчуги убитых нами разбойников никому отдавать мы не собирались, хотя не один торгаш предлагал нам деньги за добычу. Правда, раза в три меньше ее настоящей цены.

Когда все было погружено, погибшие охранники с приличествующей молитвой похоронены, а караван готов к выдвижению — оставаться на месте побоища никто не хотел — к нам подошла делегация с предложением сопроводить торговцев до пункта назначения. Ромис приосанился и объявил:

— По ящерке в день мне и моему другу. Тогда мы сопроводим вас до развилки.

— По я-а-а-ащерке? — изумились торгаши. — Это слишком дорого!

— В таком случае, добирайтесь сами!

Мне показалось, что Ромис немного мстил торгашам за времена, когда он сам искал место охранника, а ему надменно отказывали.

После непродолжительного спора с условиями Ромиса согласились целиком и безоговорочно. Отряды были готовы разъехаться, вот только я еще не был готов.

— Сэр Леокарт, — остановил я сына барона как раз в тот момент, когда он поднял руку, собираясь скомандовать выдвижение, — тебе не кажется, что наш разговор еще не окончен?

— Какой разговор? — совершенно искренне не понял он.

— Разговор перед боем, когда ты оскорбил меня, сказав, что я не барс, а самозванец. Ведь так можно трактовать твои слова?

Леокарт посмотрел на седого ветерана, являвшегося первопричиной этого разбирательства, и спросил:

— Чего ты хочешь?

— Я вызываю тебя или твоего наставника! Все равно кого… Или обоих вместе. Оскорбив меня, вы оба оскорбили мой клан, а оскорбления у нас не принято прощать, — холодно заключил я.

Глава 5

Всю дорогу до вечернего привала Ромис был хмур и неразговорчив. Я тоже не из болтливых, и меня это вполне устраивало. Тем более, что я догадывался о причинах. Место нам определили в арьергарде, так что следовали мы, хоть и в составе каравана, но почти так же, как и до боя с разбойниками — за последней повозкой. Вся и разница, что сменили свои две на четыре лошадиных ноги и еще две животины тащили на привязи трофеи. Двое охранников ехали в авангарде, остальные — вытянулись цепочкой слева и справа от повозок в центре обоза. Такой порядок движения, как я понял, был стандартом для всех наемников. Барсы действуют иначе. Высылают вперед разведку и боковые дозоры. Основной отряд разбивается на пары или тройки, которые непрерывно перемещаются в пределах своей зоны ответственности. Все эти меры позволяли заблаговременно обнаружить засаду или выдвижение неприятеля с любого направления. Методы наемной охраны существенно расходилось с тем, чему меня учили, но, как лицо подчиненное, а еще и молодое, пусть даже доказавшее свои качества воина, с непрошенными советами я не лез. Командир на то и командир, что получает за свою работу больше любого воина отряда, и отвечает за все. Может лет через пяток, когда у моего барсика появятся усы, а проявить себя будет негде, я обзаведусь манерами ментора и начну от нечего делать всех подряд учить уму-разуму, тем самым пытаясь убедить их в своем гигантском уме и значимости. Но пока мне этим заниматься было откровенно лень, да и не послушают меня. А уж организовать охрану в стиле барсов — это мне барсов и надо будет в охране иметь, чтобы головной и боковые дозоры по уму организовать. Этих же охранников только направь — медведей распугают шумом и треском, а разбойники их по-тихому вырежут и все дела. Кроме того, может и зря, но я не верил, что после уничтожения такой крупной банды в лесах ошивается еще кто-нибудь. Обычно банды ревниво охраняют от пришлых «свою» территорию. Однако на всякий случай бдительности не терял и внимания не снижал. Кто его все-таки знает — вдруг эта банда сама пришлая, решившая сорвать куш и смыться.

Все было спокойно, и в сумерках караван остановился на ночевку. Впереди было еще два дня пути до нужной нам с другом развилки и сколько-то еще предстоит ждать попутного каравана. Двигаться вдвоем, конечно, можно, но довольно таки опасно, а

рисковать своей единственной шкурой попусту не хотелось. Не камзол — новую не купишь. В связи с этим припасы надо беречь. Питание за счет торговцев специально не оговаривалось, но, будто это само собой разумелось, я подошел к кашевару охранников, и посоветовал ему заложить продуктов в котел еще и на нас с Ромисом… полуторную норму. Дескать, после боя непременно надо восстановить силы. Воин-кулинар уважительно покивал и побежал за дополнительной порцией продуктов. Большой и толстый начальник продовольствия выслушал его, пару раз глянул в мою сторону — при этом я вежливо скалился — и без споров выдал требуемое. Это мне понравилось. Не люблю скупердяев, трясущихся над каждой крупинкой ячки. Здесь же сразу видно человека понимающего и не жадного.

Доев хорошо приготовленную кашу с мясом, я тщательно протер травой котелок и уложил его в сумку. Вечернюю разминку решил начать чуть позже, когда ужин немного поуляжется, а пока пристроился к костру, и сосредоточился было на созерцании огня, как Ромис, наконец-то, соизволил выйти из задумчивости.

— Дит. Прости, но, если можно… — нерешительно начал он разговор, — ты только не обижайся, но… — он немного помялся и, пока не передумал, выпалил: — Зачем ты взял деньги?! Это не благородно! Мы же вместе сражались с разбойниками…

Я не торопился с ответом. Внимательно посмотрел в глаза другу. Увидел, что он искренне не понимает ситуации и переживает за меня.

— Их надо было наказать. И я сделал это.

— Но разве извинений, которые они тебе принесли, недостаточно?

— Для Леокарта вполне.

— Тогда почему… — я прервал его горячую речь.

— Потому, что Леокарт аристократ. Для него это унижение — достаточное наказание. А вот его наставник, во-первых, не дворянин, а, во-вторых, воин. Воину извиниться перед незнакомыми дворянчиками на глухой дороге всего лишь обычный маневр совершить. Вроде тактического отступления. Зато, расставшись с месячным жалованием — сорока пятью ящерками — в следующий раз этот первый меч баронства сорок пять раз подумает, стоит ли пренебрежительно отзываться о людях, которых сам не видел?

— Но ведь платил Леокарт…

— Он не платил. Он дал в долг! Для баронского сынка это, конечно, не слишком большие деньги и он может не стребовать их со своего наставника, но, думаю, тот сам из гордости не унизится до подачки. Хоть прижимист и бережлив, по-моему,

даже чрезмерно. Обратил внимание на его амуницию? Все добротное, но латанное-перелатанное. Жалование почти вдвое больше, чем у рядового гвардейца, а одет хуже всех.

— Одна-а-а-ако, — протянул Ромис. — Теперь я понял! Но, как ты все рассчитал… — он с большим удовольствием и облегчением расхохотался. — Надо же! Ты уколол этого старого гуся в самое больное место — в кошелек! Бедняга! — разыграл друг сочувствие. — Копил себе на старость. Уже вот-вот и купил бы оружейную лавку или трактир, да ушел на покой, а тут пришел голодный барс и — гам. Откусил знатный кусок.

Мы вместе посмеялись, потом я предложил разделить деньги в таком соотношении — каждому по пятнадцать золотых лично и пятнадцать в общий котел. Причем казначеем назначался Ромис. Мне понравилось, как он максимально эффективно умеет тратить деньги. Учитывая, что ему с детства приходилось экономить, лучшего кандидата на эту вакансию представить было трудно. После непродолжительных споров, раздел добычи был успешно завершен, поздравления с высокой должностью Ромисом были благосклонно приняты и мы отметили это событие добрым глотком вина.

До перекрестка добрались ближе к вечеру без происшествий. Торговцы честно расплатились, посокрушались, что наши планы не изменились, и отбыли дальше. На полянке близ перекрестка — постоянном месте стоянок караванов — в ожидании оказии остались мы с Ромисом и пара крестьянских телег, направлявшихся по неведомой нам надобности в Лиманго.

Крестьяне ехали семьями: на одной телеге мужчина лет сорока, двое парней — старшему лет двадцать, младшему около четырнадцати — и женщина лет тридцати пяти; на другой — мужчина и женщина лет по тридцать пять и девушка, не старше семнадцати, видимо, дочь. Скорее всего, они были добрыми соседями или даже родственниками, поскольку все дела делали совместно: парни, не разбирая свои-чужие, отогнали лошадей попастись; женщины занялись готовкой; мужчины — проверкой телег и груза. Своих лошадей мы отогнали в табунок крестьянских и, кинув мелкому пацану пару медных косточек, попросили приглядеть. Он с восторгом согласился и тут же отнес весь заработок отцу.

Когда женщины все приготовили, нас пригласили не побрезговать и разделить их простой, но сытный ужин. Мы, не чинясь, прихватив пару фляг вина еще из Вармока, подсели к костру и отдали должное домашней стряпне. Постепенно завязался разговор. Нам с удовольствием поведали, а мы со

вниманием выслушали, деревенские байки и различные веселые истории, случившиеся с односельчанами рассказчиков. За этими делами время пролетело незаметно. Я часа на два оставил общество ради вечерней разминки и, вернувшись, застал Ромиса вовсю обихаживающим дочку одного из возчиков, девушку крепкую и ладную, словно наливное яблочко. Впрочем, мама с папой подпирали свое сокровище с боков и ясно давали понять, что не допустят ничего, кроме легкого флирта, естественного для молодежи. Они прекрасно понимали, что отхватить в зятья дворянина, для них сказка несбыточная. Ромис, встретив такую продуманную оборону, горестно повздыхал, пожаловался, как ему будет одиноко и холодно спать одному, одарил девушку жалобным взглядом больного пса «Прощай, жестокий мир!» и отправился спать.

Вот это мастерство, восхитился я. Крестьянская дочка чуть не разметала родителей в порыве согреть и утешить страдающую душу. Однако те были начеку и задушили в зародыше светлые стремления молодежи.

Около полудня следующего дня, аккурат перед обедом, на дороге показалась пыль, указывая, что в нужном нам направлении движется караван или большой отряд. Через некоторое время можно было различить кортеж из кареты с графскими гербами и большой крытой повозки, эскортируемый двадцатью гвардейцами во главе с капитаном, приземистым, широкоплечим мужчиной. Главной достопримечательностью его квадратного лица, кроме кирпичного цвета и по-рачьи выпученных глаз, были длинные и пышные пшеничные усы, залихватски подкрученные и чуть ли не заложенные за уши. Подчиняясь его команде, которую он не то прохрипел, не то прорычал, отряд свернул на поляну, видимо, собираясь сделать привал.

Надо сказать, что по случаю жаркого дня мы с Ромисом были в одних штанах и босиком, только что после купания в ручье, протекавшем неподалеку. Пояса с оружием еще не успели прицепить, и они лежали на траве у наших ног. Если смотреть со стороны, то мы практически не отличались от крестьян-попутчиков, которых мало волновал этикет, но очень волновало собственное здоровье. Мужчины не обременяли себя одеждой, разгуливая в одних штанах, да и женщины были обряжены в короткие и тонкие льняные сарафаны.

В окне кареты Ромис заметил миловидное личико, и стоило экипажу остановиться, как он подскочил к дверце и настежь распахнул ее, в изящном поклоне предлагая даме руку. Спешившийся капитан отряда одарил его злым взглядом и в свою очередь предложил свою, прорычав:

— Что ты себе позволяешь, смерд?!

Ромис вспыхнул, метнулся к оружию и, на ходу опоясываясь, вернулся к карете. Девушка застыла на пороге, наблюдая за происходящим.

— Сэр! Я дворянин и, если у тебя есть сомнения, готов их развеять прямо здесь и сейчас! — яростно глядя в глаза капитану, крикнул Ромис.

— Я не дерусь с младенцами, — презрительно фыркнул тот.

— Тогда я тебя просто убью!

Ромис обнажил шпагу и встал в атакующую позицию. Капитан, красный от ярости, тоже выхватил свой клинок. Казалось, бой неминуем. Я уже опоясался, выхватил метательные ножи — саму перевязь, равно как и прочее облачение, надевать было некогда — и приготовился к бою. С двадцатью конными шансов справиться у нас не было, но подороже продать свои жизни мы могли. Минимум пятерых я готов был прихватить вместе с собой на тропу великой охоты.

— Господа! Господа! — ласковым колокольчиком прозвучал голосок девушки из кареты. — Прошу вас немедленно прекратить. Капитан! Я тебе приказываю! Немедленно извинитесь перед этим юношей. Вы его обидели незаслуженно… Ну же. Капитан?!

Задыхаясь от ярости, тот, тем не менее, подчинился: вложил шпагу в ножны и слегка поклонился.

— Я… прошу… извинить меня.

Ромис куртуазно поклонился даме и, также убрав шпагу, небрежно кивнул офицеру, от чего тот задышал вдвое чаще.

— Я принимаю твои извинения.

Затем он подал девушке руку, та приняла и грациозно сошла на землю. Ромис еще раз поклонился и, нежно глядя в ее глаза, спросил:

— Прекрасная сеньорита позволит нам одеться, как подобает? Мы только-только успели принять ванну и не успели привести себя в порядок.

— Разумеется, сэр…

— Позволь представить тебе. Сэр Ромис, — влез я в этот разговор.

— Позволь представить тебе. Сэр Дит, — друг не остался в долгу и представил меня.

— Капитан. Представь меня, пожалуйста.

— Сеньорита Виолика, старшая дочь графа Фарди.

— Благодарю, — сказала графиня капитану и, обращаясь к нам, разрешила. — Разумеется, сэр Ромис и сэр Дит, вы можете привести себя в порядок.

При этом ее любопытный взгляд, как бы рассеяно, скользнул по нашим полуобнаженным фигурам и несколько дольше задержался на моем друге.

Ромис, как ошпаренный, бросился одеваться. Лихорадочно поправляя воротник, он умоляюще посмотрел на меня.

— Дит.

Так. Ясно. Сейчас будет что-то просить. Если оружие, то не дам.

— Ди-и-и-ит…

— Не дам!

— Что не дашь? — он удивленно вытаращил глаза.

— Оружие не дам, — твердо и безапелляционно повторил я.

— Мне не надо твое оружие, — немного обиженно зашептал он. — У меня свое есть. Хорошее… Дит… А можно?.. Прости если что не так… Можно я тебя своим телохранителем представлю?

— Зачем тебе это?

— Я боюсь, на голодранца она даже не посмотрит.

— Так посмотрела уже. Тебе мало?

Он так умоляюще смотрел на меня — и оружие не попросил — что я согласно кивнул.

— Ладно. Телохранитель, так телохранитель.

— Спасибо. Ты меня прямо спасаешь! — обрадовался Ромис. — Это не надолго. Пока едем вместе…

В это время из повозки выбрались две девушки-служанки и трое мужчин, которые споро стали расставлять складные стол и стулья. Для сеньориты вытащили походное кресло и поставили его на самое почетное место во главе стола, который уставили приборами, разнообразной снедью и напитками.

Госпожа приказала принести еще два стула, и пригласила нас присоединиться к ней. Мы не стали ломаться и с удовольствием приняли приглашение.

К началу обеда из кареты вышли двое попутчиков молодой графини. Девушку лет восемнадцати — грудь и по… за… в общем, нижние округлости слюну вышибали на раз — глаза и волосы черные, как ночь, лицо немного смуглое, губы припухлые и алые, как маков цвет и такие же дурманящие — представили нам как сеньориту Мирасель. Широкие бедра, высокая грудь, цвет глаз и волос, все строение тела, когда девушка, не будучи на самом деле худощавой, таковой выглядит, непреложно указывало на ее происхождение из древних родов Конкисты.

Стройный пожилой мужчина в длинной мантии служителя Создателю с повадками отставного офицера пехоты оказался братом Зорвесом. На груди его покачивался, пуская солнечные

зайчики, массивный и явно остро заточенный серп на крепкой серебряной цепи — символ братства жнецов. Взгляд его был суров и отрешен, словно служитель каждый свой шаг свершал только с одобрения Создателя и потому непрерывно держал связь с небесным начальством, не отвлекаясь на мелочи вроде людей на его пути. Рассеяно благословив присутствующих, трапезу и окрестности, он сел на свое место и энергично принялся за скромные дорожные закуски: маринованных миног, копченый свиной окорок, печеных фазанов, несколько видов овощных и фруктовых салатов, лепешки и пироги с разнообразной начинкой. Украшали застолье несколько бутылок превосходного вина.

Пока Ромис, распушив хвост, изливал на графиню, может, не очень утонченные, но пространные комплименты, я не терялся и, следуя живому примеру служителя, отдал должное искусству поваров. Я столь энергично работал челюстями, что служитель на секунду отвлекся от общения с начальством, и одобрительно посмотрел на меня. Однако, оглядев стол, удвоил скорость переработки продуктов. Утолив первый голод, сотрапезники активно переключились на застольную беседу — легкий треп о пустяках с осторожным прощупыванием друг друга. Беседовали, в основном, графиня и Ромис. Капитан основательно и сосредоточенно пополнял запасы внутренней базы снабжения. Зорвес, снизив темп потребления продуктов, пристально всматривался в небесные знаки. Мирасель сидела, словно оглушенная мировыми проблемами, свалившимися на ее бедную прекрасную головку, вяло клевала какой-то салатик и никак не показывала свою заинтересованность разговором. Меня изначально никто в расчет не принимал. Видимо, как обычно, моя физиономия каждому умному говорила о непроходимой тупости и дремучести ее носителя. Подозреваю, что начни я шумно сморкаться в салфетку и вытирать руки об волосы… свои… а, может, и чужие, все приняли бы это как должное.

А Ромис разливался соловьем на свидании с соловьихой. Непрерывный поток слов, в каждой фразе которого содержалось новое восхваление хозяйки стола, прямо утопил девушку в бочке патоки. Она млела, краснела, глазки ее возбужденно блестели, а ротик приоткрывался только для нового восторженного «Ах!» на очередной словесный пируэт Ромиса.

Капитан, которому, вероятно, было поручено охранять не только тело графини, но и ее душу от нежелательных дорожных романов, на очередную арабеску друга приостановил работу челюстей, не выпуская изо рта недогрызенный пучок зелени, посмотрел на девушку, потом на Ромиса, пришел к определенному выводу и, торопливо втянув в организм

мешающую траву, приступил к форменному допросу. Кто, откуда, зачем и почему?

На вопросы друг отвечал расплывчато, недоговаривая, но без лжи: да, сын нетитулованного дворянина; да, следует в столицу искать счастья; нет, папа мог бы спокойно содержать, но он, Ромис, решил сам всего добиться; нет, денег он и сам может одолжить — в доказательство Ромис позвенел нашим общим кошельком.

— А почему ты путешествуешь без охраны, если говоришь, папа у тебя достаточно богат? — оч-чень даже доброжелательно поинтересовалась графиня.

— Папа хотел дать, — натурально поморщился Ромис, — … десяток охранников. Я сказал ему, что не хочу выглядеть избалованным мальчишкой и поеду один. Тогда папа категорически потребовал взять хотя бы одного барса из десятка. Я ткнул в первого попавшегося и… не жалею. Дит неразговорчив, но фактически уже скорее мой друг, нежели просто охранник.

За столом все замерли. Даже служитель с Мирасель отрешились от своих горних проблем, чтобы посмотреть на мою личность, невозмутимо доедающую телячий язык в желе.

— Как-то не верится, — с солдатской прямотой сообщил общее мнение капитан. — Насколько мне известно, барсы высокие… красивые голубоглазые блондины. А это… этот… человек… несколько отличается.

— Дит, — ласково, как к глупому ребенку обратился ко мне Ромис, — покажи, пожалуйста, твой клановый знак.

Я равнодушно воспроизвел на ладони своего барсика и продолжил насыщение… пока не отобрали.

Всеобщий вздох за столом подтвердил мое мнение, что большинство из присутствующих, если не все, знали его.

— Не просто барс, а даже снежный — элита элиты, — задумчиво про себя пробормотал Зорвес и со значением посмотрел на Мирасель. Та ответила согласным взглядом, и Зорвес прикрыл глаза, выражая готовность действовать.

Агрессии в этих переглядываниях я не ощутил. Всего лишь заинтересованность в собственной персоне. Однако встречных шагов предпринимать не стал — всему свое время. Когда оно придет — тогда и выяснится, что от меня хотят.

Бойцы поели и отдохнули, слуги, также не оставшись голодными, споро собрали стол и вскоре отряд был готово к выступлению. Ромис попросил разрешения присоединиться к кортежу, и оно было дано. Однако не раньше, чем графине удалось преодолеть сопротивление капитана. Тот категорически был против присутствия незнакомцев — нас с Ромисом —

поблизости от охраняемых объектов. Только после клятвы моего друга, уверившего, что ни он, ни его охранник против отряда ничего не затевает и даже видит охраняемых лиц впервые в жизни, согласие со страшным скрипом — зубов капитана — было дано.

Мы тепло распрощались с крестьянами, девушка даже немного всплакнула при расставании, Ромис, как ни отговаривались добрые люди, буквально навязал им воробья в благодарность за тепло и вкусную еду, которой они делились, не думая о деньгах. Присоединиться к отряду они даже не пытались.

На пути в Лиманго Ромис не отходил от графини. Он ехал рядом с каретой, читал девушки лирические стихи, которых знал множество, пел любовные романсы, рассказывал смешные истории, а утром собирал цветы и прямо так, в каплях росы, вручал предмету своих домогательств на пороге кареты, дожидаясь ее пробуждения, как верный пес.

На третий день пути я не выдержал и спросил его.

— Ромис, зачем тебе это надо? Ты же понимаешь, что у тебя ни единого шанса затащить ее в постель.

— Темный ты человек, Троглодит, — сочувственно вздохнул друг. — Не понимаешь ты истинного предназначения мужчины… Во всяком случае, как понимают его дамы.

— И в чем же оно, как не защищать этих самых дам от опасностей и тащить им добычу в клювике.

— Эх, Дит! Как было у тебя прямо пещерное понимание людских отношений, так и осталось… Э-э-э-э… только не надо сворачивать мне голову… Оставь мне ее на память. Там еще пара мыслей есть. Пропадут ведь для потомков!! Уф-ф-ф! Дикарь!.. Стоп! Я пошутил! Ты самый образованный и культурный человек нашей с тобой современности… Ух-х-х-х. Все. Не буду с тобой разговаривать… Нет! Буду, буду, только отпусти… На чем я остановился? А. Да. Так вот. Твое пещерное… то есть я хотел сказать, что ты не совсем понимаешь роль и место девушек в мироздании. Что это значит? Ну-у-у… представь себе прекрасный цветок. Чтобы оценить его прелесть, при условии, что практической пользы найти в нем невозможно, надо быть образованным человеком… Да верю я, что ты грамотный. Верю! Понимаешь, любуясь красивой девушкой, я получаю эстетическое удовольствие, как от этого самого цветка. Раскрыть бутон… Фу! Какие аналогии! Причем тут сеновал? И фу! на эти анатомические подробности строения девушек! Я не про это. Я получаю наслаждение просто от созерцания того, что от моих слов и знаков внимания девушка расцветает, как бутон. Это

образное выражение и говорит оно об ином, а не о том, что ты думаешь после того злачного заведения! Так вот. Продолжаю. Пусть девушка реально любит кого угодно, и будет ему верна до могилы, но здесь и сейчас мне приятно, что ей хорошо в моем обществе и я готов в лепешку расшибиться, чтобы не разочаровать ее ожидания. Вот так все просто… А насчет постели… Чем дольше ожидание сказки, тем волшебнее сама сказка, а мой отец не уставал мне повторять: не будь жаден с женщинами, трать деньги на их капризы — в пределах разумного, конечно — и не забывай ими восхищаться. У каждой женщины есть то, чем стоит восхищаться. Не у всех это сразу можно увидеть, но у каждой это есть непременно. И, если найдешь, будешь счастлив всю жизнь. Не в ярких перьях, стройной фигурке и смазливом личике дело… а в… пусть это банально звучит, но красота преходяща, а душа… душа вечна.

Друг впал в задумчивость и через некоторое время очень серьезно, бледно улыбнувшись, сказал.

— Ты знаешь, мне как-то довелось это проверить на собственном опыте. В каком-то балагане… не помню даже в каком, забрели мы туда с друзьями после кабачка немного в веселом настроении… Так вот. Там, после довольно-таки посредственных жонглеров и клоунов, вышла девушка. Не красавица. Личико кругленькое, носик картошкой, росточек маленький, платьишко, как с чужого плеча… Мы заржали… Как тупые жеребцы заржали. Думали, еще один клоун вылез. А она молчала. Долго молчала. Пока всем ржать не надоело. Потом начала читать стихи… Негромко. Без пафоса и актерских ужимок. Но мне тут же показалось, что читает она только для меня и обо мне. Точнее, о нас с ней. Известные стихи превосходных поэтов, но так, будто их словами она только со мной вела диалог… Я ощутил всей душой, что именно я ее единственная, последняя и прощальная любовь, после которой разлука неизбежна и навсегда… после которой смерть есть покой забвения… Это было настолько щемяще прекрасно… Мне стало плевать на то, как она выглядит. Я в тот момент ее любил больше жизни и вместе с ней прощался с любовью… — Ромис сглотнул комок в горле, — навсегда! Представляешь?! Навсегда!.. Весь ужас этого слова предстал передо мной так ярко, что я не смог сдержать слез. В этот момент дурнушка-артистка казалась мне прекраснейшей и желаннейшей женщиной в мире. Да и сейчас я в это верю! Верю, несмотря ни на что! — яростно выкрикнул Ромис. — Она действительно прекрасна! Поверь мне! Душой! Не телом! Понимаешь?! Но тело — это такие мелочи, что я, наконец-то, понял нашего служителя Создателю, брата Горста, буквально

умолявшего нас видеть за конкретным телом душу. Он утверждал, что вместилище может быть прекрасно, но содержать демона, или ужасно, но вмещать бриллиант. Мне, Дит, есть с чем сравнивать. Пойми! Отец — заслуженный человек и его не раз приглашали на балы к нашему барону. Там музицировали, пели и читали стихи дочери окрестных дворян и гостьи барона из других баронств и даже графств, но… Никогда! Ни-ког-да!.. Понимаешь?.. Я не встречал ничего подобного. Теперь мне кажется, что я подло обманываю каждую девушку, какую встречаю, но каждый раз ищу похожую на ту артистку и не могу остановиться. Тогда я легкомысленно решил, что в любой момент я ее найду… И ушел. А надо было схватить, умолять и держать… Теперь поздно!

Ромис оказался романтиком, но и весьма прагматичным парнем. Такое понимание рационального отношения к прекрасному полу заставило меня всерьез задуматься о своем отношении к этому самому «прекрасному» — у меня было свое мнение — полу.

Пять дней до Лиманго для меня пролетели в обычной дорожной скуке, а для Ромиса в непрестанной борьбе за сердце Виолики. Уж не знаю, каких успехов он достиг, но длительная процедура целования ручки, начинающаяся с пальчиков, к концу поездки достигла уже лебяжьей шейки. У самых ворот города мы почти одновременно получили предложения: Ромису стать сержантом гвардии отца Виолики, а мне — телохранителем Мирасель.

Учитывая, что гвардия графа состояла сплошь из дворян, доказавших преданность и верность сюзерену — отменные качества воина подразумевались само собой — предложение стать сразу сержантом было оч-чень щедрым, и друг не устоял. Я понял это по его виноватому виду, когда он подскакал ко мне и рассказал обо всем.

— Понимаешь, Дит. Такое предложение бывает только раз в жизни. Это немыслимая удача, что нам встретилась эта прелестная девушка. Скажу честно. Я не рассчитывал, что в столице мне удастся поступить хоть куда-нибудь. Таких, как я, тьма-тьмущая. Всем хочется попасть в гвардию короля или хотя бы барона, а тут… — он тоскливо посмотрел на меня и через силу честно сказал. — Я понимаю, что поступаю по-свински, но место только одно… Хочешь, я откажусь и поеду вместе с тобой в столицу?

— Нет, Ромис. Не упускай свой шанс. Зачем ехать в столицу, когда ты уже нашел то, что искал? Я не в обиде. Честно. Даже рад за тебя.

— Правда? — искренне обрадовался Ромис. — Ты действительно не сердишься на меня?

— За что же мне на тебя сердится, если тебе наконец-то повезло? Ну, поступил бы ты в гвардию какого-нибудь графа в столице, а не здесь, что изменилось бы? И скорее всего рядовым, а не сержантом… Так что, не мучайся — все в порядке! Со мной тоже все будет хорошо.

Ромис благодарно улыбнулся мне и ускакал к карете своей дамы. А через пару минут после обмена взглядами: графиня — Мирасель — Зорвес — предложение поступило и мне.

— Сэр Дит. Насколько я понимаю, теперь ты должен быть свободен от обязательств, поскольку не можешь служить служащему? — подъехал ко мне Зорвес.

— Это так, — коротко резюмировал я.

— Значит, тебя ждет следующий найм, а в данный момент ты свободен?

— И это так, — не стал я блистать красноречием.

— Тогда позволь тебе предложить службу соответственно твоей компетенции… — он проговорил это так, будто сомневался, что я из-за своей тупости пойму.

Не желая разочаровывать будущего нанимателя, изобразил ворчанием что-то вроде: «Угу-ага-пошел-нафиг!»

Глава 6

Дормез с сеньоритой Мирасель, братом Зорвесом и служанкой внутри вкатился на постоялый двор и остановился напротив входа. Я спешился и встал сбоку от дверцы экипажа в полной готовности отразить возможное нападение. Лейтенант гвардейцев, лихо спрыгнув с коня, подошел с другой стороны и, согнувшись в почтительном поклоне, открыл дверцу, предлагая свою верную руку госпоже. Сеньорита царственно сошла на грешную землю — ковры постелить никто не догадался — слегка опершись на предложенную длань и стала подниматься на крыльцо. Дверь резко с визгом петель распахнулась, и навстречу колобком выкатился, видимо, хозяин этих придорожных хором. Однако вместо лица прекрасной Мирасель перед самым его носом внезапно оказалась тупая и злобная харя дикаря. Реакция меня не подвела, и я успел загородить охраняемое тело от поползновений неизвестной в данный момент личности. Колобок с молниеносной быстротой — почти ирбис — вкатился обратно, успев при этом захлопнуть дверь и завизжать праздничным поросенком под ножом неопытного мясника.

Мысленно я себя похвалил — ежедневные тренировки по произвольному входу-выходу в холод, наконец-то стали сказываться, да и бой с разбойниками дал мне существенный пинок… то есть толчок в развитии. В настоящий момент я уже мог практически без предварительной настройки мгновенно входить в это состояние и также быстро возвращаться к обычному восприятию, да и время нахождения в холоде также увеличилось до трех минут, что со всей очевидностью показали тренировки. Насколько это важно для экономии внутренних ресурсов говорит хотя бы тот же бой с разбойниками. Тогда я не мог себе позволить вот также делить доступное время на интервалы и по истечении двух с половиной минут, то есть, исчерпав резервы, я мог оказаться в полуобморочном состоянии против сильных противников. Сумей они воспользоваться моей временной слабостью и одним барсиком стало бы меньше. Слава Создателю, времени разделаться с лжегвардейцами мне тогда хватило, хотя и впритык. Об этой опасности нас неустанно предупреждал наставник, раз за разом повторяя, что уметь делить время в холоде на интервалы, использовать любую секунду обычного состояния для восстановления ресурса и максимально точно определять момент, когда он необходим, едва ли не важнее самой способности.

Между тем, все, кто был во дворе и наблюдал этот короткий эпизод провинциальной жизни, застыли в столбняке, силясь понять, что же такое сей момент произошло. Зорвес почему-то приглушенным голосом спросил, неизвестно к кому обращаясь.

— Что?.. Что произошло?..

Мирасель, приоткрыв ротик, почти не дыша, смотрела на гостеприимно захлопнувшуюся перед самым ее носиком дверь постоялого двора и ее лучистые глаза, ставшие огромными, как у легендарных элвов, были полны глубочайшего изумления. Пришлось мне прояснять ситуацию. Оглянувшись на служителя Создателю, я выпятил челюсть — так моя физиономия казалась более дикой — и прорычал.

— Я защищал госпожу.

После столь подробного рассказа, люди задышали ровнее, задвигались и продолжили подготовку к ночлегу, снимая с лошадей поклажу и передавая поводья конюхам. Однако войти в помещение сквозь крепкую закрытую дверь можно было только путем штурма, так как изнутри открывать отказывались категорически и даже, если верить ушам, начали строить баррикады. Зорвес начал было сыпать угрозами. Дескать, если тот же час нам не откроют, он велит спалить этот сарай вместе с теми, кто окопался внутри. Но я поступил проще. Поймав одного из конюхов, пинком подогнал его к двери и, для профилактики злобно глянув, вежливо попросил: «р-р-р-р-ры!» — взять на себя переговоры с хозяином. Мужчина слегка дрожащим голосом поклялся, что во дворе знатные господа, а тот господин, который страшный орк, на самом деле совсем не страшный и не орк, так как орков не бывает, а этот «неорк» и вовсе телохранитель госпожи, и без ее приказа никого не кусает. То есть он вообще не кусачий… но обещал покусать всех, если тотчас не откроют, не то он откроет сам и тогда… Мне понравился полет его фантазии и я, одобрительно рыкнув, дружески хлопнул его по плечу. После падения на задницу конюх вставать не стал. Так, спиной вперед, шустро перебирая руками и ногами, он и проскакал в направлении конюшни, где и скрылся из виду.

За дверью хором всхлипнули, мигом разобрали баррикаду, лязгнул засов, и тяжелая створка робко приоткрылась. Бледная тень былого энергичного колобка высунула нос в дверной проем, углядела служителя Создателя рядом с сеньоритой, шумно выдохнула, проявилась во плоти и распахнула дверь. Впрочем, первым вошел все-таки я, чуть было не вернув хозяина в мир призраков. Осмотревшись и не увидев опасности, я пригласил девушку войти. Заканчивался второй день нашего длинного кружного пути в столицу Конкисты — Марид. Здесь, на этом

постоялом дворе, Мирасель предстояла первая из запланированных встреч.

Аталию и Конкисту вместе можно представить в виде двух штанин одних и тех же панталон. Основная часть государств находится на полуостровах огромного материка, посредине узкого пояса в материковой части проходит сухопутная граница с Конкистой и Галитией. Между «штанин» теплое и глубокое Эрусское море с кучей островов и островков. Столица Конкисты находилась ближе к Срединному морю и гиперборейскому океану, в отличие от Аталии, где столица располагалась почти в центре «штанины». У королей явно были свои резоны в том, чтобы назначить место своей постоянной дислокации именно в этих местах. Кто я такой, чтобы оспаривать их мнение, тем более в те времена.

За эти дни в новой для себя компании у меня так и не появилось повода снять маску тупого, но послушного дикаря. К тому же сиятельные господа иногда, не стесняясь моего присутствия, свободно обсуждали свои тайны. Правда, на языке Конкисты — конкистос, так правильно назывался их язык — но для меня это не препятствие. Язык сопредельных государств наставники не обошли своим внимание. Если говорить свободно я не научился, то понимать через пень-колоду смысл вполне мог. Так что стоит моим нанимателям догадаться, что их тайны для меня уже не тайны, и лежать моему телу под развесистой елкой в дремучем лесу, слушая лирическое щебетание ворон. Если, конечно, вдруг, они догадаются, что я понимаю их разговор.

Очень уж не хотелось мне принимать предложение этой парочки, спевшейся с графиней — их перемигивание и переглядывание ясно показало мне, что они заодно — поэтому я и сделал вид, что не понял, о чем там говорил брат Зорвес. За время пути я разговаривал только с Ромисом и то, говорил, в основном, он. Отсюда, думаю, все и пришли к выводу, что барс этот глуп, как пробка, оттого и молчалив. Как бы то ни было, но муть в этом их предложении определенно была.

Ох, и повеселился я, глядя, как тужится Зорвес, изо всех сил пытаясь «на пальцах» простыми, можно сказать примитивными, словами в стиле: «Моя твоя не понимай» — донести до меня мысль, что Ромису мне уже служить не надо, поскольку тот уже на службе и гвардейцу телохранитель не полагается, а я, наоборот, теперь свободен и могу принять их предложение. В эту игру — «объясни дикарю» — с энтузиазмом включились и графиня с Мирасель. Все трое так старались, перебивая и перекрикивая друг друга, что вскоре и сами забыли о предмете разговора. Народ в Конкисте — хм, интересно звучит: конкистяне

и конкистянки — горячий, вспыхивает по малейшему поводу. Так что вскоре ор, гам, молнии из глаз и размахивание руками, — графиня, хоть и аталийка, не отставала, — привлекли внимание всего отряда. Некоторые подумали — случилось нападение. Кто-то заорал: к оружию! Гвардия ощетинилась клинками, взяв спорщиков в круг в готовности порвать супостата на ниточки, но не пустить к охраняемым персонам. Это немного охладило спорщиков, которые — одна голова хорошо, а три лучше — пришли к согласию и доверили вести разговор кому-то одному. На этот раз графине. Та подошла ко мне и мягко спросила:

— Сэр Дит, ты понимаешь, что тебе предлагают работу? — я мотнул головой в знак согласия. — Значит, ты согласен?

— Нет.

— Но почему? Ты же еще не слышал, сколько тебе предлагают?! Почему же ты отказываешься?!

— Барсы служат только Аталии.

— Вот оно что! Тогда можешь быть спокоен, — Виолика перешла на шепот, — клянусь, это делается в интересах короны Аталии. И у меня даже есть право приказать тебе согласиться.

Она достала из-за корсажа свиток, развернула и предъявила мне, рассчитывая скорее на магическое действие королевской печати, нежели на текст: подательница сего, такая-то и такая-то, действует в интересах короны… оказывать всемерное содействие… не чинить препятствий… и так далее, и тому подобное.

— Ну? Теперь препятствий нет? — я неохотно кивнул. — Сеньорита Мирасель едет в Конкисту по важнейшему делу. Иногда ей придется вести переговоры, имея не более одного телохранителя. Барса из королевских охранителей приставить нельзя, слишком заметная у них внешность… — тут девушка опомнилась и махнула рукой. — Вряд ли ты понимаешь, о чем я говорю. Знай. Так надо! Кроме того, тебе будут платить целых три золотых дракона в день! Правда, здорово?!

— Двадцать пять, и на меньшее я не согласен, — категорически потребовал я цену опытного барса в слабой надежде, что, испугавшись затрат, от меня отстанут.

Графиня с уважением посмотрела на меня и отошла к компаньонам переговорить. Я, в свою очередь, с видом тупого безразличия навострил уши и сконцентрировал внимание на разговоре.

— Главное препятствие снято, — доложила графиня. — Дело было в том, что согласно клановой клятве, барсы не служат гражданам других государств иначе как по разрешению самого короля. Мне пришлось поклясться, что у меня такое право есть.

Однако задешево сговорить его не получилось. Может, в остальном он и троглодит, но деньгам счет знает, а приказать снизить цену даже король не вправе.

— Деньги не проблема. Безопасность сеньориты важнее, — секунду подумав, ответил Зорвес. — Тем более, нам он нужен ненадолго. Всего лишь до завершения операции. А это месяц. От силы два. Полторы тысячи золотых в общей сложности казна Конкисты как-нибудь выдержит.

Вот так я и стал телохранителем сеньориты Мирасель, гражданки Конкисты. Несмотря на то, что более щедрое предложение в ближайшие годы я вряд ли смог бы найти, тем не менее, оно мне очень не нравилось. Но раз в интересах короны, то… Не настолько я тупой, чтобы не понимать — интрига разворачивается на самом высоком уровне и наш король очень заинтересован в положительном результате. Услышанные в трактирах разговоры позволяли сделать вывод, что в королевстве Конкиста сейчас идет нешуточная борьба за власть — делят корону недавно почившего короля Самитоса. Наибольшие шансы у его старшей дочери, поскольку живых наследников мужского пола в королевской семье не было, а закон о престолонаследии этого государства позволял женщинам занимать трон. История знала несколько примеров, когда эти милые создания жестко, даже жестоко, использовали это право и достигали впечатляющих успехов в деле управления страной. Таким образом, роль Мирасель мне была не совсем ясна, но то, что на ее хрупких плечах лежала задача организовать или просто связать между собой силы одной из сторон, было абсолютно ясно.

Виолика проводила нас до самой границы, пролегавшей на окраине Лиманго, где передала с рук на руки полусотне гвардейцев во главе с молодым, но явно опытным, лейтенантом. Бойцы были обряжены в нейтральную серую форму без гербов, но по выправке и повадкам не оставляли сомнений в своей принадлежности к элитным войскам по меньшей мере графа, если не герцога. С отрядом госпожу ожидал удобный дормез вместе с пожилой горничной-кухаркой. Во время ночевок под открытым небом она занималась готовкой для Мирасель и брата Зорвеса. Меня не приглашали, а я в свою очередь не настаивал на своем праве питаться с нанимателями за одним столом и спокойно ужинал в компании воинов. Вскоре стал для них своим и понял это, когда впервые удостоился дружеской подначки. Большинство воинов отряда свободно говорили на аталийском, что уже само по себе говорило о необычности этого отряда. Тем, кто плохо владел языком, товарищи с удовольствием переводили. Так вот. Кто-то в шутку предложил пускать меня вперед при

посещении борделя, дескать, все остальные на моем фоне будут выглядеть такими красавцами, что смогут рассчитывать на скидку. Сказав это на аталийском шутник, да и весь десяток, расположившийся у костра, притих в ожидании моей реакции. Стоило мне обидеться, как передо мной немедленно извинились бы, но я тут же стал бы для них чужим. Грубоватый солдатский юмор мне хорошо знаком, а обижаться на своих я уже давно перестал, да и самый раскрасавец не избежал бы подобного, поэтому, спокойно облизав ложку, я предложил шутнику поделиться скидкой. Дескать, работать пугалом бесплатно — не согласен. Уяснив, что злиться я не собираюсь, а деньгам цену знаю, все с облегчением загомонили, засмеялись, охлопали мои плечи и предложили постоянное место у костра их десятка.

Кстати, эта шутка подвигла меня на серьезное изучение конкистос — языка этого королевства. Я стал мысленно переводить на аталийский каждую услышанную фразу, произнесенную на конкистос, а слова на аталийском сначала на конкистос, потом на аталийский. При этом старался понимать, то есть видеть сразу целостный образ, а не переводить отдельные слова, и запоминать фразы и конструкции языка в целом.

Понятное дело, что обычно отвечал я на вопросы с немалой задержкой. Особенно в первые недели пути, что опять же способствовало образу, мягко говоря, не особо умного охранника. Меня мало беспокоило мнение на этот счет.

Трактирщик выделил нам четыре комнаты на втором этаже. В одной поселилась Мирасель со служанкой, в другой брат Зорвес с лейтенантом, а в двух комнатах по краям дежурный десяток. Четверо в одном номере, четверо — в другом и двое постоянно в коридоре на страже у дверей госпожи. Остальные посменно охраняли здание снаружи.

Долго думать, где же мое тело обретет покой — не вечный, а всего лишь ночной, не пришлось — Мирасель потребовала от трактирщика ванну для себя, для Зорвеса и… для меня. Кроме того, с любопытством глянув в мою сторону, приказала предоставить мне… девушку. Помочь помыться и заснуть. Вопрос с номером отпал. У девушки должна быть каморка для этих целей. Мало ли, постоялец из многоместного номера возжелает… Не при всех же… засыпать.

Пока таскали горячую воду, наполняя бочки, мы успели основательно подкрепиться и в бочку я полез в самом благодушном настроении. Минут десять я просто сидел, с наслаждением отмокая от дорожной грязи, в легком трансе восстанавливая запасы энергии и мысленным взором пробегая по телу снизу вверх и сверху вниз в поисках каких-либо нарушений.

Все было в порядке, но я, тем не менее — опять же мысленно — помассировал каждый мускул. После такой процедуры тело мое чувствовало себя превосходно отдохнувшим и готовым еще сутки скакать на лошади или бежать через буреломы дремучего леса.

Едва успел закончить с этим, как дверь тихонько приоткрылась и ко мне, не скрывая страха, робко подошла девушка. Она была невысокого роста, ладно скроенная, черноволосая и смугловатая, как все конкистянки. Глаза карие, в настоящий момент широко раскрытые из-за страха, который она испытывала по отношению ко мне, губы пухлые, ярко алые и чувственные. Моя банщица сообщила, что ее зовут Карима. Ей приказали помочь мне помыться и… заснуть. Я благосклонно кивнул и приступил к омовению. Девушка сначала неуверенно, потом смелее помогла мне вымыть волосы, потерла спину и… некоторые другие части тела. Увидев, что я не кусаюсь и не набрасываюсь с рычанием рвать ее на куски, она уже почти спокойно помогла мне обтереться, обернула полотном и провела в свою каморку, где уже была разобрана постель с чистым бельем. Мою одежду должны были выстирать, высушить и выгладить к завтрашнему утру.

Потушив свечку, Карима разделась и прилегла рядом со мной. Она опять была напряжена, видимо, ожидая от меня невесть каких гадостей, но в готовности стойко перетерпеть надвигающийся кошмар. Я возблагодарил Ромиса и Лейли за науку, поскольку «разогревать» девушку пришлось долго и терпеливо. В легком трансе мне удалось установить с ней слабый эмоциональный контакт, который позволил мне ориентироваться в ее желаниях и не делать того, что ей не нравится. Философы говорят, что девичья красота — это страшное оружие, которым большинство из девушек умеет пользоваться интуитивно, делая из воина со стальным стержнем гибкую веревку, готовую обвиваться вокруг тела прелестницы и… даже сушить на себе белье, если красавице того захочется. Однако не менее грозным оружием владеют и мужчины, способные прислушиваться к невысказанным желаниям женщины.

Короче говоря, просто «взять» Кариму мне было не интересно. Такое для меня равнозначно походу в туалет по мелочи. Поэтому я не пожалел сил на то, чтобы девушка стала откликаться на мои ласки, расслабилась и, наконец-то, стала получать удовольствие. Я стал понимать ее, как себя, и делать то, что ей хотелось. Даже то, что она не осознавала разумом, но желала подсознательно. Мои труды не пропали даром. Это было похоже на пробуждение вулкана. Сначала отдаленный рокот, легкие толчки, потом толчки становятся чаще, земля начинает содрогаться в конвульсиях и

вдруг — удар. Грохот и извержение лавы. На пике страсти Карима своими руками до хруста сжимала мои ребра (и откуда только силища такая?), кусалась, царапалась и орала, как стая взбесившихся кошек. В некоторые моменты я не мог четко сказать, кто кого берет — я ее или она меня. Скорее всего, это было взаимно.

Под утро, помня слова Лейли, пришлось несколько притушить этот вулкан и усталая подруга, мурлыкая от удовольствия, заснула, положив голову мне на плечо.

Мирасель проснулась поздно. Я к тому времени успел размяться, помыться и позавтракать. Впрочем, от повторного завтрака не отказался бы все равно. Когда госпожа вышла из номера, я, как положено телохранителю, пристроился рядом, но чуть сзади, и проводил ее вниз в обеденный зал.

— Как спалось, сэр Дит? — с некоторой ехидцей спросила Мирасель.

— Хорошо спалось, сеньорита, — равнодушно ответил я. Не буду же я с ней обсуждать, что и как у нас было с Каримой.

— Девушка хоть жива? Ты ее не сильно напугал?

— Жива. А что с ней сделается?

— Ну-ну…

Мы как раз проходили мимо купальни, где зачем-то собрались горничные и прачки постоялого двора. Слушали они, затаив дыхание, выступление Каримы, которая экспрессивно, как все конкистянки, в подробностях описывала прошедшую ночь. Лестные для любого мужчины слова сыпались из нее сплошным потоком вместе с жестами, иллюстрирующими рассказ. Говорят, свяжите конкистянкам руки и они слова сказать не смогут. Похоже, что это — истинная правда. Карима прерывалась только на восторженные вздохи, ахи и охи. Не буду врать — это было настоящим бальзамом на мои сердечные раны, нанесенные мной самому себе в минуты острого самоуничижения. Я ведь прекрасно осознавал, насколько с такой внешностью реально привлекателен для девушек. Мирасель остановилась рядом с дверью и, ничуть меня не стесняясь, стала откровенно подслушивать. Когда женщины, завистливо повздыхав, переключились на другие темы, сеньорита, фыркнув, бросила на меня странный, как бы оценивающий, взгляд и в глубокой задумчивости отправилась завтракать.

После обеда состоялась, наконец, долгожданная встреча. В номер Мирасель прошествовал некий человечек, невысокого роста, но на здоровенных каблуках, не превышавших, впрочем, его самомнения. Сопровождал сего владетеля громила на голову

выше меня ростом и в плечах, примерно, вдвое шире. Лицо этого монстра перечеркивал глубокий шрам, начинавшийся от левой брови и заканчивавшийся на правой щеке. Позорным, с точки зрения барса, украшением этот охранник явно очень гордился. А уж силушку свою недюжинную стремился демонстрировать любыми способами. В частности, когда нас, то есть меня с сеньоритой и приезжего с этим охранником оставили одних — как выяснилось, наличие одного охранника с обеих сторон было условием встречи с этим мелким владетелем — громила, будто невзначай, стал мять и гнуть в пальцах медный прут толщиной в мизинец. Возможно, мелкий приезжий рассчитывал таким жалким способом произвести впечатление на сеньориту, но это ему не удалось — я, недолго думая, ткнул пальцем в стиле «шип розы» в солнечное сплетение кузнеца-любителя. Пока тот хрипел и пытался вздохнуть, отобрал пруток и с самым тупым видом стал его рассматривать. Мирасель, хоть и была шокирована таким моим поведением, тем не менее, быстро нашлась и небрежно пояснила напуганному дворянину, что: ее охранник такой недоверчивый — всякий пустяк принимает за нападение и тут же старается горло врагу перегрызть… настоящий дикарь! не обращайте внимания. Собеседник и не обращал. Весь вечер на меня старательно не смотрел и, заикаясь, вел переговоры, проявляя немалую покладистость.

Сами переговоры мне были неинтересны. Обсуждение, сколько земли отойдет данному владетелю после успешного завершения дела сеньориты и какие льготы в этом случае для него воспоследуют, напоминало мне торг на рынке, где каждая из сторон усиленно пыталась убедить своего оппонента в том, что при желании обойдется и без этого продавца-покупателя. Переговорщики меня не стеснялись, уверенные в том, что конкистос я не понимаю.

Торг продлился около полутора часов. Завершив его к обоюдному удовольствию, стороны разошлись, сеньорита направилась к себе, а я стал спускаться к ужину.

В зале огромным успехом пользовалось выступление трактирщика, который, судя по всему, подсаживался уже не к первому и даже не к третьему столику, где ему наливали пива и просили снова рассказать, как его чуть не сожрал ручной демон сеньориты. За ним от столика к столику следовала толпа почитателей, снова и снова наслаждавшихся рассказом.

— Так вот, братцы мои, — немного заплетающимся языком начал свой рассказ непосредственный участник события. — Вышел я на крыльцо с почетом встретить благородную сеньориту… Ведь не деревня какая, люди мы понимающие

куритура… крутуру…зное, в общем, вам все равно не понять, благородное обхождение со знатными особами. Так вот. Вышел это, значит, я. Дверь широко распахнул. Сам навстречу, значит, бежать собрался, чтоб даму халатным… то есть галатным поклоном приветить, да в дом пригласить. Ан не успел и двух шагов к ней сделать, как этот самый демон прям передо мной будто из воздуха возник. Я и глазом моргнуть не успел, а он… ну вот как сейчас ты… прям перед моим носом зубищами своими оскалился. А клыки у него вот точно с мой палец. Слюна с них ядовитая капает и землю, как есть, насквозь прожигает. Глаза светятся синим демонским огнем, а за спиной будто крылья нетопырьи колышутся. Сердце у меня прям в пятки ухнуло. В голове помутилось. Не помню, как в доме оказался, да дверь закрыть успел. А то бы точно — сожрал бы он меня. Могу спорить на все пиво, что в кружке моей осталось.

Трактирщик лихо, одним глотком допил пиво и перевернул посудину, доказывая отсутствие в нем даже капли упомянутого напитка. На что он тогда собирался спорить, я не понял, но благодарные слушатели взревели от восторга и снова наполнили ее пенным напитком.

— Потом-то разъяснилось все. Служитель Создателя, брат Зорвес, верой крепок. Он того демона силою Создателя связал и к сеньорите служить приставил. Вот оно как, братцы.

Я скромно сел за столик под вполне себе равнодушные взгляды посетителей — никто и не подумал принять меня за страшного демона — и знаками заказал ужин. Поскольку меню не отличалось большим разнообразием блюд, меня отлично поняли и принесли дежурный набор — жареную рыбу, хлеб, зелень и, разумеется, пиво. Видимо, мой облик никоим образом не сочетался с тонкими винами, которые подавались исключительно лицам аристократическим. Один из охранников торговцев, приезжавших к нам в Барск, рассказывал, что одно время служил у графа, обожавшего это простонародное пойло — пиво, которое вынужден был пить втихаря, дабы соседи не обвинили его в плебейском вкусе. Мне честно жаль этого графа. Мне вот никто не запрещает. Пей, сколько влезет. А за счет Мирасель чего ж не пить?

Вечером в комнате меня в нетерпении ожидала новая горничная. Она, по-кошачьи выгибаясь, предложила мне расстелить постель и помочь улечься спать. Совсем деревянным я не был, намек понял и взамен получил на целую ночь новый вулкан, не менее горячий и страстный, чем предыдущий. Поспать мне удалось всего пару часов, поэтому отъезд из гостеприимного трактира запомнился плохо. Возможно, мне показалось, что мою

горничную, еще более сонную, Мирасель перед самым отъездом вызвала в свою комнату и о чем-то подробно расспрашивала. С другой стороны, мало ли какие дела по женской части могли понадобиться сеньорите.

Уже недели три наш отряд полз по «штанине» Конкисты, прижимаясь к побережью эрусского моря, в направлении самой южной оконечности королевства. Что было конечной целью пути — столица, порты Срединного моря или Западного океана — мне было неизвестно. Путешествие протекало спокойно и скучно. На столь большой отряд нападать никто не спешил, а окрестные пейзажи быстро приелись — леса, холмистые поля, фруктовые сады и виноградники, чистенькие аккуратные деревеньки и городки, в которых мы изредка останавливались. Свежесть впечатлений быстро протухла на палящей жаре — у нас в Барске всяко попрохладнее — и первоначальный восторг от прелестей красочного буйства здешней природы к настоящему моменту значительно поугас. Можно сказать, один пепел остался, да и тот потихоньку развеивался слабым ароматным ветерком.

Размышления и попытки разгадать (впрочем, изначально довольно вялые), чем занимается Мирасель, быстро прекратились и более меня не развлекали. Для кого и зачем эта милая девушка ведет свои бесконечные торги, выяснить также не удалось. Из сплетен и слухов, в том числе из обмолвок самой Мирасель и гвардейцев охраны, стало известно, что в королевстве идет активный дележ власти, а претенденты на корону скоропостижно скончавшегося короля грызутся между собой, как пауки в кувшине. Наибольшие шансы занять высокое место, по общему мнению, у старшей дочери монарха, Росситеры, и у герцога Васкоза, ее дяди. Мирасель равно могла быть, как поверенной принцессы, так и герцога, а то и вовсе третьей стороны. Меня проблемы чужого королевства мало касались. Главное — защищать сеньориту в интересах нашего государства. Остальное несущественно.

Изредка нам приходилось ночевать по-походному, где-нибудь на поляне, но чаще все-таки в замках потенциальных сторонников или, на худой конец, в трактирах и на постоялых дворах. В последних каждый раз повторялась одна и та же история — сеньорита заказывала мне ванну и девушку на ночь. Наутро моя партнерша непременно вызывалась к Мирасель. Не скрою — это меня настораживало. Наставники частенько говорили, что самые скрытные мужчины в постели у женщины иной раз становятся неумеренно болтливыми. Я не хотел попадать в эту ловушку и старался не выходить из образа, сложившегося с первых дней

работы на сеньориту.

Помимо уже надоевших торгов с властителями различного уровня, пару раз Мирасель становилась участницей тайных совещаний, на которые, несмотря на некоторую опасность, меня не допускали. О чем там шла речь — неизвестно. С другой стороны, зачем мне тайны высоких особ? Проку от них не видно, а вот здоровья лишиться можно очень просто и быстро.

Возможность «поразвлечься» свалилась на нас, как обычно бывает с таким весельем, совершенно неожиданно. Мы ехали малолюдной кружной дорогой по землям какого-то графа, настроенного к миссии Мирасель явно враждебно. Командир, несмотря на молодость, опытный офицер, поторапливал людей, заставил гвардейцев надеть доспехи и быть готовыми к бою.

После обеда на горизонте показалась тяжелая грозовая туча, обещавшая долгожданную прохладу, бесплатный душ и ослепительный салют под гром литавров. Каждый в жару мечтает о дождике, а дождавшись, как можно быстрее стремится спрятаться от долгожданной благодати. Нам прятаться было негде, а граница недружественного графства находилась аккурат за лесом, который нам еще только предстояло пересечь. На опушке нас догнали одновременно: туча, обрушившая на нас все, что приготовила для дорогих гостей, и гонец от арьергарда с известием о том, что нас настигает отряд примерно в сотню конных, мечтающих, вероятно, пригласить сеньориту погостить.

Сеньорита не желала принимать приглашение, выраженное столь не куртуазно, и командир, полностью с ней согласный, приказал всем сколь возможно ускорить движение, а воинам, вооруженным пороховыми ружьями, во что бы то ни стало сохранить капризное зелье сухим. Для этого даже отобрал плащи у арбалетчиков и передал аркебузирам. Углубившись в лес, отряд подтянул арьергард и остановился принять бой. Наши лошади устали, а дорога быстро стала похожа на полосу жирной грязи, существенно снизив скорость движения. Пара лошадей уже с трудом тянула карету сеньориты.

Гвардейцы, имея в своем распоряжении всего несколько минут, повалили пару не очень толстых деревьев на дорогу, преградив тем самым путь коннице. Все спешились и заняли позиции. Три десятка готовились встретить вражеский отряд в лоб, а два оставшихся заняли оборону вокруг кареты. Впрочем, именно в лоб встречал врага только один десяток, два других скрылись за деревьями перед засекой для атаки с флангов.

Думаю, командир преследователей был грамотным воякой и разведку вперед не выслал, скорее всего, только потому, что был абсолютно уверен — мы убегаем со всех ног, и у нас это может

получиться. Вполне возможно, что за лесом нас ждет отряд поддержки и тогда шансов с нами разобраться не останется никаких. Да еще к этому моменту гроза затянуло все небо и стало темно, словно поздним вечером, а хлынувший ливень сократил видимость до трех-пяти метров от лошадиных ушей. Таким образом, весь отряд неприятеля по трое в ряд вымахнул прямо на засеку. Передовые, не успев сдержать лошадей, с маху напоролись на деревья и не удержались в седлах. Вспорхнув соколами ясными, они слаженно рухнули в грязь и остались лежать без движения. Без переломов явно не обошлось. Следующие несколько рядов не успели ничего предпринять и врезались в передовых. В ослепительно белых вспышках молний вставшие на дыбы лошади и падающие люди, перечеркнутые плотными струями дождя, под гром грозы, ржание и вопли, представали персонажами демонического театра.

— Огонь! — рявкнул лейтенант.

Из-за деревьев по оставшимся в седлах врагам ударил залп аркебуз, добавив картине реализма. Больше двадцати преследователей были выбиты и несколько уравновесили наши силы. Я участия в этом празднике не принимал. Моя задача заключалась в другом и, накинув капюшон плаща, я спокойно сидел на подножке кареты и ждал своей очереди.

— Дит, — выглянула из окошка Мирасель. — Что мне делать? У меня есть шпага и я умею ей владеть. А еще два заряженных пистоля. Ими меня тоже учили пользоваться.

— Тогда, сеньорита, сиди в карете и, как враги подойдут ближе, стреляй.

— А потом?

— Потом перезаряжай и снова стреляй…

— А вдруг тебя убьют?

Я с удивлением услышал в ее голосе беспокойство. Ладно бы за себя — это было бы естественно, но, похоже, переживала она за меня! Странно и… приятно. Если я, конечно, ничего сам себе не напридумывал.

— Тогда сначала стреляй, а потом можешь и шпагой помахать… Только в платье ты не боец. В момент дырку проделают.

Ну вот и наш черед. Два десятка бойцов обошли наш отряд с фланга и, прорвав заслон, быстро приближались к нашему экипажу. Как раз напротив нашей позиции деревья росли редко, что давало некоторый простор для боя, а за спиной густой колючий кустарник надежно прикрывал тыл. Во всяком случае, пройти там можно было, только прорубая тропу. А это долго и шумно. Да и не нужно. Два десятка на одного меня — помощи

ждать неоткуда, все наши связаны боем — все равно многовато. Будь это романтики с большой дороги, я бы не сомневался в победе, но хорошо обученные гвардейцы в таком количестве по зубам разве что опытному барсу. Понимая, что настало время последней охоты, я отрешился от всего и мобилизовал все силы тела. Все без остатка. Раз все равно погибать, то лучше прихватить с собой побольше врагов. Я не боялся смерти и не сожалел о краткости моего бытия. Наставники хорошо подготовили нас к такой ситуации — никаких мыслей о возможном поражении. Победа или смерть. Для меня эти слова не были пустым звуком.

Глава 7

— …Тут этот гад мне живот и проткнул. Как бабочку к дереву пришпилил. Я так и сполз по стволу. Сел. Руки-ноги ватные, шевельнуться не могу, но все вижу и соображаю. А вражина, видно, так спешил до сеньориты добраться вместе с отрядом, что даже добивать не стал. Вот подбежали они к карете, да и приостановились. На ступеньке спокойно так, будто ни дождя, ни боя рядом и нет вовсе, сидит ее телохранитель, сэр Дит. Это я знаю, кто там сидит. А мятежники видят мрачную фигуру в черном плаще с накинутым капюшоном, никак на них не реагирующую. Словно сама смерть их у порога экипажа встречает. Вот и встали они. Не знают, что дальше делать. Остановились они, значит, а тут наша госпожа возьми да с двух стволов по ним и жахни. Бах! Ба-ах! И двое лежат — не дышат. А сэр Дит встал эдак лениво, плащ небрежно с плеч прямо в грязь скинул. Под ним кольчуга хорошей работы оказалась и в руках два клинка — шпага, да кинжал. Полсекунды постоял он, словно примеривался, а потом ка-а-ак рванул! Смерч! Сталью сверкающий. Глазом уследить невозможно. Такая рубка пошла: звон клинков, кровь фонтаном, головы летят, да по земле зайцами прыгают. Мне аж почудилось, что у сэра Дита шесть рук и глаза на затылке. Обычно в драке деревья и кусты — помеха. А ему словно помогают. Ветки мятежников цепляют, корни подножки ставят, деревья от ударов закрывают. А он, как на тренировочной площадке, не один год им истоптанной, чучела на время рубит. В общем, не успевали они за ним. Ну никак. Иной еще стоит, хорохорится, да не знает, что труп уже. Вот тут то я и понял, наконец-то. Не для забавы и не за внешность… э-э причудливую взяла сеньорита наша этого парня в телохранители. Как он их крошил! Никогда не видел подобного. Он ведь не только клинками. Ногами, локтями, головой… всем бил. И каждый удар — насмерть. Одно скажу — десять лет я в гвардии, не последним фехтовальщиком считаюсь, да и в отряд нас (вы, ребята, и сами знаете) отбирали только лучших, однако против сэра Дита и полминуты не выстоял бы. Вот как. Сколько уж там он поубивал — число не знаю. Но всех, кто был — точно. Вот уж и последние двое против него стоят. Понимают — смерть пришла. Оба бледные, как молоко. В то время сеньорита, видно, уже успела пистоли свои перезарядить и опять бабахнула. Первый выстрел мимо. Ну, это-то понятно. Они же теперь и дальше стояли, и за деревьями, да под дождем. Толком-то не прицелишься. Зато

другим — пулю точно в лоб одному вражине вбила. Последний совсем растерялся. Еще бы! Столько человек у них побито оказалось. Да все одним воином. И вот, веришь? Молния как раз случилась. Высветила на миг лицо парня. У меня самого мурашки размером с ежа по спине пробежали. Глаза синим огнем светятся, сам он скалится жуткими клыками. Это на меня, своего, такое впечатление произвело, а что про мятежника этого говорить… Заорал он страшно: «Демон! С ними демон!!» — и бегом. Однако не ушел. Сэр Дит шпагу, словно копье, метнул, и сердце его так и пробил. Насквозь. Вот так братцы. А Дит постоял немного, да и рухнул. Видно все силы этому бою отдал. Ничего себе не оставил… Дальше, братцы мои, вылетает из кареты сеньорита и с криком: «Дит, не умирай!» — кидается к парню, садится прямо в грязь и голову его на колени свои кладет. А там вы уже знаете. Через пару часов оклемался наш герой и даже раненым пошел помогать. Мне вон тоже лучше нашего костоправа рану подлечил. Чувствую через пару дней стану в строй, будто ее и не было… Что значит демонская сила? А хоть и демонская? Если она хорошего человека… какого хорошего? Так меня, разумеется. Так вот, если эта сила меня на ноги поставила, то она и не демонская вовсе. Вон и брат Зорвес не возражал. А стал бы он с нечестивой силой знаться… И не оплошал я вовсе с тем гвардейцем, что меня проколол! Молод еще меня судить! Ты их нашивки видел?! Видел, я спрашиваю?! Вот то-то. Оплошал! Это ж надо… А то, что это были головорезы из отборной полусотни герцога. Лучшие из лучших. Правда говорят, против аталийских барсов слабоваты будут. Но я тех барсов не видал, а с этими приходилось как-то пересекаться. Тогда обошлось — пьяными были и они и мы. А тут стража… Вчера вот стражи не оказалось рядом. И где они шоркаются, когда людям нужны?

Раненые на повозке с веселым рассказчиком дружно заржали. Долго еще не смолкали непритязательные шутки и смех воинов, выживших в смертельном бою. А мне было стыдно, как никогда. Про меня говорят с явным восхищением, а я элементарно испугался. Не просчитал противника. Упустил из виду, что в рассказах ветеранов речь шла об опытных барсах, способных разделаться с двадцаткой любых гвардейцев, но… не ирбисах. То есть барс в этих воспоминаниях дрался в обычном(!) состоянии. А я решил, что все! Нагулялся барсик. Не видать ему усов. И применил формулу смертного боя ирбисов. Смертный бой — тот же холод, но не выбрасывает в нормальное состояние при истощении сил, а, до донышка используя неприкосновенные запасы жизненной энергии, позволяет продолжать драку. До конца… Победного или нет — это уж как Создатель даст. Один

разок каждый из ирбисов (я не исключение) попробовал, что это такое, и, главное, как себя чувствуешь после. Наш мастер-целитель предупреждал об особой опасности применения формулы (можно элементарно, даже не получив ни единой царапины, все равно умереть от истощения), и рекомендовали использовать исключительно в безвыходной ситуации. Получается, что я неправильно просчитал и счел ситуацию именно такой. В результате, добив последнего, сам рухнул без сил. Режьте меня, кто хочет, а я притомился, даже имя спрашивать не буду. Вот так.

В сознание пришел не через два, как говорил раненый, а через полчаса. И возвращение в мир живых было очень приятным. Я лежал в карете на сидении, а моя голова покоилась на самой лучшей подушке — коленках прекрасной девушки. Она нежно гладила мои волосы и лицо, приговаривая: «Мой дикарь! Мой хищный зверь! Мой спаситель!». Мне так и хотелось замурлыкать от удовольствия. Этого я делать не стал, но еще с полчасика глаз не открывал, слушая чарующий голос и наслаждаясь прикосновениями ласковых рук. Иногда Мирасель наклонялась ниже и ее крепкая грудь упиралась соском в мою щеку. Сквозь тонкую ткань платья я ее чувствовал очень даже, скорее даже слишком, хорошо. Мне едва удавалось сдерживать острое желание чуть повернуть голову и страстно впиться губами в волнующее полушарие.

Постепенно силы мои восстановились, и долг заставил открыть глаза. Мирасель, заметив, что я пришел в себя, обрадовалась и совершенно неожиданно для меня страстно поцеловала. Я ответил на поцелуй и снова выпал из реальности. Очнулся совершено голым, стискивающим в железных объятьях тяжело дышащую, но страшно довольную сеньориту. На спине горели глубокие царапины от острых коготков девушки, на руках, шее и ключицах саднили укусы. Я подозревал, что конкистянки — девы страстные и горячие, но эта превзошла всех встречавшихся мне доселе. Если сравнивать (что ни в коем случае нельзя делать — каждая девушка всегда несравненная), то прежние служанки, которых сеньорита для меня же и нанимала, не более чем костер прячущегося путника рядом с вулканом. То, что между нами произошло, я ни в коей мере не пытался трактовать, как любовь. После трудного боя воину необходима разрядка, а Мирасель показала себя именно воином. Силой духа и хладнокровием в минуты смертельной опасности. Попробуйте в самой спокойной обстановке перезарядить пистоль: прочистить канала ствола; отмерить порох и засыпать в канал ствола; обернуть пулю в кусочек кожи или ткани; шомполом туго забить ее в ствол;

подсыпать порох на полку; взвести курок… А теперь то же самое, но в бою, в полумраке качающейся кареты, когда вот-вот могут ворваться враги и зарезать, словно свинью на бойне, и каждая секунда может стать последней…

Таким образом, я ожидал чего угодно, вплоть до стыда и презрения со стороны девушки — в таких ситуациях виноваты обычно мужчины. Это они, как правило, совращают невинных дев, заставляя их вытворять такое… что, вообще-то, и сами девы вытворять очень даже не прочь. Однако отношение сеньориты ко мне не изменилось, она смотрела на меня по-прежнему страстно и призывно… я не выдержал и более осознано, «с чувством, с толком, с расстановкой» повторил все еще раз. И плевать на новые царапины, бурную качку кареты, сопровождающуюся ритмичным скрипом. Зато я понял откуда укусы. Таким способам Мирасель сдерживала крик наслаждения, заменяя его тигриным рычанием. Представляю, как все выглядело со стороны — карета ритмично качается и поскрипывает, а из нее доносятся звуки борьбы двух здоровенных кошачьих.

Следует признать, что рассказчик был прав. Из экипажа я выполз именно через два часа кое-как одетым, но дово-о-ольным. Уверен, ни один медведь, добравшийся до богатейших запасов дикого меда, не был так счастлив, как я в те минуты.

Несмотря на состояние блаженной расслабленности, я счел своим долгом помочь отрядному костоправу — одному из гвардейцев, имеющему навыки оказания первой помощи на поле боя. Из полусотни охраны на ногах, и то лошадиных, остались пятнадцать человек. Все легкораненые. Семерых тяжелых разместили на двух телегах, позаимствованных в деревне неподалеку. Сержант после боя отрядил двоих гвардейцев за транспортом, когда сообразил, что без него тяжелых не вывезти. Лейтенант, к сожалению, геройски погиб.

Пришлось вспомнить все, чему учил нас мастер-целитель и даже больше. Тому самому раненому в живот воину, живописавшему мои подвиги, я впервые на практике применил глубокое зондирование. Собрав в ладонях клубок силы, я скрутил его жгутом и из этого жгута сформировал подобие клинка, поразившего бойца. Затем очень осторожно ввел его в рану на всю глубину. Слава Создателю, в теле не осталось посторонних предметов — как их вытаскивать я тоже знал чисто теоретически, практический результат был для меня сомнителен. Я чувствовал, как мой жгут силы уменьшается и утончается по мере сращивания поврежденных тканей. Вспомнив про очищение раны, мысленно преобразовал жгут, добавив антисептические свойства. Раненый застонал, и чуть было не заворочался, чем мог бы сбить

мне весь процесс, но гвардейцы тут же пришли на помощь, обездвижив товарища. Они с изумлением наблюдали, как рана прямо на их глазах затягивается и покрывается молодой, розовой кожицей. Когда дело было закончено, я попросил сравнительно легко раненых, взявших на себя заботу о тяжелых, намазать рану мазью и перевязать чистой тряпицей, наказав выздоравливающему дня два полежать, пока ткани внутри брюшной полости не срастутся окончательно. Увидев такой результат, остальные попросили осмотреть и тех, кого уже успел перевязать костоправ. Правда, все просили не за себя, а за своих товарищей, понимая, что силы мои не бесконечны. После первого успеха, у меня как будто прибавилось сил, и я с удовольствием занялся всеми тяжелыми. На мгновение даже пожалел, что не сложилось у меня остаться в Барске учеником целителя.

Собрав трофеи и оружие своих погибших, мы, как смогли, похоронили павших, брат Зорвес попросил для них у Создателя легкого пути по небесным тропам и остатки нашего отряда двинулись в путь. Мои трофеи — оружие и доспехи (разумеется, с кошельками, и прочими дорогими побрякушками) восемнадцати сраженных лично мной, Мирасель разрешила положить к своему багажу на крышу кареты. Она, кстати, и сама не стала особо кочевряжиться, когда собрали и погрузили в багаж имущество подстреленных лично ею. Скорее это доставило сеньорите удовольствие, наподобие охотничьего трофея, которым долгими зимними вечерами хвастаются, сидя у разожженного камина с бокалом старого вина.

На границе своих владений нас встречал сам граф Азильярос с сотней личной охраны. Видимо, деревенские успели известить его о произошедшем, и он принял меры, дабы не допустить повторного нападения. Он предложил сеньорите погостить в его замке, отдохнуть и обсудить дальнейшие планы. Мирасель с удовольствием согласилась.

Ближе к вечеру мы достигли цели и через подъемный мост втянулись во двор замка. Слуги споро разобрали лошадей, обещая обиходить в лучшем виде. Раненых разместили в местном лазарете, где ими тут же занялся личный целитель графа. Мне предоставили комнату по левую сторону от двухкомнатных покоев сеньориты, а брату Зорвесу — по правую. Однако Мирасель непреклонно объявила, что после нападения ее нервы не в порядке и она не сможет спать спокойно… в одиночестве.

— Я бы с удовольствием предложил тебе свое общество, — улыбнулся граф, — но моя жена, боюсь, неправильно поймет такую заботу.

— О, не изволь беспокоиться. Мне вполне достаточно

телохранителя, которого желательно поместить возле самой двери. Тебя не затруднит распорядиться поставить еще одну кровать? Вполне достаточно походную.

— Нисколько, о прекраснейшая.

Потом лично для меня была горячая ванна и три служанки помогали смыть пот, грязь и кровь. Через час я вылез из нее обновленный и готовый к подвигам на поле постельного боя. Однако старшая служанка отрицательно помотала головой и знаками показала, что им строго настрого запретили помогать мне в этой битве. Троица удалилась, тихонька хихикая.

Лакей проводил меня в покои сеньориты, где возле двери уже стояла довольно крепкая застеленная кровать. На столе благоухал разнообразной снедью и напитками большой поднос. Сеньорита сообщала через этого же лакея, что до позднего вечера она будет занята и просила ужинать без нее. Невозмутимо подтвердив, что все принесенное мое и только мое — Мирасель покормят в другом месте — лакей величаво удалился. Вещи, которые были на мне и пострадали в бою, слуга забрал для стирки и починки, а мне пришлось одеваться в то, что было запасено еще в Вармоке. То есть весьма скромно.

Отдав должное ужину, то есть, подчистив и выпив все, что было съедобного, я использовал все свободное время для тренировки холода и управления силой. Каждый день в этой поездке меня убеждает в огромной полезности этих умений. Жаль, конечно, что заработать на этом пока не удастся, но ведь не вечно же я буду телохранителем Мирасель. Со временем при следующем найме можно предложить и такие услуги за отдельную плату.

Вернулась Мирасель поздно. Скептически осмотрела мое облачение, кивнула своим мыслям, затем устало прошла в спальню и села перед зеркалом. Вскоре подошли две служанки, предоставленные ей графом. Они принесли с собой тазик воды и принадлежности для вечернего умывания. Одна помогала сеньорите привести себя в порядок, вторая — подготовила постель. Затем обе раздели девушку, уложили ее в кровать и укрыли одеялом. По знаку Мирасель тихо и быстро удалились. Я тоже разделся, положил оружие так, чтобы было под рукой, и полез в предназначенную мне кровать, собираясь честно исполнять свои обязанности.

— Ди-и-и-ит? — донесся из спальни обиженный голос девушки, — неужели ты так устал, что даже поцеловать меня на ночь не хочешь?.. Или не можешь? — добавила она в голос немного ехидцы.

Под утро мне снова представилась возможность

попрактиковаться в целительстве, заживляя царапины и укусы, полученные в результате поцелуя длительностью в ночь.

В замке графа Азильяроса мы отдыхали и готовились к продолжению путешествия целую неделю. Для меня это была неделя любви и страсти. На людях мы с сеньоритой не афишировали наши отношения, но стоило наступить вечеру и мы старались поскорее завершить дела, чтобы остаться наедине. Она действовала на меня, как опьяняющие грибы, настой которых иногда используется для обезболивания в сложных случаях. Я все время ее хотел видеть, касаться ее, говорить с ней… Говорить то хотел, но слова моментально куда-то терялись, когда она была рядом. Положение усугублялось тем, что видеть сеньориту доводилось мне только вечером. В течение дня она бесконечно совещалась с графом и его доверенными людьми. Меня туда не пускали. Это положение мне не нравилось, и я перехватил девушку на пути из обеденной залы в кабинет графа. Сеньорита мигом поняла, что меня беспокоит, взяла за руку и отвела в ближайший альков. Мы стояли в полутемном помещении, нежно обнявшись, и Мирасель втолковывала мне как пятилетнему ребенку:

— Ну что может случиться в отлично защищенном замке графа?

Я было открыл рот для достойного ответа, но девушка закрыла его, и надолго, самым сладостным способом — поцелуем.

— Без меня может быть опасно, — высказал я свое отношение, немного отдышавшись.

— Лучше уж молчи, — прошептала она и положила свою голову мне на грудь. — Во-первых, если граф — предатель, то и десяток барсов не помогут, — здесь она поспешила с выводами, но поправлять ее я не стал, поскольку надеялся на интересное «во-вторых». — Во-вторых, видеть тебя рядом и не иметь возможности… даже прикоснуться… — она печально вздохнула. — Пойми. Еще не время. Я не могу допустить, чтобы кто-то прознал о наших отношениях. Это грозит моей стране большими бедами. Понимаешь?

Я что-то понятливо проворчал и Мирасель искренне обрадовалась. Похоже, я по-прежнему считаюсь недоумком, но и повода вылезти с опровержением пока не представлялось. Кажется, меня любили и так… а может как раз и за это. Глупый, но сильный и послушный мужчина, чем не мечта многих женщин? В постели хорош, делает, что скажут, а помощник и советчик в делах, скорее всего, Мирасель не нужен. В роли

такового вполне успешно выступает брат Зорвес. На встречах с представителями знати, на которых я присутствовал, Мирасель показала себя умным, дальновидным, проницательным и жестким политиком. При этом незаурядные лицедейские способности помогали ей в делах. Возникало впечатление, что она буквально с младенчества варилась в котле высокой политики. Для одних она представала жестким и требовательным руководителем, другим недалекой девчонкой, которой легко можно манипулировать, третьим… потенциальной невестой с очень даже хорошим приданым.

Со мной она была нежна и ласкова. В то же время властна и требовательна. С ее точки зрения, она лучше знала, что и как надо делать… за исключением постели. Один раз она попробовала там покомандовать. Я поначалу позволил это, но потом мягко, деликатно, а, главное, на деле показал ей, что это у меня получается лучше. Впрочем, когда я чувствовал ее нестерпимое желание продемонстрировать власть, не сопротивлялся и становился послушен ее воле. Наши ночные подвиги были похожи на борьбу равных противников, когда ты несколько раз меняешь роль от всевластного монарха, до покорного раба. Это еще больше «заводило» девушку, да и меня, признаться, тоже. И в каждую новую любовную схватку мы с ней бросались со все большим и большим энтузиазмом.

Единственное, что не давало мне полностью отдаться чувствам — искреннее непонимание, что во мне могло привлечь столь богатую, знатную и воистину очаровательную девушку, имеющую богатейший выбор кавалеров на любой вкус. Готовых, не раздумывая, по малейшему намеку, движению брови и просто взгляду, на лишнюю секунду задержавшемуся на мужчине, кинуться выполнять все самые причудливые капризы? Небогатый, нетитулованный, безземельный дворянин, неспособный бросить к ногам любимой ничего, кроме шпаги… любви и верности. Ладно бы еще красавчиком был писаным — властителем дум и сердец девочек-подростков. Но ведь и этого нет. Даже скорее наоборот.

На четвертую ночь в замке я не выдержал и, когда буря любви немного поумерила свою ярость, собираясь с новыми силами, спросил Мирасель, гладя и лаская ее грудь:

— Скажи, Мирасель, а… почему я?

Она с улыбкой повернулась ко мне, поцеловала и погладила щеку.

— Глупый. Какой же ты глупый, — промурлыкала она. — Девушки подсознательно видят в мужчинах своих будущих детей. Конечно, каждая хочет, чтобы ее ребенок был красив, умен и силен. Поэтому и кидаются на смазливые личики и скульптурные

фигуры, уговаривая себя, что остальное тоже в этом мужчине есть… и часто ошибаются. Для меня красота лица совсем не важна. Я увидела в тебе настоящего мужчину. Сильного. Страстного. Честного и верного. Говорят, счастливы мальчики, похожие на мать, а девочки — на отца. У меня будут только мальчики. Наследники. На то есть целители, способные предсказать и даже подправить пол ребенка во время беременности, — она легла на спину и, мечтательно глядя в потолок, подытожила. — У тебя свежая, сильная кровь. Сыновья унаследуют твою силу и воинские способности, мои красоту и ум. Они будут великими прави… В общем, это будет сильный дворянский род. Понимаешь?

Такое объяснение меня вполне устроило, и я немного успокоился. Однако не видеть Мирасель целый день с самого утра и до позднего вечера становилось для меня мучительной пыткой. Чтобы не сойти с ума я усилил тренировки и с головой погрузился в книги по целительству, найденные в библиотеке графа. Вход для гостей был свободный и я, недолго думая, решил воспользоваться случаем. Причем к тому времени я прекрасно понимал конкистос. Сказалась моя ежедневная молчаливая практика в окружении носителей языка. А читать на этом языке я научился еще в Барске. Библиотекарь, увидев мою личность, чуть не подавился очками, но книги выдал, осторожно обращаясь ко мне на ломаном аталийском. Его настолько заинтересовало, зачем этот явный дикарь приперся в храм знаний, что он несколько раз, будто по срочной надобности, прошел мимо моего стола. Картинки похабные рассматривает, пришел он, наконец, к выводу, полностью его успокоившему. Все оказалось просто и никаких загадок-странностей.

Дело в том, что книги по целительству, как правило, очень хорошо иллюстрированы. В частности, в них в красках отображались обнаженные мужские и женские тела, в том числе, разумеется, и в разрезе со всеми внутренними органами, схемами кровообращения, энергетических потоков и узлов, точек пересечения противоположных по знаку энергий. Некоторые моменты я уже хорошо знал и поэтому пролистывал, не вникая, что, видимо, и дало основание библиотекарю придти к такому выводу. Но мне это было только на руку, разубеждать его не было смысла, и я продолжал изучение материала, более не обращая внимания на архивную крысу. Очень приятно было узнать, что в составлении этого труда активное участие и немалое, судя по славословию других целителей, принимал наш мастер-целитель.

К концу недели я почерпнул много новых знаний, но все они были чисто теоретическими. Превратить их в практические

навыки для меня было невозможно — ранеными занимались местные целители и ничего не хотели слышать о помощи в их нелегком деле или хотя бы о возможности присутствовать на операциях. Мотивировали это тем, что я даже не ученик целителя и не гражданин Конкисты, а они несут персональную ответственность перед графом за каждого раненого, поэтому не могут доверить столь важное дело неизвестно кому.

Наше пребывание в замке прервалось неожиданно. Мирасель хотела провести здесь еще пару дней, но однажды ночью… Я почувствовал опасность и отстранился от девушки. Та обиженно посмотрела на меня и хотела уже задать вопрос, но я приложил палец к ее губам и шепотом попросил вести себя тихо, а в случае опасности быстро прыгать под кровать. Я, плавно двигаясь, тихо соскользнул с кровати, подобрал шпагу, как всегда лежавшую под рукой и, на короткое время войдя в холод, осмотрелся. Тьма отступила, и я увидел, как к открытым настежь дверям нашей спальни, бесшумно пересекая гостиную, приближались четыре тени. Одеты они были в черные одежды и вооружены были воронеными кинжалами, не дающими отблесков в лунном свете. Один метнулся к моей кровати, но тут же вернулся к товарищам, знаком показав, что там никого нет.

Я спрятался за дверью и, когда двое пересекли порог комнаты, атаковал. Рисковать мне не хотелось, рядом была сеньорита, поэтому действовал я максимально быстро и эффективно. Фигуры убийц привычно застыли, мозг просчитал оптимальные вектора атаки и мои перемещения, тело претворило план в жизнь. Один остался без головы, второй с перерезанной шейной артерией. Трупы еще стояли, а я уже развернулся к оставшимся, оскалился и, зарычав, двумя быстрыми ударами рассек им горло.

Несколько секунд и все кончено. Мирасель даже не успела ничего понять. Я высек огонь и зажег свечи в канделябре. Девушка, увидев тела охотников на людей, немного побледнела, но присутствия духа не потеряла. Накинув халат она, стараясь не наступать в лужи крови, побежала к дверям. По пути попросила меня одеться и разворошить свою постель.

Распахнув двери, она властно потребовала от стражей срочно, но без шума вызвать сюда графа. Один из воинов послушно побежал в сторону апартаментов своего сеньора.

Граф появился довольно быстро. Впрочем, было видно, что одевался он впопыхах.

— Что случилось, сеньорита?

Мирасель молча показала на трупы. Граф аж задохнулся от изумления.

— Но… к-как?! — ответ не требовался, так как потайной ход остался открытым. Видимо убийцы рассчитывали быстро сделать свое дело и скрыться.

— Ты не пострадала? — забеспокоился Азильярос.

— Нет. Я в порядке, — ответила девушка и добавила, со значением посмотрев на хозяина. — Теперь ты видишь, что я не зря настаивала на том, чтобы мой телохранитель ночевал у меня в комнате?

— Кто бы мог подумать, что такое может произойти в моем(!) замке? — он зло прищурился. — Без предательства явно не обошлось. Охрана! — вбежавшим охранникам он приказал. — Срочно. Приказ капитану стражи. Закрыть все выходы из замка. Поднять всех слуг и выяснить, кто отсутствует. Допросить всех. О результатах доложить. Все. Исполняйте.

Один из стражей побежал будить капитана. Второй остался с нами.

Азильярос внимательно осмотрел побоище и с восхищением сказал Мирасель:

— Насколько я понимаю, убийцы не успели ничего осознать, как уже умерли. У тебя отличный охранник! Не желаешь уступить его мне?.. Я, конечно же, шучу. Тебе он в любом случае нужнее. Однако из происшествия следует сделать вывод, что мы слишком расслабились и забыли о врагах. Я не отказываю тебе в гостеприимстве, но ты очень уж задержалась у меня. Мятежники успели узнать, где ты, найти подходы и попытаться тебя убить.

— Ты прав. Утром мы должны уехать.

— Хорошо. Остальные свои соображения я передам тебе в письме. В сопровождение я отряжу полусотню своих гвардейцев вместе с капитаном. Его хорошо знают окрестные владетели, и чинить препятствий твоему путешествию не будут, а то и помогут где.

— Договорились, — кивнула головой Мирасель.

— Я тебя пока оставлю. Надо распорядиться, чтобы здесь прибрали, а ты пока собирайся. Все равно, уверен, спать уже не ляжешь.

С этими словами он торопливо вышел. Свалившиеся на его голову проблемы вряд ли дадут ему спокойно лечь спать.

— Может… он?.. — спросил я… нет, не любимую девушку, а сеньориту.

Немного подумав, она отрицательно помотала головой:

— Маловероятно. Ему не было бы смысла действовать столь сложно. В охране стояли его люди. Могли спокойно войти, убить и не спеша инсценировать работу наемных убийц. Впрочем…

Она задумалась, и я понял, что вероятность предательства со

стороны графа не исключена ей из своих политических раскладов.

Утром мы покинули гостеприимный замок и продолжили путь на юг. Мирасель, как я видел в окно кареты, ехала спокойно, а меня тревожил отряд сопровождения. Если граф — предатель, то девятнадцать гвардейцев, оставшихся от прежнего отряда (двое должны были остаться — кости еще не достаточно срослись) недолго могли бы сопротивляться полусотне сопровождения. Однако прошел день, другой. Мы уже выехали за пределы графства, и наступил благоприятный момент, чтобы разделаться с нами, не бросая тени на Азильяроса, но все было спокойно. Его гвардейцы, как ни в чем не бывало, несли службу и, похоже, даже не думали ни о чем таком.

Только через пару дней я, наконец, более-менее успокоился, но контролировать обстановку продолжал. А тем временем наши гвардейцы быстро сошлись с графскими и вовсю развлекали их байками, причем героем некоторых из них был я. В частности, они в лицах изобразили, как испугался демона хозяин трактира или, перебивая другу друга, наперебой неизвестно в какой раз рассказывали о бое в лесу. Количество поверженных мною росло от рассказа к рассказу. Последний рассказчик утверждал, что противостояло мне не меньше сотни, за моей спиной выросли гигантские черные крылья, а я, якобы, хохотал, когда десятками убивал врагов, разрывая плоть когтями и выпивая кровь. В это никто не поверил, но уважать на всякий случай стали.

Дальнейшее путешествие прошло сравнительно спокойно. Во всяком случае, для меня. Сеньорите, чем дальше мы продвигались на юг к Срединному морю, тем больше приходилось работать и тем меньше времени, да и возможностей, оставалось для наших свиданий наедине. Иные встречи с вельможами и местными владетелями проходили прямо в пути. К нам временно присоединялся отряд очередного барона или графа, который подсаживался в карету и там решал свои вопросы. На привалах Мирасель продолжала работать с документами, диктовала письма, разбирала почту и совещалась с братом Зорвесом. Вероятно, дело, которым она занималась, близилось к концу, все больше наращивая объем и темп работы. Черты лица любимой заострились, она сильно похудела и черные круги вокруг глаз залегли там, будто навсегда. В таких условиях мне очень неудобно было требовать к себе внимания, хотя Мирасель очень старалась не забывать про меня. В ближайшем от замка графа Азильярос городе она потребовала остановиться на день и под предлогом того, что ее личный телохранитель не должен выглядеть, как оборванец, лично сходила со мной к лучшему в

городе портному и приодела меня с ног до головы. Одежда была не роскошной, но очень качественной. Если рубашки, то либо из катайского шелка, либо из рассейского льна. Если кожаный колет, то тонкой выделки. Если сапоги, то от лучшего башмачника — добротные, прочные и красивые.

В Лефарус — портовый город на берегу Срединного моря мы прибыли на исходе лета и остановились, сняв номера в лучшей гостинице, на целых два дня. Впервые за продолжительное время сеньорита смогла нормально выспаться, не спеша, растягивая сколь возможно удовольствие, искупаться в горячей ванне и отдохнуть. На второй день, когда должна была состояться очередная встреча, она с утра немного нервничала. Насколько я узнал ее, эта встреча была для нее очень важна.

Как обычно, гостя мы ждали в комнате вдвоем с сеньоритой. Но он пришел один. Без охраны.

— Прибыл представитель гильдии магов, — доложил гвардеец, охраняющий вход в комнату. — Пригласить?

— Зови, — разрешила Мирасель и несколько нервно переплела пальцы рук.

В помещение вошел толстенький, невысокого росточка человек в мантии. Был он высокомерен, напыщен, как индюк, и важен, как петух бабушки Сормы. Презрительно поглядев на меня, он через губу поздоровался с девушкой и спросил:

— Ты, что ли, Мирасель?

Глаза любимой опасно сузились, но ответила она ему вежливо.

— Да. Я — сеньорита(!) Мирасель.

А дальше… ничего не объясняя и вообще не говоря ни слова, маг меня атаковал. Я, конечно, его атаки сначала не видел, но чувство опасности, развившееся за последнее время, заставило буквально провалиться в холод. В этом состоянии я вдруг увидел, как от ладони мага в мою сторону довольно шустро летит какая-то гадость. Другая ладонь направлена на девушку и там, похоже, уже созрел комок чего-то явно опасного. Тело действовало само — метательный нож пробил шею толстяка насквозь и в это же время сам я кувырком в последний момент (очень уж быстро летел этот комок силы) ушел в сторону Мирасель и сбил ее с ног.

Удостоверившись, что опасность позади — маг-убийца лежал неподалеку и еще подергивал ногами в агонии, но уже, явно, ни на что не был способен — я помог ошеломленной девушке подняться и немного отряхнул ей платье.

— Ты что себе позволяешь? — наконец дошло до ее сознания случившееся. — Что ты натворил?! Дикарь! Троглодит ненормальный! Ты убил представителя гильдии магов! Разрушил

все мои планы! Они же теперь выступят против меня. Все! Ты понимаешь, что это значит, тупица?!

Она была прекрасна в гневе, но он ранил мое сердце. Я стоял и молча слушал ее отчаянный крик.

— Отвечай!! Почему ты его убил?! Ты сошел с ума?!

— Он напал на нас.

— Да-а-а-а?? Он на нас напал, оказывается… А ты что, маг, что ли? Маг? Да?

— Не маг, — вынужден был признать я. Ну, как я мог ей рассказать о том, что видел и чувствовал. В данной ситуации я и сам себе не верил и начал сомневаться, не привиделось ли мне это нападение.

— Вон отсюда! Иди в свою комнату и жди! Если маги потребуют твою голову, я им ее отдам.

— Чью голову ты хочешь нам отдать, сеньорита? — раздался от двери недоумевающий голос.

Мы одновременно развернулись и с удивлением уставились на незнакомца… в мантии мага, спокойно стоящего в дверях. Однако его спокойствие мигом испарилось, как только он увидел на полу тело собрата. У меня сердце ухнуло куда-то в пятки и там забилось в темный угол. Магам противостоять я может и смогу, но… недолго.

Между тем незнакомец склонился над телом и, перевернув его на спину, впился взглядом в лицо покойного и злорадно ухмыльнувшись, произнес:

— Да это же Тропс! Как ты здесь оказался, негодяй? И как тебя смогли убить? На-а-адо же! Обычный метательный нож. Даже без внедренной силы! Удивительно.

— Ты его знаешь? — робко спросила Мирасель.

— Да. Это личный маг герцога Васкоза. Большой негодяй. Что он здесь делал?

— Он сказал, что является представителем гильдии…

— Вот как? — приподнял брови незнакомец. — Он так сказал? Одна-а-ако. Судя по всему, он пришел тебя убить. Обычно ему такие дела удавались. Что же сейчас ему помешало?

Мирасель сбивчиво рассказала, что видела. Маг внимательно ее выслушал и обратился ко мне за разъяснениями.

— А что же тебя, молодой человек, подвигло напасть на мага?

— Мне показалось, что он напал, я не успел задуматься, как тело все сделало само.

Маг внимательно пригляделся ко мне и одобрительно кивнул.

— Ты, я вижу, барс, а, насколько мне известно, барсы на

такое способны. Ну кто бы мог подумать, что… э-э-э…

— Сеньорита Мирасель. Так меня зовут, — несколько торопливо, на мой взгляд, подсказала ему девушка.

— Да. Именно. У сеньориты… Мирасель в охранниках будет настоящий барс! Вот и Тропс. Пренебрег защитой и получил… нож в шею. Иначе так легко вы бы не отделались. В общем-то, скажу я вам, туда ему и дорога. И ничьих голов нам не надобно отдавать. Парень выполнил свой долг. Честь ему и хвала… Хм. Таким вот образом. Да. Позволь представиться. Представитель гильдии магов, магистр второй ступени Солверс, — и маг уважительно поклонился нам с сеньоритой.

— А как же… Этот Топс…

— Тропс! Сеньорита.

— Да. Тропс. Он что, был подставной представитель?

— Именно так. Но как они смогли прознать о нашей встрече? Впрочем, это наши внутренние дела. Мы непременно разберемся, шпиона выявим и примерно накажем. Можете не сомневаться. Теперь, насколько я понимаю, тебе предстоит решить много вопросов. Не смею отнимать твое время. Скажу только — я должен передать волю верховного собора магов нашей страны.

Мирасель даже дыхание затаила, а этот шутник специально немного помедлил, прежде чем возвестить, наконец:

— Собор выражает тебе полную поддержку, сеньорита, и готов встать в ряды твоих сторонников.

Девушка ощутимо расслабилась и на ее щечки вернулся румянец. Я чувствовал, что ей нестерпимо хочется заплясать от радости прямо здесь, рядом с трупом убийцы, но она сдержалась и корректно поблагодарила лично Солверса за доставленное приятное известие и попросила передать благодарность собору, уверив, что те, кто с ней сегодня, не будут забыты завтра.

Напоследок маг оставил записку, в которой извещал, что тело принадлежит магу Тропсу, совершившему нападение на сеньориту Мирасель, в результате чего был убит охранником.

Он раскланялся и, не задерживаясь более, удалился. Мирасель подошла, взяла в ладошки мое лицо и крепко поцеловала:

— Прости меня, Дит. Я кричала на тебя, а ты снова спас мне жизнь. Я не знаю, как тебя отблагодарить… Нет. Знаю. Но надо чуть-чуть подождать, — прошептала она.

Вызвав охрану, приказала убрать тело, сообщить о происшедшем в городскую стражу и позвать прислугу помыть пол. Когда все было сделано, она сообщила, что очень устала и должна отдохнуть, заперла дверь и немедля потащила меня в спальню.

Что не удалось Тропсу — отчасти удалось ей. Взрыв чувств заставил нас надолго выпасть из реальности, после чего мне снова пришлось залечивать спину от царапин и прочие части тела от укусов. Но зато любовь наша, смею надеяться, была тиха и для окружающих незаметна.

Глава 8

— С чего это Гиперборейский океан так называется? Так это… старики говорят, будто где-то далеко на севере океана был целый континент гипербореев. Ну, так их называют. Люди такие. А может не совсем. Кто теперь их поймет? Высокие, светловолосые и голубоглазые. А уж воины какие… Никто против них устоять не мог. О как! Все побережье им принадлежало. И Конкиста, и Галлития, и Нибелунг, и Сакстура… Приходили они два, а то и три, раза в год на агромадных кораблях… Наши галеоны, что сейчас мы грузим, что шлюпки против того же галеона. О как! Значит, приплывали они за данью… Золото брали. Меха. Железо. Пеньку… и непременно пять сотен молодых, крепких мужчин. Ежели какой слабый попадется, сборщику голову рубили, хватали первых попавшихся еще сотню без разбору и на корабль. Так рассказывают.

— А что потом? — с любопытством спросил я своего собеседника, портового амбала Кребино, вливающего в свое необъятное брюхо пятый кувшин пенистого пива.

Могучий детинушка, что называется «семь на восемь — восемь на семь». Мускулы с детскую голову по груди полуголой да рукам здоровенным мячиками перекатываются. Рядом с ним я, оч-чень не хилый парень, казался себе хрупким и хлипким мальчонкой. На удивление, характер детина имел покладистый, не обидчивый и добродушный, по-детски наивно-мечтательный и восторженный. Мог часами без перерыва на еду и выпивку слушать всевозможные истории, не пренебрегая откровенными байками. При этом сам знал их превеликое множество и с удовольствием рассказывал заинтересованным слушателям.

— А потом все! Перестали приходить. По слухам, континент ихний утоп лет, почитай, шестьсот с лишним тому как. Но!.. — Кребино сделал небольшую многозначительную паузу и перешел на шепот. — С год назад фрегат «Звезда Конкисты» спас одного морячка. Матроса с пиратского корабля. Мне братишка, что на Звезде служит, по большому секрету сказал. Я вижу, ты парень честный, болтать не будешь, потому и сказываю, — я подозревал, что все портовые эту «тайну» уже давно не по первому разу обсудили. — Этот спасенный был едва живой. Бледный, что зелень подкильная. А уж тощий, что смерть. В бреду все бормотал: «Гиперборея. Золото. Гиперборея. Золото». На том фрегате хороший маг-целитель оказался, он его немного подправил, но спасти все едино не смог. Сумел разве что

ненадолго в чувство привести. Так перед смертью этот пират поведал, как занесло их в сторону от торговых путей на север. Они от галлитийского корвета уходили. Тот их уже почти настиг, да случился шторм и разметал тех и других. Шторм они, стало быть, пережили, от преследования, значит, оторвались и совсем уже к югу поворачивать наметили, как впередсмотрящий заорал: «Земля!», — и они решили узнать, что это за такое. Так далеко на север еще никто не заплывал. На картах ничего нет, да и вообще тот район — одно белое пятно. В общем, подошли они к берегу с небольшой удобной бухтой. А что это — остров или материк, так и не узнали. Не интересно им было, в общем. Решили считать островом. Что да как, я толком не знаю, а высадили пираты отряд для разведки. Этот спасенный был в нем. Говорит, на острове видел он дома из камня все страшно разрушенные, а внутри каждого золота и драгоценностей, как грязи. Грудами лежат. Похватали они, сколько могли унести, да видно прогневали духов тех мест. Не смогли они вернуться. Напали на них демоны и вмиг побили-порубили. Он один всего остался. В подвале каком-то задержался. Мешок свой золотом набивал. Услышал он, значит, крики и лязг стали на улице, выглянул осторожно, а там эти самые демоны уже доканчивают его товарищей, да тела их волокут куда-то. Забился он в тот подвал поглубже, там и отсиделся до вечера. Потом прокрался в бухту. От баркаса пепел один остался, видать, демоны пожгли, так он вплавь до корабля своего добрался. Подняли его на борт, выслушали рассказ, что видел, что слышал, да и прочь рванули от того проклятого берега на всех парусах. А уйти им не суждено было. Следующий шторм неполной командой они уже сдюжить не смогли. Затонуло их судно, один только этот и спасся, — рассказчик приник к очередному кувшину, отдышался и, посмотрев на меня, серьезно сказал: — … Думаешь, я тюльку травлю? Ракушки на уши клею? А для чего, ты думаешь, два галеона в порту продовольствием загружаются, да вербовщики по третьему разу злачные места прочесывают? Солдат для высадки и разведки набирают. С этой дракой среди благородных, кому трон жо. ой греть, опытных никто не даст. Каждый наперечет. А вот отребья не жалко. Сдохнут — туда и дорога. Главное, чтоб остров от демонов очистили. Служители Создателя четырех братьев своих на этот случай отряжают. Это я не просто так тебе говорю. Братуха у меня есть на «Звезде Конкисты». Он и шепнул. Они аккурат сопровождать пойдут.

Познакомились мы с амбалом просто и обыденно. Я зашел в припортовый кабак промочить горло свежим холодненьким пивом, что на осенней жаре в этих южных краях — блаженство

неземное, а Кребино ввалился с толпой таких же, может, чуть помельче, «троллей». У них как раз случился маленький перерыв, вот они и спешили перевести дух, да пивка глотнуть… бочонок-другой. Подонок кабатчик не предупредил о том, что полностью свободный стол в углу заведения в это время обычно занимает эта самая артель портовых амбалов, а, может, нарочно не сказал. Публику хотел бесплатно повеселить. Тем не менее, Кребино спокойно прошел в угол. Его рука, вроде как, привычно потянулась сгрести мой ворот, но сжала всего лишь воздух. Правда, воздух не простой, а пропитанный ароматами кухни и свежего пива. С удивлением посмотрев на пустой кулак и на меня, отсевшего на шаг влево, он повторил попытку. С тем же результатам. В этот раз я вернулся на прежнее место. В глазах его вместо ярости я увидел детское любопытство и азарт. Когда еще несколько попыток не принесли ему удачи, он расхохотался, попытался хлопнуть меня по плечу, промазал, сел на скамью рядом и с восхищением сказал:

— А и верток же ты, точно обезьянка капитана Грумероса, — его сотоварищи одобрительно загудели и стали рассаживаться на лавки вокруг стола. Сравнение с этим животным прозвучало так искренне и доброжелательно, что я никакой обиды для себя в этой фразе не усмотрел.

Больше никто не пытался вышвырнуть меня с насиженного места и, после кивка Кребино, артель приняла в свою компанию. Пара баек и веселых историй, подкрепленных бочонком доброго пива, сделали меня в светском обществе портовой аристократии совсем своим. Благо, в славном городе Лиссаго моя внешность никого не удивляла и не заставляла морщиться, поскольку встречались здесь личности самые экзотические, в сравнении с которыми мое лицо — эталон утонченного аристократизма. Для прогулок одевался я в старую, еще из Барска, одежду, аккуратно заштопанную и выстиранную в замке Азильяроса. До этого надевать ее не приходилось — Мирасель столько всего накупила, что со мной в багаже ехала пара комплектов ни разу даже не надеванных костюмов. Шпагу я оставлял в особняке, где остановилась сеньорита, и брал с собой только кинжал, да несколько метательных ножей, которые прятал под одеждой. Таким образом, выглядел я небогатым наемником-простолюдином, судя по небольшому акценту, то ли с севера Конкисты, то ли с юга Галлитии.

Две недели мы в этом городе, а я все не могу насмотреться на океан и корабли. Думал даже, не заразился ли я от некоторых друзей из Барска, бредивших морями, океанами, экзотическими странами, пальмами, попугаями и знойными красотками. Они,

наслушавшись нашего географа и начитавшись романов — не тренировкой единой жив барс, ничто человеческое ему не чуждо — прямо спать не могли, обсуждая достоинства кораблей с прямым, косым или комбинированным парусным вооружением. Я даже не прислушивался к их горячим спорам, чтобы не засорять мозги бейдевиндами, бакштагами, шпангоутами и прочими такелажами. Для меня все это не представляло тогда никакого интереса. Другое дело — лес, где каждая былинка — живая. Войди. Проникнись. Стань частью его. И такая мощь будет тебе дарована, такое счастье, восторг и здоровье, какое не найдешь более нигде в мире. Мнение пришлось переменить, когда увидел океан воочию, а не на картинке в книге. Так и застыл холодцом в миске, пораженный его величием, мощью и, на миг показалось, огромной нечеловеческой мудростью.

Город и порт Лиссаго располагались на берегу обширного залива, отсеченного от океана двумя высокими скалистыми мысами. Они почти замыкались в кольцо, оставляя не очень широкий проход в бухту. Небольшие форты, вооруженные крупнокалиберными пушками, стерегли город от враждебного флота. Берег в этом месте полого спускался к океану наподобие гигантской чаши, поверхность которой вся была застроена двух и трехэтажными домами из белого известняка или мрамора. Черепичные крыши в большинстве своем были выкрашены в красный цвет. Возле каждого дома обязательно росли плодовые деревья. Хотя бы одно или два. Издали вся эта картина — синь залива, красно-белые дома, утопающие в зелени — представляла собой фантастически прекрасное зрелище. Дорога проходила как раз по оконечности восточного мыса, и с его высоты все было прекрасно видно. Не один я остановился тогда полюбоваться открывшимся видом. Те, кто здесь раньше бывал, тоже не отказали себе в удовольствии снова впитать в себя мощь океанских волн и вдохнуть воздух, насыщенный свежими, для меня незнакомыми ароматами. Нотка гниющей рыбы и тины добавляла… в общем, ничего она не добавляла. Главное не очень портила общее впечатление.

Сеньорита поселилась, как обычно, в лучшем трехкомнатном номере дорогой гостиницы, ставшем ее временной штаб-квартирой. Нервное напряжение в предчувствии близкой развязки достигло своего предела. Встречи со знатью практически прекратились. Скорее всего, с кем было можно и нужно, переговоры уже состоялись, интрига приблизилась к своей кульминации, осталось дождаться результата. По себе знаю — ожидание выматывает иной раз больше самого трудного действия. Для меня работы почти не было — изредка сопроводить

сеньориту в город, да иногда поприсутствовать на редких приемах и встречах с представителями благородных семей государства. Много свободного времени в столь прекрасном городе на берегу океана могло бы доставить уйму необыкновенных впечатлений и удовольствий. Я честно пытался эту уйму получить, но… никак не мог заставить себя начать беззаботно веселиться и радоваться хорошо оплачиваемому отдыху. Со всей очевидностью мне стало ясно — служба подходит к концу, и не сегодня — завтра придется принимать какое-то решение. Настала пора хорошенько подумать о будущем. Головой, которая на плечах. А не головкой, что ниже пояса. Остаться я не мог — барсы не служат иностранным подданным. Монархам тем более. А сеньорита либо относится к высшей знати, либо… претендентка на трон. За это говорит многое. И то, что она Мирасель, а не Росситера, ничего не значит. Имя могло быть изменено. Или у монарха не одна дочь. Почему-то мне казалось, что девушка не поедет в Барск, добиваться согласия старшин на наш брак. Уж очень многое, если не всю свою жизнь, все свои надежды и мечты, вынуждена будет она оставить. Фактически предать себя и тех, кто ей поверил. В таком случае, а чем я(!) готов пожертвовать? Готов ли ради девушки уйти из клана? Что для меня дороже — Мирасель или клан? Родители, друзья, наставники, избранный путь воина-барса или прекрасная девушка, которая, возможно, меня любит (нет у меня опыта в этих вопросах), но явно уважает только за силу и воинское искусство? Попытайся я с ней обсудить философию стоиков, и шок у красавицы обеспечен. Останется ли при этом любовь — неизвестно. Как ни отодвигал я честный ответ самому себе, но, все же собравшись с духом, признал — из клана я не уйду. Я не смогу предать свой путь и годы тяжелого, часто опасного, труда по совершенствованию воинского мастерства, зачеркнуть прежнюю жизнь и начать ее заново обеспеченным мужчиной в тени властной и сильной женщины.

Может то, что я чувствую по отношению к Мирасель — не любовь? Во всяком случае, ничего похожего на измышления поэтов и рассказы женатиков. То есть похожего много, а вот главного — сжигающего жара страсти, слиянья душ и упоенья чувств — сколь ни искал, не нашел в себе. Может быть я и правда — дикарь неотесанный, троглодит пещерный? Чурбан бесчувственный?

Нет. Не так. Я скучаю по Мирасель, когда долго ее не вижу. Она главная героиня моих снов и мыслей. И жар страсти мне не чужд, но… как бы это сказать… разжигает его, в основном, она. Я — ведомый в нашей паре, за исключением постели, но и там я все

равно ведомый, поскольку не могу получить удовольствие, если моя партнерша не отвечает взаимностью. Бывало несколько раз так, что у сеньориты случались (и не раз, следует признать) трудные дни, когда она прямо засыпала на ходу, устало отворачивалась к стенке, но всегда предлагала мне: «сбросить напряжение, пока она немножечко поспит». Пару раз я воспользовался женской добротой, однако… очень это было похоже на поход в туалет — кончил дело, дыши свободно.

Душа ныла, как больной зуб, на сердце было тяжело и тоскливо, но за все это время я так и не смог придумать ничего приемлемого. Ходил на берег океана, где под его мерные, успокаивающие вздохи и ритмичные прыжки солнечных или лунных зайчиков медитировал часами. Заливал тоску в кабаках хорошим пивом, предпочитая это делать в компании Кребино, подгадывая время его полуденного отдыха. Я не убегал от проблемы — сам себе я мог признаться, что все уже давно решено.

За время знакомства Кребино и его артель совместными усилиями помогли мне избавиться от аталийского акцента, поставив вместо него местный непередаваемый говор: «Таки не скажю за всю Лису (Лиссаго), но не стоит размазывать манную кашю по чистому столу» — где-то так. Говор был причудливой смесью многих языков и наполнен настоящим, искренним и разудалым юмором. Привыкнув видеть меня в компании портовой аристократии (кто бы мог подумать, что простой грузчик может быть аристократом… хотя бы в этом небольшом мирке), местные воры и налетчики весело кланялись мне и не пытались обидеть. Правда, один раз небольшая банда, всего-то человек пять, попыталась это сделать, когда я поздно ночью возвращался домой. Они заступили мне дорогу в узком переулке и я даже успел обрадоваться предстоящему развлечению, как главарь, приглядевшись ко мне, вдруг спросил:

— Ты таки Дит? Кореш нашего Кребино?

— Он самый. Это что-то меняет?

— Таки да… Мы не трогаем корешей хороших людей. Их таки мало осталось, а кореш может быть тоже хорошим человеком. Вы со мной согласны?

Какое ему дело, согласен я или нет? Но, тем не менее, эта философия была мне отчасти близка.

— Согласен. Что ли, я не понимаю?

— О! Семиотис, глянь. Наш человек. Прости, братан, мы отваливаем.

Ну вот. Разминки не получилось. А так хотелось кого-нибудь прибить — может, удалось бы хоть чуть-чуть приглушить тоску.

Как говорил классик философского реализма: «Слова, слова, слова».

Другой изрекал: «Дела, дела, дела!».

А мне впору взвыть на луну: «Мысли, мысли, мысли!».

Утром меня предупредили, чтобы к полудню я был на месте. Ожидалась делегация от герцога Васкоза. На месте, так на месте. Настроение чем дальше, тем больше становилось мрачно-меланхоличным. Я пока не набрасывался на трактирных слуг с намерением покусать за косой взгляд или медленно выполненное распоряжение, но был на грани. Они это чувствовали и старались не попадаться на глаза.

К полудню объявили о прибытии послов. Мы с Мирасель и братом Зорвесом — в этот раз он обязательно хотел присутствовать — прошли в приемную комнату. Девушка села в кресло рядом с окном, служитель Создателя встал слева от нее, а я занял позицию справа и ближе к двери. Старик, представитель герцога, вошел один, покосился на меня, помедлил и решительно направился к Мирасель, остановившись в двух шагах от кресла.

— Сеньорита, — вежливо поклонился он. — Как видишь, я один и не вооружен. Твой охранник может убедиться в этом. Далее я желал бы, чтобы нас оставили одних. Клянусь, против тебя я ничего не злоумышляю. У меня есть послание от моего сеньора, которое предназначено только для твоих ушей.

— Брат Зорвес — мой ближайший советник. Телохранитель не понимает конкистос и не отличается умом. Ты можешь смело говорить здесь, не беспокоясь о соблюдении тайны.

— Если ты столь уверена, то-о-о… Речь пойдет отчасти о твоем телохранителе.

— Чем не устроил твоего сеньора мой телохранитель? — съязвила Мирасель.

— Первым делом ты должна его убрать, — совершенно серьезно произнес посол.

— Убрать?! С чего бы это? Или он мешает убийцам герцога добраться до меня? В любом случае я сама решаю, что мне делать первым делом, что вторым, а что не делать вовсе.

Пару секунд они поборолись взглядами, и первым сдался посол.

— Мой сеньор не имел в виду убийц, — напряженно начал вельможа. — Мой сеньор имеет к тебе предложение, которое предполагает это.

— Может, есть смысл начать именно с предложения твоего сеньора, а не с моего, признаю, очень хорошего охранника? А?.. Я жду, — угрожающе сказала Мирасель, не отводя взгляда от

старика.

— Хорошо. Предлагаю сначала выслушать предложение герцога, — гордо вскинув голову, всем своим видом показывая, что он-то как раз против, старик, наконец, озвучил то, зачем его послали. — Мой герцог предлагает руку и сердце своего среднего сына, каковой будет принимать участие в управлении Конкистой на правах принца-консорта там, где сочтет нужным, государыня. По условиям соглашения, буде таковое принято, вся власть в государстве незамедлительно перейдет первому же ребенку, родившемуся в результате этого брака, независимо от пола, по достижении им совершеннолетия. В этом случае герцог Васкоза отказывается от борьбы за трон, что позволит избежать кровопролития и существенного ослабления страны. В случае отказа он готов бороться до конца и поднять все силы, подвластные ему. И еще… моего сеньора тревожит твой телохранитель. Он осведомлен — о, не переживай, только он и я знаем истину — о несколько… чересчур близких ваших отношениях. Так вот. Герцог забудет, что было и не расскажет сыну, если означенный телохранитель исчезнет. Навсегда. Согласитесь, это очень либеральные условия.

Глаза Мирасель гневно сверкнули и яростный отказ (мне так показалось, во всяком случае) готов был сорваться с ее языка, как холодным душем пролились слова брата Зорвеса:

— Я просил бы сеньориту не принимать решения скоропалительно.

— Я уже все решила! — запальчиво вскрикнула Мирасель и гневно, словно двумя острыми шпагами, вонзилась взглядом в глаза служителя.

— Я попрошу сеньора посла позволить переговорить нам наедине.

Посол молча поклонился, но не ушел. В этом государстве веками провозглашалась открытость королевской власти, и разговоры монарха наедине происходили, как правило, в ближайшем алькове или у окна, где окружающие могли его видеть, но не могли слышать, о чем идет разговор. Брат Зорвес отвел девушку к дальнему окну. Она встала лицом ко мне, служитель спиной и они тихо заговорили на конкистос.

— Сеньорита. Мирасель. Ты всегда была умницей. Подумай хорошенько. На чашу весов брошены жизнь одного, пусть незаурядного, охранника, и тысячи жизней твоих подданных. Кровавая резня существенно ослабит королевство, которое может стать легкой добычей врагов.

— Но я люблю его. Я знаю, что для тебя тоже не секрет наши отношения. Понимаешь, я встретила настоящего мужчину,

способного влить свежую кровь в загнивающий род нашей династии, и не намерена от него отказываться.

— В тебе говорит собственница, — мягко возразил ей Зорвес. — Подумай, сколько еще мужчин, не менее, а, я уверен, более достойных, тебе встретятся. Отдай одного и получи целый мир! Мирасель. Ты всегда отличалась умом и практичностью. Подумай. Он или страна? Неужели благополучие твоих подданных для тебя ничего не значит, а твоим умом властвуют женские инстинкты?.. Если так, то я оч-чень в тебе ошибался.

— Я сделаю его бароном и он будет принцем-консортом чисто номинально, — глаза Мирасель наполнились слезами, бриллиантовыми каплями стекающими по матово-бледным щекам.

— Это невозможно, — мягко и увещевающе, продолжил служитель. — Ты это сама понимаешь. Вспомни, сколько баронов, баронетов и графов согласились тебя поддержать, питая призрачную надежду на то, что ты, став королевой, выйдешь замуж за одного из них. За них самих, их сыновей, внуков или братьев. С любым решением они готовы смириться, но стоит тебе назвать своим мужем безродного иностранца, как они немедленно от тебя отвернутся и перейдут в лагерь герцога. Твои шансы удержаться на троне станут меньше, чем призрачны. Ты это понимаешь?.. Я вижу, что понимаешь, но боишься признаться самой себе. Пусть этот парень неоднократно спасал тебя. Мне он тоже очень симпатичен. Но в этом его долг. За это ему платят. Кстати, я взял на себя смелость перевести на его счет десять тысяч золотых драконов. Плата за охрану, премия за спасение твоей жизни и компенсация за… ты понимаешь, за что. Он уже богатый человек. Сам способен купить баронство, где-нибудь на границе…

— Зачем мертвому деньги? — с горечью сказала сеньорита.

Это сказало мне лучше всяких слов, что решение, исходя из высших соображений, уже принято Мирасель. Брат Зорвес тоже все прекрасно понял и, улыбнувшись с облегчением, бодро пообещал.

— Я же не сказал, что Дит будет убит. Надо же — в рифму получилось. Дит — убит. Так вот. Нам совсем не нужно навлекать на себя гнев барсов — у них хватит сил добраться до любого монарха ради мести. Нет. Я обещаю тебе, что Дит уйдет добровольно и это можно будет с полным правом подтвердить даже под обручем истины. Доверься мне… твое королевское величество Мирасель II.

— Ты не понимаешь. Я — беременна.

— От него? — уточнил Зорвес.

— От него, — с вызовом ответила Мирасель. — Ты меня осуждаешь?

— Нет. Это был твой выбор. А в беременности ничего страшного, — подумав минуту, выдал служитель. — Поскольку гильдия магов на твоей стороне, целители помогут. Немножко приостановят процесс созревания плода, а потом объявят ребенка сыном Сифъяроса, твоего будущего мужа. Так все будут довольны. Надеюсь, ребенок не унаследует… разум и внешность отца?

— Мне кажется иногда, брат Зорвес, что мы оба ошибаемся и Дит не так уж глуп, как мы думаем. Порой он так смотрит на меня, что я чувствую себя раздетой. Не в смысле голой, а так, словно все мои мысли для него не секрет. У меня иногда возникает впечатление, что все он понимает, и даже иногда лучше нас… но ему просто не интересны наши интриги… Что это? Наваждение?

— Что бы это ни было, но это только подтверждает необходимость что-то с ним делать. Не беспокойся, я все продумал. Завтра его уже не будет.

Мирасель не ответила. Утирая платочком слезы, она стояла, отвернувшись к окну и молча смотрела вдаль, хотя виды открывались не очень-то живописные.

Ну вот и все:

Решенье принято. Черта подведена.
И нет уж больше сил смотреть в твои глаза.
Там мрак и хлад успели воцариться навсегда.

Что я почувствовал в тот момент? Облегчение и печаль. Мне жаль было расставаться. Мирасель была красива, страстна, властна и заботлива. Она наверняка станет хорошим правителем. В том числе и потому, что смогла пожертвовать своими чувствами ради долга перед своими гражданами. В то же время я не представлял себе, как быть, если бы пришлось самому говорить о необходимости расстаться, когда придет время. Я боялся женских слез, упреков в неблагодарности, предложений титулов, денег и званий… Долго готовился к трудному разговору. Не скрою, нервничал и переживал. Сложившаяся ситуация все расставила по своим местам без моего участия, чем существенно упростили мою задачу.

Ну что ж. Значит, завтра. Если брат Зорвес, как он говорил, а служители Создателя никогда не лгут, уже перечислил мою плату

и даже более, чем в четыре раза превышающую оговоренные условия, то меня здесь больше ничего не держит… кроме Мирасель. Я не мог уйти, не попрощавшись с девушкой, сделавшей для меня очень много хорошего, подарившей свою любовь и нежность. Пусть ненадолго, но помнить дни, проведенные в Конкисте я буду всю свою жизнь. Поэтому я отложил свой отъезд до утра. Как там собирался поступать со мной брат Зорвес, я не знал. Вероятно, планировал добиваться моего молчания с помощью самых страшных магических клятв. Он, по-видимому, не знал, что барсы не были бы барсами, если бы не умели хранить тайны своих клиентов без всяких дополнительных клятв. Это, в числе прочего, входило в стоимость услуг.

Подготовив все к отъезду, то есть, собрав все свои вещи и уложив их как можно компактнее, я, наконец, за бесценок продал трофеи, следовавшие за мной с памятного боя на пути из Вармока в ожидании лучшей доли, то есть цены. После торга лиссагский скупщик, плюнув, сказал, что если он еще раз со мной свяжется… да лучше сожрет свои пейсы. Тем не менее, мешочек с золотом приятно оттягивал пояс, а мысли о сумме на счету в банке несколько примиряли с разлукой. Все-таки, наверное, я — троглодит бесчувственный.

В нашу с ней последнюю ночь я… да что говорить. Моя душа плакала кровавыми слезами, прощаясь, хоть это и не к лицу воину, тем более, барсу, а тело и интуиция действовали. Я чувствовал, что и девушка прощается со мной навсегда. Мы словно обезумели, пытаясь получить друг от друга все, что можно, на годы вперед. Мне хотелось соединиться с ней всем телом, всей душой, растворить в себе и раствориться в ней самому. Словно обжора, голодавший месяц и, наконец, добравшийся до деликатесов, мы насыщались и не могли насытиться. Под утро я чуть не пропустил момент, когда еще немного и стало бы поздно. Сладострастные судороги уже почти непрерывно сотрясали усталое до изможденности тело Мирасель. Торопливо напялив штаны, я бросился за братом Зорвесом. На мой бешенный стук он выглянул в коридор и, увидев мои глаза, торопливо накинул на себя мантию и рванул в спальню Мирасель. Там он сразу подбежал к столику с дежурными эликсирами, укрепляющими, успокаивающими, универсальными противоядиями и прочими зельями, хранящимися на всякий случай в полной готовности. Схватив склянку с сильным успокаивающим, он накапал в бокал полуторную дозу, немного разбавил слабым вином и скомандовал:

— Теперь держи ее и помоги влить лекарство.

Я крепко обнял девушку, гладя волосы и монотонно бормоча всякую чушь. Это, бывает, тоже неплохо помогает в таких ситуациях. Брат Зорвес умело — чувствуется опыт в подобного рода делах — напоил девушку и дрожь ее тела постепенно стала стихать. Минут через пять она уже совсем успокоилась и тихо всхлипывала, уткнувшись в мою грудь. Я держал ее на коленях, баюкал, как ребенка, целовал и продолжал бормотать успокаивающие слова.

— Успокоились? — устало и обреченно спросил служитель, усевшись в кресле напротив нашей парочки. — Это же надо было до такого дойти. Совсем у вас мозгов нет. Ну, Дит-то ладно. Может, и нет у него ума, но ты-то… Мирасель?! Ты-то умная девушка. Как могло так получиться? Ты чуть не довела себя до любовной комы?! Ка-а-а-ак, скажи мне?! Не налюбились еще? Ты понимаешь, что на всю жизнь могла оказаться привязанной к единственному мужчине?

— Я… я не знаю, — уже более-менее спокойно сказала Мирасель, все еще не желая покидать мои колени.

Зорвес встал с кресла, подошел к столику с напитками и фруктами, отвернувшись от нас, налил бокал вина, который немедленно влил в себя. Затем наполнил еще два бокала тем же вином и подал нам с девушкой.

— Вот. Выпейте. Вам это необходимо сейчас. И, Мирасель. Слезь, наконец, с парня. Хватит вам на сегодня любви. Живо лезь под одеяло, пей вино и спать. Не посмотрю, что ты сеньорита выпорю, как простую служанку.

Несмотря на грозные слова, видно было, насколько как-то по-отцовски он любит девушку и очень волнуется за нее. Мирасель это тоже понимала, поскольку тихонько хихикнула и змейкой скользнула с моих коленей под одеяло, умудрившись не пролить ни капли. Она выпила и отдала пустой бокал служителю. Тот взял и с ожиданием посмотрел на меня. Я вспомнил о своем бокале, который так и грелся у меня в руках, и, не желая никого задерживать, залпом выпил.

Холод помог преодолеть первый натиск отравы и я не сразу потерял сознание. Однако тело не слушалось и я, как сидел, так и рухнул поперек кровати. Все быстрее проигрывая в борьбе с ядом, я смутно, словно сквозь подушку услышал вскрик Мирасель.

— Что случилось?! Зорвес, что с ним?

— Спокойно, девочка моя. Спокойно. Все идет, как должно.

— Но ты же поклялся не причинять ему вреда!!

— А я и не причинил! Он немного поспит, а проснется далеко-далеко отсюда.

Больше я ничего не слышал, не видел и не чувствовал.

Сознание капитулировало перед зельем.

Проснулся — именно так я воспринял свое состояние — хорошо отдохнувшим и здоровым. Вот только помещение, в котором состоялось мое пробуждение ни на что, виденное ранее, не было похоже: гамаки вдоль стен, небольшие сундучки возле каждого и кругом сплошное дерево. Было сумрачно и пустынно. Рассеянный свет пробивался через небольшие оконца, но кроме серой мглы за ними ничего больше видно не было. Комната странно покачивалась и поскрипывала. То, что это вытворяет именно она, а не я нахожусь в состоянии качки, определялось хотя бы тем, что я не был пьян и чувствовал себя очень неплохо. Последние воспоминания тоже никуда не делись — последняя ночь с Мирасель, брат Зорвес, отравленное вино… В сундучке под моим гамаком оказались все мои вещи, в том числе и подаренные девушкой. Оружие, аккуратно начищенное, тоже было на месте.

Главный вопрос, который занимал меня в данный момент — это где я и в каком качестве? Для прояснения надо было выйти из помещения и расспросить аборигена. Однако абориген в лице капитана пехоты королевства Конкиста предстал передо мной сам. В комнату вошел жилистый мужчина лет тридцати. На нем была надета кираса и шлем. Длинная шпага висела на левом боку, тонкий кинжал на правом.

— Ну что, выспался, сэр? — с веселой ехидцей спросил он.

— Да. Благодарю. А не мог бы ты сказать, где мы находимся?

— О. Это все спрашивают… когда проспятся. Что, и не помнишь как подписывал офицерский контракт?

— Какой контракт? — в полном недоумении спросил я.

— Ну, все ясно, — захохотал капитан. — Однако же и здоров ты пить. Контракт на службу офицером, командиром полусотни десанта, в походе к острову гипербореев. А находимся мы на славном галеоне «Благословение Конкисты» и уже полдня как в океане. Движемся с помощью Создателя по предначертанному пути в указанном направлении.

Я только теперь понял, в чем заключался план брата Зорвеса отправить меня далеко-далеко. Мало того. Я понял, что шансов выжить в этом походе лично у меня ничтожно мало. Скорее всего, от пехоты не ждут возвращения. С нами, вероятно, отправлены маги, которые должны будут с помощью своих магических приемов донести до королевы, что происходит на острове. Возможно, кто-то из солдат или даже офицеров станет «глазом мага» и передаст на борт галеона, что увидит и услышит. А нас всех заранее похоронили. Что мне оставалось делать? Только ждать и готовиться.

Глава 9

Я сразу поверил капитану. Он, наверняка, мог бы предъявить мне контракт с моим отпечатком пальца «тиснутым собственноручно» в присутствии двух свидетелей, подтвердивших добровольность соглашения. Внешне я оставался спокойным. Самоконтроль и еще раз самоконтроль. Никто не увидит моей обиды и ярости. Здесь никто не виноват в моем контракте. Нет здесь виноватых! Сами, явно, такие же, как я, «добровольцы»… по большей части. Мирасель я не осуждал… почти. Однако могла бы и поинтересоваться у брата Зорвеса подробностями его подлого, не побоюсь этого слова, плана. Но сам-то служитель… Казался мне порядочным человеком, неспособным на подобную гадость. Ему достаточно было со мной поговорить. Честно разъяснить ситуацию и всё. На слово барса он мог бы положиться, как на слово самого Создателя, но он предпочел иной путь. Может быть, с его точки зрения, это и не подлость, а великодушный поступок и великолепный выход из положения, но с моей — далеко не так. Мы все в ответе за свои действия и бездействия. Он всего лишь ошибся, но мне очень даже возможно поломал всю жизнь, если она у меня еще будет после похода. Жизнь! А вот назло интригану — выживу, вернусь и «душевно» с ним пообщаюсь. Пообщаюсь так, что он тысячу раз подумает, прежде чем найдет другому подобный выход из положения. А пока необходимо сосредоточиться на первой части плана. То есть элементарно выжить.

— Ну что? Очухался? Осознал? С кулаками и зубами на меня бросаться не будешь? — спросил капитан, дав мне время привыкнуть к новому положению дел.

Я отрицательно помотал головой — не буду. Скрывать знание конкистос и прикидываться дурнем тоже не буду. Не перед кем, да и не к месту. Как не буду назло брату Зорвесу рассказывать своим невольным, в большинстве своем, сослуживцам историю моих отношений с их королевой. Все равно никто не поверит. Вряд ли здесь кому-либо интересна болтовня смертника. Наверняка, как это часто бывает в такой ситуации, каждый второй висельник на этом корыте — младший принц, тайно доставленный сюда, чтобы скрыть от мира душераздирающую семейную тайну. А каждый первый — подло обманутый честный труженик, что, кстати, вовсе не исключалось.

— Церемонии разводить не к месту, поэтому представлюсь сам. Баронет Илькосо, капитан королевства Конкиста, командир

десанта на остров гипербореев, — он поклонился и весело взглянул на меня. — Тебе представляться нет нужды. Я знаю, что ты сэр Дит, лейтенант гвардии, возмечтавший подвигов и славы, посему отпущенный принцессой Мирасель для участия в десанте. Назначен командиром полусотни. Кстати, поскольку ты очнулся последним, тебе выбирать уже не из кого. Весь десант — это пятьсот человек, набранных из подонков портового общества. Триста на нашем галеоне и двести на соседнем. Кроме тебя здесь есть еще трое дворян-«добровольцев». Все они старше и гораздо опытнее тебя, поэтому назначены командовать сотнями. Тебе предстоит стать заместителем командира третьей сотни. Она у нас самая проблемная — первые два офицера отобрали себе лучших, а в третью попали все остальные. Так что, имея тебя как бы в резерве, на военном совете я приказал принять решение об усилении этой клоаки еще одним офицером, хоть и молодым, но из самой гвардии.

Он говорил исключительно вежливо и доброжелательно, но чувствовалось, что почему-то недолюбливает гвардию и не знает точно, но догадывается, с какого такого перепугу я, предположительно гвардеец, согласился на это смертельно опасное задание. Человек он был веселый, ехидный и прямолинейный вплоть до грубости. Может быть, в том числе и поэтому его военная карьера пошла по столь неэффективному пути.

Илькосо в полном соответствии с моим представлением о его характере спросил, не стесняясь, прямо в лоб:

— Что, парень, обрюхатил дочку графа какого-нибудь? Ее родичи не согласились с таким положением… хм… вещей, да и нафиг им сдалась нищая родня? Они, недолго думая, подсыпали тебе в вино какую-нибудь гадость и в результате — ты здесь. А несостоявшаяся родня, небось, срочно выдает доченьку замуж, выплатив жменю золота целителю, чтоб временно скрыл беременность от будущего мужа. Вот будет барончику или графчику счастье, когда его сынок родится похожим на питекантропа… Да, ты не обижайся. На правду не обижаются. Ведь верно? — примирительно сказал капитан, заметив мою реакцию на его слова. — Тем более, я лично против твоего облика ничего не имею. Но рассказал я верно? — с любопытством спросил он.

На удивление, он очень правильно просчитал мою ситуацию. Если она была не точна в деталях, то абсолютно правдива в главном.

— Где мне с такой рожей баронесс охмурять? — буркнул я в безуспешной попытке откреститься от предложенного сценария.

— Да, ладно, Дит, — снисходительно отметил мои беспомощные барахтанья капитан. — Я уже не пацан, чтобы не знать — бабы оценивают мужиков отнюдь не по морде лица, каковая может быть один в один обезьяньей. Им интересно то, что ниже пояса… причем сначала сзади, как ни странно, а потом спереди. Инстинкт, понимаешь, у них такой — сильные дети могут быть только от сильных мужчин. К тому же «с лица воду не пить» и «ночью все кошки серы». А уж если ты умеешь говорить красивые и ласковые слова, то любая через минуту сочтет твою личность самой привлекательной в мире. Поверь моему опыту. У меня есть приятель. По сравнению с ним — ты светозарный помощник создателя, но стоит мне познакомиться с девушкой, как через день-другой, она уже меня не помнит, а за другом бегает вприпрыжку. Я ему завидую белой завистью! Даю честное слово!

Он улыбнулся и поднял правую руку к плечу ладонью в мою сторону, словно клялся в суде.

— Сейчас как раз начинаются строевые занятия в твоей сотне. Пройди на шканцы и представься своему командиру. Что тебе предстоит делать, он уж сам определит. Да. Еще кое-что. Настоятельно рекомендую постоянно ходить при оружии и в кольчуге. Все твое имущество в сундучке у твоего гамака. Народ здесь собран не самый мирный. Могут в темном углу и… — он провел ладонью по горлу и закатил глаза, высунув при этом язык. — Ты меня понял? Офицеров у нас и так некомплект. Не хотелось бы из-за подобной чепухи сократить их численность.

Все мое имущество, действительно все, до последней нитки и иголки, находилось в сундуке, в том числе и подаренное Мирасель. Споро переодевшись и вооружившись, как советовал Илькосо, я вышел на палубу полюбоваться природой, закатом и… толпой головорезов, кое-как выстроенной посередине палубы. Кажется, это и есть шкафут… или шканцы. Собственно, мне глубоко зелено правильное название — главное, другой толпы не наблюдается, стало быть это и есть нужное мне место. Перед подобием строя прохаживался высокий и тощий, словно после длительной голодовки, дворянин в сияющей начищенной кирасе, шлеме, поножах и поручах с длинной шпагой и дагой на поясе. Пара десятков до зубов вооруженной королевской морской пехоты стояли отдельно в полной готовности придти на помощь офицеру и обеспечивали порядок.

Я, проявив догадливость, понял, что это и есть мой командир, подошел к нему и представился:

— Сэр Дит. Направлен в твое распоряжение.

— Сэр Хуанеро.

Узкое, похожее на лезвие секиры, лицо офицера было довольно примечательным. Маленькие, близко посаженные глаза. Огромный «орлиный» нос. Тонкие, в нитку, губы. Пышные черные усы и аккуратная бородка-эспаньолка. Через всю правую щеку от угла рта и почти до виска тянулся безобразный рваный шрам, придавая Хуанеро вид настоящего разбойника под стать отряду. Два дула пистолей его злобных глаз вперились в меня и живо прочесали всю фигуру от хво… э-э-э… с ног до головы. Взгляд был тяжелый и не страдающий излишним дружелюбием.

— Через два часа обед. После подменишь меня на занятиях. Сейчас — свободен, — пролаял он, резко повернулся к строю и зычно скомандовал: — Построиться в шахматном порядке. Мечи наголо. Изучаем рубящий удар в голову. Делай, как я.

Ничего интересного для себя в примитивной технике боя, которой предстояло худо-бедно поднатаскать десант за четыре с половиной недели плавания, я увидеть не ожидал, поэтому равнодушно отвернулся и отошел в сторонку. Зря время терять тоже не хотелось, поэтому решил немного размяться. Как раз до обеда.

Я разделся, оставив только портки. Вещи сложил рядом с фальшбортом и начал отрабатывать привычный комплекс. Разогрелся. Выполнил полный набор базовых связок боя без оружия. Провел схватку с воображаемым противником. С одним. Потом с двумя и, наконец, с группой. Затем взял оружие и перешел на отработку приемов для шпаги в сочетании с дагой. Время летело незаметно. Морской ветерок освежал, тень от паруса защищала от палящего солнца. Я все наращивал и наращивал темп. Когда основные движения были пройдены дважды, стал на короткие интервалы времени уходить в холод. Сложные, но предельно экономные движения, свист рассекаемого на пласты воздуха, прозрачный синеватый простор и живой, дышащий океан вызвали восхитительное чувство упоения и единения с миром. Безукоризненно совершив финальное движение — наставники вряд ли смогли бы придраться — я замер на палубе в позиции защиты.

— Браво, — ледяным тоном прорычал Хуанеро.

Оказывается, сотня во главе с командиром вместо отработки удара, таращилась на мою тренировку. Они были не одиноки — все свободные от вахты матросы и офицеры галеона, расположившись кто где: на вантах, реях, на палубе… — тоже не пропустили бесплатного развлечения.

Командир неторопливо подошел ко мне вплотную, неприязненно посмотрел и прошипел:

— Если ты, мальчишка, считаешь, что фехтования достаточно

для командования отрядом, то ты глубоко заблуждаешься.

— Успокойся, — холодно ответил я ему, одеваясь. — Я не собираюсь претендовать на твое место. Карьера сотника этого «элитного» сброда меня не привлекает.

Пару минут он сверлил меня взглядом. В свою очередь я, в качестве ответной любезности, своими коловоротами постарался пробурить его лоб. И ничего у нас не получилось. То ли сверла оказались тупыми, то ли вращали мы их в неправильном направлении, то ли лбы крепкими.

— Обед, — рыкнул офицер, развернулся и стремительно ушел с палубы.

Капитан Илькосо подошел ко мне, положил руку на плечо, немного сжал и серьезно сказал:

— Хуанеро — хороший командир. Он много чего прошел и шрам свой заработал не в кабацкой драке, но характер у него сложный. Придется тебе, парень, научиться с ним ладить. Главное, он ненавидит выскочек и всегда ищет подвох. Ему постоянно кажется, что его пытаются подсидеть. Имей это в виду.

— Благодарю, сэр. Постараюсь не дразнить командира, но в случае чего, спуску ему не дам.

— Вот и хорошо. Для меня важно, чтобы ты первый не нарывался. Четыре недели — и мы дойдем до земли гипербореев, а в бою Хуанеро — совсем другой человек. Вот увидишь.

Четыре с половиной недели пролетели в непрерывных тренировках, и мы с командиром сотни практически не пересекались на сравнительно небольшом пространстве галеона. До обеда я занимался собой, то есть тренировался сам, пока Хуанеро обучал сотню. После обеда я его сменял и занимался с отрядом до вечера. Затем я снова тренировался, а командир допоздна засиживался в кают-компании.

Отряд кое-чему научился: мог держать строй, перестраиваться и применять пару-тройку приемов боя на мечах. В первой сотне двадцати самым понятливым выдали аркебузы и научили кое-как с ними обращаться. Во всяком случае, с высокой долей вероятности можно было надеяться, что снаряд полетит в сторону врага, а не в своих. Оружие было старое, тяжелое. Из каких пыльных закоулков арсенала его достали — даже не представляю. Эти миниатюрные пушки имели одно несомненное достоинство — крупный для ручного оружия калибр.

В ожидаемые сроки впередсмотрящими корвета из эскорта была обнаружена земля гипербореев и мы стали готовиться к высадке. Тренировки были отменены и все силы направлены на экипировку. Надо сказать, казна ощутимо сэкономила на

снаряжении. Доспехи и оружие были явно той же давно прошедшей эпохи, что и аркебузы. Они, мало того, что изначально были не лучшего качества, еще и не раз побывали в боях. Короткие, дедовские, мечи были сделаны из дешевого железа, быстро ржавели и тупились. Кольчуги часто с дырами в самых неожиданных местах, а мятые и тоже иногда пробитые кирасы подсказывали идею вовсе от них отказаться, чтобы не питать иллюзии защищенности и не таскать на себе лишнюю тяжесть в такую жару. Лично мне в дополнение к собственному вооружению вручили два потрепанных, но исправных, пистоля с колесцовыми замками. К ним выдали два небольших кожаных кисета с порохом и пулями. Ключ от замков, с помощью которого они взводились перед выстрелом, мне посоветовали понадежнее прикрепить к поясу, поскольку его потеря сделает оружие бесполезным.

К полудню земля стала видна всем, кто хотел ее видеть. Кто не хотел, тоже не избежал этого зрелища, поскольку желания большинства «первооткрывателей» никто не спрашивал. Капитан галеона скомандовал десантирование, и партиями по пятьдесят человек матросы стали переправлять отряд на берег. Баркасы сделали по семь ходок, пока последние солдаты десанта вместе с небольшим запасом продовольствия и зарядов для аркебуз не были высажены на пологий берег бухты. На соседнем галеоне происходило то же самое.

В конечном итоге на берегу оказались пятьсот солдат, шесть офицеров во главе с капитаном Илькосо, два служителя Создателю и два молодых мага. Насколько я понял, эти маги будут глазами и ушами коллег, оставшихся на кораблях. Таким образом, даже если мы все до одного поляжем в этих землях, королева узнает, что с нами произошло.

Я переправлялся в последней партии и к тому моменту, как моя нога ступила на землю острова, вернулась разведка, отправленная командиром десанта. Капрал доложил, что видел разрушенный город, в точности, как описал спасенный моряк. В развалинах ни людей, ни демонов обнаружить не удалось.

Илькосо скомандовал выступление, отряды построились в походную колонну и неспешным маршем направились в глубь острова. Наша сотня шла замыкающей. Двадцать человек из ее состава шли в арьергарде. Другие сотни выделили головной и боковые дозоры. Все шли настороже. Я подсыпал на полку свежего пороха, аркебузиры держали наготове разожженные фитили. Удивительно, но ни один солдат даже не пытался выбежать из строя, чтобы набрать золотых монет и украшений, буквально валяющихся под ногами. Видимо, страх перед

демонами, о которых живописали своим товарищам те, кто знал историю спасения моряка, был сильнее алчности.

Город действительно оказался пуст и мы беспрепятственно его миновали, хотя моя интуиция ясно подсказывала мне, что за нами наблюдают с совершенно недружественными намерениями. Сотни продолжали спокойно двигаться вперед по дороге, некогда мощеной большими гранитными плитами, а теперь почти заросшей травой и кустарником, пробивающимися сквозь стыки плит. За городом, начиная с окраины, рос смешанный лес. Его протяженность никто не знал, поэтому нам оставалось делать то, зачем нас сюда направили. То есть продолжать разведку.

Улучив момент, я поделился своими предчувствиями с Илькосо, но тот скептически посмотрел на меня и предложил зря не нервничать. Дескать, предчувствия — они сейчас у всех, в кого ни ткни. И каждый в душе считает наилучшим выходом для всех — вернуться обратно на корабли, да поднять якоря побыстрее. Тем не менее, страхи страхами, а дело надо делать, зажав волю в кулак. Я бы обиделся, да капитан смотрел на меня с таким искренним сочувствием, что я понял — будь его воля, он не взял бы меня в этот поход. Доказывать, что я барс, и мои предчувствия не просто страхи, было бесполезно. Дальнейшие попытки настаивать на своем могут привести лишь к обвинению в трусости. Я молча кивнул и вернулся к своему отряду.

К вечеру мы прошли лес насквозь, так и не встретив никого из разумных существ, и перед нами предстали новые развалины города. Это поселение было в несколько раз больше по площади ближайшего к бухте городка и значительно лучше сохранилось. И также никаких крепостных стен. Границы города обозначали дома, наиболее разрушенные именно на окраине. Дальше видны были лучше сохранившиеся здания, довольно обычной архитектуры. Некоторые даже сохранили в целости черепичные крыши. Довольно много окон поблескивало в лучах заката целыми стеклами. Хотя с того места, где мы стояли, весь город увидеть было невозможно и что там дальше — можно было только гадать.

Капитан принял решение на ночь глядя в развалины не соваться и разбить лагерь неподалеку. Стоянку оборудовали по всем правилам. Поставили частокол с двумя входами-выходами, выкопали ров и установили палатки. На эту ночь в караул была отряжена вторая сотня. Через каждый час, десяток охраны при входе сменялся следующим и так всю ночь. После плотного ужина я лег спать и без помех проспал до подъема. Никто на нас не покушался.

Утром после завтрака капитан направил в город разведку и

стал дожидаться результатов. Все было тихо, но когда ни в оговоренное время — через два часа, ни в полдень, разведка не вернулась, он приказал нашей сотне в полном составе войти в город и выяснить, что с ней случилось.

— Ну, если только они забыли обо всем и занялись мародерством! Всех повешу! Никого не пощажу! Сэр Хуанеро. Приказываю произвести разведку города. Даю тебе в помощь всех аркебузиров. Одного мага и одного служителя Создателю. Через каждый час приказываю отправлять ко мне посыльного с сообщением, как обстоят дела.

— Сэр. А разве маги не смогут друг с другом поддерживать связь?

— Они смогут. Но так будет надежнее. Приказ ясен? Тогда исполняй.

Мы собрались, построились и выступили. Мне было поручено командовать двумя десятками арьергарда и всеми аркебузирами. Командир сотни хотел иметь огневое прикрытие при внезапном нападении. Быстро подготовиться к бою они не могли и стали бы балластом для основного отряда.

С каждым шагом тревога моя росла, но поделиться ею с Хуанеро я не посчитал нужным. Учитывая наши с ним отношения, он, скорее всего, просто не поверил бы мне, если не хуже. С него станется обвинить меня в трусости и паникерстве, а там и отстранить от командования. Тогда я вообще ничего не смогу сделать. Напрягая все свои способности, я сумел выделить три направления предполагаемой угрозы и приказал группе подготовиться к бою. Стрелкам проверить фитили и порох на полках оружия. При необходимости подсыпать свежий. Аркебузиров я выдвинул вперед. Один десяток наблюдал за домами вдоль улицы слева, второй — справа. Всем мечникам — поглядывать назад. Все, что мог я сделал. Отправиться самому на разведку и оставить свой отряд без командования нельзя, а из солдат Хуанеро уже и так выделил дозоры.

Однако столь стремительной и эффективной атаки я и предположить не мог. Когда отряд вышел на небольшую площадь, на него в полной тишине, как снег на голову буквально из всех щелей полезли… демоны. Ростом с обычного невысокого человека, они имели маленькие рожки на голове и хвост с шипом на конце, впрочем, почему-то прикрытый колпачком. Одеты в черные плащи, немного похожие на нетопыриные кожистые крылья. Вооружены дубинками, обитыми чем-то мягким и собственными, явно острыми, когтями. Они появлялись, словно прямо из-под земли, прыгали из оконных проемов и с крыш зданий. Быстрые и сильные, они продемонстрировали мастерство

боя на много порядков превосходящее уровень даже королевского гвардейца, не говоря уж об отребье, собранном в это подобие десанта. Даже я не успел ничего понять, как основной отряд смешался с демонами и стал быстро таять под их ударами. Залп из огнестрельного оружия положил бы больше наших, чем этих тварей. Тем не менее, преодолев секундную растерянность, я заорал команды, которые мой отряд стал привычно выполнять. Аркебузиры установили на высокие сошки свои маленькие пушки, подсыпали пороху и замерли в ожидании следующей команды. Пехота получила приказ сбить строй и защищать стрелков с флангов. Мы как нельзя вовремя перегруппировались, так как в то же мгновение из здания слева выскочили трое демонов и бросились на солдат. Прорвать строй с наскоку им не удалось. Тогда они слаженно высоко — так человек не сможет — подпрыгнули и перемахнули строй, приземлившись уже внутри нашего маленького каре.

— Все вдруг! — проорал я новую команду.

Десятки четко развернулись на пол-оборота и демоны оказались в окружении стены щитов и частокола клинков.

— Атака!

Клещи из двадцати солдат и меня оказались демонам не по зубам. У них не было пространства для маневра и вскоре с ними было покончено. К сожалению, мы тоже понесли потери. Двое были убиты и четверо ранены. Из них один — тяжело.

В это время, практически полностью расправившись с отрядом, демоны с площади решили и нам уделить немного своего внимания. Судя по всему, ни молитвы служителя, ни магия не оказали существенного влияния на бой. То и другое оказалось бессильно против демонов. Может, магия была неправильная, может демоны, но маг первый рухнул под ударом дубинки, так и не нанеся никакого урона нападавшим. Служитель продержался чуть дольше. И то не за счет молитв, а исключительно из-за своего боевого мастерства. Его знак служителя — полумесяц на цепи — один раз даже хорошо зацепил одного из замешкавшихся демонов. Однако рану нанес как обычное, не осененное благодатью Создателя, оружие. Кстати сказать, кровь демонов по виду ничем не отличалась от человеческой.

Хладнокровно дождавшись, когда орда подбежит поближе, я скомандовал:

— Залп!

Грохот выстрелов, плотное облако порохового дыма, затянувшее улицу, дикий вой раненых демонов — великолепные декорации для героической гибели отряда. Даже жаль, что на кораблях не увидят этого. С гибелью нашего мага, подозреваю,

прекратилась и непрерывная передача сведений. Я не тешил себя надеждой выжить в этом бою. Согласен. Также я думал во время нападения на лесной дороге, но здесь у меня было время оценить и проанализировать наше положение. Демонов больше чем нас и драться они умеют лучше нас, к тому же на своей земле. Основной отряд практически уничтожен, наш им на один зуб, а одному мне против таких врагов долго не продержаться. Даже если в лагере услышали грохот выстрелов, на помощь все равно придти не успеют. Боевое искусство демонов, хотя и было несколько иное — я видел, в частности, как они ловко используют хвост в качестве третьей руки — но вполне сравнимо с известным мне. Их уровень примерно соответствовал мастерству тринадцатилетнего барса. Таким образом, если с пятью-шестью я еще мог бы справиться, а в состоянии холода и с десятком, то против орды шансов практически не было. Холода мне на всех не хватит. Однако сдаваться я, разумеется, не собирался.

Когда перед самым нашим носом проявились из дыма фигуры демонов, я, практически не целясь, разрядил в них оба пистоля, выхватил клинки и без колебаний вошел в холод. Скольких я успел убить — не помню. Пять или шесть. Может, семь или восемь. Сколько-то ранил. Сначала осыпалась кольчуга, исполосованная когтями демонов. Потом куда-то отлетел шлем и… я так и не успел исчерпать весь лимит времени нахождения в холоде — одна из нескольких дубинок, брошенных сзади, влетела в затылок, погрузив сознание во мрак.

Очнулся я как-то сразу и немедленно все вспомнил. Бой, рожи демонов, туча черных плащей, словно крылья тварей бездны, затмевающие солнце, звон стали, хрипы поверженных врагов и соратников, схема боя, просчитанная в холоде и гарантирующая поражение шести целей с большой неопределенностью в конце расчета. Удар дубинки. Как же я так попался? Ведь схема включала в себя и вероятность метания дубинок. Наиболее вероятным, на мой взгляд, было предположение о том, что демоны тоже учитывали возможность уклонения, поэтому и метнули одновременно сразу несколько. И не точно в меня, а в моем направлении, охватывая приличную зону поражения летящими и вращающимися в разных плоскостях дубинками. Под удар одной из них я и попал. Однако слаженность их действий поражала. Думаю, очень не скоро люди захотят еще раз проверить на прочность гиперборейцев. Если демоны, конечно, те самые легендарные обитатели якобы затонувшего континента. Уж очень облик не похож на описания.

Вокруг меня слышался чей-то разговор. Вздохи, стоны.

Проклятия. Я открыл глаза и огляделся: огромная клетка, битком набитая солдатами нашего десанта. Рядом со мной лежал капитан Илькосо и… маг, прикрепленный к нашему отряду на время проведения разведки в городе. Я думал — он погиб, а он, оказывается, был всего лишь оглушен.

Из уважения к офицерам нам предоставили мизерный кусочек пустого пространства, достаточный, однако, чтобы можно было лежать, вытянувшись во весь рост. Остальные могли только сидеть чуть ли не на коленках друг у друга или стоять. Я тоже встал во весь рост и сквозь толстые стальные прутья увидел, что наша клетка стоит на краю большой площади. Точно такие же клетки, также забитые пленными десантниками, стояли по периметру всей площади. Судя по размерам и плотного заполнения клеток, демоны не убивали солдат, а в первую очередь старались пленить воинов, что им полностью удалось. Больше на всем открытом пространстве ничего не было, за исключением возвышения из красного, полированного камня с пологими склонами, похожего на гигантскую сцену.

Вскоре зашевелился и открыл глаза маг, а вслед за ним капитан. Увидев меня, командир слабо улыбнулся и сказал:

— А-а, сэр Дит. Я рад, что ты жив. Правда, не знаю, надолго ли. Мне очень жаль, что я не прислушался к твоему предупреждению, хотя это вряд ли могло повлиять на ситуацию. Ты случайно не знаешь, что демоны будут с нами делать?

— Не знаю, капитан. Не думаю, что нас пригласили в качестве почетных гостей на день рождения местного владыки.

— Ты пытаешься шутить? — снова криво улыбнулся Илькосо. — Это хорошо. Молодец. Присутствия духа нельзя терять никогда. А вот мне страшно. И я не боюсь этого признать.

Я покраснел и признался, что мне тоже страшно, но вот так открыто говорить не могу.

— И правильно, — неожиданно похвалил мою «скромность» командир. — Ты еще не заслужил своими делами право признаваться в своих страхах, чтобы спокойно игнорировать мнение каких-нибудь тупорылых идиотов, которые не замедлят обвинить тебя в трусости. Храбрец от труса отличается только тем, что властвует над своими страхами, даже использует их себе на пользу.

Маг странно на меня посматривал, о чем-то усиленно думал, но в разговор не встревал.

Так мы просидели на жаре несколько часов. Двое легкораненых потеряли сознание и, пожалуй, вскоре должны были перейти в категорию тяжелых. Я попытался им помочь: остановил кровь, соединил разрезы, но для окончательного

заживления резаных и колотых ран — видимо, от когтей демонов — не хватало многого. В первую очередь, моих и без того слабых сил. Но даже воды нам не дали — вместе с оружием отобрали и фляги.

Край солнца коснулся горизонта, и на площади началось движение. К каждой клетке подошло по десятку демонов. Пять встали с одной стороны, пять — с другой. На возвышение торжественно поднялся их главный — это было видно по одежде: черной, однако расшитой серебром, высокому, сравнительно с прочими, росту и позолоченным рожкам. Архидемон воздел руки к небу и что-то проорал на непонятном языке. Демоны у клеток торжествующе взревели и… слаженно покатили клетки к возвышению, закатывая их по пологому склону к центру, где стоял этот черный с серебром.

Главный величаво отошел от центра к кругу клеток, снова воздел руки и опять проорал какую-то тарабарщину. Откликаясь на его призыв, середина возвышения раскололась и две половинки со скрежетом опустились вниз, открыв глубокий колодец, из которого пахнуло страшным жаром. Клетки стояли на самом краю, и нам во всех подробностях было видно адское пламя бездны, бушевавшее глубоко на дне.

Снова вопль архидемона и задний край клетки слева от нас стал подниматься, в то время, как передняя ее стенка отвалилась вниз. Люди поняли, какая судьба им уготована. Они заорали, стали хвататься за прутья и друг за друга. Им не препятствовали, даже наоборот, как бы подзадоривали. Слова непонятны, но глумливые жесты демонов были довольно недвусмысленны. Край неторопливо поднимался, все увеличивая и увеличивая угол наклона пола. Вот уже те, кто был в середине, с отчаянными воплями посыпались вниз и исчезли в огне. Каждое падение сопровождалось небольшой вспышкой, после чего озеро огня моментально снова успокаивалось. До следующей жертвы. Несколько человек держались, сколько могли, за прутья, но демоны с хохотом стали быть дубинками по пальцам и вскоре бедолаги последовали за своими товарищами. Когда клетка опустела, ее просто оттащили назад, столкнули обратно на площадь и взялись за следующую. Твари опустошали их, последовательно двигаясь против солнца.

— Предлагаю не цепляться за прутья, подобно обезумевшим от страха животным, а с честью самим прыгнуть в геенну огненную, сказал капитан, встав рядом со мной.

— Согласен, — кивнул я головой.

Действительно. Нет смысла оттягивать неизбежный конец, хотя и говорил один древний философ на мертвом языке: «dum

spiro spero» (пока дышу, надеюсь). Но здесь глупо было ожидать чудесного избавления. Следовало просто принять смерть достойно.

— Прости, сэр Дит, — услышал я вдруг тихий голос молодого мага. — Может, так немного легче будет умирать, но шансов выжить у тебя не было совсем, — мы с капитаном удивленно воззрились на него, взглядом требуя объяснений. — Дело в том, что нам, магам, перед отплытием был передан секретный приказ не допустить твоего возвращения в Конкисту. В случае успешного завершения экспедиции надлежало устроить тебе на обратном пути несчастный случай.

Предупреждая наши вопросы, маг быстро закончил.

— Я не знаю, почему и зачем был отдан такой приказ. Нас не поставили в известность.

— Ты, парень, видно здорово зацепил кого-то из крупных шишек, — задумчиво посмотрел на меня капитан, будто увидел в первый раз. — Впрочем, какое это теперь имеет значение?

Для меня имело. Мне стало еще тоскливее и обиднее умирать из-за подлых политических интриг правящей верхушки чужого государства. Нет, брат Зорвес! Я и с тропы Создателя тебя достану!

А вот и у нашей клетки край стал медленно подниматься. Передняя решетка с гостеприимным лязгом распахнула пасть, готовая выблевать в бездну свое неаппетитное содержимое. «Ну что ж, друзья, коль наш черед, да будет сталь крепка…». Не дожидаясь момента, когда на полу станет невозможно стоять, я с боевым кличем барсов: «Барррр!!» — бросил свое тело в жаркие объятия пламени. Встретить смерть в таком теплом месте — не самая худшая участь.

…На огромную дворцовую площадь столицы Конкисты, сейчас до отказа забитую плотной толпой людей, вышел королевский глашатай, одетый во все белое с золотом. Поднявшись на возвышение, специально устроенное для таких случаев перед королевской резиденцией, он трижды протрубил в горн и возвестил народу, усилив голос с помощью амулета:

— Радуйтесь, граждане Конкисты! Ваша королева благополучно разрешилась от бремени! Мальчиком! Наследника престола назвали Дитмирино! В честь этого события в королевстве объявлен трехдневный праздник! Все питейные заведения столицы будут бесплатно поить всех желающих пивом и вином нового урожая!

— Слава! Слава! Слава королеве! Слава принцу-консорту Голфредино! Слава наследнику престола принцу Дитмирино!!

Народное ликование было искренним. За довольно небольшой срок правления королева Мирасель II полюбилась людям своей мудростью и справедливостью… а еще красотой.

За ликованием толпы из окна гостевых апартаментов наблюдали двое. Один высокий, жилистый, седоватый мужчина лет сорока-сорока пяти с герцогской короной на голове, другой — пониже ростом, рыхловатый и бледный молодой человек не старше двадцати, чем-то неуловимо похожий на первого.

— Чернь, — презрительно произнес герцог. — Одно слово смерды!

— Пусть себе, — нетрезвым голосом пробормотал молодой, — празз-и-Ик(!) сёння. Как-никак.

— А ты уже с утра нажрался?! Ссынок!

— Так ик… ть(!) празь-ди-ник… сёння. У м-меня ссын(!) родился. П-первенец!.. Ик!

— Да-а… — с кривой усмешкой на тонких аристократичных губах протянул герцог, — сын. Твой. Конечно-конечно, — и совсем тихо про себя пробормотал. — Надеюсь, сынок, ты еще сможешь сделать парочку настоящих(!) наследников. А с ублюдком мы разберемся. Дайте время.

В это же примерно время в спальню королевы бесшумно зашел брат Зорвес. Мирасель лежала под одеялом бледная, с темными кругами под глазами, обессиленная после родов. Несмотря на помощь целителей, роды проходили тяжело. Верховный целитель, осмотрев новорожденного, сказал, что теперь ему понятно — маги со столь сильным Даром всегда рождаются трудно. Очень часто роды оказываются смертельными для матери. Мирасель, Слава Создателю, продемонстрировала незаурядную силу воли и духа. Да и помощь лучших целителей королевства была весьма кстати.

— Ты посмотрел? — нетерпеливо спросила королева, пытливо глядя на служителя Создателю. — Как он?

Дело в том, что младенца сразу после родов унесли целители для лечебных процедур и настройки магических каналов. Да и матери следовало отдохнуть.

— Да, Мирасель. Посмотрел. На первый взгляд — вылитый ты. Но с возрастом дети меняются и не исключено, что со временем проявятся черты настоящего отца.

— Я не боюсь гнева моего пьяницы-мужа, но герцог обязательно будет пытаться устранить моего малыша.

— Не беспокойся, девочка моя. Я усилил и основательно почистил охрану. Кроме того, маги тоже заинтересованы, чтобы мальчик жил. Маги, ты знаешь, рождаются редко, а с таким даром, как у твоего сына, хорошо, если раз в столетие. Они тоже

не будут спускать с него глаз. Да и… есть у меня кое-какой план…

— Один твой план уже лишил ребенка настоящего отца, — резко проговорила Мирасель. — Не дай Создатель, если твой план лишит меня и сына.

Зорвес только миг смотрел в глаза королевы. Яростная угроза, пылавшая в них лучше слов сказала ему: случись что с мальчиком — служителю не жить.

— Мирасель. Ты же знаешь. Все в руках Создателя. У Дита был шанс…

— Какой шанс? Какой шанс в лапах демонов мог у него быть?! Кстати, ты обещал после родов показать мне гибель отряда. То, что зафиксировали маги в запоминающих кристаллах. Говорят, молодой маг до последней секунды передавал на корабли все, что видел и слышал.

— Ну-у-у, не все. Там есть и пробелы, когда он отключался… Давай немного подождем, — умоляюще сказал Зорвес. — Тебе по-прежнему нельзя волноваться. Молоко может пропасть, а ты собиралась кормить ребенка сама…

— Ничего. Я выдержу!

— Хорошо, — покорно вздохнул Зорвес. — Я попрошу подготовить демонстрацию. Где-то через недельку.

Неприятный холодок мурашками пробежал по спине служителя и ледяным комком обосновался где-то в желудке. Глава магов в приватной беседе сказал Зорвесу, что связь с магом-наблюдателем прервалась странным образом. Она не была отключена сознательно, или в результате потери магом сознания, или… — его смерти. На вопрос, значит ли что маг, а, следовательно, и остальные живы, тот только развел руками.

— Мы исследуем этот вопрос, — только и мог он ответить.

Часть вторая

Глава 10

Левое боковое щупальце со свистом рассекаемого воздуха врезалось в скалу. Фонтаном брызнула каменная крошка, но меня там уже не было. Эту тварь я выслеживал с утра, спустившись в подземный лабиринт на пятнадцатый ярус. Обычные обитатели этих пещер, которые когда-то давным-давно казались мне непобедимыми монстрами, способными привести в ужас и разогнать маленькую армию, на сегодняшний день так мне прискучили, что я просто пробегал мимо или на ходу прибивал магическим ударом особо назойливых. Не насмерть. На пару минут всего лишь.

Пару дней назад по некоторым признакам я определил, что в наших краях пополнение. Появилась тварь, которая завтракает самыми опасными хищниками подземелий — цеториями. А взрослый цеторий — еще тот подарок. В длину его гибкое, покрытое чешуйчатой броней, змеиное тело может достигать двенадцати, а у некоторых экземпляров (сам видел) даже четырнадцати метров. Треугольная копьеподобная голова снабжена алмазной крепости зубами и наростом впереди. Шесть пар маленьких, но сильных лапок вдоль тела, способных произвольно втягиваться внутрь или выпускаться наружу, позволяют цеторию не только по-змеиному проникать во все щели, но и карабкаться по стенам и даже потолку пещер не хуже кенураторов. А тех недаром называют пещерными мартышками за умение перемещаться по любой поверхности, кроме пола. По полу кенураторы, конечно, тоже могут, но почему-то не очень любят. Все здешние обитатели существа полумагические и обладают отменной реакцией — барс разве что в состоянии холода может с ними соперничать — но цеторий далеко опережает всех. Охотится он на все, что движется. Большое и бронированное — старается молниеносным ударом головой пробить и выесть внутренности. Мелкое и юркое — поймать и задушить в объятиях. Довелось и мне побывать в кольце любви ко всему живому. Тогда я успел сфокусировать импульс в точке пересечения энергоканалов твари, и ребра не пришлось мучительно восстанавливать из крошева.

В общем, цеторий — далеко не безобидный ужик, которого всякий пнуть может. Ан нашелся и у него достойный противник. Не посмотреть на новенькое чудо, а уж тем более не поохотиться на него, я был не в силах. Это как ребенку добровольно отказаться от сладкого. Поэтому, отдежурив свое, то есть, начитавшись под завязку очередным трактатом по магии

целительства (том 17 — Боевое применение), я прямо оттуда, в чем был, в том и вышел на охоту. Не думаю, что монстрик настолько грозен, что мне не хватит двух штатных кинжалов. Не говоря уж о том чтобы — вот смех — прихватить с собой ручную бомбарду или навьючить на себя носимый скоробой. Можно даже и без них, но учитель запретил использовать магию в охоте на зверушек подземелья. Говорит: выбьешь всех — на ком тогда тренировать бойцов? Так что пришлось, как простому егерю, читать следы, ловить мысли по закоулкам мозга и пытаться собрать их в некое подобие системы.

Ближе к обеду я все-таки добился своего — отчетливо ощутил, как где-то в параллельном коридоре развлекается моя добыча. Никакой магии, просто за годы охоты чутье на опасность, точнее на присутствие потенциально опасных хищников, в том числе и разумных, развилось у меня неимоверно. После недолгого преследования новый хищник предстал во всей красе. М-да. Веретенообразная толстая туша на коротких ножках, покрытая противной слизью и вся мохнатая от извивающихся щупалец разного диаметра и длины. Сама тварь была не очень подвижна, а вот щупальца, казалось, действовали самостоятельно и вдобавок умели предвидеть действия добычи или потенциальных охотников Я как раз успел к драматическому моменту поедания цетория. Змеища привычно ломанулась, будто гигантский арбалетный болт, ускоренный магией, пробить правый бок гостя, но щупальца уже ждали в месте встречи. Одно из них, толщиной с руку, хлестким ударом перенаправило полет охотника в пол, а остальные мгновенно оплели добычу, не давая ей вырваться. Дальше монстр просто лег на цетория, накрыв половину тела змея. Оставшаяся на свободе часть тела некоторое время бешено поизвивалась и вскоре затихла. Туша, довольно урча, минут пять грызла или переваривала, то, что накрыла собой, затем подтащила под себя остатки и снова улеглась. Так я и не понял — пасть у хищника под брюхом или сразу что-то наподобие желудка, который сходу переваривает и всасывает пищу?

Познавательно, конечно, но, боюсь, охота выйдет неинтересной. Сразу были видны слабые места твари, в частности малоподвижность тела. Скорее всего, новый монстр — слабый телепат, за счет чего и улавливает намеченное жертвой направление атаки. Запутать такого и без магии можно довольно просто — прикинуть несколько направлений удара, прокрутить их в мозгу в быстром темпе и в случайном порядке, а зверю, думаю, просто не хватит соображалки, чтобы вычислить направление истинного удара. Тем более, если еще и действовать

на рефлексах, не выводя в сознание тактическую схему боя. Пару раз проверив скорость реакции противника и убедившись, что вполне способен его опережать, даже особо не напрягаясь, крепко задумался — стоит ли убивать этого «санитара подземелий»? Решив все-таки пополнить коллекцию, обнажил оружие, крутнув кинжалы в пальцах. Жаль, конечно, что нельзя несколько удлинить и усилить клинки магией, но запрет есть запрет. А что такое нарушать запрет, мне довелось узнать в первый год учебы. Десять спаррингов подряд с хранами любого наивного убедят, что комендант всегда всё обо всех знает и даже немного обойти его запреты… потихоньку, совсем чуть-чуть… безнаказанно не получится.

В соответствии с планом я атаковал тварь. Мне действительно частично удалось ее запутать и вместо того, чтобы оказаться вбитым в пол и тихо перевариваться или пережевываться под ней, я пролетел всего-то метров десять и за это время даже успел неспешно сделать самому себе выговор за самонадеянность и проанализировать ошибки. Хорошо еще, нагрудный амулет аварийной защиты тела был полностью заряжен и надет под рубашку. Скорее, слава учителю, которому — далеко не сразу — удалось выбить из меня дурь и желание бессмысленно рисковать. Действительно, жаль будет годы подготовки пустить свиньям под хвост только ради хвастовства и стремления подергать сеньору Смерть за косу. Следует признать, что я сейчас получил еще один урок от безжалостных экзаменаторов — монстров лабиринта. Если бы все было так просто, как я себе надумал, этого новичка уже давно съели бы хитрые аборигены. Но раз этого не произошло, значит в запасе у твари есть пара сюрпризов, один из которых и заставил меня подумать о вечном. Ну, что ж. Тем интереснее будет победить гостя.

Однако только я стал намечать новый план атаки, как в голове взорвалась телепатическая бомба.

— Ты где носишься, несносный мальчишка! А ну срочно ко мне! И оставь кларпуса в покое!

— Учитель! — в свою очередь взвыл я. — Нельзя же так! А если бы я был весь в атаке, а ты своим воплем…

— Значит, плохо тебя учили, если ты не способен мгновенно выделить небольшую часть внимания в автономный сектор. Значит, туда тебе и дорога! Неуч!

— Ну что ты сразу ругаться! Можно же обсудить в спокойной обстановке, за чашечкой чая с тем самым печеньем, которое так здорово тебе удается…

— А ну хватит подлизываться, — уже не громко, а просто

ворчливо пробубнил учитель. — Я сейчас с тобой говорю не как учитель, а как комендант, — и вдруг рявкнул. — Курсант Родеро! Приказываю незамедлительно явиться ко мне! Исполнять!

Когда он так говорит, надо не раздумывать, а выполнять приказ как можно быстрее. Как говорится, ноги в руки и пошел. Запрета на магию пространства не было, поэтому я для быстроты использовал запространственные переходы, короткими скачками пронизывая напрямую скалы и тоннели. Остановка. Ориентация. Нацеливание на следующую точку метров двести впереди и пятидесяти выше. Фокусирование линзы пространства и переход. Нравится мне, что греха таить, сам момент перехода, когда любая субстанция: будь то воздух, вода, камень или металл — становится одинаково податливо упругой и в какой-то неуловимый миг вдруг лопается, а ты тут же оказываешься в намеченной точке. Непередаваемые ощущения. На тренировках меня не надо было подгонять, я и сам с удовольствием пользовался этим умением, где только можно и, разумеется, где нельзя тоже.

Вот таким образом, я за пять минут преодолел путь, который утром потребовал у меня больше полутора часов, и, предварительно постучавшись, вошел в кабинет грозного коменданта учебного центра и безжалостного учителя.

— Курсант Родеро по твоему приказанию прибыл! — вытянувшись в струнку и вскинув, как положено, подбородок, четко доложил я.

Комендант молча указал на кресло возле его огромного письменного стола и о чем-то задумался. Около пяти минут в кабинете стояла звенящая тишина. Учитель молчал, а я перебирал все происшествия, случившиеся за последнее время, как с моим участием, так и без оного.

— Родеро, — нарушил молчание комендант, — я должен поздравить тебя с присвоением звания высший имперский исполнитель (вии) третьего ранга, — он остановил мой порыв вскочить на ноги и продолжил, — ты уже два месяца назад показал результаты на уровне «двенадцать плюс». Это высшее достижение за последнее тысячелетие и я рад, что не стал стирать твою личность тогда, когда ты попал сюда желторотым… хм… троглодитом.

Да уж. Как вспомнишь — так вздрогнешь. У меня и по сей день перед глазами в мельчайших деталях стоит картина стремительно приближающегося озера огня. Вместе со мной не стали дожидаться момента, когда клетка вытряхнет нас сама, капитан Илькосо и молодой маг. Так вместе мы и летели к своей

смерти… Говорят, человека, пережившего подобное, невозможно ничем напугать. Похоже, это действительно так. Пока и в самом деле, даже самые кошмарные монстры напугать меня не смогли. Однако удивить вполне можно. Что с нами и произошло, когда вместо нестерпимого жара при подлете к озеру мы ощутили, наоборот, прохладу, потом яркую вспышку, чернильную тьму и вот мы уже плавно приземляемся на сравнительно небольшой золотой круг, нарисованный в левом углу циклопических размеров зала. Впрочем, на золотой круг встали мы с магом. Капитан опустился неподалеку от нас на серебряный, присоединившись к компании из Хуанеро, еще одного офицера, кажется, командира второй сотни, и полутора десятков солдат. Остальной десант толпился на огромном черном круге.

Плавающие в воздухе большие осветительные шары концентрировались в основном возле кругов, оставляя большую часть зала в полумраке, но мне показалось, что таких же, как наши, кругов там еще несколько групп.

Я попытался подойти к знакомым, но ничего не вышло. Прозрачная до невидимости упругая стена не дала мне выйти из круга. Точно также и остальные не могли перейти к соседям. Тем не менее, видеть и слышать друг друга мы могли вполне нормально.

Некоторое время все приходили в себя и пытались понять, где оказались. Мысль, что это мир демонов, казалась мне тогда наиболее вероятной. При этом я точно знал, что не умер. Душа — есть такое подозрение — не дышит, не хочет пить и есть, у нее не болят раны и, наверняка, она не чувствует липкую от пота одежду, не говоря уж про запах немытого тела. Противно, но ручья рядом не наблюдается, поэтому помывка с постирушками временно отменяется.

Часа два о нас никто не вспоминал. Пользуясь случаем, я расспросил капитана, как они оказались в плену. Оказывается, нападению подвергся и лагерь перед городом. Вероятно, одновременно с атакой на наш отряд. Часовые до последнего мгновения никого не видели и пали первыми. Затем в лагерь ворвалось подразделение демонов, и не успевших придти в себя солдат быстро оглушили и связали. Кого-то убили. Убили, скорее, случайно, нежели намерено. Вероятно, демоны нуждаются в людях-рабах, отсюда их «бережное» отношение — дубинки вместо шипов обиты чем-то мягким, да и в бою они — теперь я это видел ясно — старались не покалечить материал. Но если они ждут, что из барса получится покорный раб…

Познакомился я также и с молодым магом. Он назвался Феморо и оказался вполне нормальным парнем. Всего год

прошел, как он окончил столичную академию, и это было его первое крупное задание. У выпускника была большая и совсем небогатая семья. Мать с отцом старались вытянуть девятерых детей. От зари до зари они рвали жилы, чтобы дать детям приличное образование, и Феморо, соблазнившись очень приличным вознаграждением, которое будет выплачено семье при любом исходе, согласился заключить контракт на эту авантюру. Он просто и буднично сказал, что готов умереть, зная, что близкие люди наконец-то смогут выбиться из нищеты.

Вскоре в зале началось движение. Команда демонов промаршировала к черному кругу. Один из них с тонкой серебряной кольцевой полоской на рогах, что-то рявкнул, раздалось шипение и черный куб затопил туман, который очень быстро рассеялся. Вместе с туманом исчез и барьер. Демоны спокойно прошли в круг, редкой цепью окружили вялую и покорную толпу бывших десантников и повели ее в открывшиеся черные ворота.

Ворота закрылись за последним сопровождающим, и в зал вошло следующее подразделение. Точно так же по команде старшего серебряный круг затопил туман и эту небольшую группу воинов отконвоировали куда-то через серебряные ворота. Я ожидал, что и с нами произойдет то же самое, но вместо отряда демонов к золотому кругу подошли двое людей… похожих на барсов — высоких, светловолосых, голубоглазых. Оружия на них видно не было, однако двигались они с завидной грацией опытных воинов. Все мои чувства кричали об особой опасности этой парочки, а интуиция грустно шептала, что мне и в холоде долго не выстоять против даже одного, не говоря уж о двух сразу. Все в них вроде было нормально, но стоило мне встретиться взглядом с одним из них, как тут же захотелось сделать сразу две вещи одновременно. Нет, не сбегать в туалет. Не до такой степени. Мне захотелось и убежать от них подальше, и убить их из милосердия. Их глаза! Они не пылали запредельной злобой или боевой яростью или жуткой жестокостью. Они были… абсолютно пусты. Словно в телах, которым они принадлежали, никогда не было души или она их покинула настолько давно, что сами хозяева не припомнят, была ли она вообще.

Тумана нам не выдали. Может быть, пожалели продукт, а может для золотого круга не положено, но барьер был попросту снят, к каждому из нас подошел один, скорее сопровождающий, чем конвоир, и вежливо заговорил на незнакомом языке. Повторив тираду несколько раз на разных языках и убедившись, что остались не поняты, они знаками показали нам в сторону золотых ворот. Пока нас не пытались заковать в кандалы или

иными способами ограничить свободу, к тому же не зная обстановки и даже места, куда мы попали, я решил не дергаться и следовать за сопровождающими.

В помещении за воротами, длинном как кишка, по левой стороне тянулся ряд одинаковых деревянных кресел с высокими прямыми спинками. У каждого снизу доверху по центру спинки располагался металлический желобок, к которому крепились два зажима. Один с кристаллом, другой с ременной петлей, как я понял, для фиксации головы. Оба зажима находились в верхнем положении. Кроме того, на ножках и подлокотниках также были петли для фиксации рук и ног.

И вот в эти кресла нам, опять же знаками, предложили сесть. Ага. Нашли идиота. Будто я не слышал про магические кристаллы, которые могут из любого разумного человека сделать покорного дурака. Может, эти ребята тоже когда-то посидели здесь. Теперь ходят — пугают людей стеклянным взором. Решив для себя ни в коем случае не соглашаться на отдых в этом пыточном агрегате, приготовился к бою. Феморо, похоже, тоже не привело в восторг данное предложение, поскольку он что-то зашептал и зашевелил пальцами, готовя крупную гадость нашим сопровождающим. Незнакомцы проявили настойчивость и тогда я, войдя в холод, атаковал своего. Молниеносно нанес удар стопой по голени и, вложив вес тела, всю скорость и резкость, ударил кулаком в солнечное сплетение. Такими ударами я ломал толстые доски и крошил обожженные кирпичи. В успехе атаки я почти не сомневался и по плану нападения должен был следующим пунктом в прыжке шарахнуть ногой в лоб второму.

Однако мои удары провалились в пустоту. Вслед за этим перед глазами промелькнул потолок, а я осознал себя лежащим на полу. Сопровождающий, не меняя каменного выражения лица, прочно удерживал меня в болевом захвате, жестко пресекая все попытки вырваться. Так легко меня еще не побеждали никогда. Наверное, мне бы довелось это прочувствовать, попытайся я в десятилетнем возрасте напасть на ветерана-барса, но тогда подобное даже в голову не могло придти. В общем, мне дали несколько секунд подумать над своим поведением, затем аккуратно усадили в кресло и зафиксировали ремнями. То же самое проделали еще раньше с магом. Похоже, у него тоже ничего не вышло, и его магия оказалась бессильна, так же, как в бою с демонами. Кристалл установили точно против затылка. Сопровождающий что-то нажал на спинке и… я опять потерял сознание.

Сколько я находился в таком состоянии сказать невозможно — очнулся в комнате без окон примерно четыре на пять метров,

лежа абсолютно голым на довольно удобной кровати. Магический светильник, плавающий под потолком, сначала тусклый, словно ночник, разгорелся ярче, стоило мне открыть глаза, и позволил в деталях рассмотреть обстановку. Мебели было немного: в правом от входа углу большой шкаф для одежды; в центре комнаты небольшой стол на массивных ногах и рядом с ним три крепких стула. Кровать стояла в левом дальнем от входа углу, а ближе к двери по левой же стороне была еще одна дверь.

Больше всего меня порадовало, что я вроде соображаю не хуже, чем до посадки на странное пыточное кресло и все прекрасно помню. Второе — это обильный ужин или обед на столе. Хотя голод прямо выворачивал кишки наизнанку, я первым делом обследовал, что там за левой дверью, и не ошибся в своих предположениях. Туалет и ванна были очень похожи на подобные им в лучших номерах дорогих гостиниц — как пользоваться этими чудесами техники и магии я знал, благодаря Мирасель, очень даже неплохо.

С наслаждением отскоблив походную грязь, я вернулся в комнату и открыл шкаф, предполагая, что раз он тут стоит, значит, должен что-то содержать. И опять не ошибся. Одежда была довольно разнообразной и аккуратно висела на плечиках в строгом порядке. Каждый вид располагался непременно в отдельной секции, снабженной пояснительными надписями. К своему удивлению я прекрасно понимал, что там написано и даже знал название языка. Надписи были на общеимперском: «парадный мундир», «повседневная форма», «рейдерская — лес», «рейдерская — пустыня», «рейдерская — снег», «тренировочная» — читал я надписи. Если каждого из перечисленных костюмов было всего по одному комплекту, то тренировочной их было несколько. Просторная крепкая рубаха, широкие штаны и матерчатый пояс. Была также секция домашней одежды, содержащая несколько халатов разных фасонов, и пять пар домашних тапочек. Вся одежда — белого цвета. Обувь была представлена мягкими тупоносыми полусапожками. В отдельном отсеке лежала целая охапка носков. Тоже белых.

Надев первый попавшийся халат я, наконец-то, умытый и одетый, сел к столу и, не забывая о манерах, но помня, что не на официальном приеме, с похвальной скоростью умял все, что было выставлено. Только я успел закончить, как в двери проскользнул демон, почтительно поклонился, быстренько собрал пустую посуду, протер стол и ретировался. Ему на смену пришел давешний сопровождающий и равнодушно сообщил:

— Через десять минут тебе надлежит прибыть в конференц-зал. Будет говорить комендант. Я провожу. Форма одежды —

парадная.

После этих слов человек истуканом замер возле двери. Пожав плечами, я переоделся в новенькую форму и даже с некоторым любопытством стал ждать встречи, надеясь прояснить многие вопросы. Уж очень не похоже все это было на рабскую клетку или тюремную камеру.

В огромном зале на полтысячи человек мы с Феморо оказались одни. Сопровождающие указали нам на места в первом ряду, а сами остались у дверей и застыли, уставившись в пространство стеклянным взглядом. Потомиться ожиданием нам не пришлось — двери распахнулись и на сцену уверенной твердой поступью взошел высокий, поджарый… элв. Точно такой же, как описывают их в сказках и легендах: правильные черты лица, длинные серебристые волосы, огромные мудрые глаза изумрудного цвета и слегка вытянутые заостренные уши.

Он долго и скептически осматривал нас с магом, особенно долго и особенно скептически — меня. Видимо мне удалось произвести на него некоторое впечатление, не прикладывая к этому никаких усилий, за исключением моего любимого вполне дружелюбного оскала потомственного элвоеда. Наконец, комендант, а это явно был он, насмотревшись, обреченно махнул рукой, устремил взор свой ясный в потолок и заговорил. При первых же его словах, я по интонации понял, что этот текст он говорит уже в десятитысячный раз и уже давно не вникает в смысл.

— Курсанты! — «санты-санты-анты-ты» — прошелестело эхо. — Хочу поздравить вас с зачислением в единственный в мире учебный центр подготовки элитных воинов Империи, способных в одиночку противостоять как неразумным магическим тварям, так и лучшим бойцам вампиров, оборотней и драконов. Вы все добровольно, по велению пылкого юного сердца, не устрашившись иллюзии неминуемой ужасной смерти, согласились отдать жизнь за Империю и Императора. Награда будет достойна вашего порыва. Здесь вы получите знания и навыки, которые помогут вам стать непобедимыми воинами-магами. Каждый из вас станет особой, приближенной к Императору, каковой не оставит вас своей милостью и щедро вознаградит за подвиги. Будьте же достойны высокой чести, оказанной вам!

Тут, казалось, изо всех углов зала полилась торжественная музыка. Элв глянул на нас с недовольством и прошипел:

— Встать, когда звучит гимн Империи!

Мы встали и стояли столбом, пока не прозвучал последний аккорд. Дослушав до конца, комендант спустился со сцены,

подошел к нам и, снова криво ухмыляясь, принялся рассматривать, как насекомых под стеклом.

— Мда. Всякие здесь бывали, но таких… колоритных личностей пока не встречал. Один маг с уровнем подготовки младшего ученика начальной школы магии, другой вовсе… будто только что из пещеры вылез.

На этих словах я прямо с места прыгнул вперед и пробил ногой в челюсть. Элв невозмутимо отклонился ровно настолько, чтобы моя атака прошуршала мимо, затем сделал какое-то движение, которое, как ни тужился, я увидеть и понять не смог, но результат впечатлил. Мышцы закаменели и перестали слушаться. Даже вдохнуть, хоть каплю воздуха, не получалось. Я совсем некрасиво и неправильно шлепнулся на пол (какая там группировка-хлопок ладонями) и лежал, потихоньку синея, пока элв быстро не ткнул пальцем в несколько точек на моем теле. Только тогда меня отпустило. Я с наслаждением надышался сладким, словно мед, воздухом и тихо вполз на свое место.

— Прыткий юноша, — с интересом и уже почему-то с одобрением посмотрел на меня комендант и задумчиво проговорил про себя: — Хм. Артефакт еще ни разу не ошибся при сортировке. Если он поместил этих двоих в золотой круг, значит потенциал у них соответствующий.

— Можно вопрос? — поинтересовался полузабытый нами Феморо.

— Задавай, — милостиво разрешил комендант.

— А почему разные круги? Черные, серебряные, золотые…

— Очень просто, — охотно стал отвечать элв, явно привычно и с удовольствием начиная подробную лекцию. Гордость за свой центр и его достижения так и фонтанировала в нем, ледяной водой обрушиваясь на наши головы. — Все, кто выразил желание стать воином Императора проходят первичное испытание. Межмировой портал — вход в центр — обязательно оформлен, как место неизбежной гибели. Огненное озеро или ледяная бездна, или болотная трясина… Кандидаты — добровольцы должны доказать силу духа и верность престолу, готовность погибнуть ради своих идеалов, забыть на время служения свое прошлое и былые привязанности. Каждый, шагая в бездну, может надеяться стать высшим имперским исполнителем, но и другие варианты не должен исключать. Проявленное мужество и воля учитываются артефактом-привратником, но не являются решающими факторами. Главное — потенциал прибывшего. Сообразно ему кандидат попадает на соответствующий цвет. Черный круг — БЕСы (боевая единица — страж). Серебряный круг — БЕКи (боевая единица — командир), офицеры бесов. Золотой

круг — кандидаты в ВИИ (высшие имперские исполнители). Вии — это то, что Империя может противопоставить другим, недружественным расам: вампирами, оборотнями и драконами, — с которыми вот уже второе тысячелетие ведется непрерывная война, перемежающаяся недолгими перемириями. Когда-то лучшие маги занимались вопросом подготовки и создания солдат для этой войны. В результате экспериментов появились бесы — самые многочисленные, но, увы, не самые сильные противники воинам перечисленных рас. Человеку, элву или гному, попавшему на черный круг, модифицируют тело. Делают его намного быстрее, крепче и сильнее. Наделяют дополнительными способностями, например, повышенной чувствительностью зрения, слуха и обоняния, не говоря уж о когтях, клыках, хвосте с ядовитым шипом алмазной крепости и даже малым грозовым разрядником в рожках. Будущему бесу полностью стирают личность и накладывают матрицу лучшего бойца. Матрицы непрерывно совершенствуются и пополняются новыми тактическими приемами боя. Немного физических тренировок и солдат готов. Дальше бес может проявить себя и расти в иерархии от беса третьего ранга до первого, и даже стать беком. Бек получается из человека, элва или гнома, которому также модифицируют тело, но личность стирают выборочно, оставляя многие навыки и умения, которыми он обладал ранее. Бек может пройти путь от бека третьего ранга до первого и стать архибеком третьего ранга. Бывали случаи, когда дорастали даже до архибека первого ранга. Это те, кто попал в серебряный круг и со временем проявил себя. Но никогда архибек не сможет стать высшим. Высший — это другая качественная категория. И у вас есть возможность стать высшими. Учтите это. В разум высших не вмешиваются. Никаких магических уз верности, корректировки памяти и прочих гадостей. Это может негативно повлиять на способности и творческий потенциал. Тело также практически не подвергается модификации, за исключением укрепления и совершенствования его магической матрицы. В результате этой процедуры вы станете невообразимо совершеннее и сильнее любого беса… Да. Я знаю, какой вопрос вы хотите задать. Его задают все и всегда. Почему же бесов не модифицируют так же, если результат получается на порядок лучше? Ответ и прост, и сложен одновременно. Как я уже говорил, бесу накладывают матрицу бойца, что принципиально невозможно без полного или частичного стирания личности. Дальнейшая подготовка заключается лишь в адаптации и тренировках, дабы разум привык и принял изменения. Полгода — и страж готов. Восемь-десять месяцев — и бек готов. А вас, юноши, придется учить! Учить

магии и искусству войны. Пять лет — таков средний срок обучения высшего. Тренировки, лекции, книги, лаборатории, задания, экзамены, практические работы и снова тренировки, лекции… Иногда кристаллы для быстрого запоминания необходимых знаний. Только тогда из вас получится совершенный воин, исполнитель воли Императора. Это понятно?

— А то, что мы, мягко говоря, не совсем добровольно попали сюда? — задал вопрос и я. — Это имеет значение?

— Ни малейшего. Вы что же думаете, добровольцы и вправду косяками бродят, мечтая прыгнуть в огненное озеро? Большая часть рекрутов — преступники, осужденные на смерть, или пленные. У вас просто нет другого выбора. По правилам центра выйти отсюда может только подготовленный боец, давший клятву отслужить Империи не менее пяти лет. А также клятву молчания. Это, правда, только к высшим относится — остальные и так ничего помнить не будут. Кроме того, кандидату меняют внешность и дают новое имя, чтобы не возникало соблазна у кого бы то ни было напомнить ему о родственных отношениях и через высшего, воспользовавшись его положением приближенного, добиться чего-нибудь от Императора.

— А если я все-таки откажусь и от обучения и от клятвы?

— Насильно обучать неэффективно и не нужно для Империи. Отказаться можно просто — выйти отсюда и пройти в черные ворота. Всего лишь. Кто-нибудь из хранов проводит. Ну… есть желающие стать бесами?.. А что? Тоже не плохо. Думать не надо — на то есть командиры — делай, что приказывают, и живи себе беззаботно. Полоски на рога зарабатывай.

Такого желания ни у меня, ни у Феморо не появилось. С другой стороны, очень хотелось стать таким воином, как расписал элв. Не думаю, что он вводил нас в заблуждение. Скорее всего, весь расчет строился на магической клятве отслужить положенный срок и, вероятно, завидном общественном положении выпускника центра. Положении, которое, судя по намекам коменданта, еще никто из виев не захотел поменять даже по истечении срока контракта. Может быть там крылись еще какие-нибудь кнуты с пряниками, но все проблемы можно будет решить только после(!) всего. Поживем — увидим. Главное сейчас время. А там, что-нибудь, наверняка, придумаю. Был у меня еще один вопрос, требующий немедленного решения:

— Сэр комендант. Дело в том, что я барс, а барсы служат только Аталии. Если от меня потребуют сделать что-то, идущее вразрез с интересами королевства…

— Интересный магический знак, но примитивный, — прервал меня элв, окинув меня странно глубоким взором. — Понял. Этот

магический запрет, во-первых снимается очень легко, а во-вторых… Наивный! — голосом доброго дедушки с ехидцей сказал элв. — Ты думаешь, Империя — это один единственный мир? Нет. Служить ты будешь оч-чень далеко от твоей Аталии. Там, где о ней никто никогда не слышал. Всего пять лет службы, зато потом можешь продлить контракт или уйти на все четыре стороны… хоть Аталии служить. Если надоест высокое положение и то, воистину благородное дело, которым тебе предстоит заниматься. А пока контракт не окончен, ни один портал тебя просто не пропустит туда, откуда ты пришел. Ну? Вопросы, надеюсь, закончились? — строго спросил комендант.

Надо сказать его пояснение меня успокоило. Идти против своих совершенно не хотелось.

— А в чем заключается процедура совершенствования тела? Нам приделают крылья и рога на лбу вырастут? — полюбопытствовал маг. — А то мы одного видели. С золотыми такими… на козла двуного похож был.

— Нет. Ничего подобного не будет. Я уже говорил. С полностью золотыми рогами — архибеки первого ранга. У вас же немного изменятся пропорции тела и лицо. Артефакт подберет для вас внешность и строение тела одного из ваших же предков максимально соответствующее вашим способностям, характеру, личностным особенностям. Я сам не знаю, какими увижу вас после процедуры.

— А новое имя это обязательно?

— Да.

— А кто его выбирает. Мы сами можем?

— Нет. Опять же из упомянутых выше соображений. В новое имя вы можете непроизвольно вложить намек, понятный родственникам. Поэтому имена даю исключительно я. Еще вопросы? — уже нетерпеливо спросил элв.

— Еще один. Те… у дверей. Это беки?

— Нет, — поморщился элв. — Они были кандидатами в высшие, но не смогли закончить учебу. Просто сошли с ума, не в силах усвоить весь объем знаний, умений и навыков. Пришлось выборочно стереть им личность, оставив только то, что относится к приобретенным здесь знаниям. Они — идеальные телохранители. Кратко их называют хранами. Но, увы, совершенно безынициативные. Действуют только под ментальным контролем командира. И действуют, следует признать, очень эффективно. Но эта эффективность в немалой степени зависит от умений командира, его способности управлять ими. А теперь, — элв чуть ли не прямо из воздуха материализовал два свитка, — вы должны принять решение.

Согласны ли вы добровольно заключить контракт на пятилетнее служение Императору Великой Солнечной Империи после окончания обучения на высшего имперского исполнителя в Имперском Учебном Центре?

У меня засосало под ложечкой. Похоже, выбора у меня опять нет. Отучиться. Отслужить этой неизвестной мне Империи и получить надежду на возвращение. Однако очень не хотелось бы в процессе учебы стать таким вот х… храном. Решившись, я встал и, с трудом проталкивая слова через пересохшее горло, сказал:

— Я согласен. Что надо сделать?

Мягкая, совершенно не режущая глаза вспышка изумрудного огня, мелодичный перезвон серебряных колокольчиков и один из свитков исчез.

— Контракт с Эдитератором из клана барсов заключен и подтвержден уполномоченным комендантом Учебного Центра, — торжественно произнес элв, а я несказанно удивился — откуда он узнал мое полное имя?

Феморо после меня тоже недолго раздумывал и сообщил о своем согласии.

Глава 11

Любопытно получилось с моим новым именем. Странно как-то все произошло. Я, конечно же, не ждал, что все будет обставлено торжественно и благочинно, но так…

После принятия клятвы храны проводили нас в небольшую комнатку, в которой не было никакой мебели, кроме четырех роскошных… саркофагов, иначе трудно назвать каменные ложа, полностью покрытые с внешней стороны изменчивой мозаикой из самоцветов. Узор из камней, казалось, дышал и жил таинственной мерцающей жизнью. По мере приближения к ним и, соответственно, изменения угла зрения, мозаика неуловимо менялась, складываясь всякий раз в новые ряды причудливых, вспыхивающих разноцветными искрами, символов неизвестного языка. Крышки, так же, как и ложа, инкрустированные самоцветами, были аккуратно прислонены к стенке в изголовьях. Нам предложили полностью раздеться и занять любую из свободных лежанок. Зная способности хранов, и, предполагая, что нет смысла разыгрывать такое представление, чтобы элементарно сделать нам какую-нибудь гадость, я не стал с воплями штурмовать головой толстые стены в попытках отказаться от любезного приглашения. Быстро освободившись от новенькой парадной формы, по привычке поискал, куда бы ее аккуратно сложить, но ничего подходящего не нашел. Храны стояли столбом и узоры на саркофагах выглядели гораздо живее их невозмутимых, как самое застойное болото, лиц. На мой вопросительный взгляд они никак не отреагировали и не сделали ни малейших попыток как-нибудь помочь. Тогда я перестал жалеть форму, мысленно махнул на все рукой — не мое дело — и просто бросил ее на пол.

По размеру лежбище было раза в полтора, если не больше, длиннее моего роста и шире плеч. Поерзав некоторое время, стараясь устроиться поудобнее, я затих и стал ждать дальнейших событий. В помещении откровенно холодно и зябко. Меня даже дрожь пробрала. Не от волнения. Ничуть. Храны синхронно подхватили с двух сторон явно тяжелую крышку и точным движением опрокинули ее в пазы ложа. Ни единой самой маленькой щелочки в месте соединения я не увидел, оказавшись во власти абсолютного мрака и могильной тишины. Снаружи не доносилось ни звука. Не проникало ни малейшего лучика света. На миг меня охватила паника, поскольку никаких отверстий для дыхания, похоже, тоже не было предусмотрено. Однако очень

быстро тело без участия сознания полностью расслабилось и, казалось, воспарило над неудобным камнем. Мягкие, убаюкивающие потоки стали пронизывать насквозь мою телесную оболочку, покачивая на волнах сладостного умиротворения. Постепенно сознание начало гаснуть и погружаться в НИЧТО. Что-то в глубине сознания вяло побрыкалось, скорее из духа противоречия, чем ради спасения души, но вскоре затихло, свернувшись калачиком и мурлыкая от удовольствия.

Следующее, что я помню — это расставание с этим самым НИЧТО. По моим ощущениям крышка гро… э-э-э… саркофага только миг назад отрезала меня от мира и началось погружение в НИЧТО, как уже стало выталкивать обратно. Мне так не хотелось покидать уютный мирок и возвращаться к грубой реальности, где меня ждет элв с непонятной учебой и службой неизвестной Империи, вполне возможно, уже тысячу лет несуществующей. Ощущения были, будто ребенка грубо отдирают от любимой, такой теплой и родной, мамочки. Я, казалось, был связан с НИЧТО тысячами ласковых нитей, по которым в меня вливался непрерывный поток силы. Можно сказать, я был подвешен на них в уютном НИГДЕ. И мне было удивительно хорошо. Теперь эти ниточки сначала по одной, потом все большими и большими группами стали рваться с печальным звоном и резкой болью, а я… Я был бессилен что-либо сделать. Сколько это продолжалось — не знаю, но в какой-то момент мне надоело постепенное отрезание хвоста по кусочку. Раз обрыв связей неизбежен, я попытался резким движением оборвать их все разом. На удивление, это удалось. Вспышка острейшей, но, к счастью, кратковременной боли пронзила меня всего и тут же крышка саркофага сползла, освобождая голову и грудь. Снова саркофаг стал обычным каменным неудобным ложем. Я всей кожей ощутил прохладу помещения — именно легкую прохладу, а не холод — с удовольствием вдохнул чистейший воздух горных вершин и посмотрел на мягко светящийся потолок.

Вскоре послышались шаги и вошли давешние храны. Они ловко сняли крышку, аккуратно прислонили ее к стенке, потом, взяв меня под локотки, бережно вытащили из каменного ящика и поставили на пол. Двигаясь так, словно делали это сотни раз, они взяли, видимо, принесенный с собой, комплект тренировочной одежды и сноровисто облачили в него мое тело. Пока они действовали, я чувствовал себя куклой или манекеном, драпируемым для выставки в витрине лавки. Впрочем, когда они закончили и предложили следовать за ними, опять же придерживая с двух сторон под локотки, я понял, для чего они это делали. Я банально не мог сделать ни одного движения

правильно. То, что я смог разглядеть в процессе облачения в одежду, подсказало мне, что тело мое, мягко говоря, несколько изменилось. Я стал немного выше, стройнее и гармоничнее. Однако с изменением длины рук и ног, центра тяжести и роста, все мои прежние моторные навыки теперь требовали серьезной адаптации и перестройки. Появилось подозрение, что и стереобаза у меня тоже изменилась, поскольку стало трудно оценивать расстояние до объектов — пол казался то ближе, то дальше. Двери, через которые мы проходили нагло меняли свой размер, а пороги так и норовили подставить ножку. Если бы не нежная забота хранов, я бы добрался до кабинета коменданта очень не быстро и только ползком.

Храны распахнули двустворчатые двери и я, наконец, смог лицезреть элва на рабочем месте. Подняв взор от бумаг, он почему-то ошеломленно посмотрел на меня и вскрикнул:

— Родеро?!

В его голосе мне послышалось удивление и вопрос, смешанный с радостью, облегчением и какой-то глубокой печалью. Длилось это не долго. Взор погас. Лицо стало равнодушно спокойным, и он пробурчал:

— Ну что смотришь? Я тебе говорил, что после изменения внешности тебе дадут новое имя? Вот и привыкай. Отныне ты — Родеро.

За все годы обучения старый хитрец так и не сказал мне, кто такой этот Родеро и что их связывало. Были у меня определенные догадки, но ничего конкретного. Его имени я также не знал — не положено курсантам знать имя коменданта, а также преподавателей и инструкторов. Обращаться следовало: «Господин комендант» или «Господин наставник по… (название дисциплины)». Впрочем, кроме коменданта, как выяснилось, в учебном центре никого из живых(!) преподавателей не было уже более пятисот лет. Что-то преподавал сам элв, что-то мы изучали по книгам и кристаллам знаний, что-то с помощью артефактов. Практические занятия по боевым искусствам вели иллюзорные тренеры в специальных залах и храны. Иногда и господин комендант приходил поразмяться, поучить новичков уму-разуму.

Лекции нам читали и вели практические занятия иллюзии самых разных разумных существ, видимо граждан этой таинственной Империи. Были там по большей части люди, но хватало и элвов, и гномов, и… орков-гоблинов-троллей. Не очень я поначалу разбирался в этом, а потом настолько привык, что уже и не замечал. Даже драконы были, хоть и совсем немного, поскольку с их народом Империя воевала. Все расы мало отличались от людей внешне, да и, как выяснилось, внутренне

тоже. Те же драконы оказались двуногими, прямоходящими. Отличались прочной чешуей, заменявшей им броню латников, глазами с вертикальными щелями зрачков, костяным гребнем по хребту и рудиментарными крылышками, каковые они приспособились использовать в бою, как дополнительные конечности. Даже межрасовые браки не были чем-то необычным, но, так сказать, плод любви всегда получался кем-то из расы одного из родителей и никогда смешением рас обоих. Поговаривали, что раса ребенка зависит от того, который из родителей любит другого больше. Дескать, чем больше любви в одном, тем вероятнее ребенок будет расы именно этого родителя. Естественно, что поэты и драматурги не могли пройти мимо столь благодатного материала и наваяли кучу душещипательных историй, исправно служащих слезоточивым средством для целых поколений молоденьких аристократок и пожилых домохозяек.

Меня, конечно, с детства воспитывали в уважении к труду наставника, но, как всякий нормальный человек, я не упускал случая побездельничать и потешить свою лень. В клане это выбивалось довольно просто — палкой по зад… месту, где живет задний ум, или внеочередными тренировками. Здесь же, казалось, полное раздолье — иллюзия, читая лекцию или проводя практическое занятие, не может контролировать активность учеников. Бубнит себе и бубнит, в то время как курсанты спят, или играют в игры, или иным способом развлекаются. Все оказалось совершенно не так. Каждое занятие начиналось с контрольного опроса по пройденному материалу или с показа действий отработанных на предыдущем занятии. Как там все это проверялось — не знаю. Нас не готовили на учителей-наставников. Однако артефакты никогда не ошибались. Если ответы на вопросы, действия при варке зелья, демонстрация приемов рукопашного боя, исполнение поклона Императору и так далее и тому подобное признавались (кем, тоже не знаю) не удовлетворительными, занятие повторялось снова. После двух повторов, если по-прежнему от курсанта толку не было, его оставляли без еды и, хоть и мизерного, но свободного времени. Однако загнуться от голода или перенапряжения ему не грозило — через пять суток с момента наступления наказания либо курсант показывает удовлетворительный результат, либо живо отправляется пополнять ряды бесов. А такое, думаю, и самого распоследнего лентяя сделало бы профессиональным трудоголиком.

Мне несколько раз, особенно в начале обучения пришлось прочувствовать на себе воздействие этого стимула, и не из-за лени. Ну, согласен. Первый раз из-за нее, проклятущей. Я то

сумел к третьему занятию ее перебороть, а Крис — нет. Вот и получил по полной. До перевода в бесы, правда, не дошло, но дело было на грани. А все потому, что Крис решил, будто рукопашный бой ему и наф… не нужен. Он маг, а это звучит! Как оказалось, в Конкисте и Аталии — звучит, а в здешних подземельях — как лбом об стену. Звон уж очень немелодичный получается.

Ничего, кроме язвительного смеха элва, Крис своими потугами продемонстрировать мощь заклинаний и тонкость построений так и не смог вызвать.

— И это все, что, неимоверно тужась, ты смог из себя исторгнуть, господин Величайший Маг Всех Времен и Народов? — ехидно поинтересовался комендант во время демонстрации вершин искусства, покоренных Крисом в Академии Магии. — А вас там не учили, что использовать собственную энергетику страшно неэффективно и смертельно опасно? Ты можешь мне показать простейшее воздействие (слова: плетение, заклинание, магический конструкт и прочие — элв не терпел, как дилетантские и даже шарлатанские), основанное на управлении внешней энергией?

Увидев глаза друга, каждый размером в два золотых дракона, я понял, что ни о чем подобном он даже не слышал.

Но это было потом. Месяца через три после выхода из саркофагов и первичной адаптации к изменениям в телах. Сначала нас старательно учили… учиться. Хранить в памяти огромные массивы информации, чтобы иметь к ним почти мгновенный доступ. Быстро читать книги, на большой скорости перелистывая страницы, при этом понимая и дословно запоминая текст. Усваивать информацию с помощью трансовых состояний. Разделять внимание на несколько независимых областей. И многое другое. Конечно, не все книги можно было читать на максимальной скорости. В первую очередь, справочники или легкие для понимания трактаты. Кристаллы, напрямую передающие в мозг подобную информацию, несравнимо удобнее, но их было крайне мало. А уж такой, как артефакт изучения основных языков: общеимперского (фактически межмирового), вампирето, драконари, демонасси и прочих — был и вовсе уникальным. Более сложный материал после быстрого прочтения необходимо было с помощью медитации повторить, осознать и уложить на нужную полочку в кладовой знания. Вечером, на сон грядущий. Пропускать нельзя. Забыл, заснул, махнул рукой — начинай сначала.

В дальнейшем, когда мы уже уверенно овладели этими методиками, для закрепления и лучшего усвоения материала,

прочитанного в книгах или услышанного на лекциях, нам давали практические задания, в которых непременно требовалось применить эти знания, как впрочем, и усвоенные ранее.

Элв ласково сказал, что временем мы не ограничены. Надо будет — и двадцать лет просидим в этих пещерах, довольствуясь имитацией солнца над всегда одной и той же полянкой в зале отдохновения, пока не научимся. Без девушек, без друзей, без общения с людьми… От подобной перспективы у меня по-честному здоровенные мурашки по телу промаршировали плотным строем.

Правда, девушки здесь были… те же бесы, только другой модификации. Даже красивые. Но говорить с ними было совершенно не о чем. Они знали одну единственную функцию и старательно ее исполняли. Весь словарный запас ограничивался несколькими фразами: «О, милый, еще! Еще! Это — фантастика! Мне так хорошо с тобой, как никогда и ни с кем не было» или «Сделай это прямо здесь! Я вся горю!». Первые полгода этого вполне хватало, учитывая напряженный график учебы и практическое отсутствие свободного времени. Потом, когда мы втянулись, и нам даже стал нравиться сам процесс получения новых знаний и навыков, неожиданно оказалось, что свободного времени стало больше, хотя интенсивности обучения с каждым месяцем только росла. Вот тогда потянуло на простое, человеческое общение. Я даже тех уродов в Барске, по чьей милости дошел до жизни такой, вспоминал с некоторой ностальгией. Вот тогда и попытался сдуру поговорить с красотками на отвлеченные темы. С разными пробовал. Их у коменданта был, похоже, целый отряд — хочешь всякий раз новенькую бери, хочешь — прежнюю. Однако результат был одинаково отрицательным. Научишь партнершу каким-нибудь словам — повторит в точности, как говорящая ворона, и на этом все. Получается, будто сам с собой разговариваешь.

Злыдень элв, который все обо всем знал, в том числе и о моих попытках разговорить девушек, долго хихикал и, отсмеявшись, рассказал, что для обучения девушек, получивших матрицу при модификации, требуется около пяти лет. Только тогда можно будет вести с ней беседы на различные темы. Столь большой срок объяснялся просто — исходный материал умом не блистал.

— А почему здесь нет… ну… запаса, что ли, обученных?..

— Запас был ни к чему. Бесы и беки тяготеют к самкам своего вида. Даже детей заводят. Жаль, плодовитостью не отличаются. Один ребенок в двадцать лет. За время жизни всего шесть-семь детей могут иметь. Да и смертность детская высока. Недоработка.

Согласен. Только дорабатывать некому. В результате одной катастрофы научно-магический уровень полностью уничтожен четыреста семьдесят лет назад.

— И за это время его не восстановили?

— Связь с Империей прервалась пятьсот тридцать четыре года назад. Тогда же резко сократился приток курсантов. За эти годы до вас было только шестеро высших. Четверо закончили обучение. Двое стали хранами.

— А все-таки, зачем девушек модифицировать? Пусть бы оставались собой?

— Так некому оставаться собой. Новый материал поступает только из двух порталов и крайне редко. За последние сорок лет из вашего мира поступило лишь пару десятков рекрутов. Паршивый материал, следует признать. Да вот вы с отрядом.

— А… Откуда же девушки?! — холодея, задал я вопрос, уже примерно подозревая правильный ответ.

— Так их и не было! — удивился элв очевидным для него вещам. — При модификации можно задать любой пол, как и прочие параметры. Я старался для вас разнообразить выбор в соответствии со своими представлениями о прекрасном, — с некоторой гордостью закончил объяснение комендант. — Ведь неплохо получилось?

Меня аж шатнуло при мысли, с кем я кувыркался в постели. Не исключено, что со всем своим бывшим отрядом. Пару месяцев я на красоток не мог смотреть без содрогания, но потом… ну модифицированные. Все ведь у них как надо. Мало ли кем они были раньше. Теперь-то они девушки. И красивые, следует признать. Крис, весь утонувший в изучении своей любимой магии, и вовсе не заморачивался:

— Если подумать, кем мы были до зарождения… что там с чем соединилось, чтобы стать нами, то такие глупости, как параметры исходного материала, пусть тебя не беспокоят. Главное, что получилось в результате переработки. Еще пример. Ты с удовольствием ешь сочную грушу, не думая о навозе, из которого в том числе этот плод получил исходные материалы. Подумаешь, бывшие мужчины. Да и мы сами… — он замолчал и занялся своим делом.

— Что: «мы сами»?

Крис рассеяно посмотрел на меня и ответил:

— А. Так это. Сами могли из саркофагов женщинами выйти.

Я как представил себе, что заявлюсь к Мирасель в туфлях на высоченных шпильках, в платье, с накрашенными губами и мелодичным голоском потребую показать папе, то есть мне, сына, так меня всего «ажно заколдобило». Впрочем, может высшими

могут быть только мужчины? Но эту мысль комендант сразу отмел — из женщин высшие получаются ничуть не хуже. Одна из последних как раз таковой и была. А изменение пола после саркофага вещь, хоть и редкая, но вполне себе обыденная.

Крыть нечем, но все равно мне потребовалось время, чтобы относиться к таким вещам с философским спокойствием.

С первых дней у нас с другом организовалось негласное соперничество, которое, подозреваю, втихаря подогревал комендант. Насколько для меня оказалась сложна магия, настолько же для Криса — рукопашный бой. Он так и не избавился от легкого презрения к «этим примитивным железкам». Для меня же тренировки были настоящим праздником, столько нового и интересного я узнавал. Да и база, как отметил элв, у меня была просто отменная.

— Вижу, что-то осталось в вашем мире от основ подготовки имперской разведки, — довольно бурчал он после того, как я показал, что умею, продержавшись против вампира полторы минуты. — Впрочем, до третьей ступени высшего не дотягивает. В «холоде», как ты говоришь, приближается к шестому уровню. М-да. Сколько утеряно, однако. Сколько забыто.

В нашем с Крисом негласном соревновании, если судить объективно, мы шли примерно на одном уровне даже в магии, поскольку в течение трех лет мы только-только смогли овладеть самим принципом управления внешней энергией. Сложность этого дела объяснил нам элв на первом занятии:

— Знаете ли вы, курсанты, что у человека есть мышцы, которыми он напрямую управлять практически не может? Например, гладкие мышцы кишечника или мышцы сердца? Это, как правило, не нужно и опасно для организма. Теперь представьте себе, что вы научились ими управлять. Для того чтобы из этого вышел толк, необходимо кроме самого управления научиться делать это правильно. Чтобы ваши команды шли телу на пользу, а не во вред. Также и с магией. Первое и самое трудное — прочувствовать магическую энергию, а потом подчинить. Ощутить, как ее потоки по воле вашего сознания меняют форму, структурируются, фокусируются и преобразуются в нужный вам вид. А затем уже научиться с их помощью строить мощнейшие воздействия, практически не затрачивая собственной энергии. Да-да. Собственная энергия, разумеется, расходуется тоже и в немалых количествах. Съеденный тобой, Родеро, третий пирожок, который ты спер с кухни, думая, что я не заметил, большей частью пойдет на питание мозга, а не мускулатуры, задействованной тобой на сегодняшней тренировке. Хотя такой

бездельник, как ты, мог бы поработать и лучше. То есть именно то место, которым думают, съедает львиную долю потребленной энергии. Пища здесь выступает неким преобразователем магической энергии. Отсюда и ограничение. При использовании магии вы истощаете ресурсы своего организма, как энергетические, так и материальные. Не забывайте вовремя их восполнять. Для этого у вас есть все необходимое. Ваш преобразованный желудок переварит даже гвозди под кислотным соусом… Ну, это я немного образно, но не далеко от истины. Кроме того скорость восполнения на порядок выше… Нет. Разжиреть вам не грозит. Больше чем надо не съедите, а излишки при необходимости можете сбрасывать во внешние резервуары-накопители. Лучше всего для этого подходят кристаллы. Любые. Однако чем выше их прочность и ваше умение, тем больше вы сможете туда впихнуть заранее построенных воздействий, готовых к мгновенному употреблению, — внезапно от лекции он перешел к коварному вопросу. — Итак, кто скажет тему сегодняшнего занятия?

— Заполнение накопителей готовыми воздействиями, — как всегда вылез вперед Крис.

— Ничего подобного, — ухмыльнулся элв. — Тема сегодняшнего занятия — азы кулинарии.

Наши с Крисом лица синхронно выдали безмерное удивление, что ожидаемо позабавило коменданта.

— Всегда одно и то же. Что вас так удивляет? Вы еще и целительство на уровне профессионального лекаря изучать будете. Ибо, — он задрал к потолку перст указующий, — высший имперский исполнитель один заменяет отряд! Следовательно, он сам себе и боевая единица, и кашевар, и лекарь. А также разведчик, диверсант, оружейник, маг, командир и его заместитель, — и неожиданно рявкнул. — Вам понятно?! И чтоб к этим занятиям относились предельно серьезно! В бою и походе мелочей не бывает! Штопать одежду с помощью только магии, только иголки с ниткой и в сочетании того и другого, будете тоже на уровне профессионального портного. Бегать с голой ж…ой по лесам, из-за банального неумения заштопать штаны или даже соорудить их из подручного материала, в высшей степени неприлично для высшего. Вам понятно?!

Нам было понятно. За фактически века без живого человеческого общения элв «одичал» и немного «съехал» мозгами. Мы ни разу не были в его личных апартаментах, но подозревали, что есть у него небольшой гарем из модифицированных красоток, но, сколько их ни учи, знать больше, чем знал сам элв, и больше чем записано в книгах обширной библиотеки центра просто

невозможно. А мы были носителями, хоть и небольшого, но своего, уникального опыта. Мы имели набор впечатлений и воспоминаний, неизвестных коменданту. Тем и были для него ценны. Еще неизвестно как бы он себя вел, если бы вместе с нами учился полный курс будущих высших. Таким образом, нам было ясно, что пока он не выжмет нас до капли, обучение не закончится. А торопиться элв не будет, так же как не стал бы залпом осушать бутылку коллекционного вина. Если мы быстро закончим обучение — он непременно придумает еще какой-нибудь курс, позарез необходимый будущему высшему. Например, вышивание крестиком или профессиональное исполнение танца живота, не говоря уж об игре на самых распространенных музыкальных инструментах.

К концу четвертого года обучения я достиг уровня «десять плюс» и собирался «штурмовать» одиннадцатый. Крис застрял на «девятке минус» и не собирался двигаться дальше. Это если смотреть суммарно. Однако в магии он меня далеко обогнал и настолько увлекся, что элв стал привлекать его к работам в своей лаборатории. Иногда, слыша их споры, я и слова не мог понять, о чем это они:

— …а флуктуации второго порядка для семимерного пространства ты учел? — орал элв.

— Какой идиот сказал тебе, что здесь именно локальный пробой семимерного пространства, а не квазиактуализация одинадцатимерного континуума? Посмотри на динамический вектор сил… — язвил в ответ Крис.

Нет, я, конечно, не совсем троглодит, и кое-что понимаю, но теория меня интересовала мало. Больше привлекало практическое применение магии. К тому же строить двусторонние межмировые порталы с произвольным выбором миров и географических координат, равно как изучать проблемы совершенствования артефакта модификации живых существ, мне было не интересно. А Крис всерьез запал на эти проекты. Мы даже почти прекратили наши ежевечерние посиделки за чашечкой чая, шоколада, сковы или тербаты с собственноручно приготовленными пирогами, тортиками или печенюшками. Ему, понимаете ли, стало жаль тратить время, когда интересные идеи требуют незамедлительной проверки.

Вот тогда-то я, всеми непонятый и оставленный в одиночестве обществом разумных (красоток я использовал, но к разумным не относил), увлекся охотой на тварей подземных уровней нашей горы.

Пожалуй, надо бы рассказать историю этого учебного центра, которую нам вкратце поведал элв за рюмкой чая, будучи в

разговорчивом настроении.

Основателем центра являлся некий мятежный герцог, кстати, хороший друг элва. В этот момент он бросил на меня немного странный взгляд и продолжил, как ни в чем не бывало. Это было так мимолетно, что я решил — показалось, и выбросил взгляды коменданта из головы. Так вот. Этот герцог на самом деле не был противником императорской власти и даже наоборот, был наиболее верным ее защитником. Однако никогда не озабочивался этикетом и постоянно забывал трепетать перед величием коронованных особ. Не сосчитать, сколько раз Император отправлял герцога в ссылку… когда в государстве все было спокойно, и возвращал чуть только случалась какая-нибудь заварушка. А трясло империю постоянно. Атакам подвергалось то одно, то другое ее владение в иных мирах, но особенно — в коронном. Там где находилась столица.

В основном не могли успокоиться вампиры, оборотни и драконы. Имея свои суверенные государства, они в то же время не теряли связей с крупными поселениями сородичей на территории империи, чем и пользовались для обоснования своей агрессии. Дескать, угнетаемых соплеменников защитить хотим. Набеги совершали то вместе, то порознь. Привлекали на свою сторону свободных орков и гоблинов, что не чурались делать и имперские военачальники. Бои шли практически постоянно с переменным успехом. На стороне противников империи были: магические способности примерно среднего уровня, но зато почти у всех; скорость и сила на порядок больше, чем у людей; а также очень высокая скорость регенерации, за счет чего убить их было очень трудно. Однако их сравнительная малочисленность и низкая рождаемость позволяли людям держать паритет и даже иногда теснить эти народы. Для империи разменять в бою пятьдесят к одному было вполне приемлемо. К тому же на стороне империи сражались элвы, ни в чем не уступающие вампирам, и гномы, великолепные механики и инженеры. Противостояние, перемежаемое редкими и хрупкими перемириями, длилось векам, не давая ни одной из сторон добиться существенных преимуществ, пока в один «прекрасный» момент маги драконов не изобрели модификатор животных. Так думали вначале. Потом выяснилось, что они просто пробили порталы в близлежащие (на самом деле это «близ» могло быть и в несусветной дали) миры, населенные этими монстрами. Управлять ими они не могли, а вот коридоры строить, чтобы направлять их потоки в империю, вполне научились. На борьбу с тварями требовалось все больше ресурсов и чаша весов стала постепенно склоняться в сторону противников людей.

Тогда имперские маги поднатужились, и создали модификаторы сразу трех видов. Они же не знали, что ничего подобного у драконов нет, а уверенность в обратном оч-чень стимулирует мыслительный процесс.

Первый вид совершенствовал существо, настраивая организм так, чтобы его телесная организация максимально соответствовала психической, выбирая близкий тип строения из цепочки предков существа. Одновременно развивались и дополнялись мозговые и соматические структуры, ответственные за управление магической энергией. Сам разум не затрагивался. Прочность костей и подвижность суставов, также как сила и эффективность работы мышц, повышались на порядок. В результате получался воин, способный противостоять не только иномирным тварям, но и сильнейшим бойцам других рас. Лучшие выпускники могли выйти победителями в бою против целой группы. Недостатком являлась необходимость в сравнительно долгом обучении.

Третий вид модификатора полностью изменял тела в соответствии с типом некоторых инфернальных существ, жителей запредельного мира. Как-то, по словам элва, измененным пришлось столкнуться в драке со своими прототипами. Так наши бесы качественно начистили рыло пришельцам, периодически совершавшим набеги на коронный мир.

Второй вид был чем-то промежуточным между первым и третьим. Формировал он, как уже говорилось, командиров над бесами.

Император поручил четырем своим сановникам, в том числе и мятежному герцогу, организовать учебные центры. Первые трое не стали заморачиваться. Построили лагеря на поверхности, установили мощную магическую и живую охрану, решив, что этого достаточно. Надо признать, пару выпусков они сделать успели… пока враги до них не добрались. Как и что там произошло, элв не знал, но центры прекратили свое существование сравнительно быстро. И лишь этот, построенный герцогом в ином мире, да еще и внутри горы — обиталища жутких монстров, да еще и с входными порталами, замаскированными, как место казни преступников, да еще и с разнесенными выходными порталами. Разнесенными — означает, что место выхода тщательно замаскировано и находится очень далеко от входа. Поэтому для всех, отправленный в полет в геенну огненную, в пропасть или болото, никогда живым не возвращался.

Тварей вытеснили на условные уровни ниже двадцатого, обустроили помещения и приняли первую партию курсантов.

Далее сменялись курсанты, преподаватели, маги-научники и лаборанты. Неизменным оставался комендант. По каким причинам он не мог (или не хотел) возвращаться в мир, элв нам так и не сказал, но, как мне представилось, немаловажным фактором было наличие огромной библиотеки, которую мятежный герцог буквально уволок из под носа императора, мотивируя тем, что в центре она будет сохраннее. Похоже, в этом он был абсолютно прав.

Более пятисот тридцати лет назад все порталы, кроме трех, были внезапно разрушены. Причем в первые два очень редко и крайне нерегулярно продолжали поступать курсанты, продукты и снаряжение, даже иногда книги и новые разработки магов, а в третий на самом нижнем уровне ломанулись монстры, которые внезапной атакой смели все до восьмого уровня. Отряды бесов при поддержке курсантов высших смогли их остановить, после чего установилось некоторое равновесие. Дело в том, что твари видели мясо не только в разумных, но и друг в друге, значительно сокращая собственную численность. Однако несколько раз в год они предпринимали попытки массированного штурма верхних туннелей. За выходами снизу было установлено круглосуточное наблюдение в виде постов бесов, которые в случае чего обязаны были известить дежурного. Такими дежурными были, как правило, архибеки третьего ранга и беки первого. Нам с Крисом тоже нашлось местечко в графике дежурств.

Первый раз на бой с тварями я выходил с душевным трепетом. Все-таки их скорость и сила даже не снилась нашим кугарам. Убивать монстров я хорошо научился на тренажерах, однако материальные иллюзии, хоть и близки к оригиналу, но это не совсем то. Смертельных ран, по определению, нанести не способны.

Первым моим убитым монстром стал кенуратор, внезапно прыгнувший на меня с потолка. Его атака была молниеносна, но и я… хм… не пальцем деланный — клинки свистнули в стиле «ножницы безумного портного» и приземлился монстр уже по частям, забрызгав мою повседневную форму своей кровью. Дальше пугаться и трепетать стало некогда. Из двух туннелей в зал перед нашим постом, прикрывавшим путь наверх, хлынул целый поток разнообразной живности. Пришлось покрутиться, используя все, чему меня научили. Впрочем, тройка бесов в сражении не участвовала, страхуя меня от разных неприятных неожиданностей. Могу с гордостью сказать, что их помощь не потребовалась.

Пережив первую волну, я слегка обнаглел и совершенно

перестал бояться тварей. Вторая волна по силе была примерно такой же, как и предыдущая, но мое фанфаронство сыграло со мной злую шутку, хотя без сознания я был всего секунду и тут же продолжил бой. Стоило на миг ослабить внимание, как гад ползучий, цеторий, стремительным ударом головы откинул меня назад прямо на руки бесов-телохранителей. Спасла магическая защита, которая не позволила змею покопаться в моих кишках, но встряску мозгов предотвратить была не в силах.

Ну а на сегодняшний день эти твари стали для меня почти ручными зверушками. И ни одному клыку с когтем не удалось до меня дотянуться. Потому и стало мне так обидно, когда комендант прервал мою охоту. Как всегда, на самом интересном месте. Забав-то никаких не осталось. Книги в библиотеке все перечитаны, некоторые и не по разу. Даже те, что никогда не были мне интересны, наподобие «Теоретических предпосылок магического изменения кузнечиков с целью придания оным дополнительных конечностей». Красотки надоели. Вечно неизменное иллюзорное небо с солнцем стало восприниматься не лучше кухонной помойки, а… В общем, надоело все до дрожи. Даже тренировки и занятия стали банально повторяться: «Для лучшего усвоения материала». Угу. Храны, на что уж бесчувственные, и те от меня стали бегать стоит появиться в тренировочной форме. Вдвоем теперь нападают на занятиях. Так хоть не сразу падают — пару минут держатся. Все равно ужас как надоело ждать, когда бесы вытащат их из реанимационных камер и можно будет повторить бой. Пока изучал целительство, я их с учебными целями сам приводил в порядок, но одно и то же поднадоело, а головы рубить, чтоб посмотреть, как у меня получиться прирастить обратно, элв запретил. Иди, так сказать, на бесах тренируйся или на тварях — их, в отличие от хранов, много.

— Признаю, Родеро, — продолжил наш разговор комендант, — я тебя продержал лишних полгода. Ты уже давно готов. Однако, не зная причин неудачи твоих предшественников, я решил дать тебе все, что возможно. В том числе и нашу с Крисом новую разработку запространственного щита. Тренировки показали, что ты уверенно можешь его использовать с максимальной эффективностью.

Элв вздохнул, телепортировал из кухни чайник с чашками и поднос с печеньем собственного приготовления. Как мы с Крисом ни старались, а такое вкусное испечь так и не смогли. Всегда получалось чуть-чуть, но не то.

— Слушай задание, Родеро. Я не знаю, что сейчас творится в

империи. Может, научно-магическая мысль ушла далеко вперед. А, может, и наоборот — остались ошметки прежнего искусства, как это произошло в твоем мире. Не знаю. Необходимо выяснить, что там к чему, вернуться и доложить мне. Точки входа я тебе укажу, но заранее знай, что они довольно далеко от того места, где ты выйдешь на ясно солнышко. Это понятно? — я кивнул, соглашаясь. — Главное, не спеши. По времени ты не ограничен. Важно выполнить задание, а не с честью погибнуть, не посрамив… и так далее. Твои предшественники были страшно гордые люди. Как же. Они — высшие! Возможно, это их и сгубило. Поэтому. Хоть нищим идиотом прикидывайся, если это надо для дела. Там ты будешь разведчиком, а не элитным воином с огромными полномочиями. Это понятно? — я снова кивнул. — Если понятно, ступай за снаряжением. Возьми самое лучшее и обязательно прихвати скоробой и ручную бомбарду. Не морщись. Силы в тебе до дури, как физической, так и магической, но отнюдь не бесконечность. Это оружие может спасти тебе жизнь. Всё! Я сказал — ты сделал! Это приказ! Да. Вот еще…

Элв достал из сейфа серебряный обруч с крупным камнем посередине, забитым под завязку мощными воздействиями.

— Это знак высшего имперского исполнителя. Заодно оружие и щит. Последний рубеж, так сказать. Носить можно на голове, как диадему, на руке, как браслет… да хоть на ноге. Он сам изменит свой размер под место крепления. Видимым или невидимым становится по твоему четко выраженному приказу. Так. Вроде все. Встретимся возле третьего поста на восьмом уровне. Там я тебе промоделирую путь к выходному порталу.

— А Крис? Он тоже идет?

— Нет. Крис останется со мной. У нас еще много задумок, которые надо проработать, да и с его уровнем «девять плюс» тяжело будет прорваться через монстров к выходу.

Элв сдержано кивнул и я направился на склад подобрать одежду, оружие и тысячу мелочей, необходимых путнику в негостеприимной стране. Знак высшего я надел себе на голову и четко отдал ему приказ стать невидимым.

Глава 12

Совершенно без сил я вывалился из окна портала посредине крохотной полянки в смешанном лесу. Ох, как прав оказался элв, когда требовал непременно взять с собой ручное метательное оружие. Не знаю, что бы я делал без него. Впрочем, уверен, что точно также прошел бы через портал, но, скорее, в виде доходяги, месяц не видавшего ничего калорийнее горсточки лесной малины. Кстати, неподалеку от портала на двадцатом уровне учебного центра попались мне непереваривaемые останки снаряжения двоих высших. Похоже, не повезло некоторым моим предшественникам. Один только-только добрался до этого уровня, а второй погиб буквально в двух шагах от портала. Копаться в кучке мусора, бывшей ранее одеждой и оружием, мне и самому было некогда — приходилось отбиваться на пределе сил и способностей.

А все почему? Опять же, как и предостерегал комендант — гордыня взыграла. Да я этих тварей десятками для разминки валил без всякой магии! Чего мне бояться да остерегаться?! Пройду, как из зала отдохновения в кухню, руки в брюки и насвистывая. Досвистелся. Где-то на пятнадцатом уровне, куда я довольно быстро попал, используя запространственные переходы, атаки отдельных особей стали постепенно сменяться комбинированными штурмами целых отрядов разновидовых монстров. Словно забыв свои распри, они с беспощадной яростью стремились уничтожить одну-единственную на всех цель — меня, красивого. Не давая ни секунды передышки, они лезли и лезли, переползая, перепрыгивая и перебираясь через горы трупов своих временных товарищей. Мне пришлось задействовать весь арсенал самой убойной магии, учитывая в то же время опасность обвалов в пещерах. Мало того. Штатным кинжалам тоже нашлась работа. Я вертелся как огненный демон на льду, едва успевая уворачиваться и разить, разить, разить… бить магией и снова разить, ловя хоть полсекунды передышки, чтобы скользнуть дальше запространственным переходом. Периодически мне это удавалось, но чем дальше, тем труднее. Казалось, на вкусную закуску, которая сама пришла в гости, устремились твари со всей горы, временно оставив свои логова пустыми, клыки — недозаточенными, соседей — недоеденными. На восемнадцатом уровне я, наконец, вспомнил о скоробое, и сумел вовремя поменять один из кинжалов на него. Стало немного легче.

Стандартный армейский скоробой, использующийся

пехотинцами — немагами, похож на короткую аркебузу с пистолетной рукояткой внизу для удобства прицеливания и кнопкой активатора на ней. Основной блок оружия — ствол — представляет собой трубку диаметром три и длиной восемьдесят сантиметров, скрученную из стального или медного листа миллиметровой толщины. В эту трубку вставляется хрустальный стержень, плотно обвитый толстой медной проволокой, и заливается прочной и одновременно вязкой смолой. Скоробой имеет удобный приклад и простое прицельное приспособление, состоящее из мушки и целика. Справа ложе имеет небольшую камеру, прикрытую стальной шторкой с пружиной, для размещения кристалла-накопителя. Кристаллы могут быть разного размера, но, разумеется, не больше, чем приемная камера. При нажатии на выступ шторки, содержимое камеры падает в ладонь (или на землю, если рот раззявил). Вставляем замену в камеру, возвращаем шторку назад и оружие снова готово к бою.

Принцип действия прост, как трехногий табурет. Ряд из двенадцати магических линз, внедренных в хрустальный стержень, получает от управляющего блока, встроенного в зарядную камеру, порцию магической энергии. Каждая из линз с силой выбрасывает эту порцию сквозь себя, разгоняя и фокусируя ее в огненный шарик. Чем больше линз в ряду, тем выше скорость полета шара, тем он плотнее и меньше диаметром. Скоробой метает огнешар размером с лесной орех почти со скоростью звука (в воздухе) примерно на триста метров. При этом дальность действительного огня составляет всего сто метров, поскольку огнешар в свободном полете быстро теряет энергию и фокусировку. Первоначальный «лесной орех» на пятидесяти метрах увеличивается в диаметре до грецкого, а к рубежу в сто метров прилетает уже размером с небольшое яблоко. До пятидесяти метров скоробой разнесет в брызги латника, имеющего слабую магическую защиту, на ста метрах способен выжечь его до пепла, но если тот не защищен магией. На двухстах метрах огнешар размером с арбуз прогреет пресловутого латника до небольших ожогов и не более. Что уж говорить про дистанцию в триста метров. Слабо светящийся шар диаметром с человека может, разве что, чуть подсушить одежду.

Скоробой потому так и называется, что при удержании кнопки в нажатом состоянии метает четыре огнешара в секунду. Лучший накопитель, алмаз, дает до трехсот огнешаров. Кристалл попроще — соответственно, поменьше.

Ручная бомбарда, использующая тот же принцип, имея длину стержня двадцать сантиметров и всего три линзы, метает всего

один огнешар размером с крупную сливу в секунду. Эффективна на дальности до пятидесяти метров, зато компактна, как пороховой пистоль.

В принципе, для меня не составляло труда сделать подобное оружие чисто магически, но пришлось бы часть энергии и внимания уделить его поддержке. Тем более, собираясь в поход, я, кроме солидной суммы денег в золотых и серебряных империалах, взял мешочек необработанных алмазов, которые зарядил под завязку, а несколько штук положил в удобный кармашек на поясе, чтобы можно было быстро и легко перезаряжать оружие.

Вот этот вот арсенал я и задействовал по максимуму, выжигая проход к цели. Копоть, запах горелого мяса и плавленого камня. Не атмосфера — сплошной ужас. И через этот ужас я иду самым страшным кошмаром — скоробой в одной руке, бомбарда в другой, и при этом даже не помню, когда успел сменить второй кинжал на неё… Магия моя лупит по всему, что смеет шевельнутся… Даже новенький запространственный щит опробовал в бою.

Если не вдаваться в подробности наподобие суперструн запространственного континуума и пузырьковых псевдоколлапсирующихся микропереходов, то выглядел этот невидимый обычному, немагическому, взгляду щит, как несколько слоев мелких пузырьков воздуха. Эти самые пузырьки избирательно расщепляли материальные объекты и перебрасывали частицы в «даль светлую» (куда именно, я не особо задумывался). Параметры щита определялись в момент формирования.

Я создал три трехслойных, диаметром до полуметра, круглой формы и вращающихся вокруг моего тела на расстоянии от полутора до двух метров. Указал поглощение магической энергии, поскольку от некоторых тварей можно было ожидать и таких атак, и отражение твердотельных объектов. Выделил для управления щита один сектор внимания и продолжил свое путешествие. Настоящее удовольствие получил, когда цеторий влетел в один из щитов, а через мгновение на пол туннеля шлепнулась его половина. Правда, удар был так силен, что один слой щита пришлось полностью восстанавливать.

В общем, прогулялся до выходного портала. И ведь сопровождение не возьмешь. Теперь я понял, почему элв не отрядил со мной бесов — мало того, что при таком штурме, устроенном мне тварями, их скоро повыбили бы, так они еще и мешали бы эффективно защищаться, заставляя сдерживаться, чтобы не поразить своих.

Первым делом следовало, конечно, умыться и привести себя в порядок — я был весь в крови и ошметках тел монстров подземелий — однако, после таких бурных проводов, есть и пить хотелось неимоверно. Поэтому, сменив в скоробое и бомбарде полупустые кристаллы на полные (Драть кошку за хвост! Шесть кристаллов израсходовал!) и, убрав оружие в бесформенные чехлы, которые в свою очередь примотал к мешку с провизией, я начал означенный мешок с энтузиазмом опустошать. Предварительно все-таки тщательно обтер руки о какие-то крупные листья, затем основательно хлебнул вина из фляги и с рычанием вцепился зубами в копченый окорок торикоса. Что это за зверь? Следует сказать, что центр снабжался продовольствием скудно и редко. Видимо, обслуга входных порталов — в нашем мире это бесы, захватившие меня в плен — по однажды отданному приказу по мере сил и возможностей сбрасывали продукты, в основном злаки и некоторые фрукты. Но было их не так уж много, а мясо и вовсе практически никогда не попадало. Зато в любых количествах у нас были… монстры. Сначала я не знал, что за мясо нам подавали к трапезе, потом сам, согласно программе обучения, стал готовить и даже различать, что лучше жарить, что тушить, что предварительно мариновать и готовить на открытом… хм… магическом огне. Живой огонь из-за отсутствия дров — большая редкость. Откуда им там взяться? Овощи и грибы под присмотром бесов в пещерах выращивались, а лес на дрова — увы.

Не знаю, что бы мы делали без бесов — этих скромных тружеников и воинов. Артефакт при внедрении матрицы учитывал склонности и способности исходного материала, поэтому кроме воинских навыков некоторые из бесов наделялись знаниями и умениями кузнецов, шорников, портных, поваров, оружейников, гончаров, стеклодувов и других ремесленников. Беки, в том числе, могли получить навыки агрономов, фортификаторов, горных мастеров и механиков. Фактически готовый город мастеров можно основать с одними только бесами и беками.

Кстати, урча над солидным шматом мяса, я не забывал об осторожности и уже засек в радиусе двухсот метров несколько тварей вдалеке и десяток бесов, рысью приближающихся к полянке с севера. Мое поисковое воздействие способно прочесать окрестности в радиусе до полукилометра, но сейчас в таком не было нужды. Ну, бесы и бесы. Подумаешь, невидаль. Бегут себе и бегут. Ну, поляну окружают, маскируясь в кустах. Ничего особенного. Ага. Как же. Очень похоже на осторожное окружение

добычи, а не парадный караул, отряженный для торжественной встречи целого вия. Настроившись на них, я уловил волны азарта, предбоевого волнения и легкой опаски. Не дожидаясь нападения, я… жестко и властно скомандовал:

— Десятник ко мне — остальные на месте! Выполнять!!

Я почувствовал оторопь и неуверенность «охотников», а один, с двумя серебряными полосками на рогах, как и положено бравому сержанту, выскочил на полянку, держа в руках две обнаженные сабли, и вытянулся по стойке «смирно». Шип на хвосте также не имел защитного колпачка и настороженно, как атакующая кобра, по-уставному покачивался над его левым плечом. Здесь, у выходного портала, функция этих бесов была иная. Не отлов и охрана пленников — материала для модификации, а защита точки выхода. Вероятно и уничтожение неадекватных пришельцев. Думаю, периодически монстры жалуют своим вниманием портал, влетая на эту поляну, где их уже дожидаются с распростертыми клинками дружески настроенные воины. На тварь я не был похож, но и на беса тоже. Определить, что я высший они не могли, пока я сам не представился. Какие инструкции им выданы на сей счет, я не знал, но выяснить хотел бы. Учитывая мое полное незнание обстановки, говорить первым встречным, кто я такой, было бы неразумно. А вдруг за полтысячелетия даже бесы изменились, а это уже, скорее всего, третье или четвертое поколение первых отрядов, изображавших инфернальную стражу. При продолжительности жизни в триста лет, вряд ли кто из стариков дожил до светлого мига моего появления. То есть я не исключал ситуации, при которой нынешние воины знать не знают ни о каких высших и необходимости им подчиняться. При модификации в материал закладывался императив безусловного подчинения командованию, следующему поколению он точно передавался, но как со вторым и третьим элв не знал. Поэтому кто его знает? Может у них приказ давить высших, как клопов? А я им любезно сам про себя возьму, да и расскажу. Поэтому, решив играть роль молодого и наглого человека, оказавшегося здесь случайно, я, не давая опомниться, резко спросил:

— Какова ваша боевая задача?!

— Патрулировать район данной поляны! Тварей уничтожать! При невозможности докладывать командованию! Нетварей отправлять с сопровождением в город к господину коменданту для разбирательства. Доложил сержант Хинсо.

— Молодец, сержант! — рявкнул я словно генерал на смотру. — Так держать!!

— Служу королю! — машинально рявкнул сержант и тут до

него, наконец, дошло, что докладывает он не собственному начальству, а невесть кому. Глаза его сузились и, сменив уставное поедание начальства на подозрительное рассматривание, сверкнули злобой:

— А кто ты такой, чтобы нам приказывать?

— Как кто, — делано изумился я. — Человек!

— Вижу, что не бес и не бек! Как здесь оказался, что здесь делаешь и… вообще… почему?! — задыхаясь от ярости, прорычал сержант, явно не отличающийся великим умом.

Хвост его приподнялся в атакующую позицию, клинки нацелились — один в мой лоб, другой — в пах. Из кустов вышел остальной десяток и, угрожающе помахивая саблями, окружил мою скромную персону.

— Ну-у-у-у… я прогуляться захотел и немножко заблудился, — примирительно ответил я.

— В городе всех предупреждают, чтобы не шлялись по лесам!!

— Да-да, предупреждают. Да-да, — придурковато закивал я головой, но почему-то образ тупого дикаря мне в этот раз не удался.

Видимо лицо изменилось больше, чем я думал. Крис, впервые увидев меня после саркофага, ухмыльнулся и протянул:

— Краса-а-а-а-авчик! Теперь все девки — твои! — сам он изменился очень незначительно. Видимо, в его случае психика и тело изначально соответствовали друг другу.

Что у меня там получилось, я видеть не мог. Зеркал в центре почему-то не держали. Даже бриться приходилось на ощупь. А рассматривать свою физиономию по частям с помощью полированной стали клинков мне и в голову не пришло — никогда не увлекался этим делом.

— Что «да-да»?! — рявкнул бес. — За нарушение приказа положен штраф или общественные работы! Вот ужо комендант с тебя стребует по полной, — пригрозил мне сержант и вдруг снова подозрительно оглядел мою фигуру и спросил:

— Чья кровь?

— Да тут с тварью схлестнулся… маленькой… совсем мелкой. Вовремя заметил и отбился кинжалами. Она меня всего кровищей забрызгала и убежала…

— Где это было?

— Дак! Откуда мне знать, — снова включил я «дурочку». — Я ж после схватки часа полтора бежал… пока сюда не прибежал. Сел перекусить, а тут — вы.

— Откуда бежал?

Прикинув, где могли быть патрульные некоторое время

назад, чтобы не оказалось, будто я мимо них проскочил, а они якобы не заметили, махнул рукой в сторону северо-востока.

— В город прибыл торговать или в охотники наниматься?

— Торговать… наниматься. Э-э-э… сначала наниматься, потом охотиться, потом торговаться…

— Ладно, — мучительно поразмыслив, через некоторое время выдал сержант. — Собирай свое имущество. Дождемся смены и проводим твою милость с почетом под конвоем, — юморнул бес.

— Мне бы помыться где.

— Рип и Нак. Проводите к ручью, — скомандовал Хинсо и с угрозой посмотрев мне в глаза добавил. — А ты без шуточек. Не то я тебе обещаю хи-хи-ха-ха на всю оставшуюся… короткую… жизнь.

Оставив вещи на поляне, я пошел, куда показали, в сопровождении двух бесов-конвоиров. Вот в этом самом ручье я и смог, наконец, увидеть свою личность во всей красе. Волосы у меня остались черными. Это я и так знал, периодически подрезая их покороче. Лоб стал выше, глаза больше, нос приобрел некоторую аристократичную горбинку. В общем, не буду вдаваться в подробности, но, объективности ради, должен признать, что от прежнего троглодита осталась одна улыбка. Точнее, привычно оскалившись, я едва смог уловить мимолетное сходство с собой прежним. И на этом все. А в целом, новая внешность мне понравилась. Приятное, неброское лицо дворянина в энном поколении. Главное, без смазливости, что мне никогда не нравилось.

Закончив любоваться, я хмыкнул и принялся за дело. Полностью раздевшись, искупался в ледяной воде, хорошенько постирал одежду и в одном исподнем вернулся на поляну. Там я переоделся в сухое, а выстиранное белье развесил на сучках для просушки. Десяток ушел патрулировать территорию, оставив со мной Рипа и Нака. Видимо, за компанию. Чтобы мне не скучно было.

Смена состоялась ближе к вечеру на этой же поляне. Сержанты обменялись новостями. Новый командир довольно равнодушно скользнул по мне взглядом и увел свой отряд на маршрут, а мы направили стопы свои в сторону города. Судя по всему, он находился там же, где и полтысячелетия назад. Карта всего континента, правда, немного устаревшая, прочно отпечаталась в моих мозгах, оставалось только постепенно править ее, аккуратно выясняя у населения, что изменилось за эти годы. Впрямую же не спросишь: «Вот тут полтыщи лет назад город был. Где он сейчас? А вот тут дорога. Куда делась?». Любой задумается, где ж это я спал столько лет? А мне задумчивость

местных на мой счет пока что совсем не нужна.

Через три часа, к девяти вечера, мы достигли мощной стены, защищающей город. На стенах и в башнях магическим зрением просматривались бдительные часовые, на совесть несущие службу. Ворота еще были открыты и нас пропустили после небольшой проверки. Слабенький маг — а по его поведению прямо за архимага принять можно — небрежно проверил меня. Отнес к людям, о чем и сделал запись в книгу прибывающих в город. Бесов не проверяли. Просто отметили возвращение отряда номер такой-то, иронично поздравили с уловом и, казалось, тут же забыли.

Меня повели в комендатуру через половину города. Встречные на наш кортеж реагировали очень спокойно. Почему так, мне стало ясно после реплики одной старушки:

— Опять «героя» поймали. И что им тот лес? Медом мазан? Говорят же, нельзя. Твари сожрать могут. А они всё ходют и ходют. Тьфу. Нету ума, знать, и не втолкуешь.

К сожалению, господин комендант к этому времени изволил отбыть в театр на представление заезжей труппы, специально сделавшей солидный крюк, дабы покрасоваться перед правнучкой и правнуком королевы, прибывшим накануне с плановой инспекцией. Об этом солидно и гордо заявил дежурный бек третьего ранга. Сержант Хинсо столь же солидно и понимающе покивал, почтительно согнув хвост жалом вниз.

— Что ж, гулёна, придется тебе в «зале ожидания» посидеть до утра, — сообщил мне дежурный. Заодно и подумаешь еще разок о том, стоит ли по местным лесам шляться, и о том, как господину коменданту так рассказать о своем «подвиге», чтобы штраф с тебя поменьше взял.

Залом ожидания оказалась большая камера с широкими деревянными лавками по периметру, в это время почему-то пустовавшая. На вопрос: где соответствующий контингент — провожавший меня сержант комендатуры охотно ответил, что у господина коменданта не забалуешь. Здесь всего лишь дожидаются решения, а после уже направляются кто куда. Кого — на общественные работы, кого — на каторгу, а кого-то и на волю, если вины за разумным двуногим, прямоходящим, не выявлено.

Сержант в комнате охраны раскрыл толстую амбарную книгу, макнул перо в чернильницу и спросил:

— Кто ты есть?

— Человек, — честно ответил я.

— Че-ло-век, — заскрипел пером бес. — Имя?

— Родеро.

И это записал.

— Общественное положение?

— Дворянин.

— Цель пребывания в городе?

— По личной надобности.

— За что задержан?

— А если я скажу, что ни за что?

— Вину за собой не признает, — добросовестно зафиксировал бес и посмотрел на сопровождающего.

Тот привычно оттарабанил:

— Задержан в лесу на ТОЙ САМОЙ поляне. Говорит — заблудился.

— Заблу-дил-ся на поля-не, — прилежно проскрипел пером сержант-охранник.

— Прошу отметить, что я категорически возражаю против указанной формулировки.

— Что-о-о?! — изумленно вызверился на меня сопровождающий.

— Я хотел сказать, что заблудился в лесу, а не на поляне. Да и как можно на поляне заблудиться? В траве потерялся, что ли?

— Да, — оттаял сопровождающий. — Ты, Никс, думай, что пишешь.

Охранник невозмутимо вычеркнул написанное и нацарапал правильный текст. На этом регистрация моего пребывания в стенах комендатуры закончилась. Мне приказали уложить вещи в стальной шкафчик и пройти в апартаменты. Шкафчик и камеру добросовестно заперли на замок. Вскоре принесли матрас, набитый свежей соломой, и неплохой ужин. Никаких разносолов, но все сытно и питательно. Отдав ему должное, я спокойно завалился спать, решив, что утро вечера мудренее.

Собственно, что мне оставалось? Местных реалий я не знал, даже что почем, и какие деньги теперь ходят. Все разговоры велись на общеимперском, разве что произношение немного изменилось, да в речи присутствовали слова, а иногда и целые обороты на других языках. На вампирето и драконари точно — на других пока не слышал. Так что, иного выхода, кроме как довериться коменданту, если он из архибеков, я не видел. Если я правильно интерпретировал то, что видел по пути, бесы в этом городе единственная реальная военная сила и для меня крайне важно знать, на чьей стороне эта сила и готова ли она при необходимости подчиниться мне. Или хотя бы помочь информацией на первых порах.

В течение ночи зал ожидания пополнился несколькими постояльцами, которые, получив матрасы, занимали свободные места на лавках и засыпали. Один пьяный в стельку начал было

буянить, но дежурные бесы живо его утихомирили. А так ночь прошла спокойно. Я хорошо отдохнул и выспался.

Прием граждан, отловленных вчера вечером и ночью, комендант начал поздно — около десяти утра. Я даже успел с аппетитом проглотить завтрак, доставленный нам прямо в номер… то есть в камеру.

Комендантом действительно оказался архибек первого ранга. Он посмотрел на меня пронизывающим взглядом, который, вероятно, должен был заставить меня затрепетать и покаяться во всех грехах, выдержал многозначительную паузу и прогрохотал:

— Кто тебя направил? Какому государству служишь? Мы все знаем! Что ты вынюхивал в лесу?

Я сделал вид, что занервничал. Испуганно заозирался на бесов-конвоиров и, просительно глядя в глаза коменданта, сказал:

— Я все скажу, господин комендант. Только очень прошу. Наедине.

Мои слова, казалось, очень удивили бека. Видимо, он совсем не ожидал, что старый, как мир, трюк сработает и задержанный действительно окажется преступником, к тому же готовым во всем признаться. Он задумался, не зная, к какому решению придти.

— Я безоружен, а господа военные могут и за дверью подождать. Я никуда не убегу.

Архибек злобно зыркнул на меня, будто я прилюдно обвинил его в трусости и рыкнул подчиненным, чтобы вышли за дверь, хотя вполне мог скомандовать телепатически. Значит, это была демонстрация для меня. Допускаю, что для посторонних бесы не желали демонстрировать свои боевые возможности. Как только дверь за охранниками закрылась, комендант снова пристально посмотрел на меня и мрачно сказал:

— Мы одни. А теперь выкладывай все, как на духу. Учти, если решил позабавиться за мой счет, отрабатывать будешь долго и на самых грязных работах.

Я отдал мысленный приказ, внимательно наблюдая реакцию коменданта, и обруч на голове проявился.

— Высший? — прозвучал у меня в голове изумленный вопрос архибека.

— Да. Я — вии Родеро, — также мысленно подтвердил я.

Комендант, словно подброшенный мощной пружиной, прямо из положения сидя взмыл над столом и на огромной скорости со страшной силой нанес мне удар двумя ногами в грудь. Я «лениво» уклонился влево и прямо в полете мгновенно врезал ему по печени открытой ладонью. Ситуацию я контролировал и силу попридержал, иначе архибек скончался бы на месте, никакая

регенерация бы не спасла. Противник, однако, сумел приземлиться на четыре точки и, превозмогая нешуточную боль (уважаю), тут же вновь перешел в атаку из этого, не очень удобного, положения. На меня обрушился ураган резких и быстрых ударов руками, ногами, головой и хвостом. Впрочем, как я заметил, мой противник бил кулаком, не используя острые когти, и хвостом также старался ударить не острием шипа, а плоскостью. Я старался больше уклоняться и отводить удары, не переходя в контратаку и с интересом присматриваясь к его технике. Наши танцы по кабинету на очень высокой, но далеко не предельной для меня, скорости так взвихрили воздух, что бумаги со стола коменданта вспорхнули белыми голубями и закружились в спирали смерча.

Архибек был очень хорош. Он явно оттачивал свое боевое искусство столетиями. Навскидку, ему сейчас около трехсот пятидесяти (архибеки могут и до пятисот дожить). Он, скорее всего, из второго поколения и, следовательно, изучает боевые искусства едва ли не с младенчества. К тому же базовые навыки передаются у беков по наследству. По ходу дела заметил у коменданта пару интересных комбинаций. Значит, искусство боя не застыло на вложенном в учебном центре уровне, а творчески перерабатывалось и развивалось. Тем не менее, как бы хорош он ни был, но до высшего все-таки не дотягивал. Поскольку боя с оружием и магией я не видел, могу приблизительно оценить его уровень, как «семь плюс» или с натяжкой — «восемь минус». Он может на равных драться со средним вампиром или драконом, но не со мной.

Спокойно выбрав точку удара и прикинув его мощность, чтобы не зашибить ненароком, провел его в удобный момент, с грохотом впечатав коменданта в резную дубовую панель на противоположной от окна стене. Эх, немного с огорчением подумал я, жаль, что не додумался получше рассчитать. Только сейчас до меня дошло. Ведь можно было так направить тело противника, чтобы он рогами воткнулся в эту самую панель. Любопытно стало — пробил бы или нет? С другой стороны, кто мне помешает повторить? Мои чувства явственно показывают, что охранники как стояли за дверью, так и стоят, не собираясь вмешиваться. Дернулись было, услышав шум, но тут же опять замерли. Либо комендант решил меня прибить без свидетелей, либо задумал что-то иное. За иное было то, что он даже оружие не обнажил. Зачем же тогда этот цирк?

Архибек несколько секунд полежал грудой тряпья под треснувшей панелью, затем с видимым усилием встал на одно колено, согнул хвост почтительным изгибом и, склонив голову,

произнес:

— Покорнейше прошу простить меня, господин вии Родеро. Я обязан был убедиться, что ты не самозванец. Готов повиноваться и понести любое наказание за проявленную непочтительность. А также прошу принять мою благодарность за то, что не убил недостойного слугу своего.

— Встань и назови свое имя.

— Архибек первого ранга Лоскер, господин вии.

— И как же ты пришел к выводу, что я не самозванец? А вдруг я вампир или дракон? Они ведь тоже далеко не слабаки.

— Ты — человек и техника боя у тебя — высшего. Мне доводилось драться с сильными бойцами названных тобой рас, их техника — иная.

— Я, вии Родеро, прощаю проявленную архибеком первого ранга Лоскером непочтительность, поскольку вызвана она была необходимостью.

Комендант, не скрывая, вздохнул с облегчением. Когда он с моего разрешения встал и поднял голову, в глазах его светилось такое счастье, словно вместо жестокой казни ему подарили весь мир. Неужели он так боялся наказания? Однако слова коменданта развеяли эти недостойные мысли.

— Я счастлив, мой господин. Все бесы, от младенцев до архибеков, верят, что Империя возродится, когда придет настоящий вии. Эта надежда передается из поколения в поколение, а мне, недостойному, суждено было дождаться! Веди нас, повелитель!

И он снова рухнул на колено в верноподданническом поклоне.

— Встань, Лоскер. Ты раз в десять старше и мудрее меня. Приказываю отставить церемонии и обращаться ко мне в неофициальной обстановке по имени. Мне нужна твоя помощь.

— Все что в моих силах!

— Пока…

Я на всякий случай решил не лишать чело… э-э-э… архибека надежды, тем более и сам не знал планы элва. А вдруг как раз возрождение Империи ему и надо. Хотя о том, что ее надо возрождать, я узнал буквально только что.

— Пока в мою задачу это не входит. На сегодняшний день она гораздо скромнее…

— Да. Я понимаю, — хитро прищурившись, кивнул комендант. — Я все прекрасно понимаю. Сначала необходимо разведать обстановку и, желательно, тайно. Не так ли?

— Ну… в общем и целом, так, — вынужден был признать я.

— Тогда чем мы можем помочь конкретно? Приказывай.

— В первую очередь, я хотел бы как можно подробнее узнать, что известно бесам о текущей ситуации в мире и кратко, как дошли до жизни такой. Что еще потребуется — выясню по ходу рассказа. Затем мне надо будет проехать через континент на восток… в определенное место.

— Если я могу дать один совет…

Нерешительно начал Лоскер, но я его перебил.

— Приказываю, Лоскер, не оставлять меня без твоих, безусловно мудрых, советов, — глаза коменданта блеснули от удовольствия и мне показалось, посмотрел он на меня с уважением и одобрением.

— Родеро, — сразу взял налима за жабры Архибек. — Чтобы не вызвать подозрений, мне необходимо будет на тебя прилюдно накричать. К сожалению, в комендатуре служат не только бесы, которые рта не раскроют без приказа, но и люди. Язык у них длинный, а голова работает хорошо. Как бы не пошли невыгодные для нас слухи. Поэтому предлагаю тебе пока разместиться в гостинице и назваться лекарем, приехавшим за травами. У нас действительно лучшие на континенте сборы трав, а стоимость гораздо ниже, чем в других городах. Высшие, насколько мне известно, всегда получали хорошую лекарскую подготовку. К дверям поставлю четверку бесов-охранников. Такое тоже практикуется, когда в виде наказания за провинность приезжему назначаются общественные работы. Не всем, конечно, такая честь, только квалифицированным специалистам, отрабатывающим присужденный срок на профессиональном поприще. Редко, но бывает. Ничего особенного. После обеда тебя отведут ко мне, тогда и поговорим. Прости, но по городу гулять тебе придется в сопровождении тех же бесов. Это входит в меры наказания.

— Я могу свободно перемещаться?

— Безусловно. Все, кто не в тюрьме или «зале ожидания» не лишаются права свободного перемещения.

— Однако либеральные у вас тут законы.

— Это только нам дано такое право и только у нас действуют эти законы. В других местах иначе. Да, вот еще, — Лоскер достал из ящика стола мешочек и передал мне. — Здесь деньги на расходы. Если понадобится еще — казна города в твоем распоряжении.

— Не надо. У меня есть.

— Покажи.

Я достал свой мешочек из кладовой центра и передал архибеку.

— Ого! Настоящие имперские солнышки!.. — он сокрушенно покачал головой. — Не пойдет. Слишком незатертыми выглядят.

Можно, конечно, сказать, что нашел в разрушенном городе, но тогда на тебя могут объявить охоту искатели кладов, а это опять же ненужное внимание. Где? Когда? С каким отрядом? Как? А сойти за кладоискателя ты пока не сможешь. С твоего разрешения я заберу эти деньги и подготовлю те, которые имеют хождение сегодня? Сейчас все государства деньги чеканят, придерживаясь имперского стандарта. По весу они почти не отличаются и везде принимаются.

— И как же их называют, — вспомнил я о наших ящерках и воробьях.

— Никак. Слишком большое разнообразие. Каждый король считал своим долгом украсить своим портретом золотую монету, а ликом жены — серебряную. Не то, что Императоры — как чеканили лик первого Импреатора-Солнце и жены его — Императрицы-Селены, так и продолжали.

Резон в его словах был, поэтому я не стал артачиться и без сожалений расстался с монетами, способными меня скомпрометировать.

— Если неотложных вопросов больше нет, предлагаю действовать. Еще раз прошу простить за дерзость…

— Хватит извиняться, Лоскер. Действуй.

Комендант кивнул, сам распахнул двери и, придав своему лицу вид крайней ярости, заорал:

— Да ты у меня до конца дней своих будешь работать на город бесплатно! Щенок! Он, видите ли, сам хочет собрать травы в нашем лесу! Вон с глаз моих!! Четверых бесов сюда! Охранять денно и нощно! Местом жительства назначить гостиницу «Луч короны»! Его вещи переправить туда же. После обеда ко мне его. Делом займется.

Как будто прямо из пола выросли четверо бесов, взяли меня в коробочку и, энергично подталкивая, повели к выходу.

— Пришлите кого-нибудь прибраться в кабинет! Ух, и разозлил меня этот лекаришка! — услышал я грозный рев Лоскера, уже спускаясь по лестнице.

Хозяин гостиницы не удивился потенциальному постояльцу в окружении бесов. Он посмотрел на меня с некоторым сочувствием и пробурчал:

— Что ж ты натворил, парень, что комендант тебя на постой в самую дорогую гостиницу определил?

— Вот и я говорю, ничего я не натворил. Подумаешь, прогулялся по лесу?

Лицо хозяина построжало.

— Поду-у-у-умаешь? А то, что вместо отдыха воины должны были тебя искать, потом охранять и в город сопровождать —

тоже… «подумаешь»? А то, что иногда весь город на поиски пропавших поднимают и народ должен такого как ты с риском для своей жизни искать? Нет, парень. Наказали за дело! — сочувствие как рукой сняло, даже, похоже, после моих слов, он решил от себя добавить к наказанию. — Дешевых номеров не осталось. Будешь жить в одном из лучших. Завтрак, ужин и ежедневная ванна входят в стоимость. С тебя за пять дней шесть с половиной серебряных.

По лицам сопровождающих бесов я понял, что цена, мягко говоря, несколько завышена, поэтому попробовал торговаться.

— Ты, почтеннейший, меня ограбить решил? А если я пожалуюсь на твою жадность?

— Да, — неожиданно поддержал меня один из охранников, самый старший по возрасту и, вероятно, по авторитету, — что-то ты, Вудук, малость подзагнул.

— Ничего я не подзагнул. В городе принцесса с принцем, а с ними куча народу. Всем где-то жить надо. Все цены подняли. Не буду же я наказанному снижать. Это что ж за наказание получится? У меня от этого номера торговец отказался. Дорого. А нарушителю я задешево отдам? Как я потом этому торговцу в глаза посмотрю?

— М-да, — посочувствовал мне бес. — Придется платить. Попался ты коменданту под горячую руку очень уж не ко времени.

— А если я откажусь?.. Как тот купец? — полюбопытствовал я.

— Можно и так. Только ночевать тогда будешь в тюремной камере, а питаться, где придется, — разъяснил бес альтернативу.

— Ладно. Ешьте мою плоть! Пейте мою кровь! — патетически воскликнул я и выложил на прилавок золотой.

Хозяин отсчитал мне сдачу — три монеты серебром и горсть меди — выдал ключ и крикнул парнишке-слуге проводить «уважаемого господина» в апартаменты.

Глава 13

«…настоящей опорой трону в те сложные времена были высшие имперские исполнители. Сейчас никто не знает, откуда они пришли и, несмотря на полную схожесть с людьми, относились ли к роду человеческому, поскольку в скорости движений и владении оружием превосходили вампиров и элвов, в регенерации, остроте зрения и слуха — оборотней, в неутомимости и защищенности — драконов, в силе и мастерстве — архимагов людей. Некоторые источники утверждают, что их готовили в неких тайных имперских учебных центрах. К сожалению, большинство архивов, в том числе и архив имперской канцелярии, не сохранились, поэтому указанное утверждение никоим образом нельзя отнести к достоверным. По здравому размышлению, можно придти к очевидному выводу, что, как возможности самих высших, так и факт их подготовки, якобы из обычных людей, являются художественным преувеличением очевидцев тех событий, основанных на наивной вере в некую особую касту воинов и администраторов, способных воспрепятствовать неизбежной гибели некогда могущественной системы. История знает немало примеров величия и упадка не менее могущественных цивилизаций, но до сих пор не знает средств, способных предотвратить крах. Ни сильные правители, ни мощная магия не могли служить достаточной гарантией несокрушимости держав. Аристократия — прокисшие сливки общества, и охамевший до предела плебс — они разрушают государства изнутри паче любого внешнего врага. Бороться с этими явлениями невозможно, поскольку потенциальные борцы — сами носители чумы распада. На примере последнего императора, отличающегося, как свидетельствуют записи его современников, несгибаемой волей, гигантскими амбициями, нетерпимостью к чужому мнению и крайне слабым государственным умом, можно видеть, как конкретно протекала эта борьба за стабильность общества.

…Сейчас невозможно сказать точно, был ли это навет завистливых придворных или высшие действительно задумали сместить Императора-разрушителя, дабы править самим. Однако известно, что были они людьми весьма гордыми и высокомерными, презирающими глупость и некомпетентность настолько, что не стеснялись прилюдно высказывать свое мнение о правящей верхушке. Император не мог терпеть подобного отношения и постепенно сместил всех виев с государственных

постов. Мало того, в один из дней осени он собрал всех виев в своей загородной резиденции, обещав выслушать их мнение и принять предложения об изменении ситуации в империи. Когда все собрались, император тайно покинул дворец, а собранные со всей империи лучшие архимаги и магистры при поддержке гвардии короля нанесли удар. Однако более чем натянутые (да просто враждебные) отношения между различными школами и направлениями магического искусства не позволили магам действовать согласовано. Следует говорить не об одном ударе, совокупной силы которого хватило бы разнести в пыль средней величины гору, а о ряде разрозненных ударов, частично поглотивших силу друг друга. Высшие сумели мгновенно организоваться, отразить удары и нанести ответные. Источники по-разному оценивают численность высших на тот момент. От ста двадцати до пятисот человек. Учитывая размеры зала приемов загородного дворца императора, мы склоняемся к цифре от ста восьмидесяти до двухсот двадцати человек. И эта сравнительно небольшая группа людей смогла долгое время вести успешный бой с силами, намного их превосходящими. Финал был предрешен. Как бы ни были они могущественны — противостоять мощи империи они не могли. Вии погибли все, но взяли с собой за грань почти весь цвет магического искусства, и более девяти десятых элитных воинов гвардии. На месте бывшей резиденции императора теперь мертвая топь, откуда по окрестностям непрерывно извергаются орды кошмарных тварей. Судя по всему, убийство высших было организовано крайне бездарно, что со всей очевидностью свидетельствует об отсутствии на тот момент в аппарате государственного управления грамотных специалистов…».

Информация о враждебных отношениях представителей разных направлений магии меня несказанно удивила. Я и раньше очень уважал основателя нашего учебного центра, мятежного герцога, хотя и считал его немного параноиком, но теперь уважать стал несравнимо больше. Он ведь каким-то образом сумел отобрать в центр и сплотить в одну команду молодых, талантливых и незашоренных представителей разных школ, вплоть до вампирских и драконьих (как ему удалось этих-то магов заполучить — просто не представляю). Эта команда и разработала некий синтетический сплав почти всех направлений искусства, создав окончательный вариант той магии, которой я и Крис, не говоря уж про элва, теперь владеем. Хм. Любопытно. Судя по срокам — разработка в окончательном виде завершена около четырехсот пятидесяти лет назад. Получается, маги

продолжали свою работу и после того, как центр отрезало от миров. Я уложил в память напоминание самому себе по возвращении поинтересоваться у элва подробностями и продолжил чтение.

«…Ситуацией не замедлили воспользоваться враги и на империю обрушились удары со всех сторон. Вампиры, оборотни и драконы перешли границу империи. Провинции, истощенные поборами на возведение гигантских статуй императора и поражающих своей роскошью дворцов, переходили на сторону завоевателей, поднимали мятежи и объявляли о своем суверенитете. В этой ситуации правитель не придумал ничего умнее, как снять запрет на глобальные воздействия. Противник ответил тем же. В войну втянулись все расы континента. Под ударами магов выгорали целые леса элвов, рушились горы гномов, обваливались подземные гнезда вампиров, логова оборотней и пещеры драконов. Земля оборотней практически вся превратилась в мертвую пустыню с чахлой, до неузнаваемости измененной, растительностью, враждебной всему живому. Жуткие твари, населившие эти земли, одинаково охотно пожирают как хищные растения, так и себе подобных. Раса оборотней вымерла почти вся. Вампиры и драконы сократили свою численность более чем наполовину. Орки и гоблины практически растворились среди других рас, потеряв свою самобытную культуру. Людей осталась едва ли треть. Все прежние границы были стерты, расы перемешались и на континенте образовались сотни больших и малых государств: королевств, герцогств, баронств и прочих.

Наиболее трагичным, хотя и закономерным итогом войны стали невосполнимые потери магических знаний, угасание ремесел и искусств. Ныне никто не способен рассчитать и построить хотя бы один крепостной бастион, которые раньше сотнями проектировали и строили студенты-маги со стажерами-гномами. Безусловно, под приглядом опытных наставников, но тем не менее.

Мне больно наблюдать и описывать, как резко упала наука целительства. Прежние маги-целители были способны поднять больного буквально со смертного одра. Ныне магия почти не применяется. Лекари предпочитают действовать простыми методами: травами и хирургическим вмешательством. Хотя, следует признать, в этом деле есть подлинные мастера.

В настоящее время, осознав жизненную необходимость магического искусства, правители всех стран в число приоритетных задач поставили наращивание своего магического потенциала в виде обучения новых магов, переманивания и даже

похищение магов из других стран, поиск магических знаний. Кладоискатель, нашедший в развалинах городов хотя бы одну книгу по магии, может спокойно уходить на покой — безбедная старость ему гарантирована. Однако, чтобы чего-то в развалинах найти, надо для начала в них выжить. А эта задача — далеко не ординарная…».

— Да. Дела, — сказал я, отложив пергамент, и с любопытством спросил: — И что ты сам думаешь о высших?

Как и было намечено, после обеда архибек принял меня в своих личных апартаментах, усадил в кресло рядом с низким столиком, уставленным фруктами, сладостями и бутылками с вином различных марок, предложил не стеснять себя ни в чем и для начала прочитать свиток, написанный неизвестным историком четыреста лет назад.

Однако откуда они взялись, где учились и воспитывались, архибек не знал. Как не знал, откуда первоначально появились бесы. А то, что они являются продуктом магической науки, он понимал прекрасно, поскольку именно его отряд патрулировал окрестности поляны, на которой периодически появлялись группы бесов с минимальным уровнем знаний.

— Чисто дети. Бойцы великолепные, а в житейских вопросах совершеннейшие несмышленыши. Стало быть — не рождены они женщиной, а сделаны. Но, как и где, не спрашивай. Не знаю. Сам-то я рожден уже здесь, однако с ранних лет, как себя помню, уже знал за какой конец сабли надо браться. Ни у одного народа такого нет. Всех воинской науке надо учить с азов — только не нас. Когда перестали поступать приказы, мы стали оставлять новичков в городе, доучивать и включать в отряды. Во время войны никому служить не стали, в политику не лезли. Пару раз город попытались захватить, но мы дали хороший отпор и нас оставили в покое. Приказ императора пока остается в силе. Его может отменить либо сам император, либо кто-то из высших. Так что — приказывай. Семь тысяч двести бесов, сто восемьдесят семь беков и пятнадцать архибеков различного ранга повинуются тебе. Это немалая сила. Настолько, что с королем Тибуром подписан договор — формально мы ему подчиняемся, но законы и порядки устанавливаем сами. За это не препятствуем торговле, передвижению войск и прикрываем от западных соседей.

— Хорошо, — улыбнулся я, — когда понадобится, я что-нибудь прикажу. А высшие на этой самой поляне появлялись?

— Дед рассказывал, что бывало такое. Раз, а то и два в год. Ну, а как империя рухнула, то все прекратилось. Почти совсем. Правда, при мне лет девяносто назад появилась там странная девушка. Вся в кровище (совсем, как ты), в руках по кинжалу (в

точности твои), истощенная, будто месяц во рту крошки не было, и без памяти. То есть говорить на общем говорила, но кто такая, как зовут, как здесь оказалась — никак не могла вспомнить. Идти тоже не могла. Патруль на руках принес. Правда, вылечилась с помощью нашего лекаря очень быстро. Для человека необычно быстро. И еще один момент. К нам обычные люди, знаю, не сразу привыкают, хотя вроде после жутких монстров мы обликом вроде и ничего, а она как будто много лет с нами дело имела. Иногда даже, забывшись, командовала бесами, словно так и должно быть. Привычно как-то командовала. Но сама этого не замечала, а мы молчали. Лекарь говорит — кто его знает, вдруг от шока умом повредится? И с кинжалами, что при ней на поляне были, никогда не расставалась. Говорила, чувствует себя без них прямо голой. Однажды увидела тренировку с оружием, встала в строй и как закрутила… Инструкторы наши многое повидали, но и они застыли, раскрыв рот. С тех пор девушка каждый день стала приходить тренироваться. Прожила она у нас с полгода. Память к ней так и не вернулась. Я уж подумывал, куда бы к делу ее пристроить, как приехал наследник престола с обычной инспекцией, да и захотелось ему посмотреть на технику боя наших воинов-бесов. Пришел он на тренировку и увидал нашу красавицу. А как увидал, так и влюбился напрочь. А что ж не влюбиться? По манерам — аристократка она не из последних. А уж воин, так и вовсе из первых. В то время, да и сейчас на всем континенте хорошего воина не меньше графа уважают. Не знаю, как он там короля с королевой уламывал, но вскоре состоялась свадьба и наша Дария стала принцессой. Со временем и королевой. Пару дней назад приехали к нам с инспекцией старшая принцесса и мальчик-принц. Так это ее правнуки.

— Интере-е-есно… А… Дария? Она все-таки вспомнила свое имя?

— Нет. Мы дали. В честь начальника того патруля. Он Дар — она, получается, Дария.

Мне подумалось, что, это, вероятно, та девушка из высших, о которой упоминал элв. Она сумела прорваться к порталу, но потеряла память. Встретиться бы с ней, но не уверен, что от этого будет толк. Смогу ли я вернуть память, да и надо ли это делать? Скорее всего, новые ценности и установки, например, заботиться в первую очередь о благе конкретно данного королевства, прочно в ней укоренились и могут войти в противоречие с клятвой высшего. Хотя империи уже давно нет. Но кто знает, что принесет ей осознание потерянных лет и невыполненной задачи.

— А что соседи? Ты говорил, что вы прикрываете королевство от них.

— Наши западные соседи — граница в дневном пешем переходе — королевство вампиров. Не то, прежнее, а новое. Называют его так потому, что вампиров там больше, чем в любом другом государстве, и правит там древний вампир. Говорят, ему уже тысяча двести лет. Беспокойные соседи. Дело в том, что прапрадед нынешнего короля умудрился получить от древнего магическую клятву, согласно которой вампиры первыми нападать не будут. Так теперь они всеми силами провоцируют короля, чтобы он сам на них напал. Такие вот дела.

— А как у вас обстоят дела с оружием и снаряжением?

— Неплохо. Среди бесов есть отличные ремесленники, в том числе кузнецы и портные. Мы даже продаем часть их изделий. Население тоже работящее и умелое. Нас иногда называют «городом мастеров». Наше патрулирование сделало эти места сравнительно спокойными для жизни. Практически всех тварей повывели. Если и появляются пришлые — мы тут же отправляем отряд и уничтожаем их. Под нашей защитой крестьяне выращивают все, что нужно для жизни города. Многое, конечно, покупаем у купцов. Не без этого, но и они берут у нас не мало. Гномья слобода, например, славится своими изделиями на весь континент. Мы вот почти на западной оконечности. Западнее только королевство вампиров, а за ним уже Большой океан. Так поговаривают, что ближе к центру континента цена на наши изделия увеличивается в пятнадцать раз. Много желающих поселиться здесь. Мы никому не отказываем. Скоро планируем в очередной раз переносить стены. Точнее, старые, конечно, останутся, а мы построим новые подальше. С учетом новых переселенцев. Они по-прежнему прибывают, хотя и значительно меньше, чем сразу после войны, — архибек улыбнулся каким-то своим воспоминаниям. — Вот так живется под властью инфернальных тварей.

— Это кто же вас так назвал? — полюбопытствовал я.

— Да приезжал тут один шестнадцать лет назад. Кричал: «Люди, опомнитесь! Бегите отсюда, пока инфернальные твари не пожрали ваши души!». Больной на голову, похоже.

— И как? Побежали?

— Нет. Несколько женщин даже всплакнули. Пожалели убогого. Поесть ему принесли, да и мягко выпроводили из города. Нет у нас лекаря, способного исцелять такие болячки.

— Но ведь приезжают же и бандиты, и убийцы, а у вас — я посмотрел «зал ожидания» — к ним относятся как к родным. Почему?

— Люди — ценный ресурс, чтобы разбрасываться им. Бандит и убийца тоже найдет применение. В рудниках поработает —

пользу принесет. А в нечеловеческих условиях содержать, так мало от него и получить сможешь.

— Ты говоришь — люди. А вампиры, драконы…

— Я понял, о чем ты. Везде принято говорить «люди» — по самой многочисленной расе и только если нужно для дела, уточняют: вампир, дракон, гном… Разумные-двуногие-прямоходящие — слишком длинно и заумно получается. А так люди и люди: «Нам надо пять человек. Из них два гнома и один вампир», — так обычно говорят.

— А ручное метательное оружие?

— В основном, арбалеты. В каждом десятке их по два. Ручных бомбард есть десяток и три сотни скоробоев. Их мы бережем на случай войны или серьезного нападения. К сожалению, новых нигде не изготавливают. Секрет утерян. Да и магов нужной силы и умения тоже нет.

— Что ни говори, — задумчиво сказал я, — а вряд ли все архимаги погибли. Не такие уж они глупцы. Затаились где-нибудь.

— Может и так, — согласился со мной комендант.

— Ладно, — подытожил я разговор. — В общих чертах мне все ясно. Остальное увижу по дороге. Если понадобится твоя помощь, скажу об этом телепатически. Слепок ауры я снял, так что не удивляйся.

— Я так понимаю, тебе теперь в столицу? А оттуда уже будешь искать караван дальше на восток?

— Да, именно так. В столицу. Только не пойму, зачем караван? Я один гораздо быстрее дойду.

— Просто поодиночке никто не ходит. Из-за тварей. А на караваны постоянно нападают. Но там народу много — отбиваются, а одиночке трудно придется.

— Ну, положим в одиночку мне и отбиваться проще, а то и поохотиться для разминки можно.

— Прости, высший. Забыл, с кем разговариваю, — Лоскер повинно склонил голову. — Вот только одинокий странник непременно вызовет подозрения и множество вопросов.

— Да. Ты прав. Пока не узнал о ситуации подробнее, не стоит вылезать на свет.

— В таком случае, могу посоветовать один караван в столицу. Его основной совладелец мой хороший знакомый. Думаю, без вопросов смогу тебя пристроить. Они собираются выходить через три дня. Тебя устроит?

— Да, пожалуй. Успею здесь побродить, немного к обстановке привыкнуть.

Мы с комендантом еще немного поговорили о разных

пустяках, потом я отправился в гостиницу ужинать и спать.

Встал до света и, пока гостиница спит, спустился во внутренний двор, чтобы без помех размяться. Четыре часа сна для восстановления даже многовато, учитывая, что мне не требовалось перелопачивать, усваивать и раскладывать по полочкам сознания массивы новой информации, как привык в центре. Все еще ночной, мрак не мешал мне прекрасно все видеть, и я потихоньку начал со стандартных разминочных комплексов, постепенно повышая темп. Плавно перешел к бою с фантомами, которые выделил из своей области внимания, уделив для их управления четыре сектора. Разминку проводил легкую, поэтому иллюзорных противников сделал всего четверых. Собственно и так данное число оптимально для эффективного нападения на одного бойца преимущественно в горизонтальной плоскости. Для более серьезной тренировки я выделял, как правило, еще двух летающих и парочку подземных тварей, атакующих меня совместно. Бой начался, и я вскоре должен был перейти на максимальный темп, чтобы успевать защищаться и контратаковать. Поскольку фантомы — это был я сам, то самого себя теоретически победить в этой схватке не мог. Каждый фантом умел то же, что и я. Таким образом, приходилось чуть-чуть сдерживать их или моделировать технику боя других рас.

Воздух, тягучий как сироп, басовито гудел, лениво закручиваясь в смерч. Вскоре смерчей стало несколько, поскольку двигался я, произвольно меняя направление. Щепки, валявшиеся около колоды для колки дров, сначала подрагивали, потом стали подпрыгивать и, наконец, взлетели, кружась над двором по прихотливым траекториям. Каждая жилочка моего тела довольно вибрировала, мышцы и связки прогрелись и работали с полной отдачей, наполняя меня восторгом, даже упоением.

Сегодня фантомы смогли зацепить меня трижды, сказалась некоторая моя рассеянность, да и недавнее истощение. Но, думаю, за пару дней приду в норму. Развеяв фантомы, я завершил комбинацию высоким прыжком над колодой. В воздухе убрал кинжалы в ножны и, приземляясь, ударил в центр чурбака рукой-копьем, добавив совсем немного магии. Чурбак громко треснул и разлетелся четырьмя полешками по всему двору. С удовольствием глубоко дыша чистым воздухом, я остановился и посмотрел на розовеющий восток, куда пролегал мой дальнейший путь. По поленнице неподалеку простучал град падающих щепок, ранее порхавших в воздухе, и наступила тишина.

Тренируясь, я часть внимания оставил настороже. Впрочем, я всегда так делал. Чем бы ни занимался, в каком бы тихом месте

ни находился в данный момент времени, я никогда не забывал проверять окрестности на возможную опасность. Элв обожал устраивать внезапные атаки в самый неожиданный момент, тренируя нашу внимательность и постоянную боеготовность.

На первый взгляд, зрителей не было, поэтому я со спокойной душой вернулся в комнату, не потревожив бесов охраны. То есть, как и ушел — через окно.

Слегка умывшись — по полной программе помоюсь, когда проснется гостиница — я снова прилег на кровать, вошел в транс и стал на скорость формировать структуры воздействий, в первую очередь, недавно изученных. Следующую разминку наметил с применением магии. Как обычно, используя структуры воздействий, не наполненные энергией. Цели при такой методике поражаются, но не повреждаются. То есть можно тренироваться в любом месте, не боясь что-нибудь разрушить или кого-нибудь ранить.

Гостиница постепенно пробуждалась, в коридоре послышались сначала тихие шаги обслуги, потом громкие и уверенные постояльцев. Кто-то заговорил в полный голос с горничной, требуя горячей воды, и побыстрее. Со стенами было все в порядке. Просто слух у меня с некоторых пор острый.

Через некоторое время раздался деликатный стук в дверь. Я открыл, и в комнату проскользнула горничная с тазиком горячей воды, принадлежностями для умывания и кувшином. Я разделся до пояса, немного пожалев, что пропустил вечернюю ванну, и с наслаждением умылся. Стоило горничной выйти, как заглянул мой конвоир-бес.

— Давай, паря, быстрее. Сейчас утреннюю тренировку для гостиничных и постояльцев будет проводить бес первого ранга Барк. Отличный мастер.

Повторная тренировка, на которой изо всех сил придется изображать не слишком умелого фехтовальщика, меня не привлекала, поэтому я ответил в том духе, что вчера устал и, пожалуй, лучше немного поваляюсь на кровати. Лицо беса выразило такое удивление, что я сразу понял — что-то не так. Немедленно телепатически связался с Лоскером и тут же услышал:

— Слушаю, мой командир.

— Кто?

— Командир. Ну… ты же сейчас старший по званию, значит, командир.

Я не стал спорить и спросил: что так удивило моего конвоира? Лоскер сначала тоже удивился, но вспомнив обстоятельства моего прибытия в город, ответил:

— Так все в мире тренируются сызмальства. Одного, без сопровождения, человека из дома не выпустят, если он бою не обучен. Нападение тварей может последовать когда угодно и где угодно. Хоть в королевском дворце. Поэтому владение оружием не забава, а суровая необходимость. Слабые бойцы долго не живут. А уж когда занятие ведет хороший мастер, да еще бесплатно, это просто невозможно представить. Обычно богатые за урок платят хорошие деньги, а кто денег не имеет, стараются хоть краешком глаза подглядеть за приемами мастеров, не говоря уж о том, чтобы пропустить бесплатное занятие. Даже не знаю, как тебе быть, чтобы не раскрываться.

— Ладно, — вздохнул я. — Схожу на тренировку.

Я встал с кровати, взял кинжалы и, как был, полуголым вслед за всеми вышел на двор. Народу собралось действительно много. Похоже, обитатели соседних домов тишком пристроились к шеренге постояльцев. Бес-наставник, видимо, хорошо знал любителей бесплатного. Он улыбнулся и… не прогнал. Осмотрев строй, Барк предложил всем стать в шахматном порядке, чтобы не мешать соседям и начать разминку. Увидев меня в компании конвоиров, он осуждающе покачал головой и направился к нам. Ну вот, подумалось мне, опять начнет мораль читать на тему: «Не ходите, дети, по лесу гулять». Однако взгляд его остановился на кинжалах, которые я держал в руке. Меня было кольнуло беспокойство — не узнал ли он штатные кинжалы виев. Но, похоже, они его заинтересовали с точки зрения длины и эффективности.

— Парень, ты как собираешься от тварей отбиваться этими зубочистками?

Конечно, откуда ему знать, что сами кинжалы (из очень прочного и гибкого сплава, между прочим) имеют значение только в качестве направляющих для магических клинков переменной длины (оптимально от пятидесяти до ста двадцати сантиметров). При использовании направляющих, хоть палок, лишь бы были прямыми, магической энергии тратится на порядок меньше, чем создание полностью магического колюще-режуще-рубящего оружия. Магические клинки отбивают стальное и такое же магическое оружие гораздо лучше, чем обычное, не говоря уж о многократно лучшей проникающей способности и уникальной остроте. А если упомянуть возможность мгновенного изменения конфигурации такого клинка — шпага, сабля, ятаган… — то становится понятным, почему я взял из оружейной только кинжалы. Ну… и в походе с ними удобно… когда нет под рукой столовых приборов.

— Привык я к ним… да и без учителя никогда не выходил, —

ляпнул я вдруг по наитию.

Последняя реплика, оказывается, очень удачно все объяснила. На меня перестали коситься, как на недоумка… зато стали коситься, как на несмышленыша, впервые оторвавшегося от маминой юбки. Пусть их. В местных делах я действительно такой. Все мне внове и все незнакомо, хотя параллели с моим миром провести можно. Однако много ли я видел в своем мире? Поселок барсов, да путешествие в Конкисту с караваном, где мне ни на минуту не довелось остаться одному… за исключением специальных мест уединения.

Тренировался я вяло и удостоился осуждающих взглядов Барка. Однако заставлять меня он не стал, показав своим видом — хочешь быстрее загнуться под клыками монстров, продолжай в том же духе.

После тренировки я, позавтракав, пошел гулять по городу, с любопытством рассматривая дома, прохожих, лавки купцов… девушек. Увы, я не маньяк, но неделя воздержания была для меня непривычной и даже красотки центра снова показались мне привлекательными, хотя та девушка, что сейчас вышла из лавки очень даже ничего. Красавица глянула на меня, улыбнулась, я оскалился в ответ и… ее не передернуло от страха. Тьфу! Совсем забыл, что лицо у меня теперь другое и может даже немного привлекательное. Совсем было хотел заговорить с девушкой на предмет возможного охмурения, как она посмотрела на сабли конвоиров, нахмурилась и, презрительно вздернув носик, повернулась ко мне спиной. Ну, да. У бесов на левых саблях свисали черные ленточки, завязанные бантиком показывая всем и каждому, что это не нанятая мной охрана, а конвой преступника, осужденного на общественные работы. Теперь я в полной мере оценил смысл этого дополнительного наказания.

— Кха-кха, — прокашлялся старший конвоир. — А ты, оказывается, ловкий парень. Теперь до меня дошло, зачем ты по лесу шлялся.

— И зачем же? — мне стало по-настоящему любопытно.

— А затем, чтобы тебя осудили и приставили охрану. Бесплатно! Работы для тебя ерунда — у нас и так лекарей хватает, оружием ты, почитай, толком не владеешь, а наша охрана дорого стоит. Дороже, чем самая дорогая гостиница. Думал, походишь по краюшку леса, тебя задержат, приставят бесплатную охрану… так и сэкономишь? — он осуждающе покачал головой. — А на мнение жителей тебе наплевать? Уедешь с караваном, да только тебя и видали?

— М-да? То есть здорово рискнул жизнью, чтобы заиметь бесплатную охрану, с которой у меня могут возникнуть трудности

при покупке трав? В лесу, получается, безопаснее, чем в городе?

Бес усиленно зачесал оба рога, изображая усиленную умственную деятельность, и через некоторое время вынужден был признать:

— Да. Не сходится.

На улицах уже потемнело и в богатых районах стали потихоньку зажигаться масляные фонари. Трудолюбивые фонарщики вышли на работу. В этот момент ко мне пришел мысленный вызов от Лоскера:

— Господин вии, я договорился с купцом Набуром. Он возьмет тебя с собой в столицу, но о цене тебе придется договариваться самому — было бы подозрительно, если бы это стал делать я. Но больше золотого не давай. Знаю я этого пройдоху.

— Хорошо. Где мне его найти?

— Он сейчас в таверне «Белый клык». Зайди. Поговори с ним.

— Понял. До связи.

Бесы показали мне, где находится эта таверна. Я зашел в помещение, полное народу, и, поймав за рукав пробегавшую мимо служанку, попросил показать, где тут купец Набур. Служанка стрельнула глазами и показала на стол в богатом углу.

Несмотря на характерное название, вампиров было немного. Пили они вино и пиво, как обычные люди. Никак не кровь. Данный напиток они потребляли только с ритуальными целями или для ускорения регенерации на поле боя, осушая врагов. Их энергетика была привязана к людям (оркам, гоблинам, элвам… все равно) и периодически им требовалось побыть в обществе представителей других рас, отбирая себе небольшие порции переработанной магической энергии. Максимум, что чувствовала при этом «жертва» — небольшой упадок сил, который восстанавливался за пару часов.

Купец, здоровенный детина, борода лопатой, седоватые волосы до плеч, могучие ручищи орудуют огромным кинжалом, похожим скорее на маленький меч, кромсая зажаренного поросенка, глянул на меня пронизывающе. Моментально отметил мой возраст, кинжалы, четверку бесов рядом и рыкнул гулким басом:

— Ты, что ли, лекарь Родеро?

— Я.

— В столицу хочешь?

— Хочу.

— А здесь зачем?

— Травок прикупить.

— А в столице что, травок нет?

— Есть, но не все и не такого качества.

— А, может, ты свое дело затеваешь? Травки продавать?

— А тебе-то что? Конкурент? — не вытерпел я допроса и огрызнулся.

Набур усмехнулся и примирительно сказал:

— Не ершись, паря. Я же должен знать, кого в караван беру? За тебя просил сам господин комендант. Надоел, говорит, мне этот лекарь. Его наказали, а ему, как с гуся вода. Да и работы почти нет, — он перешел на деловой тон. — Выезжаем послезавтра на заре. Придешь к восточным воротам и жди нас там. Платишь мне два золотых и в дороге исполняешь обязанности лекаря. Харч и место у костра обеспечу.

В моем распоряжении была казна бесов и два золотых — мелочь. Но дело принципа, да и не хотелось представать перед будущими попутчиками богатеньким идиотом.

— Пять серебряных, место в дилижансе и харч в пути, — выдвинул я встречное предложение.

Набур, казалось, проглотил язык и задохнулся. Он широко раскрыл рот, развел руки и немного откинулся назад. Однако по блеснувшим глазам я понял, что началась любимая его игра — торг.

— Парень! Да ты в уме?! А давай я тебе приплачу за честь отвезти тебя в столицу?!

— Хорошо. Шесть серебряных, — «сдался» я.

— Один золотой и восемь серебряных и… место в дилижансе.

— Шесть с половиной серебряных…

Торговались мы с ним долго и азартно. В конце концов остановились на девяти с половиной серебряных и я обязался лечить возможные раны… только охранников и самого купца.

Закрепили договор парой-тройкой кувшинчиков лучшего вина и расстались.

— А ты где остановился? — тепло попрощавшись спросил Набур.

— В «луче короны».

— Ого! — брови купца взлетели так высоко, словно стремились к воссоединению с волосами на голове. — Я себе не могу позволить такую дорогую гостиницу, а ты, паря, у бедного купца чуть последнюю рубашку не выторговал, — и он почти натурально всхлипнул.

— Положим, где поселиться, решал не я, а комендант. Будь моя воля… Эх! — посокрушался и я за компанию.

— Ох, и жук этот Лоскер. Вот наказал, так наказал! — расхохотался Набур. — У него же в этой гостинице доля. Вот он и отправляет всех нарушителей туда на постой! Ловок бес! Уважаю.

Следующим утром я провел свою обычную тренировку, потом вместе со всеми вяло помахал кинжалами, позавтракал и провел ревизию своих вещей на предмет готовности к дальнему путешествию. Одежда — два комплекта, белье — три комплекта, оружие… один комплект, мешочек алмазов (все сделал накопителями, так они будут гораздо дороже), мешочек золота, серебра и меди (довольно приличная сумма), снадобья, прихваченные в центре — выдержанные и свежесваренные — маловато, надо действительно прикупить травок и готовых зелий, продукты… кормить обещали, но как(?) — не знаю.

Разобрался, не спеша, к обеду. Уложил вещи по-походному. Дальнобойное оружие увязал в бесформенный тюк, так, чтобы можно было быстро достать, а понять, что там лежит, затруднительно.

После плотного обеда вышел с бесами на рынок за покупками. Через пятнадцать минут мы повернули на широкую улицу, спускающуюся прямо к рынку и неторопливо двинулись к центру. Иногда мимо нас в ту же сторону двигались тяжелые повозки с товаром, влекомые флегматичными буйлоссами — самыми безобидными из травоядных монстров. В отличие от лошадей, буйлоссы были очень хорошо защищены собственной броней, рогами и копытами от атак хищных тварей. Поэтому в этом мире лошадей было крайне мало и стоили они для человека среднего достатка запредельно дорого, слишком уж крупную и слишком уж беззащитную мишень они представляли для тварей. Воевали здесь тоже в основном в пешем строю. Кавалерии практически не было. Разве что для передачи срочных сообщений на поле боя.

Не слишком густая толпа, движущаяся на рынок и с него, состояла из представителей разных рас и слоев общества. Богатые, как правило, шли, как все, пешком или перемещались в паланкинах, а то и на открытых носилках. Большинство имело от трех до пяти телохранителей — для престижа, толпу раздвигать и, на всякий случай, для защиты от тварей. За все время пребывания ни одной твари поблизости я не видел и магическим осмотром не ощущал. Но был я тут всего ничего, а местным виднее.

Пестрота одежд, гомон, крики зазывал, предлагающим еще до рынка отведать свежих пирожков, выпить стаканчик вина или пива — все это создавало праздничную атмосферу веселого карнавала. День солнечный и теплый, настроение бодрое, предстоящее путешествие скрывает опасности и выставляет напоказ множество будущих развлечений, будоража воображение

— чего не поддаться общему веселью и забыть все тревоги вместе с заботами?

Интуиция мягкой пощечиной предупреждения вернула меня с небес на землю. Однако, что заставило ее сработать, мне было пока не понятно. Тщательно осмотрев окрестности магическим зрением, понял, что лично мне ничего не угрожает. Но что-то должно скоро случиться. Я смог определить только сам факт чьей-то агрессии, но поскольку направлена она была не на меня, более точную информацию получить было невозможно.

Метрах в пятнадцати впереди в сторону рынка шел целый десяток охранников, окружая открытые носилки, с сидящим на них мальчиком лет восьми. Тот увлеченно вертел головой, с любопытством рассматривая встречных людей, здания, повозки, вывески, лоточников — все, что попадало в поле его зрения. Тройка вампиров вальяжной походкой двигалась им навстречу. Поравнявшись с носилками, один из вампиров явно сделал вид, что споткнулся и упал на телохранителей, открыв путь к носилкам для второго, также сделавшего вид, будто споткнулся о первого. В результате вампир, опять же якобы(!)потеряв равновесие… сильно толкнул одного из носильщиков. Носилки резко дернулись, мальчик выпал из креслица и упал на камни мостовой, разбив голову, о чем свидетельствовала брызнувшая на камни кровь.

— Я торговый представитель славной Кассарии! — заорал вампир, оставшийся на ногах. — Я свидетельствую, что это был несчастный случай! Представительство Кассарии приносит свои глубочайшие извинения!

Однако по его нагло ухмыляющейся ро… физиономии можно было определенно сказать — никакой это не несчастный случай, а хорошо спланированная провокация.

Глава 14

— Мальца-то за что?! — простонал старший бес моего конвоя. — Сволочь! Так и прибил бы гада!

— Так прибил бы, — сказал я ему, целенаправленно пробиваясь через моментально образовавшуюся плотную толпу к пострадавшему.

— Много ты понимаешь, паря, — вздохнул он в ответ. — Нам запрещено в такие разборки влезать.

Бесы мне активно помогали, понимая, что я не убегаю, а, наоборот, собираюсь выполнить свои общественные обязанности.

— Лекаря! — заорал чей-то голос с таким отчаянием, что я удвоил усилия.

— Пропустите лекаря. Рррразойдись! Пропустить лекаря! — заорали мои бесы, помогая прорваться.

Люди подвинулись, освобождая коридор к носилкам. Путь мой пролегал рядом с наглым вампиром. Тем, что назвался торговым представителем.

Надо бы пройти мимо. Тихо и мирно. Ну какой боец из обычного лекаря? Ему ли нарываться на дуэль с одним из расы сильнейших бойцов континента? Но что-то пещерное во мне яростно воспротивилось такому решению. Видимо, я и в самом деле — троглодит, раз не смог позволить чужакам безнаказанно обижать своего. То, что причинили вред ребенку, да еще инвалиду, только подбросило жару в мою кровь. На миг представилось, что это мой сын хамски выброшен из коляски наглыми подонками и лежит на камнях с разбитой головой. Остро захотелось вцепиться зубами в их глотки и со звериным рычанием рвать, рвать, рвать…

На моем лице, уверен, не отразилось даже намека на бурю, бушевавшую в душе. «Хлопотать мордой», являя миру свои, никому не нужные, душевные терзания, в Барске, не говоря уж о центре, отучили качественно.

— Внутри вы хоть на пену изойдите, если уж такое случится и вас что-то сильно заденет, но снаружи все должны видеть только то, что вы сами считаете нужным показывать, — вещал в который раз элв, вбивая в нас суровые истины. — Враги не должны найти в вашей защите ни малейшей бреши. Вы поняли? Родеро! Крис!! Уши б ваши в трубочку, а трубочку в задницу! У вас все на рожах написано! А думаете вы о чем угодно, только не о том, что я пытаюсь с упорством маньяка вдолбить в ваши

пустые головы. Считаете ерундой то, что я вам говорю? Болтовней старого маразматика? Считайте как хотите, но если еще хоть раз увижу ваши обезьяньи ужимки — будете двести метров коридора драить носовым платком. Одним на двоих!

Перед этим мы с Крисом уже равняли траву в зале отдохновения с помощью маникюрных ножниц и линеек. Результат нам не понравился — то ли дело буйная свобода дикой природы…

Поравнявшись с вампиром, я начал действовать. Со стороны это выглядело так — неуклюжий лекарь вдруг споткнулся и с маху всем весом наступил на ногу торговому представителю. Пытаясь удержать равновесие, парень судорожно вцепился в плащ вампира и повис. Раздался треск рвущейся материи — красивая фибула, инкрустированная мелкими драгоценными камнями с огромным рубином посередине, серебристой рыбкой взлетела в воздух и шлепнулась на камни мостовой. Вампир дурным голосом взвыл от боли в раздробленной стопе, а лекарь испуганно отпрыгнул в сторону и — вот ведь незадача — очень неудачно с хрустом раздавил каблуком упавшую застежку. Да так, что от украшения осталось нечто мятое и припудренное мелкой пылью бывшего рубина.

Жаль. Дорогу-у-ущий был записывающий артефакт. Старинная работа хорошего мастера. Теперь, по словам коменданта, такие качественные, тридцатидвухчасовые, уже не делают. Все, на что способны нынешние маги — это четырехчасовые с мутным, дергающимся изображением. По ним и родную маму с трудом можно узнать. Те, что остались с имперских времен — большая редкость. Относятся к ним бережно. Не дыша. Пылинки мягкими перышками сметают. А тут об камень грубо — хрясть! А нечего всякие гадости записывать. Мою физиономию в частности.

Я наскоро осмотрел троицу — больше записывающих кристаллов у них не было. Видимо, вампиру тоже стало «до соплей» жалко артефакта, поскольку ярость его стала просто неописуемой. Они все и так были бледные, как смерть, а теперь даже ее переплюнули. Стоят кучкой, как три гейзера. Белые до синевы и глазами краснющими меня прожигают. Рев крупной шишки — представителя Кассарии — перекрыл самых зычных зазывал, а брызги слюны с успехом могли поспорить с небольшим фонтаном. Я заорал с ним в унисон перепуганным козлом, добавив визгливых ноток в голос:

— Господин кровопийца!! Я не виноват! Меня толкнули! Я покорнейше прошу принять мои самые-самые искренние

извинения! Я заплачу за плащ два золотых!..

— Т-т-т-ты-ы-ы-ы!!.. — заклинило представителя так, что он на секунду заткнулся, но про кристалл ничего говорить не стал и перевел все на одежду. — Пор-р-р-рвал мой плащ! Ублюдок! Т-ты ос-с-скорбил меня!.. — глаза представителя, казалось, сейчас выпрыгнут из орбит и покусают меня не хуже челюстей, забитых под завязку острыми зубами.

— Это произошло случайно, и я же извинился! Также, как и ты только что перед ребенком. Значит, все в порядке? Инцидент исчерпан?

Стоило им понять, что ситуация повторилась, только с точностью до наоборот и в роли жертвы оказались они сами, как всех троих кровососов аж затрясло. Понимаю, обидно.

— Нет, щенок! Инцидент не исчерпан! Я тебя прямо сейчас выпью!! — прохрипел, задыхаясь от ярости, представитель и шатнулся ко мне с недвусмысленными намерениями, но тут опять закричали:

— Да где же он, этот лекарь?! Быстрее!

Хмурые бесы конвоя оттеснили от меня вампира, глядя на него с такой мрачной решимостью, что он понял — малейший повод и его убьют, не считаясь ни с какими договорами. К ним присоединились наемники охраны мальчика. Вампир скрежетнул зубами, развернулся и пошел обратно в сторону рынка, а я поспешил к мальчику.

— Мы еще встретимся, щенок! — многообещающе прошипел представитель напоследок и скрылся в толпе вместе со своими приятелями.

К тому времени, как я добрался до пострадавшего, носилки поставили на землю, креслице с них сняли и, подстелив плащи охранников, уложили на них мальчика. В изголовье на коленях стоял командир охраны и, постанывая, словно пострадал сам, придерживал голову парня, зажимая рану окровавленным платком. Я ему искренне сочувствовал. Подопечного не уберег — теперь с наймом будут большие сложности.

Отогнав страдальца — уж очень убивался мужчина, словно по собственному сыну — я положил ладонь на лоб пострадавшего, остановил кровь и проверил череп. Пробоин и трещин не обнаружил. Легкое сотрясение должно скоро пройти само, но можно этому делу помочь. Ого! А у мальца неплохо развит блок управления магической энергией. Похоже, его целенаправленно тренировали, развивая способности. Довольно таки неплохо, следует заметить, тренировали. Правда, упустили несколько существенных моментов — будь у меня побольше времени я бы ему кое-что подправил. Однако это дело не на один сеанс. Да и

пригляд нужен постоянный. Поэтому пока ограничился малым целебным воздействием. Оно тут же регенерировало кожный покров и устранило последствия легкого сотрясения мозга. С этим — порядок. Даже рубца не останется. Еще одним диагностическим воздействием проверил весь организм и обнаружил перелом позвоночника с серьезными нарушениями нервных путей. Причем не сегодняшний, а двух — трехлетней давности. Получается, ребенок уже давно не может ходить. Вот почему обнаруживается атрофия мышц нижних конечностей.

Если бы парень просто упал сам, я бы ограничился тем, что уже сделал, но после общения с вампирами, он мне стал фактически своим, поэтому я решил помочь. Вопросы ко мне после излечения перелома могут, конечно, появиться, но я, во-первых, к тому времени буду уже далеко, а, во-вторых, в эти неспокойные времена, когда искатели древних артефактов, погибая сотнями, тем не менее, постоянно доставляют из руин и прочих зараженных мест все новые и новые находки, все можно списать на найденную книгу по медицине, которой больше нет ни у кого, или армейский артефакт исцеления. Военно-полевая хирургия в лечении подобных повреждений накопила большой опыт и часто офицеры в те времена иной раз не ждали пока до них дойдет очередь — ломали по специально сделанной бороздке амулет и залечивали раны. Переломы в том числе.

Пострадавший очнулся и смотрел на меня синими глазищами в пол лица с любопытством и одновременно давней тоской. Он уже разуверился, что сможет когда-нибудь ходить, и отчаяние стало его постоянным привычным спутником.

Я подмигнул ему и… усыпил. Перевернув пациента на живот, положил руки ему на спину — так удобнее, но можно дистанционно — активировал воздействие из стандартного комплекса военно-полевой хирургии. Магических поражений в области перелома не заметил, поэтому корректирующего вмешательства с моей стороны почти не потребовалось. Нервные ткани и каналы циркуляции энергии восстановились быстро и без проблем. Позвонки встали на свои места, и начался интенсивный процесс регенерации тканей, в первую очередь костных. Я не поскупился на энергию, заполнив и прочистив мощным вбросом все каналы и узлы магической структуры тела. Заполнил до предела запасы организма и дополнительно влил приличный объем в резную костяную пряжку ремня на талии мальчика, сделав из нее одноразовый накопитель. Накопитель-пряжку через простенький блок управления связал с внутренним энергетическим резервом, указав сначала исчерпать накопитель. Пряжка после такого издевательства, конечно, развалится, но,

думаю, ноги того стоят.

Собственно артефакт можно сделать из чего угодно. Достаточно внедрить свернутую структуру воздействия в предмет. В процессе внедрения создается копия структуры из немного измененного вещества предмета. Вещество остается тем же, но… немного другим. Крис с жаром рассказывал мне что-то про магоизотопы вещества, но я спешил на тренировку и особо вникать не стал. Он еще немного бежал за мной, пытаясь посвятить в подробности, но, заметив, что я не спешу приобщаться, плюнул, назвав дикарем пещерным, и отстал. Главное, что я понял — носитель разрушает момент заполнения структуры энергией, а не ее циркуляция. То есть, если артефакт просто хранит энергию (простой накопитель), закольцованную внутри собственной структуры, то предмет очень долго практически не теряет своей прочности, хотя, разумеется, не до бесконечности. Со временем артефакт все равно разрушится. А вот каждая новая закачка необратимо повреждает носитель. Таким образом, затраты труда на изготовление артефакта из деревяшки или алмаза практически одинаковы, однако деревянный сработает скорее всего не более, чем один раз, тогда как алмазный может активно послужить и потомкам, в зависимости от внедренного в него воздействия.

Примерно через полчаса я закончил, убедился, что нервные сигналы проходят по восстановленным каналам без искажений, снял блокировку болевых ощущений, разбудил парня и легкими щипками стал проверять чувствительность тела.

— Сейчас надо немного потерпеть. Я не могу отключить боль, потому что надо проверить восстановилась ли чувствительность.

— Я потерплю, — прошептал он в ответ.

— Ну вот и молодец. Настоящий мужчина. Воин. Здесь чувствуешь? А здесь? И здесь чувствуешь?

Мальчик неизменно отвечал: да. Следовательно, иннервация конечностей восстановилась полностью. Аккуратно перевернув пациента на спину, я свернул несколько плащей и подложил ему под спину таким образом, чтобы не нагружать восстановленный участок.

— Дайте мне несколько ремней.

— Зачем тебе они, господин лекарь? — осторожно и почему-то с немалой опаской спросил меня старший.

— Надо зафиксировать мальчика на носилках. До ночи ему шевелиться нежелательно, — и, обращаясь к ребенку, шепотом сказал: — Если до ночи выдержишь — завтра уже можно будет

шевелиться, а через два дня ходить. Как? Сможешь потерпеть?

— Я смогу ходить? — также шепотом ответил мне мальчик и его глаза заблестели от слез. — Правда, господин лекарь? Я смогу ходить?

— Но ты же чувствовал, как я тебя щипал? — мальчик, счастливо плача, энергично закивал головой. — Вот видишь? Теперь просто необходимо, чтобы эффект закрепился. Понимаешь? Вот и молодец. Только об этом никому ни слова, пусть это будет нашим с тобой секретом, зато потом ты всех ка-а-а-ак удивишь… Договорились?

Маленький пациент энергично закивал головой, а наша с ним Тайна привела его просто в восторг. Он уже предвкушал, как встанет с кресла и спокойно(!), словно это обычное дело, пройдется перед восхищенной родней.

Мне предупредительно подали целых десять поясов, из которых я взял четыре первых попавшихся и привязал ребенка к носилкам.

— Теперь слушай меня внимательно, — так же шепотом стал я инструктировать мальчика. — Могут сказать, что все это ерунда и предлагать тебе посидеть или перевернуться на бок — не соглашайся. Только когда настанет полночь (время я указал с небольшим запасом), если очень хочется, то можно будет перевернуться или сесть. Очень аккуратно только. Ты меня понял? — мальчик кивнул. — А утром уже смело переворачивайся, садись и потихоньку пробуй шевелить ногами. Да. Вот еще, — я достал из кармана флакончик укрепляюще успокаивающего (входит в пакет первой помощи имперской армии), — выпей, если станет тяжело.

Я посмотрел еще раз на пациента и остался доволен. Конечно, он побледнел и исхудал — от него лечение тоже потребовало немало сил — но держался молодцом.

— Командир, — повернулся я к охранникам. — Транспортируете его домой, как есть. В зафиксированном состоянии. С носилок до полуночи не снимать. Иначе все лечение насмарку. Завтра кормить до отвала и обязательно давать эликсир с раствором кальция. Это обязательно. Это все. Желаю здравствовать.

Я развернулся в сторону рынка и спокойно пошел по своим делам. Только я успел слиться с толпой, как раздались вопли, люди отпрянули в стороны, и по образовавшемуся коридору стремительно прошествовала молодая красивая девушка в роскошном, но не стесняющем движения платье. Высокая, голубоглазая, светловолосая. На виске возле левого глаза небольшой шрам. На поясе висели две богато украшенные

камнями сабли. За ней пыхтел еще более роскошно одетый толстяк.

— Профессор. Посмотри, что с братом. Быстрее! — притопнула она ногой. — Сержант! Ко мне!

Давешний старший охранник подбежал к девушке, вытянулся в струнку и коротко доложил:

— Трое вампиров. Якобы споткнулись и толкнули носилки. Твой брат упал. Местный лекарь, случившийся неподалеку, оказал помощь. Сказал до ночи не шевелиться и не двигаться. Иначе можно повредить мальцу.

— Посмотрим, что натворил этот недоучка?! — пропыхтел толстяк.

— С чего ты решил, что он — недоучка? — спросила девушка.

— А кто тут может быть еще в этой глуши на западе недалеко от границы с вампирами? — удивился профессор и направился к пострадавшему.

Я не стал дальше выслушивать болтовню помеси павлина с индюком и спокойно направился туда, куда шел с самого начала. На рынок. Мысленно напоминая себе, что должен купить. Впереди, перегородив мне дорогу, нарисовалась «до боли» знакомая троица. До боли представителя, разумеется. Предстоящее разбирательство заставило меня поморщиться. Последствия своего поступка я просчитал еще до его свершения и понимал, что без драки не обойдется. Среди вампиров не было древнего, поэтому расправиться с этой тройкой не очень сложно. Думаю, в случае чего и бесы помогут, куда денутся. Не очень хорошо то, что придется раньше времени снять личину простого, безобидного лекаря. Для моей задачи лишнее внимание может добавить множество дополнительных проблем. Правда, в чем-то и облегчить ее выполнение. Тем не менее, ни о чем я не жалел, раз уж так сложилось. Безучастно пройти мимо той гнусности, что свершили эти подонки, было выше моих сил. Это, разумеется, не значит, что я теперь пойду спасать всех сирых и убогих подряд. Или кидаться с кинжалом на армии, обидевшие парочку крестьян. Совсем нет. В данной ситуации просто все мое естество потребовало немедленно разобраться и свершить суд. Может, это заложили в меня при модификации? А может, помимо обостренного слуха, ночного зрения и скорости у меня попутно обострилась и совесть? Вопросы-вопросы… — ответа я не знаю. Единственно, что точно могу сказать — не вмешался бы, чувствовал бы себя вывалянным в грязи и оплеванным. Неприятное чувство. А неприятности я стараюсь по возможности избегать.

— Я тебя предупреждал, щенок, что мы еще встретимся? —

торжествующе прошипел главный вампир. — Вызываю тебя на бой до смерти. Здесь и сейчас! — он хищно оскалился с ясной целью напугать до дрожи и делано ласково прошипел. — Ты можешь отказаться. Тогда я тебя просто выпью. Это не больно и даже приятно. Нежная смерть. Ну как, человечек? Может, не будем тянуть и начнем?

— Слюни подбери, — насмешливо ответил я. — На «сейчас» я согласен, а на «здесь» — нет. Кругом толпа. Люди ходят, дети смотрят, женщины улыбаются, а у нас приватный разговор намечается. Можно сказать, интимный. Здесь есть неподалеку тихое и пустынное местечко, где нам не помешают? — спросил я у старшего беса.

Тот с глубоким сожалением посмотрел на меня, мысленно уже похоронив, подумал и предложил пройти по боковой улочке, на четверть обогнуть рынок слева и он покажет площадку, огороженную тыльными стенами складов.

— Местные бандиты любят там по вечерам собираться и выяснять отношения, — пояснил он.

— Хорошо. Так даже лучше, — согласился главный кровосос. — Показывай, — почти приказал он старшему бесу.

До цели мы шли минут пятнадцать. Не теряя времени, я приготовился к схватке. То есть связался с комендантом и предупредил его о намечающейся дуэли. Лоскер, прямо как заботливый дедушка, поворчал на тему моего безрассудства и неумения пройти мимо, не влезая в какую-нибудь авантюру, сказал, что все сделает, как надо, а сейчас отключается, так как надо еще продумать политические последствия убийства неизвестным лекарем трех вампиров, в том числе немалой шишки — торгового представителя Кассарии. Мне откровенно польстила уверенность старого вояки в моих силах.

Площадка действительно представляла собой почти правильный квадрат шагов двадцати по диагонали. С трех сторон она полностью ограничивалась тремя стенами, а с четвертой, откуда мы пришли углы двух складов образовали узкий проход. Проверив окрестности магически, я никаких потенциальных наблюдателей не обнаружил.

— Прощу вас, господа конвой, перекрыть выход, чтобы ни одна зубастая сволочь не удрала, — попросил я охрану, когда мы всей группой вышли на середину ристалища.

Старший бес сокрушенно покачал головой и вместе со всеми посмотрел на меня с сочувствием. Они решили, будто поняли мою игру — фактически, предсмертную браваду. Парень боится и за болтовней скрывает свой страх. Точно также решили и вампиры. Представитель радостно оскалился, демонстративно

облизнулся и медленно вытащил два прямых меча. В его голосе проявились воркующие нотки, когда он решил добавить мне немного жути:

— Обож-ж-жаю, когда жертва трепещет в зубах. Это так сладостно!

Двое его подельников отошли в сторонку, скрестили руки на груди и приготовились насладиться представлением. Я, в свою очередь, тоже хотел сказать что-нибудь патетическое, но высокопарных фраз, подходящих случаю, в голову не пришло. Единственно, сняв куртку и рубашку, дабы не пачкать одежду, улыбнулся своим некогда убойным оскалом и предложил начинать.

Больше мы не разговаривали. Мой противник нанес по мне ментальные удары, которые должны были обездвижить и лишить меня воли к борьбе — любимая тактика вампиров. Я зеркально отразил их. Воздействия вернулись к своему творцу и развеялись, напоровшись на защиту.

Дальше в ход пошло железо. Два моих кинжала, надстроенных магически до семидесяти сантиметров встретились с мечами торгового представителя. Его клинки также имели вторую, магическую, оболочку и в прочности не уступали моим. Однако их длина оставалась неизменной.

Разница заключалась в том, что мои клинки не содержали внедренную в металл структуру воздействия, будучи, по сути, самым заурядным оружием. Разве что сталь и высокое качество изготовления отличали их от себе подобных. А у вампиров (думаю, у всех троих) узкие мечи, почти шпаги, являлись артефактами, содержащими одну-единственную неизменную структуру воздействия, соединенную с камнем-энергохранителем.

Две минуты мы с ним кружили, пока противник не проявил все, на что был способен. Он меня жестоко разочаровал. Артефакты-тренажеры «средний вампир» и то были искуснее. Тем более, на первых же секундах боя он понял, что я, по крайней мере, не уступаю ему ни в скорости, ни в мастерстве, поэтому взвинтил темп до предела. До своего предела. С удивлением я увидел в его исполнении несколько… хм… явно модифицированных приемов. Только в результате модификации эффективность была принесена в жертву изяществу поз и движений. Чтобы подстегнуть вампира, дабы не было сомнений, что он действительно выложился весь, я нанес ему несколько колотых и резаных ран, которые мало повлияли на его боевые качества — сказывалась знаменитая регенерация зубастых — но

зато, наконец-то, заставили его ощутить себя на месте своих жертв. Не скрою, мне приятно было видеть в его глазах усиливающийся животный ужас приближающейся позорной смерти от руки какого-то человечишки.

Магический арсенал тоже показал скорее регресс вампирской техники боя, чем его совершенствование. Даже три фокусирующие линзы, чтобы обстрелять меня шариками льда, торговый представитель толком построить не смог. Точность получилась ниже среднего. Хотя на близкой дистанции слабо защищенного противника он бы, безусловно, изрешетил в фарш.

Свой арсенал я демонстрировать не стал, за исключением одного недавно освоенного удара. Сосредоточившись на защите, я готовил воздействие, которое давно хотел опробовать на подходящей цели. Крис вместе с элвом совсем недавно разработали принцип привязки воздействия к цели — эдакий стабилизатор воздействия. Кроме того, добавил покрывало невидимости, чтобы противник до последнего не мог подготовиться к атаке и, кроме прочего, не смог запомнить и понять принципы построения. В связи со всеми этими накрутками управляющий блок был безумно сложен и громоздок, и я пока не приноровился строить его быстро. Пришлось даже четыре сектора области внимания выделить под эту задачу (из оставшихся выделил по два каждому вампиру и последних два — отслеживанию обстановки). По моим прикидкам, для эффективного преодоления магической защиты вампира хватило бы и трех линз, но я решил перестраховаться и построил над его головой пять, сориентировав ось вертикально точно на темя.

Двое дружков вампира участия не принимали. Они стояли, скрестив на груди руки, прислонившись к стенке одного из складов, и злорадно ухмылялись, думая, что их предводитель забавляется с наглым человечком, желая основательно помучить перед тем, как убить. Поскольку я, чтобы позлить противника, не отражал его воздействия, а отклонял максимально близко к телу, со стороны любой (кто видел, разумеется) мог решить, что я едва уворачиваюсь от ударов. Да они особо и не приглядывались.

Наконец, увидев все, что хотел и мог показать мне вампир, я, далее не медля, активировал уже готовую структуру.

Капля воды, сконденсированная из рассеянного в воздухе пара и замороженная до кирпичной прочности, окруженная пятислойной магопроникающей оболочкой, разогналась сквозь линзы до сверхзвуковой скорости (не огнешар все-таки, структура поплотнее будет, потому и скорость выше) и прошила голову старшего вампира, пробив тело до уровня грудной клетки или желудка, где и взорвалась, мгновенно высвободив оставшуюся

энергию.

М-да. Грязноватый удар получился. Не в смысле этики, а в прямом. Во всех присутствующих, включая стоящих поодаль у входа бесов конвоя, влепились ошметки внутренних органов, осколки ребер и позвоночного столба. Получив прощальный привет от представителя в виде чувствительно прилетевшей в лоб какой-то косточки, подумал, что мог бы и попытаться отпрыгнуть подальше в момент активации. Как всегда: «хорошая мысля приходит опосля».

Секундное замешательство среди оставшихся противников, и они стремительно прыгнули на середину, попытавшись зайти с разных сторон. Двумя одновременными ударами сфокусированного в плотные сгустки воздуха я отшвырнул их в стороны и, поскольку ничего интересного увидеть больше не ожидал, один вампир без затей скоропостижно скончался, получив травму, несовместимую с жизнью. Проще говоря, мой правый клинок чисто срубил ему голову. Последний зубастик недолго пережил своих сородичей — сфокусированный по центру лба ментальный удар проломил его защиту и превратил в хаос сознание. Такое поражение не разрушает разум окончательно в силу своей узкой направленности. Довольно скоро незатронутая часть взяла бы на себя функции поврежденных участков, а со временем и восстановила бы их целостность, но ждать наступления данного события я не стал, примитивно одним клинком проткнув сердце, а другим — отделив голову от тела.

Весь бой продолжался чуть больше четырех минут. Судя по взглядам, бесы еще не успели отойти от шока, увидев как молодой лекарь, лениво машущий клинками на тренировках, уделал трех вампиров, каждого из которых сами бесы гарантированно побеждали не менее чем втроем. Могли и вдвоем, но результат уже был — пятьдесят на пятьдесят.

Деактивировав кинжалы (очень удобно — кровь не надо вытирать, магия очищает сама), вложил их в ножны и увидел четверку ошеломленных конвоиров.

Я связался с Лоскером и сообщил о том, что немного напачкал на воровской площадке. Комендант посоветовал быстрее уходить. Он уже выслал группу, которая засвидетельствует смерть от рук неизвестных и уберет тела. Я пояснил, что одно тело представляет собой разбрызганные по всей площадке останки, из которых более-менее сохранились ноги от пояса, руки — одна здесь, другая там, и голова… в переулке.

— Разберемся, Родеро. Руки-ноги чьи?

— Торгового представителя.

— Хм. Тогда мы его останки уничтожим. Пусть считается пропавшим без вести или похищенным. Пустим слух, что неподалеку видели драконов. Неместных. А теперь уходите. Все будет в порядке.

— Все, что на них обязательно сохраните.

— Конечно. Как положено. Все до нитки разложим по отдельным мешкам и положим на склад отряда безопасности. Посмотришь потом?

— Да. Зайду обязательно. У них при себе может найтись что-нибудь интересное. Кстати, Лоскер, а что — все вампиры такие заср…цы?

— Ты знаешь, нет. Люди, как люди! Среди человеков тоже ведь встречаются подобные типы. У вампиров их не больше, чем у остальных. Даже король у них — древний вампир — вызывает уважение.

— Ты же говорил, что он провоцирует войну с этим королевством.

— Говорил. Не отрицаю, но… на его месте любой правитель делал бы то же самое. Смотри. Кассария самая западная страна на материке. Дальше за ней — океан с десятком-другим нищих островов. А мы, Кронтор, полностью перекрываем им торговые пути на восток. Чтобы торговать самим им надо либо огибать наши воды через океан, а это опасно, либо платить немалую пошлину, поскольку наш король тоже соображает, что других путей нет или слишком дорого им обойдутся. Вот и получается, что без захвата хотя бы кусочка земли, граничащей с другими государствами, вампирам свою экономику развивать сложно.

Поговорив с Лоскером, попросил у бесов воду и, опустошив три фляги, кое-как смыл кровь бывшего представителя с тела и брюк. Куртка и рубашка, брошенные перед боем на землю под стеной одного из складов, почти не пострадали. Отряхнув одежду и кое-как замыв редкие пятна, я быстро оделся и предпринял третью попытку попасть на рынок. Буквально через десяток шагов понял — так дело не пойдет. Бесы совершенно не походили на конвой осужденного на общественные работы, как это было незадолго до драки с вампирами. Сейчас меня сопровождал полный служебного рвения и осознания важности миссии почетный эскорт шествующих парадным маршем бесов с саблями на плечах, как положено при торжественном сопровождении императора. М-да. «Короля играет свита». С такой свитой даже местный дурачок, если он здесь вообще есть, поймет: «Ох, не прост этот лекарь. Ох, не про-о-о-ост…».

Просьба вести себя естественно была с выслушана, и… твердо отклонена. Дескать, сопровождать такого воина, как я, для них

великая честь и они не желают лишать себя удовольствия. Старший пообещал костьми лечь, но не опозорить… и так далее. Действительно, воина уважают почище графа. Единственное, о чем сожалел бес — это о невозможности быстро построить впереди нас знаменосцев с барабанщиками в парадной форме, чтобы все видели — идет славный победитель трех вампиров. После долгих уговоров и увещеваний, бесы все-таки убрали сабли в ножны, из колонны по два перестроились в одну шеренгу, прекратили печатать шаг, сменив походку на балетную поступь матроса, по клотик залитого ромом, и так старательно попытались изобразить равнодушие ко мне, великому, что наша компания перестала отличаться от пациентов дома «умом скорбных», впервые выпущенных на прогулку без лекаря и его здоровенных помощников.

Пришлось снова связаться с Лоскером и потребовать замену. Может и есть бесы-актеры, но это точно не мои конвойные.

— К-ха. К-ха… то ли засмеялся, то ли закашлялся комендант. — Театр мы действительно не строили и лицедейскому искусству воинов не учили. Но и как быть с заменой просто не знаю. Такого никогда не бывало. Конвой прикрепляется к осужденному на весь период общественных работ. Боюсь, замена твоих бесов еще больше усугубит ситуацию.

Мы оба крепко задумались. Что делать? Менять охрану нельзя, но и с этой идти невозможно. Не сидеть же мне в этом тупике до ночи?

— Вот что, — кажется, Лоскер что-то придумал. — У одного из моих заместителей, архибека второго ранга Фарека, жена — человек. Дочь у них — тоже человек. Девочка уже неделю странно покашливает. Наш лучший лекарь говорит — ерунда. Скоро пройдет. Но почему-то я ему не верю. Темнит старик. Так вот. Никуда не уходи. Я пришлю Фарека, а он тебя проводит к себе домой. По пути поведение конвоя не вызовет удивления — все будут уверены, что они с начальством так почтительны. У Фарека пропишешь его дочке какую-нибудь травку. Тот поблагодарит за помощь и своей властью освободит тебя от общественных работ. Как тебе мой план?

— Согласен, — подумав, ответил я, а также приказал передать моим бесам конвоя, чтобы не удивлялись появлению Фарека и хранили тайну того, что видели, на уровне военной. — Ох, и извилист в вашем городе путь на рынок!

Комендант хохотнул, оценив шутку, и уже серьезно добавил:

— Прошу разрешения ввести архибека второго ранга Фарека в курс дела.

— Разрешаю.

Минут через десять едва ли не бегом появился архибек и повел к себе домой. Сначала хотел пристроиться к нашей процессии на полшага сзади меня, опять же, как при сопровождении вышестоящего начальника, но я мысленно приказал ему выйти вперед, построить бесов в квадрат вокруг меня и начать движение.

В двухэтажном особняке архибека нас встретила мрачноватая красивая женщина и вежливо, но не очень любезно, проводила в спальню дочери.

— Вот моя дочь, — сухо сказала хозяйка. — Надеюсь, мне объяснят, зачем она так срочно понадобилась? Мне пришлось силой отрывать Корсу от подруг и тащить домой.

Тон второй половины бедного заместителя коменданта не оставлял сомнений в том, что скоро ему предстоит неприятное объяснение с супругой. Что ж поделаешь — воин «должен стойко переносить тяготы и лишения военной службы».

В спальне на кровати прямо в пропыленном насквозь тренировочном костюме сидела девушка лет пятнадцати и довольно ловко крутила в пальцах небольшой кинжал, всем своим видом показывая, насколько она недовольна тем, что ее оторвали от интересного занятия. Яростно зыркнув глазами сначала на отца, потом на мать, перевела свой лучистый взор на меня. М-да. Видимо, на данный момент у нее в запасе остались только бронепрожигающие лучи.

Я предложил девушке убрать кинжал, раздеться и лечь на постель.

— Вот еще! — взбрыкнула малолетняя красотка. — Я и перед своим парнем голой еще не была, а тут перед другим буду раздеваться! Что?! Голых девушек никогда не видел?! — съязвила она.

— Как ты разговариваешь с… лекарем?! — рыкнул Фарек.

А мать, похоже, заинтересовало совсем другое:

— Своим?! Парнем?! Это что ж у тебя за парень такой завелся, что ты перед ним голой прыгать готова?!

— Его зовут Дисик! — с вызовом ответила девушка. — И не собиралась я перед ним голой прыгать!

— А я тебе сколько раз говорила, чтобы и близко(!) тебя рядом с ним не видела! Ах ты швабра мелкая! Мать не слушать?!

— Ты ничего не понимаешь! Мама! Дисик — хороший! Он добрый! И умный!

— Бабник твой Дисик! — повысила голос хозяйка. — Бабник и хам!

Пока женская часть семейства препиралась, архибек тихо спросил:

— Может, не стоит? Выпиши бумажку, я объявлю, что все хорошо и освобожу тебя от охраны. А?

— Хочешь, чтобы завтра твои женщины всему рынку рассказали о странном представлении, разыгранном у тебя в спальне? Пусть все будет натурально.

— Та-а-а-ак! — проревел архибек, прерывая женский скандал, достигший максимальной громкости и вот-вот готовый перейти к… слезам. Как с одной, так и с другой стороны. — Корса! Живо разделась и легла, как сказал доктор! Ты, мать, — повернулся он к жене, — либо молчишь, либо вон из спальни!

По тому, как живо стали выполняться команды, я понял, что веревки вить из заместителя коменданта можно до определенного предела и семья точно знает, где он находится. Хозяйка замолчала и тихо отошла к двери. Дочка по-солдатски быстро разделась и легла на кровать, выдавая свое недовольство тихим обиженным сопением. Я подошел к ней, сначала, чтобы изобразить лекаря немага сделал пальпацию живота, простучал грудную клетку, делая вид, что внимательно прислушиваюсь, затем, решив, что театра достаточно, положил руку на лоб, быстро построил и активировал диагностическое воздействие.

Я ожидал легкий трахеит, который действительно скоро прошел бы, однако все было на порядок сложнее. Воздействием «Алмазная чума», да еще первого класса, владели только очень сильные маги вампиров. Или… его мог применить и немаг, если имел соответствующий артефакт. В этом случае обязательно нужна кровь жертвы. Хотя бы небольшая царапина, чтобы воздействие привязалось и начало свою работу.

Эх, комендант-комендант. И подкинул же ты мне заботу. Просто так я теперь уйти не могу, а распутывать эту гадость — дело долгое, нудное и очень-очень трудное. Я же воин, а не целитель.

Отозвав Фарека к окошку, я тихо спросил его:

— Вспоминай. Есть у тебя враги, которые могут пойти на убийство твоей дочери? Или может быть, за последний месяц ты кому-то отказал в чем-то?..

— Убийство дочери? — не понял архибек. — Зачем? А-а. Понял, — он обрадовался. — Это для натуральности ты мне говоришь?

— Нет. К сожалению, все серьезно.

Фарек с тревогой и ужасом посмотрел на меня. Я немедленно перешел на телепатическую связь:

— Фарек, это Родеро. Не хотелось бы, чтобы твои девушки нервничали. Это только усложнит дело. Я пока займусь твоей дочкой, а ты вспоминай, кому перешел дорогу.

Мать Корсы, видимо почувствовав неладное, решительно подошла к мужу и с тревогой стала его шепотом допрашивать, но тот отмахнулся:

— Не до тебя, Ладия. Все потом.

Пациентка лежала обнаженная поверх одеяла и все более сердито сопела. В ее случае мне не требовалось магически раздвигать ткани и вмешиваться напрямую, поэтому я ей предложил залезть под одеяло, если уж так стесняется. Корса гордо отказалась и отвернулась от меня, показав мне свое особое расположение. Впрочем, я в друзья не набиваюсь, поэтому, тяжело вздохнув, еще раз обругал про себя коменданта и приступил к работе.

Через три часа напряженной битвы за… точнее, против вражеского воздействия, я весь в поту откинулся на спинку кресла, поставленного в изголовье перед операцией, и, не заботясь о приличиях, прямо рукавом вытер лоб. Несмотря на усталость, чувствовал себя победителем. Может быть мастер-целитель сделал бы дело за втрое меньший срок и с впятеро меньшими затратами энергии, но я не мастер, а у меня получилось.

Все это время родители девушки ни на минуту не покидали спальню. Мать, как только уверилась в том, что я закончил, робко спросила:

— Что с Корсой?

— Теперь, надеюсь, все в порядке. Запущенный трахеит. Был. Три дня постельного режима и усиленного питания, — бодро ответил я Ладии.

А Фареку телепатически сообщил, что его дочь была заражена дней восемь-десять назад. Для внедрения чумы достаточно царапины. Вопрос — кто мог поцарапать Корсу?

— Трудно сказать. Ребенок. Носится, где попало. Как без царапин?

— Где попало артефакты или маги, способные заразить «Алмазной чумой», не валяются. Короче. Вспомнить и доложить.

— Да, высший. Я обязательно вспомню, найду и этому гаду оч-чень не поздоровится, — с угрозой ответил мне архибек по-прежнему телепатически.

В этот момент женщины напомнили о себе:

— Три?! Дня-а-а-а?! — возмутилась пациентка с молчаливого одобрения матери. — У Милсы тоже трахеит был. Дедушка Вассор поставил ей горчичники, дал смягчающий эликсир и сказал попить чаю с медом перед сном. Денек полежала и как огурчик! А тут — три дня! Ф-фэ!

— Да этот молодой шарл… лекарь просто денег хочет взять с

нас побольше. Как же! Почти три часа потел, бедный. Изгнание злобной болячки изображал, — съязвила Ладия, с жалостью глядя на мужа, позволившего обвести себя вокруг пальца.

— Господин лекарь сказал три дня, значит, будет(!) лежать три дня! Я сказал! А ну! Кыш под одеяло! И лежать тихо! Выздоравливать! — жестко и строго прикрикнул Фарек.

Затем он торжественно своей властью освободил меня от наказания, отправил бесов в казармы, а меня пригласил в малую столовую на обед, куда мы с ним неспешно и направились. Ладия нас опередила, пробормотав что-то о необходимости хозяйского пригляда.

В уютном зале суетилась, накрывая на стол, прислуга архибека. Здесь же была и хозяйка. Она руководила процессом, указывая что куда ставить, какие марки вин нести из погреба и даже какого цвета салфетки доставать.

Вскоре все было расставлено, но женщина продолжала тянуть время, будто ожидая к столу кого-то еще.

Минут через десять лакей доложил о прибытии господина Вассора с учеником. Хозяйка облегченно вздохнула и, попросив нас минуточку подождать, выбежала из столовой. Через пару минут она заглянула в дверь и попросила мужа пойти с ней помочь в каком-то деле, мило улыбнувшись мне, дескать, поскучайте немного, а мы быстро.

Фарек вышел, но через некоторое время снова связался со мной телепатически и смущенно попросил разделить с ним сознание. То есть посмотреть его глазами и послушать ушами.

— Я думаю — это необходимо и… прошу простить мне, что не предусмотрел подобной инициативы жены. Обещаю. Как только гости уйдут, я с ней серьезно поговорю.

Я переключил один из секторов внимания на архибека и увидел занятную картинку — рядом с Ладией в спальню Корсы шел старец оч-чень преклонных лет, а за ним, чуть приотстав, парень, по виду мой ровесник, бережно прижимающий к груди богато украшенный кованый ларец.

— Так, значит, ты считаешь, милая Ладия, что молодой человек либо недоучка, либо отъявленный шарлатан?

— Да, мастер Вассор. Точно шарлатан. Он осматривал Корсу совсем не так, как ты. Потом сказал, что у нее запущенный трахеит и велел не выходить из дому три дня.

— Трахеит, говоришь. Ну, методы диагностики могут быть разными… — рассеяно проговорил старец, войдя в спальню и сразу направившись к постели девушки.

Присел в кресло, недавно покинутое мной, попросил Корсу откинуть одеяло, вошел в транс и стал водить руками в районе

грудной клетки, не касаясь кожи. Заметно было, что повторил он эту процедуру трижды, будто не веря сам себе. Наконец, устало откинувшись на спинку, прикрыл глаза и глубоко задумался. Никто не смел мешать его размышлениям. Наконец, он приоткрыл глаза и медленно проговорил:

— О-очень необычный молодой человек. Очень.

— Дедушка Вассор, так я могу завтра пойти гулять? — не выдержала егоза.

— Он сказал три дня лежать?

— Да-а-а… а еще…

— Значит надо полежать три дня, — категорически прервал ее старец.

Он встал, прошел к окну и поманил за собой Ладию с мужем. Ученик с ларцом присоединился сам.

— Что это значит, Вассор? Я не понимаю… — начала хозяйка

— Я тебе не говорил, Ладия. Не хотел мучить, — мягко прервал ей дед. — Но твоя девочка была обречена. Какая-то нелюдь поразила ее заклятьем «Алмазная чума». Увы, до сих пор я был уверен, что никто в мире не способен с ней справиться. Даже… шептуны. Рассказы о них больше похожи на миф, нежели на правду. Однако теперь я сам стану таким рассказчиком, ибо мне невероятно повезло, и я видел результат исцеления наяву.

— А что это за болезнь такая? — полюбопытствовал архибек.

— «Алмазная чума»? О, это жестокая штука. Внедряется в тело и начинает разъедать какой-нибудь жизненно важный орган, чаще всего легкие, постепенно распространяясь на остальные. И чем дольше действует, тем быстрее разъедает, причиняя ужасные страдания. Через три недели Корса уже начала бы в полной мере чувствовать все нарастающую боль в желудке, печени, почках. Смерть обычно наступает не позднее трех месяцев со дня внедрения. В основном, срок зависит от состояния здоровья, энергии и воли к жизни пораженного.

— Так, значит, молодой господин не шарлатан-недоучка? О, Небо! Девочка моя! Как же быть?!

— Я же сказал тебе. Этот парень исцелил Корсу. Полностью. Ты понимаешь?! Я с моим опытом не смог, а он пришел и… сделал! Ах, как бы я хотел с ним поговорить…

— А он в малой столовой ждет. Муж пригласил его на обед… — потерянно сказала хозяйка все еще в шоке от свалившейся на нее правды.

— К-хм. М-да. Конечно, невежливо напрашиваться на обед, но меня извиняет то, что…

— Не надо слов, мастер, — проявил инициативу архибек. — Разумеется, мы с женой приглашаем вас с учеником отобедать с

нами.

— Так чего же мы ждем? — засуетился дед. — Вдруг молодой человек устанет ждать и уйдет?

— Фарек, — мысленно скомандовал я архибеку, прежде чем прервать связь, — прими меры, чтобы твои женщины не болтали лишнего.

— Будет сделано. Что такое секретность они хорошо знают, а соответствующую работу с ними я проведу.

Двери открылись, и вошла хозяйка. Вслед за ней — старец.

— Господин… э-э-э…

— Родеро, — верно понял я заминку женщины.

— Господин Родеро. Позволь представить тебе твоего, — она робко и с опаской улыбнулась мне, — коллегу, мастера-лекаря Вассора и его ученика Калира.

Коллега молча смотрел на меня пронизывающим взглядом, словно пытался за моей черепной коробкой разглядеть нечто жизненно важное. Наглядевшись — я свой взгляд не отвел — коротко поклонился и прошел к столу.

Хозяйка пригласила нас занять места за столом. Я не заставил себя упрашивать, прошел на указанное мне место и, более не дожидаясь никого, с аппетитом принялся за еду. Старец, не притронувшись к пище, беспокойно повертелся и, набравшись решимости, откашлялся, встопорщил бороду и уважительно обратился ко мне:

— Господин Родеро, не будет ли с моей стороны невежливым задать тебе несколько вопросов, возможно мешая восстанавливать силы после столь сложной операции, следует признать, блестяще проведенной тобой?

— Спрашивай, — согласился я.

— Мне известно, что ученики никогда не рассказывают о своих учителях и о себе тоже. Но… верно ли я понял, что ты ученик шептуна?

— Я… ученик, но кто такие шептуны — не знаю, — я действительно не знал, кто это такие, и боялся попасть впросак, если речь зайдет о них.

— Так я и думал, — удовлетворенно кивнул дед. — Они себя сами так никогда не называют. Скорее, наследниками древних знаний целительства. Живут вдали от людей. Отшельниками. Учеников берут сами — напроситься к ним невозможно. Скажи, Родеро… — дед ощутимо напрягся. — Если только это не профессиональный секрет, конечно же. Какое заклинание ты использовал для диагностики? Хочу пояснить сразу, что сам я диагностировал по ряду косвенных признаков. В частности, по

нарушениям аурных структур.

Сказав это, коллега с такой надеждой посмотрел на меня, что я не смог отказать и вывел в виде иллюзии модель структуры диагностического воздействия. Старец смотрел на иллюзию взглядом голодной и больной собаки, увидевшей вне досягаемости огромную аппетитную кость.

— Запоминай! Сколько можешь — запоминай! — грубо толкнув локтем ученика, прокричал он ему в ухо.

Подстегнутый шумовой атакой на уши, ученик вперился в структуру, изображая запредельное рвение. А, может, не изображая. Когда-нибудь он станет лекарем, и это воздействие станет ему необходимым, как рыбе вода.

Я взял первую попавшуюся чайную ложку и за несколько минут внедрил в нее воздействие, преобразовав в артефакт. Теперь, пока предмет не сломается (сильно окислится или деформируется), структура будет существовать. Для немага, правда, использовать артефакт будет невозможно, поскольку, даже присоединив каким-то образом, например, с помощью мага, источник энергии, он не сможет увидеть результат.

Я развеял иллюзию, услышал хоровые вздохи лекаря с учеником и предложил:

— Я дам вам этот артефакт с внедренной структурой диагностического воздействия, — услышав слово «воздействие», старец еще больше округлил и без того огромные глаза, — но только при одном условии.

— Я заранее согласен на любые условия, — прохрипел дед.

— В таком случае, вы поклянетесь, что никому и никаким способом не передадите информацию о том, что здесь произошло. У девочки был трахеит, а артефакт нашли сами. Или купили за медяк у хроменького бородатого мужчины неизвестной расовой принадлежности.

Старец с учеником торжественно встали, поклялись и получили в дар бесценный артефакт в виде серебряной чайной ложки. Ученик бережно поставил на стол ларец, который весь обед простоял у его ног, открыл и аккуратно, казалось, не дыша, положил туда ложку.

— Я хочу показать тебе величайшую ценность, какая есть у меня. Книгу по магии целительства издания императорской академии наук. Калир, бездельник, достань книгу. И аккуратнее! Аккуратнее!

Из того же ларца ученик достал нечто завернутое в мягкий черный бархат, положил на стол и буквально двумя пальчиками стал разворачивать. Пред моими очами предстала потрепанная книга без задней части переплета, в которой, похоже, недоставало

страниц.

— А, — сказал я равнодушно. — Краткий справочник видов магического поражения организма. Издание от… — тут я остановился. Продолжать смысла не было — в прищуренных глазах хитрого деда ярким пламенем горело торжество. Ну, нет. Шалишь старый хр…ыч! Как бы я тебя ни уважал, но терять годы на переписывание книг по магии и лекарскому делу для тебя не буду. У меня более важных дел навалом.

Глава 15

Я шел на рынок и на моем лице, в полном соответствии с образом, блуждала легкая улыбка рубахи-парня — лекаря и ученика шептуна. Который только-только приехал в такой большой-пребольшой город прямо из диких-диких лесов, где водится много-много… разных интересных зверушек. И вот в этом самом городе ему на грудь, далеко не самую широкую в мире, кидаются ослепительно красивые девушки. Старики понимающе ухмылялись, пожилые недоумевали, девушки, явно, догадывались и мечтательно закатывали глаза.

А ведь так оно и есть — я и в самом деле только что держал в руках настоящее чудо. Хоть пока не знаю, и вряд ли узнаю, как зовут это чудо, но так приятно идти и вспоминать, то непередаваемое ощущение стройной девичьей талии в руках, чувствовать сквозь одежду нежный шелк ее кожи (а какой еще она могла быть?), под которым угадывались стальные мускулы, развитые постоянными тренировками. Впрочем, не испортившими великолепную фигурку, и острые, налитые, однако вполне пропорциональные груди… Нет. Груди слишком вульгарно для такой восхитительной части тела. Перси(!) — звучит куда поэтичнее. А глаза… цвета темного янтаря с золотистыми таинственно мерцающими блестками. Каштановые волосы с легким отливом красной меди, ниспадающие тяжелыми локонами на невозможно совершенные плечи и удерживаемые от беспрестанного падения на глаза изящной и тонкой диадемой из светлого металла с небольшим желтым топазом по центру.

Хм. У меня, конечно, некоторое время не было женщины, но не настолько давно, чтобы первого встречного крокодила женского полу записывать в красавицы. Следовательно, по всем законам формальной логики, мое восприятие незнакомки, ураганом влетевшей в дом архибека и мои объятия, является объективным и достоверным.

Я только-только сумел отделаться от прилипчивого фанатика науки, сумевшего таки навязать мне свою ученицу в качестве сопровождающей до столицы. Дескать, она девочка очень умная, старательная и деликатная. Она совсем-совсем не будет мешать. Записывать будет только тогда, когда сам молодой человек найдет время и найдет возможность чуть-чуть подиктовать то, что помнит из прочитанных книг, а в первую очередь из недостающих страниц бесценного справочника. Номера страниц он запишет и даст ученице, а ждать ее не придется. С рассветом она сама

подойдет к месту встречи каравана уважаемого Набура и скажет, что от Вассора.

Представляю себе эту сушеную щуку от науки, посадившую зрение и искрившую немыслимым образом позвоночник в долгих бдениях за чтением пыльных фолиантов. Парни не заглядываются, так она, наверняка, сказала себе: «Это они мне не нужны. Мое нежное и преданное сердце навеки отдано благородному делу — целительству, и в нем не осталось места для мужланов, падких на яркие перья и неспособных оценить внутреннюю красоту души!».

Дворецкий почтительно открыл мне дверь, за которой меня ждала дорога на рынок. Я только-только поднял ногу, чтобы сделать первый шаг за порог, как на меня налетело это темно-янтарное, медно-медовое чудо. Вовремя распознав, что это не атака, я руками спружинил, чуть приподняв, гибкое тело до его полной остановки на моей груди. Наши глаза оказались напротив, я открыл было рот, чтобы насмешливо прокомментировать манеры незнакомки, и… вся моя насмешка моментально растворилась в ее очах. Троглодит во мне довольно рыкнул: «Это моя женщина!». Всё — нежный овал лица, изящный носик, длиннющие ресницы опахалами обрамляющие лучистые глаза, чувственные губки и непередаваемый запах своей(!) женщины — всё только мое и ничье другое. Одета она была в брюки цвета «кофе с молоком», курточку поверх белоснежной рубашки с кружевным воротом и черные изящные полусапожки. На поясе, как водится, легкая сабля и кривой кинжал.

Целую вечность мы глядели в глаза друг другу. Я не смел дышать, и тонул в блаженном сиянии ее глаз, как шкодливый барсик в бочке сметаны. Вечность и ничтожный миг. Инстинкт, наследство далеких пещерных предков, властно требовал действовать: дать дубиной по голове — легонько — и за волосы оттащить в темный угол на расстеленные шкуры, свирепым оскалом разгоняя потенциальных конкурентов.

Девушка будто воочию увидела эту картину, резко пришла в себя, метнула в меня суровый взгляд и слабо трепыхнулась в руках:

— Отпусти немедленно, увалень! Раскоря-а-ачился тут на дороге!

Спорить, кто виноват, я не стал, да, признаться, и не вникал в смысл, просто с удовольствием слушая ее мелодичный голос. Девушка начала сердиться, уперлась мне в грудь крепкими кулачками и уже с нешуточной яростью стала вырываться. Во гневе она показалась мне еще прекраснее. Как бы потом не пришлось ее специально дразнить, чтобы полюбоваться.

Подумав про «потом», я вспомнил, что никакого продолжения нашей встречи не предвидится: мне завтра в путь-дорогу, полконтинента мерить шагами — ей оставаться и жить, как ни в чем не бывало. Да и вообще, куда мне с пещерным рылом в обитель фей? С тяжелым вздохом вернув мрамору пола невесомую ношу, я легко поклонился и направился туда, куда с обеда не мог попасть. Приближался вечер, и надо было поспешить, если я не хочу остаться без припасов в дорогу.

На рыночной площади еще кое-где толпился народ, хотя некоторые торговцы уже начали потихоньку убирать товар с прилавков. Мне оставалось пройти буквально двадцать шагов, как рядом, справа от меня, басовито лопнула гигантская струна и я, выхватив кинжалы, отпрыгнул назад и влево. В место, где я только что стоял, вонзился, дробя камень мостовой, гигантский коготь. Скорее, костяной меч, остро наточенный, и, прочностью не уступающий стали. Женщине с корзиной, которую я только что обогнал, не повезло — другой костяной меч, пронзив бок насквозь, пришпилил ее к мостовой. Брызнул фонтан крови из пробитой печени, и жертва захлебнулась криком, повергнутая в болевой шок.

— Прорыв! — раздался слитный вопль людей, и, кто мог, ринулись в стороны, доставая оружие.

Надежда спасти женщину не дала мне последовать примеру опытных горожан, приученных действовать определенным образом в подобных ситуациях. То есть, обезопасить себя и дождаться подмоги — патруля бесов. Я к такому еще не привык. Наоборот, в пещерах под учебным центром я сам был подмогой для патрулей бесов. Поэтому из-за женщины или по привычке — к тому же, убежать могло и не получиться, слишком близко была тварь — я принял бой.

Противник оказался для меня внове. Гигант, около двух с лишним метров ростом, прочно стоял на двух толстых тумбообразных ногах и имел четыре руки, вооруженных костяными мечами из сросшихся воедино когтей. Причем верхняя пара рук была существенно длинней нижней и доходила почти до колен монстра. ГоловЫ за шевелящимся клубком щупалец я не обнаружил. Все тело твари покрывала шипастая сегментированная хитиновая броня. В скорости это исчадие инферно мне почти не уступало, поэтому пришлось уворачиваться практически на пределе. Со стороны, вероятно, было видно сплошное мелькание и дробный костяной перестук когтей твари. Мои клинки при встрече с преградой не вибрировали, поэтому характерного звона не издавали, а колебания магии обычным человеком на слух не улавливаются.

Полминуты продолжалась драка, и ни у меня, ни у моего противника решающего преимущества не выявилось. Умело пользуясь разностью длин конечностей, близко к себе монстр меня не подпускал. К тому же, использует ли он в бою ноги, я не знал, но в то, что щупальца будут бездействовать, не верил. Я мог и не успеть отразить атаку одновременно с множества направлений в ограниченном пространстве.

Очень не хотелось на глазах множества горожан применять магию, но, похоже, выхода не было. Однако только я собрался ударить гада сначала ментально, потом, если не получиться, чем-нибудь посущественнее, как пришла подмога в лице патруля бесов. Они слаженно разделилась по двое, охватили монстра слева и справа, дав мне продолжать развлекаться в центре, одновременно метнули ножи и ударили в сабли. На всех у монстра не хватило рук и, хотя бесы двигались медленнее его, монстр вскоре лишился сначала нижней пары конечностей, затем — верхней, и, наконец, будто всю жизнь мы с этим патрулем усиленно тренировались — в мановение ока его тело оказалось пробитым со всех сторон всеми нашими клинками. Раздался дикий визг, туша немного потрепыхалась, затем рухнула на землю, фонтанируя голубоватой кровью, и затихла.

Мы с бесами устало вытащили клинки, и присели передохнуть неподалеку в тенечек. К сожалению, женщине уже невозможно было ничем помочь — она умерла от потери крови и шока. Люди очень быстро вернулись к своим занятиям. Отсюда я пришел к выводу, что подобные происшествия — вещь здесь достаточно обыденная. Теперь мне стало ясно, почему на тех, кто не владеет оружием в должной мере, смотрят с жалостью, как на убогих, и говорят: «Его без сопровождения из дома выпускать нельзя».

Начальником патруля оказался мой знакомый — бес первого ранга Барк.

— Да-а-а-а-а, — покачал он головой, сняв шлем, — сказал бы мне кто-нибудь, что человек(!), не архибек, не вампир или дракон, а простой человек, будет двумя кинжалами целую минуту сдерживать кротора — ни за что бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами, — Барк усмехнулся и продолжил: — Теперь я понимаю, почему ты на утренних разминках скучаешь. Это не мне тебя учить надо, а совсем наоборот.

К нам подошла группа крепких парней с кувшинами вина, стаканчиками и закуской. Бесы узнали их и поприветствовали:

— А-а, Лим. Привет. Как сходили к гиблому перевалу? — поинтересовался старший бес у вожака.

Один из подошедших, дочерна загорелый, худощавый, на вид

жилистый и сильный, кивнув, ответил:

— Привет, Барк. Привет, ребята. Плохо сходили. Потеряли Ситра-вампира. Вот такая же… штука его сожрала. Он остался прикрыть наш отход. Сколько мог, держался, но долго не выстоял. Мы все видели, но помочь не могли. Эх-х! Посмотрел я, как вы с этим разобрались. Впечатляет, — он кивнул на останки монстра, которые предприимчивые граждане уже разделывали на части. Тут же терлись и торговцы с предложениями купить монстрятинки с пылу, с жару. — Если бы вы тогда были с нами… да что там говорить, у всех свои дела-заботы. Давайте выпьем за вас и за хорошего парня Ситра. Он не раз прикрывал нам спину в походах.

Мы не отказались. Потом еще по одной за бесов, потом по третьей за меня, потом за город, потом… я встал и сказал, что должен пройтись по лавкам и все-таки купить то, что мне нужно в дорогу.

— Это ж надо?! — вопросил я всех присутствующих. — С обеда на рынок попасть не могу! Он у вас не заколдованный случайно?

Все хором стали убеждать, что ничего подобного — рынок прекрасный и вообще лучший в мире, а чтобы мне не бродить в поисках лучшей лавки, меня всей толпой проводят туда, где самое высокое качество и приемлемые цены.

Барк, хлопнув меня по плечу, сказал, что знает, где я остановился и передаст мою долю после продажи трофеев через хозяина гостиницы. Мы расстались с патрулем, и я с новыми знакомыми, наконец-то, попал на рынок.

Узнав, что я лекарь, парни воодушевились и стали энергично перемигиваться с Лимом. Тот со значением кивнул, и компания успокоилась. Все эти перемигивания не прошли мимо моего внимания, но что они означают, я пока не представлял себе. Тем не менее, на всякий случай приготовился к возможным неприятностям. Вскоре меня привели к порогу одной из лавок, на мой взгляд, ничем не отличающейся от прочих на рынке, но уверили, что у дядюшки Валки есть все для лекаря и по очень скромным ценам.

Дядюшка Валка, крепкий, черноусый и черноволосый мужчина с походкой тигра и руками мастера-фехтовальщика, встретил компанию приветливо, как давних и добрых знакомых:

— Что ребята, снова в поход?

— Да, Валка. Невмоготу здесь сидеть и поминать Ситра. Да и Ситоре, сестре его, не мешает переменить место. Здесь ведь все напоминает о нем.

— И куда теперь?

— Хотим пройти северным маршрутом до восточной границы. Есть парочка многообещающих руин…

— А замену Ситру уже присмотрели?

Лим помялся и туманно ответил, что присмотрели. Есть на примете очень даже подходящая кандидатура, но она пока ничего не знает и согласится ли — неизвестно.

За разговорами Валка успевал подробно отвечать на мои вопросы, демонстрировать товар и торговаться. Я купил себе походную кожаную лекарскую сумку, усиленную топорным заклинанием (воздействием это назвать стыдно) прочности и объема. Сумку набил под завязку самыми дорогими и редкими травами, зельями и эликсирами. Увидев на полке знакомый флакончик с укрепляюще-успокаивающим зельем (в точности такой же я подарил мальчику), решил пополнить запас и попросил штучки три.

— У меня всего один и стоит он пять золотых, — рассмеялся торговец.

Учитывая, что кожаная сумка, набитая битком, обошлась мне всего в семь золотых, цена за столь простое зелье, мягко говоря, удивила.

— Да и зачем тебе это средство для истеричных дамочек?

Странно. Неужели в настоящее время истеричные дамочки покрепче имперского пехотинца будут? Хотя реакция людей, в том числе и явных домохозяек, на прорыв, с одной стороны, показала, насколько народ привык к ежеминутной опасности для жизни, но, с другой, люди должны были оставаться людьми и за пятьсот лет вряд ли могли так кардинально измениться. Тем более, что других признаков замены нервов на стальную проволоку мной не выявлено.

— Ты что, решил, будто у меня там настоящее зелье времен империи залито? — Валка искренне рассмеялся, видимо, правильно поняв мое удивление. — Из какой берлоги ты вылез, парень? Пять золотых — это цена самого флакона. Будь он запечатан печатью имперской лекарской академии, он стоил бы восемьсот золотых. Не каждый барон может себе позволить. Парни Лима пять лет назад в развалинах нашли три таких флакона. Теперь их семьи купили дома в пределах городской черты. Так ведь, Лим? — спросил он вожака кладоискателей.

— Истинно так, дядюшка Валка, — кивнул головой Лим.

М-да. Придется варить самому, раз купить невозможно. И, пожалуй, лабораторные опыты вспомнить будет очень кстати. Вот только где лабораторию подходящую найти? На костре или кухонной плите не получится — слишком деликатный процесс. Нужна специальная посуда, перегонные кубы, равномерный и

строго дозированный нагрев… да много чего еще.

Выйдя из лавки всей компанией, мы остановились, Лим посмотрел на одного из своих парней, по виду элва, и, после его кивка, озвучил то, о чем я стал потихоньку догадываться.

— Слушай, парень. Извини, не знаю, как к тебе обращаться…

— Родеро. Меня зовут Родеро и я… лекарь. Простой лекарь.

— Так вот, Родеро. Ты ведь не местный? А какие твои планы? Я имею в виду, остаться здесь или уехать куда?

— Завтра собираюсь выехать в столицу с караваном Набура.

— Мы предлагаем тебе вступить в наш отряд. Временно или постоянно — это как захочешь. Такой воин, да еще лекарь, нам очень нужен. Обещаем равную со всеми долю в добыче. Ели ты не слышал, мы планируем пройти севернее столицы до восточной границы Кронтора с Дракией, затем в столицу. Там, говорят, можно продать добычу на треть дороже.

— Я должен подумать…

— Хорошо. Подумай. Мы утром зайдем за тобой. Ты где остановился?

— В гостинице «Луч Короны».

— Договорились. Тогда до завтра?

— До завтра.

Мы расстались, а я глубоко задумался над предложением Лима и команды. Караван, конечно, пойдет по прямой, но с грузом и длительными остановками в пути для торговли явно гораздо медленнее, чем отряд Лима. Так что вполне реально быть с отрядом в столице раньше торговца. К тому же, сама столица мне особо и не нужна. Мне как раз нужнее именно восточная граница.

У коменданта я не собирался задерживаться надолго. Подустал за этот суматошный день. Тот, понимая мое желание добраться до койки, первым делом вручил мне две небольшие серебряные пластины. Одну прямоугольной формы с закругленными углами и красивой гравировкой по периметру, другую — овальную и более простую. В центре первой в круге красовалась физиономия беса до плеч с саблями наголо и надписью: «Барон Бессора лекарь Родеро». На второй пластине в центре красовалось личико гоблина и текст: «Банк Гобшильд и сыновья». Обе пластины содержали слепок моей ауры.

— Эти документы срочно изготовлены для тебя лично, — кратко пояснил мне архибек. — Первая карта (пластины называли почему-то картами) свидетельствует, что ты — подданный Бессора и барон. Все, у кого титул выше, имеют золотую пластину, но тебе, думаю, не надо, чтобы кто-то начал копать, откуда столь знатная персона взялась. Медная — для

безземельных дворян и младших сыновей баронов — мне показалась недостаточной. Баронов достаточно много, чтобы не быть на виду, и, в то же время, случись что, разбираться будут не ниже, чем на уровне правительств, учитывая наше подданство. Это может отчасти защитить тебя юридически. С нами все боятся ссориться. Вторая — серебряная карта банка. По ней можно снять почти четверть нашей казны. После того, как гномы потеряли свою развитую сеть банков, а вместе с ней и секрет быстрого перемещения ценностей между филиалами, это дело оказалось в руках гоблинов. Теперь они содержат самые крупные и надежные банки. Пока у нас не было на них нареканий. В любом более-менее крупном городе континента есть их филиалы.

Я поблагодарил коменданта за предусмотрительность, спрятал карты в карман поближе к телу и даже на пуговицу застегнул. Потом мы прошли в хранилище, и я тщательно осмотрел вещи убиенных вампиров. Ничего интересного не обнаружил, за исключением перстня торгового представителя. Перстенек содержал структуру воздействия «Алмазная чума» и одновременно накопитель. Причем я мог точно сказать, что это не осколок прежнего государства вампиров, а самый натуральный новодел. Книги однозначно свидетельствовали, что применившего это воздействие ждала медленная и мучительная смерть по законам всех народов, даже если применили его во благо собственного. Поэтому прежние архимаги делали такие артефакты тайно и буквально в мизерном количестве. И никогда не забывали снабдить его дополнительной структурой, стиравшей все следы после применения. Маг, который внедрял воздействие в этот перстень, скорее всего, просто не умел создавать столь сложные структуры, хотя существовала небольшая вероятность, что не посчитал нужным.

Я рассказал об особенностях перстня коменданту и одновременно Фареку, напомнив последнему необходимость вспомнить уже более конкретно: не пересекались ли пути его дочери и торгового представителя вампиров. Недолго подумав, тот действительно вспомнил, как восемь дней назад, почему-то к нему домой, а не в служебный кабинет, заявился представитель и стал просить снова рассмотреть вопрос, в котором ему уже было отказано. Пробыл недолго и быстро откланялся. Войдя в дом, увидел Корсу, которую раньше не замечал, а тут наговорил кучу любезностей и даже руку поцеловал, при этом поцарапав ладонь девушки камнем перстня. Этого самого или другого — неизвестно. Поскольку ранка была пустяковая, девочка даже бинтовать ее не стала, а так и побежала к подругам.

— Вот что, Лоскер. Насколько я понял, кроме торгового

представительства других официальных миссий вампиров в городе нет? — получив подтверждение от коменданта, продолжил. — В таком случае, когда к тебе заявятся послы соседей узнать о судьбе своих сограждан максимально тяни время и напускай побольше туману. Пусть догадываются, что тебе кое-что известно, но держат эти догадки при себе. Ты же понимаешь, что этот перстень — отличный *casus belli* (повод к войне). Однако я еще не выяснил — они так подставились или их так подставили? Действовал представитель по приказу короля или по своей инициативе? А, может, здесь и вовсе чисто торговые интересы.

С облегчением завершив дела на сегодня, я вышел из комендатуры и пошел в гостиницу. В городе уже зажгли фонари, улицы почти обезлюдили и только кое-где мелькали силуэты припозднившихся прохожих. Практически бесшумно проходили навстречу патрули бесов, и топали отряды представителей других рас — в стражу набирали не только бесов.

Моя задумчивость и то, что никто не собирался меня убивать или калечить может послужить небольшим оправданием того, что я позволил схватить себя за рукав и грубо рвануть в сторону.

— Ты, смерд, пойдешь со мной! — по-прежнему никакой ненависти по отношению к себе я не чувствовал, только огромную усталость и раздражение в сочетании с облегчением — наконец-то дело сделано.

Не люблю, когда меня так хватают, да еще оскорбляют. Назвали так не потому, что не разглядели социальный статус, а с целью именно унизить. Это кто ж так верит в свою безнаказанность? Один момент и обидчик скрючился у моих ног от удара «алмазным пальцем» в солнечное сплетение, а рука, только что сжимавшая мой рукав, оказалась в жестком захвате, не давая распрямиться. Неучтивый тип был одет в цвета телохранителей мальчика, но гораздо богаче и, я бы сказал, более вычурно. То есть богато — с уймой кружавчиков, рюшечек, пряжечек, галунчиков и шеврончиков — но безвкусно. Похоже, один из главарей наемников. Двое рядовых, кстати сказать, стояли сзади и уже угрожающе обнажили сабли. Моментально мой кинжал оказался у горла их главного, заставив наемников отступить и задуматься.

— Не шути, паря, — мрачно сказал один из них.

Кажется, я видел его при нападении вампиров.

— Мы охранники принца. Нас послали найти тебя и привести к принцессе.

Ага. Стало быть, высокая, светловолосая девушка со шрамом — принцесса, а исцеленный мальчик — принц. Интересный

расклад. И что же им от меня надо?

— «Ты пойдешь со мной, смерд» — это и есть то любезное приглашение, которое хотела мне передать принцесса? — съязвил я.

— Прости, господин лекарь. Ты помог принцу и ушел. А весь отряд с полудня не жрамши прочесывает город в твоих поисках. Подустали малость. Вот господин лейтенант и сорвался.

Ссориться на пустом месте с двором государства, которое мне надо пересечь, было не с руки, поэтому, как бы ни устал, а идти все равно придется.

— Хорошо, — сказал я, отпуская воинственного офицера. — Я иду. А держаться за мой рукав все-таки не советую. Я тоже устал.

— Как ты посмел, смерд!..

В ярости стал было брызгать слюной офицер, но я дальше не слушал — удар моего кулака в челюсть остановил красноречие офицера. С этой минуты и еще, пожалуй, на пару дней.

— Я не позволю оскорблять себя. В следующий раз просто убью.

Но, похоже, мое предупреждение пропало даром — офицер дотошно изучал звездочки в своих глазах и пытался освоить мычание в качестве основного способа общения.

Тот же охранник с искренним сочувствием сказал:

— Ты, паря, зря так-то. Здесь-то он тебя не достанет, но не будешь же ты всю жизнь сидеть в этом городе. Выйдешь, а у лейтенанта много могущественной родни, да и сам он не промах. И все шибко злопамятные. Так просто не спустят.

— Хорошо, — вздохнул я. — Благодарю за совет. Пошли что ли?

Охранники кивнули и, поддерживая своего командира, потащились за мной.

— Где вы болтались?! Госпожа извелась вся! — этими словами нас встретил в королевской резиденции седой капитан охраны. — А-а-а-а… привели голубчика! А что с лейтенантом?

— Э-э-э…ммммы… о… ввззвыав… — пытался что-то промямлить офицер, немного очухавшийся по дороге и изо всех сил пытавшийся стоять перед своим командиром прямо. Получалось плохо. Его мотало, как бутылку с запиской на штормовых волнах.

— Ладно. Потом разберемся, — нетерпеливо перебил его шифрованный монолог капитан и приказал. — Лейтенанта к профессору. Вам отдыхать. А тебе, — глянул он на меня, — следовать за мной.

В небольшом, роскошно обставленном кабинете я увидел

мастера-целителя Вассора, сидевшего в кресле возле левой стены и индюка профессора, расположившегося в таком же кресле у противоположной. В центре комнаты я еще раз увидел свою янтарноглазую красотку и на пару секунд задержал взгляд. Признаться, уже не чаял больше увидеть ее перед отъездом. Незнакомка оживленно спорила о чем-то с принцессой и не обратила внимания на мое появление. Но обратила принцесса.

— Смотри, Фиора, — с усмешкой показала она на меня головой. — Еще один новобранец в твой легион воздыхателей. Скоро из них можно будет полк организовать. А тебя, сестрица, поставить командиром. Вот и посмотрим — действительно ли они готовы за тебя в огонь и воду? — вот ведь знаменитая женская интуиция, и как только разглядела.

Сестрица?!! Моя краса лениво обернулась, и легкая победная улыбка тронула ее губы. А меня чуть морозом не скрутило: Конкиста — караван — Мирасель — безумство любви — политика — бокал с вином — геенна огненная. Я уже один раз умер по-настоящему. Прежний Дит развеялся в прах. Там. На острове. Влетая в бурлящее озеро огня. Поэтому я так легко принял новое имя. А новый я, Родеро, зная, чем все это кончается, не желает больше играть в эти игры власть предержащих. После своей смерти видеть в принцессе девушку я просто не в состоянии.

Мой троглодит рыкнул, махнул рукой и, волоча по камням свою верную спутницу… дубину, устало скрылся в пещере.

Девушки быстро и тонко улавливают изменения в настроении мужчин, что позволяет им виртуозно владеть «горячим оружием» под названием флирт. Выражение лица у меня ничуть не изменилось, но видимо что-то мелькнуло в глазах, а, может, и не мелькало ничего, но изменение моего отношения он уловила очень точно. Улыбка сменилась недоумением, а в глазах отразилась напряженная работа мысли в попытках понять, почему буквально секунду назад она чувствовала мой восторг и восхищение, а сейчас только пустоту и холодное равнодушие? Объяснять ей свое специфическое отношение к принцессам, разумеется, я не стал, переключив внимание на ее, вероятно, старшую сестру. Та, будучи тоже существом женского пола, почувствовала изменение ситуации и, также как сестра, пришла в полнейшее недоумение. Однако принцессу, неспособную быстро обуздать свои чувства, вряд ли направили бы с инспекцией. Она взяла себя в руки и холодноватым деловым тоном спросила капитана:

— Это и есть тот молодой лекарь, оказавший помощь моему брату?

— Да, госпожа! Опознан одним из телохранителей принца. —

отрапортовал офицер. — При задержании оказал сопротивление и сломал челюсть лейтенанту Киркcу.

«Вот, коз-з-зел!» — скорее с изумлением, чем с обидой, подумал я. На меня вытаращились все, кто находился в этой комнате — обе принцессы, мастер Вассор и профессор. Вассор и придворный лекарь, судя по взглядам, которыми они перед этим друг друга одаривали, не очень любят друг друга.

— Докладывай, — холодно и жестко скомандовала голубоглазая принцесса. — Как все произошло?

— Я должен уточнить подробности у лейтенанта, — сразу вспотел командир охраны. — Он пока не в состоянии доложить. Кстати, господин профессор, — бодро попытался перевести разговор капитан, — я направил его к тебе. Может, посмотришь?

— Не увиливай! — не дала себя сбить с толку принцесса. — Докладывай четко, ясно и коротко — как все произошло?

— Я в точности не знаю, но я предполагаю, что…

— Мне не нужны твои догадки, Борси. Факты! Есть у тебя факты? Нет?! Тогда ты, лекарь, расскажи, как было дело.

Я вкратце описал момент знакомства с лейтенантом, не давая никаких оценок.

— Итак, — подытожила принцесса. — Ты, капитан, не выполнил мой приказ. Что тебе было велено?.. — служака весь взмок, не понимая, в чем он виноват, и, что от него хотят. — Найти и доставить молодого лекаря! Надо было вежливо попросить, и он пошел бы сам. Ведь так? — спросила она меня.

Пока я не могу понять, зачем эта показательная порка, пусть «козла», но явно ни в чем не виновного офицера. Для воина «найти и доставить» то же самое, что «хватать и тащить». А принцесса, наверняка, не озаботилась уточнением, что следует «вежливо попросить». Даже в такой мелочи проявляется правитель — он не может быть неправ и, если все-таки… неправ, виноваты подчиненные, которые не удосужились угадать его истинные намерения. Тем не менее, эти разборки вполне могли обойтись без посторонних. Значит, принцессе что-то нужно от меня и этим бичеванием служаки она хочет показать мне свое расположение.

— Ты не разъяснил подчиненным, как они должны действовать, вследствие чего они допустили грубость и хамство по отношению к уважаемому лекарю. Поэтому! Я объявляю тебе взыскание и штрафую на двадцать золотых. Предупреди казначея, чтобы не забыл вычесть из твоего жалования. Свободен.

Капитан прожег меня ненавидящим взглядом, четко повернулся и вышел за дверь.

— Господин лекарь, — учтиво обратилась ко мне

принцесса, — я пригласила тебя… Да-да, именно пригласила. Ох уж, эти военные. Всегда понимают приказы буквально. Надеюсь, ты простишь им неучтивость?

— Уже простил, — равнодушно ответил я. Не нравится мне, когда сильные мира сего говорят с заведомо нижестоящим так ласково, словно с родным и любимым кузеном.

— Прекрасно. Тогда позволь задать тебе пару вопросов.

— Я весь к твоим услугам.

— Скажи, что ты сделал с братом такого, что он категорически. До истерики. Не позволяет себя трогать до полуночи?

— Я порекомендовал ему не шевелиться. Это нужно для его здоровья, — прикинулся я наивным.

— Я понимаю, — скрывая раздражение, по-прежнему вежливо продолжила принцесса. — Но все-таки. Нынешний придворный лекарь, — она кивнула в сторону профессора, — утверждает, что это чистейшее шарлатанство и ты набиваешь себе цену за счет мучений мальчика. С его точки зрения, это надо немедленно прекратить, невзирая на протесты брата: «ибо отрок в силу юного возраста не понимает, к чему может привести застой жидкостей в организме, обусловленный длительным нахождением в неподвижности», — принцесса явно слово в слово процитировала профессора. — Бывший наш придворный лекарь, — кивок в сторону Вассора, — утверждает, что необходимо безусловно следовать твоим рекомендациям, — она резко развернулась к мастеру и жестко спросила: — Ты не изменил своего мнения, Вассор?

— Нет, — твердо ответил старец. — Не изменил. Более того. Я утвердился в нем.

— Вот даже как… И почему же? Ты хотел увидеть «того лекаря, который выдал подобные рекомендации в ситуации, подобных мер не требующих». Ты его увидел. Тебя убедил его вид или осмотр брата?

— В первую очередь, осмотр мальчика, конечно же. Я уже говорил, что догадываюсь, какие будут последствия лечения, и настоятельно рекомендую не трогать ребенка.

— Тебя что-то связывает с этим лекарем? Что и как ты там увидел?

— Позволь мне не отвечать на этот вопрос.

— Позволь мне настаивать на ответе, — усилила нажим принцесса.

— В таком случае, — Вассор тяжело поднялся, холодно поклонился и сказал. — Честь имею кланяться. Свое мнение я высказал, ваше дело следовать моим советам или нет, но

профессиональные секреты выдавать всяким напыщенным недоучкам(!), — глаза его метнули молнию в профессора, — я не намерен.

— И тебе безразлично, что тебе приказывает лицо королевской крови? — закипая от ярости, принцесса почти цедила слова сквозь зубы.

— Поэтому-то я ушел с должности придворного лекаря. Поэтому-то принял гражданство Бессора. Мне надоело тратить время на бесполезные споры с манипуляторами, ни грана не смыслящими в высоком искусстве магического исцеления. Я признавал и признаю их достижения в немагическом искусстве врачевания. Но простить им гонения на мою школу не могу и не желаю!.. Об этом я говорил уже не раз. Твой папенька, министр здоровья и первый претендент на престол, не внял моим словам и принял сторону моих оппонентов. Его воля. Но приказывать мне ни он, ни ты, при всем моем уважении, теперь не можете. Честь имею кланяться.

— Неужели подчиняться человеку для тебя унизительнее, чем каким-то бесам?

— Комендант, несмотря на свою наружность, достойный и порядочный человек. Всем бы министрам быть такими, как он. Королевство уже давно стало бы самым сильным на континенте и не боялось бы ни вампиров, ни Дракии. Не даром он много лет возглавляет по сути отдельное, — Вассор специально выделил это слово, чтобы подчеркнуть свою независимость, — процветающее государство. К плохому правителю народ валом не валит, чтобы напроситься в подданные.

Непреклонный взгляд мудрого старика столкнулся с тяжелым, полным ярости, взглядом молодой принцессы. Так они пободались некоторое время, затем старец откланялся и ушел.

— Недоучка! Это же надо, какая наглость! Назвать меня! Профессора! Действительного члена… — затявкал из угла шакал, когда лев покинул помещение.

— Помолчи, профессор. Не до тебя сейчас, — поморщилась девушка.

— Нет, но какая на-а-а-аглость!..

— Если не замолчишь сейчас же, я тебе припомню некоторые моменты, — угрожающе посмотрела на него принцесса, заставив умолкнуть и съежиться в кресле, став незаметным, как таракан под блюдцем.

Все это время янтарноглазая Фиора, навострив ушки, внимательно слушала нашу перепалку. Почему-то ей была неприятна ссора сестры с Вассором, но она не стала влезать со своими комментариями.

— Сестрица, пойди отдохни. Мы с тобой потом договорим.

Фиора правильно поняла намек старшей сестры и упорхнула за дверь. А принцесса снова переключилась на меня. Достав флакон, подаренный мной мальчику, она твердо посмотрела мне в глаза и требовательно спросила:

— Откуда ты это взял?

— Нашел, — пожал я плечами.

— Где?

— Это профессиональный секрет, — не буду же я рассказывать про учебный центр, в хранилищах которого их полно. Хотя, конечно, надо было перелить в какой-нибудь попроще, но кто знал, что с этим средством здесь так трудно? Да и в какой переливать? До рынка я ведь тогда так и не дошел.

— Ты знаешь, сколько это стоит?

— Знаю, — честно ответил я, опять же не поясняя, что узнал буквально только что.

— И вот так просто даришь очень дорогую вещь незнакомому мальчишке?

— Его обидели. Тем самым вызвали мое сочувствие.

— С какой целью ты сделал столь дорогой подарок? — быстро и настойчиво спросила принцесса.

— С целью поправки здоровья пациента, — невозмутимо ответил я.

— И готов поклясться, что только для этого?

— Готов. Клянусь, что не имел иного умысла, нежели ускорить исцеление мальчика.

Принцесса немного расслабилась и даже улыбнулась… как кошка мышке.

— Я отдам тебе тысячу золотых за это зелье. Да… — словно спохватившись, снова спросила принцесса, — прости, я забыла, что ты там исцелил?

— Я ничего не говорил, — позволил я себе легкую усмешку. — Но в ближайшие дни это станет настолько очевидным для всех, что нет нужды говорить об этом заранее.

— Ну что ж, — не выдав своего разочарования, как ни в чем не бывало продолжила принцесса. — Деньги за флакон и жалование за первый месяц в размере двухсот золотых получишь у казначея, — в углу удивленно и завистливо пискнул забытый профессор. Принцесса сделала вид, что не заметила и закончила, — когда моя походная канцелярия оформит тебя на службу короне Кронтора.

Девушка посмотрела на меня предвкушающим взглядом. Нет. Ничего такого… эротически-постельного в нем не было. Она ожидала, что, получив столь лестное предложение, я онемею от

счастья и кинусь со всех ног ручки ей целовать, лепеча что-нибудь верноподданническое. Она наверняка не знала, что конкретно я сделал с ее братом, но явно больше верила Вассору, чем сопровождающему профессору, и хотела заполучить лично для себя перспективного, способного лекаря, при этом ручного — вплоть до клевания крошек с ладони. А что бы мне оставалось делать? Офицеры охраны во главе с капитаном, благодаря ее легкой руке, уже меня ненавидят. Те, кто еще не знает об этом, скоро узнают — «безвинно» пострадавшие распишут в самых ярких красках мою «гнилую» сущность. Предполагаемый коллега уже пыхтит от зависти к немалому окладу. Вероятно, сам он имеет либо такой же, либо чуть больший. Куда мне в таких условиях деваться? Только, поскуливая, лизать ее сапожки, уповая на защиту от нападений: физических — со стороны военных, профессиональных — со стороны придворного лекаря.

Скажу сразу. Предвкушения оказались напрасными. Я с самым невозмутимым видом спросил:

— Первое. За подарки я денег не беру. Второе. Как гражданин Бессора, я имею право подумать, прежде чем принять столь лестное предложение?

Две бронепрожигающие молнии из глаз принцессы не спалили меня на месте, но явственно показали всю глубину моего падения в ее мнении. Тем не менее, девушка делано радушно улыбнулась и сказала:

— Разумеется. Это твое право… думать. Я знаю, что ты парень умный и примешь правильное(!) решение. А теперь ступай к себе. Думай. Мы отбываем через два дня. Да… Еще. Чтобы тебе было проще думать. Тебе ведь надо в столицу?! — скорее утверждая, нежели спрашивая, сказала принцесса. — Так вот. Почтенный Набур не сможет предоставить тебе место в своем караване… и вообще ни один караван не примет тебя. А теперь иди, — ехидно улыбнулась она мне на прощание.

Пожалуй, действительно, выход у меня был только один. Я откланялся и, наконец-то, пошел в гостиницу, где по мне соскучилась постель.

Утром чуть свет, как обычно, размявшись и умывшись, я позавтракал в ресторане гостиницы и, прихватив вещи, спустился в холл. Там меня уже ждали охотники за древностями.

— Я принимаю ваше предложение. Только с запасами продуктов не знаю как быть — я не озаботился их заказом.

— И правильно сделал, — широко улыбнулся мне Лим. — Я имею в виду, то, что теперь ты с нами и то, что не озаботился запасами. У нас общий котел, а тебя мы на всякий случай приняли в расчет. Все в порядке.

— Хозяин! — прозвучал с порога мелодичный голосок. — Где у тебя живет лекарь Родеро?

Глава 16

- Назад! Назад, кому говорю!! Так… тебя ж… да об… и еще раз в…!! Куд-да?! Куд-да пошла?! Родеро, прикрой эту авантюристку справа. Ждам! Ситора! Вы — слева. Мечники, не зевать. В полукру-у-у-уг! Щиты сомкнуть! Маги! Вы маги или где?! Делайте что-нибудь!

Опасность я засек заблаговременно и, опередив на мгновение приказ Лима, кинулся перекрывать поток мутантов, готовый вот-вот обрушиться через пробитые дыры в зал и всей массой наброситься на одинокую девичью фигуру.

Наш предводитель с самого начала не сомневался — проблемы с этой девушкой непременно будут. И проблемы не подвели. Они — были! Почти каждый день на протяжении двух месяцев, в течение которых мы с отрядом искателей сокровищ топчем самые гиблые места обитания всевозможных кошмарных тварей. В основном, конечно, руины древних поселений, форпостов, бывших хранилищ артефактов, амуниции и вооружения уже давным-давно не существующих армий. Возникало впечатление, что девица всеми силами стремится доказать кому-то — она не хуже, а лучше других. Она может тянуть лямку походной жизни на равных с единственным оставшимся в отряде вампиром — Ситорой. Мало того. Требовала, чтобы ее направляли только на самые опасные участки и страшно обижались, когда наш командир пытался — излишне, как она считала — прикрыть и поставить её за спины мечников. Лим спорил с ней до хрипоты, доказывая, что её действия были не самыми оптимальными, настаивал, приказывал — она фыркала в ответ, но, следует отдать ей должное, балансируя на самой кромочке, словно канатоходец-виртуоз, никогда не переступала за ту черту, после которой начиналось неповиновение старшему в отряде и, соответственно, вылет из команды. При этом с обязанностями своими справлялась очень хорошо. Сколько волос выдрал себе Лим за то, что не смог в Бессоре отказать и принял эту госпожу Проблему в отряд, не способен сосчитать самый талантливый математик. Даже гоблин-финансист, если пустить шевелюру командира по цене «волосок за медяк».

Накануне отъезда из Бессора, вечером, возвращаясь в гостиницу после разговора с принцессой и перед тем, как принять окончательное решение, я по телепатической связи обсудил

ситуацию с комендантом. Положительных моментов, в случае поступления на службу короне, было предостаточно. Караван с инспекцией от королевского дома должен был посетить все сравнительно крупные поселения, расположенные вдоль западной границы с Кассарией, а затем вернуться в столицу. То есть поводов для общения с местным населением с целью получения от этого населения шпи… интересных сведений могло быть сколько угодно. На это хорошо работала легенда, невольно предложенная мне мастером Вассором. Дескать, я — ученик шептуна: исцеляю наложением дланей и перстов; недавно из медвежьего угла; житейски необразован и посему разговариваю, допуская в речи архаичные обороты, и плохо знаю современный сленг. Отрицательных моментов было немного. Даже, я бы сказал, всего один. Нет. Офицеры и дуэли меня не пугали. Проблемой было не напугать их(!)… слишком уж сильно. Профессор с его интригами тоже не беспокоил. Единственное, чего он мог добиваться — это отлучение меня от державной кормушки. Однако я — барсик вольный и привык добывать свою сметану сам. Могу и пару крыс задавить. Для развлечения.

Таким образом, главное, что заставило меня отказаться от столь лестного предложения — даже не личность потенциальной нанимательницы вкупе с ее дворцовыми интригами, а сам факт, что она принцесса. Иметь дело с данной категорией граждан и, в первую очередь, гражданок я отказываюсь категорически. Не скрою, настораживал и высокий оклад, и ласковый тон. Слишком велики предварительные милости для скромного провинциального лекаря. В чем подвох и есть ли он вообще, определить пока затруднительно. В таких случаях я предпочитаю считать, что он есть. Просто у меня недостаточно информации. Вполне возможно, Вассор поделился своими догадками насчет моего ученичества у шептуна. Поскольку я сам для себя решил принять эту легенду за основу, слова не называть меня так у мастера брать не стал. Мы с ним договорились лишь о секретности моих методик и знаний, что очень даже устраивало лекаря. Ему и самому не хотелось, чтобы столь эффективные знания достались королевской академии, с которой он, насколько я понял, основательно расплевался.

Пути с торговыми караванами оказались перекрытыми. Распоряжение принцессы, скорее всего, будет иметь силу еще довольно долго, а выжидать для меня не очень желательно. Оставался один вариант — принять приглашение кладоискателей. Был, конечно же, и запасной — идти одному. Запространственными переходами я смогу покрывать до сотни километров в день, а через пару месяцев такой интенсивной

тренировки и все полторы, но уставать буду, как бешеная собака после крюка не в семь, а в семьдесят верст. При этом придется обходить стороной небольшие поселения, где будет трудно объяснить местным, откуда я взялся в их краях. Ко мне будут относиться настороженно. В таких условиях на свободное общение рассчитывать трудно. Хотя элву, вероятно, достаточно будет сведений об общей ситуации на континенте… для начала. А потом он все равно отправит еще раз за подробностями — политика, экономика, настроение и взаимоотношения: в верхах и низах, верхов и низов… и так далее, и тому подобное. Раз я уже здесь и сроками не ограничен, следует собрать побольше информации, не дожидаясь приказа.

«Сиятельнейший бриллиант в короне Кронтора, всемилостивейшая принцесса Литерия.

Нижайше прошу твоего прощения за то, что не смог лично передать тебе свою глубочайшую признательность за лестное предложение посвятить жизнь мою служению короне, однако обстоятельства вынуждают меня с искренней скорбью отклонить его и убыть рано утром сего дня, в направлении, указанном мне учителем моим, коего ослушаться я не смею.

С величайшим почтением к тебе, лекарь и барон Бессора, Родеро.»

Вот такую бумагу я составил под диктовку специалиста по вежливым отказам — заместителя коменданта, архибека Фарека. Все вежливо и культурно, с легким намеком на свою независимость, как титулованного гражданина фактически отдельного государства.

Записку я собирался передать утром, когда буду расплачиваться за проживание, хозяину гостиницы, чтобы он ближе к полудню отправил с ней посыльного к принцессе.

Только мы с будущими соратниками встретились и обо всем договорились, я собрался идти к стойке, где маячил хозяин, как именно в этот момент от входа прозвучал знакомый голосок. Слегка озадаченный этим неожиданным явлением я не стал таиться и вышел вперед.

— Я - лекарь Родеро. Чему обязан?

— Ты-ы-ы?!! — изумилась… Фиора.

Это была она. Сестрица принцессы, а значит, и сама тоже принцесса. Единственная категория девушек, которых я не без оснований считал не девушками, а разновидностью красивых, иногда завораживающе прекрасных и… страшно ядовитых змей.

— Я. Чему обязан? — терпеливо повторил я.

— Ты-ы-ы?! Лекарь Родеро?! — не знаю, что ее так удивило, но смотрела девушка на меня, как на чудо чудное, диво дивное.

Или… как на всемирно известного обманщика и жулика.

В третий раз повторять я не стал. Молча и холодно стоял и смотрел на Фиору, ожидая продолжения. Она также стояла, молчала и продолжала смотреть на меня круглыми от удивления глазами. Выждав некоторое время, я, не дождавшись объяснения ее интереса ко мне, повернулся и направился к стойке передать записку.

— Постой! — окликнула меня девушка. — Разве мастер Вассор не с тобой договаривался о том, что я буду сопровождать тебя в поездке?

Тут настала моя очередь изумляться, но открывать рот и округлять глаза не стал. Снова повернувшись к девушке, спросил:

— А ты что — его ученица?

— Да.

— Как так может быть, чтобы столь знатная особа… — не без ехидства начал я, но меня нагло перебили.

— Была ученицей провинциального лекаря? Ученицей его я стала, когда он еще был придворным лекарем и профессором академии медицинских наук. Он говорит — у меня способности к магической медицине и целительству, — быстро пришла в себя девушка. — Стало быть, ты и есть мудрый седобородый старец, как я себе представляла, у которого я должна поучиться всему, что можно и записать все, что ты помнишь?

Вообще-то я имел в виду другое — зачем(!) столь знатной особе в чужих болячках копаться, когда есть балы, танцы, кавалеры и флирт? Однако переспрашивать не стал.

— Прости. Бороду я брею, мудрости еще не нажил, а старцем стану еще не скоро. Да и не имеет это теперь никакого значения. Твоя сестрица перекрыла мне путь с караванами, поэтому я ухожу с охотниками, а ты остаешься.

— Как с охотниками?! Литерия сказала мне, что наняла интересного лекаря. То есть, как я понимаю — тебя. А это значит, что ты должен следовать с ее свитой… но никак не с охотниками.

Сегодняшнее утро у девушки явно стало богато на удивительные открытия — ее и без того большие глаза теперь занимали почти половину лица. Я даже позволил себе секунду-другую полюбоваться зрелищем.

— Дело в том, что о службе я не просил. Мне ее предложили. Подумав, я решил, что для скромного провинциального лекаря слишком велика честь.

Фиора некоторое время напряженно размышляла над новой информацией — седобородый старец оказался нахальным парнем. Тем самым, который, только увидев ее, «воспылал», а потом неожиданно вдруг столь же быстро «охладел». Этот же

парень, как выяснилось, имел наглость отказаться от королевской милости и, вместо безопасного и комфортного круиза в составе свиты под надежной охраной, теперь собирается уходить с охотниками в опасный рейд.

Оставив красотку напрягать мозги, а напрягать явно было что — не похож Вассор на человека готового тратить время на тупицу, будь она хоть сама королева — я, потеряв интерес разговору, расплатился с хозяином и передал записку для принцессы, получив взамен горячие уверения в обязательном исполнении моей просьбы.

— Я должна поговорить с сестрой, — подвела итог раздумьям девушка.

Я пожал плечами и равнодушно ответил в том духе, что мне все равно с кем она будет говорить, так как, судя по всему, наш совместный вояж в данной ситуации невозможен, а она человек свободный. Поскольку мы уже уходим, то, соответственно, честь имеем и так далее.

— Но ты же обещал мастеру взять меня с собой! — возмутилась такому вопиющему нарушению всех «дипломатических» договоренностей Фиора.

— Я обещал только диктовать его ученице то, что помню из книг по магии исцеления. И то, когда у меня будет время и желание. Мастер, в свою очередь, меня заверил, что его ученица вполне самостоятельна, и надоедать мне не будет.

— На-до-е-дать?! Да как ты!.. ты!.. — захлебываясь от ярости (что она там себе вообразила?) рассерженной кошкой зашипела девушка.

— Вот-вот, — безразлично подтвердил я. — Мастер говорил: «Девушка скромная, тихая. Беспокойства от нее не будет». Короче, я не брал на себя обязательств заботиться о ком-либо, в том числе устраивать в караваны или отряды, равно как и кормить, одевать, развлекать… Может, я еще и пятки на ночь обязался тебе чесать?

Сделав несколько глубоких вдохов, девушка тоном, насмерть вымораживающим ближайшие окрестности, заявила:

— Пятки не надо. Обойдусь без этой услуги. Но в любом случае я иду с тобой. Как бы мне ни было противно — просьбу учителя я выполню.

— А это не мне решать, — также без признаков тепла в голосе ответил я. — Командир у нас господин Лим — с этим вопросом к нему. Однако, насколько мне известно, за деньги устроиться попутчиком в отряд невозможно. С этим к торговцам. Они за несколько серебрушек доставят тебя в столицу со всем почтением и наивозможнейшим комфортом.

Девушка, демонстративно игнорируя мою персону, отозвала

Лима в сторонку, и они тихо заговорили друг с другом. Усилив слух, я прислушался к беседующим, и услышал, как девушка попыталась, используя авторитет своей сестры, надавить на командира, чтобы тот выгнал меня из отряда. Однако охотники за сокровищами люди вольные и приносят в казну государств, где работают, солидные деньги, не говоря уж о ценных артефактах, двигающих вперед магическую науку. Поэтому во всех странах им оказывают содействие, привечают и без крайней нужды стараются не обижать. Здесь явно не был крайний случай, поэтому Лим спокойно отказал Фиоре в ее просьбе. Тогда девушка стала проситься в отряд. На что Лим опять же не соглашался, мотивируя тем, что людей у него достаточно и уменьшать долю охотников приемом в отряд лишнего человека он не намерен. В ответ Фиора предложила заплатить за вступление в отряд древней картой небольшого участка одной из северных провинций. Подобные раритеты были в цене. За указание точного места расположения древнего поселения, владелец карты мог требовать до тридцати процентов стоимости всей добычи, а тут речь шла отнюдь не об одной деревеньке времен империи, и Лим не устоял. Он подвел девушку к нашей группе и сообщил о том, что не возражает против приема нового кандидата в охотники. Элв снова едва заметно кивнул командиру, а вслух сказал, что кандидат, помимо прочего, должен еще доказать, что умеет хорошо владеть оружием и в няньках не нуждается, на что девушка гордо заявила:

— Меня учила бою сама прабабушка и говорила, что из меня выйдет толк, а ее похвалу очень трудно заслужить — она лучший в мире боец. Еще никто не смог ее победить.

Видимо, о талантах королевы все были наслышаны, поэтому никто не усомнился в способностях нового члена отряда. Лим обвел всех взглядом и, не услышав возражений, предложил выдвигаться.

У северных ворот наша группа встретилась с остальными членами отряда. Туда же, боясь, что уйдем без нее, примчалась Фиора, забежавшая ненадолго в резиденцию за картой. Она явно успела рассказать все сестре, но препятствовать нашему выезду никто не стал и мы в походном порядке покинули Бессор.

На ближайшем привале километрах в тридцати от города нас, как новичков, представили отряду и перезнакомили со всеми. Всего под рукой Лима шли в поход или, как они говорят, в поиск, двадцать один человек. В том числе: дюжина мечников — группа прикрытия и носильщики добычи; трое гномов — хозяйственное обеспечение и участие в поиске; двое магов (один из них элв) — разведка и магическая поддержка поиска; один

лекарь — целительство и поиск; двое искателей (одна из них вампир) — поиск кладов и, наконец, один командир — руководство отрядом, поиск, сбыт и внешние контакты с заказчиками. Распределение обязанностей было по большей части делом условным. Каждый должен был уметь заменить любого члена команды, кроме магов и лекаря, разумеется. На это необходимы были особые способности или соответствующая выучка. Хотя основы оказания первой помощи знали все.

Насколько я понял, в этом слаженном коллективе я занял место погибшего брата Ситоры, а Фиора шла некоторым довеском. Ее высокое положение серьезно озадачивало Лима. Нет. «Чистой» и «грязной» работы за отсутствием прислуги в отряде не было — каждый делал то, что необходимо. Однако мечники, например, большей частью на стоянках занимались обустройством охранного периметра и несли караульную службу. Маги ставили защитный контур и отслеживали окружающее пространство. Гномы осуществляли ревизию имущества и ремонт амуниции, снаряжения и оружия, хранили отрядную казну и планировали закупки. Искатели, в основном, добывали пропитание в виде свежего мяса и зелени — их работа, самая опасная и тяжелая, начиналась в руинах, поэтому в отряде принято было особо их не нагружать.

Тщательно поскребя затылок сначала правой рукой, потом левой, Лим принял решение прикрепить Фиору в пару к Ситоре, справедливо рассудив, что для стажера-девушки это будет наилучшим вариантом. Девушка девушку всегда поймет, а вампиресса к тому же считалась одним из сильнейших бойцов в отряде и в случае опасности могла эффективно защитить подопечную. Какая бы подготовка ни была у Фиоры, но вряд ли ей часто приходилось на практике применять свое искусство в реальном бою против тварей и лихих людей. Думаю, было еще одно соображение у Лима — Ситора еще не отошла от переживаний после гибели брата и забота о новичке должна была способствовать скорейшему ее возвращению к полноценной жизни.

Дней десять после нашего выхода из Бессора мне казалось, что все вошло в колею. В отряде меня приняли нормально — увидели, что я не отлыниваю от работы, никому не отказываю в помощи, по лесу хожу не хуже элва и добычи приношу не меньше, не чураюсь общества и готов, не чинясь, рассказывать байки у костра. На восьмой день пути я допустил стратегическую ошибку. Пришел мой черед кашеварить, и я запряг всех в работу, покрикивая на ветеранов искательского дела, как сержант на новобранцев. Кто-то копал траншею-дымоход, кто-то сплетал из

лозы стенки короба, кто-то обмазывал их глиной, кто-то ошкуривал и вострил прямые палочки определенной длины… Все были при деле, кроме караульных и магов, занятых периметром и контуром. Сам я не поленился прочесать окрестности в поисках нужной зелени и «заказать» охотникам мясо нужной кондиции — где хотите, но двух кабанчиков мне найдите. Элв с Лимом — они выразили желание стать сегодня добытчиками — похлопали глазами, покрутили пальцами у висков и… добыли-таки то, что я просил.

— Зачем столько мяса? Не съедим мы двух кабанов, — поинтересовался элв.

— Съедим. А завтра ты пожалеешь, что притащил всего двух, а не трех.

Потихоньку ропот и недовольство в массах стали нарастать. Ишь, чего удумал. Всех к работе пристроил, будто поварят каких. Нет бы как все, сварил кашу и нажарил мясо на углях, а то большая часть отряда на него работает вместо того, чтобы спокойно отдыхать перед завтрашним днем. Даже кишки не выбросил, а заставил тщательно вымыть и принести в лагерь. Потом мелко-мелко порезал мясо, смешал с разной зеленью и наделал колбас, как говорит, «пальцем пханных». Те колбасы подвесил в короб и пустил дым от костра, куда покидал хворост строго определенных деревьев.

В общем, ужин готовился в этот день очень долго, но когда от костра потянуло запахом мяса, предварительно промаринованного в соке одного из растений, да с разными специями, жарящегося над углями на палочках, все, словно стая волков, собрались вокруг костра, сверкая голодными глазами, урча и взревывая желудками. А уж когда распробовали… насилу удалось сохранить по палочке на завтрак.

Колбас хватило на два дня. Их ели только на коротких дневных привалах и строго порционно — кольцо на двоих. Большинство признало, что такой вкуснятины они еще никогда не едали и даже Фиора, которая тоже должна бы попривыкнуть к разным дворцовым деликатесам и то, нехотя признала, что: «это есть… можно», — хотя уплетала и добавки просила не меньше прочих.

Таким образом, мне предложили дополнительную долю только за то, чтобы готовил теперь исключительно я. И хотя мне не хотелось заниматься стряпней на постоянной основе — изредка еще куда ни шло, но постоянно… — пришлось согласиться, так как отказ от целой доли никто бы не понял. Элв, улучив момент, задумчиво посмотрел мне в глаза и задал вопрос, откуда я знаю некоторые секреты чисто элвийской кухни. В ответ

я туманно сказал, что учитель мой не любит, когда о нем рассказывают посторонним. Элв, видимо, пришел к определенному выводу и с того времени, будучи человеком замкнутым и немного отстраненным от остального отряда, стал меня отличать. Относиться более дружески, что ли… почти как к своему… или, скажем так, причастному к чему-то важному для него.

Короче говоря, отношения со всеми в отряде, в том числе и с нелюдимыми гномами, складывались у меня хорошие, за исключением единственных девушек — Фиоры и Ситоры.

Ситора вся ушла в свою скорбь и даже появление подопечной не вывело ее из состояния самокопания и явного самобичевания. Вероятно, она, несмотря ни на что, считала себя виноватой в гибели брата. С рождаемостью у вампиров сложно. Рождение ребенка-вампира чуть ли не национальный праздник, а гибель сородича — всеобщий искренний траур. Убив троих представителей этой расы, я автоматически стал для всех вампиров врагом, невзирая на то, что те были законченными подонками. Однако пока остальные вампиры об этом не знали, а кричать на перекрестках, кто это сделал, я, разумеется, не собирался.

Фиора быстро стала в отряде своей и с каждым наладила хорошие отношения. Большинство мужчин тут же записались в число ее воздыхателей и одаривали своеобразными знаками внимания: старались взять на себя ее работу, подарить необычный цветок, рассказать смешную историю или байку. Со всеми она была равно приветлива, за исключением… конечно же, меня. Мою персону она принципиально не замечала. Если доводилось обращаться, говорила как можно короче и строго по делу. На ночлег укладывалась спать на противоположной стороне лагеря… в общем, старалась обходить меня десятой дорогой. Единственное время, когда она вела себя иначе — это полчаса-час утром, днем и вечером. В эти минуты холодная и неприступная красавица превращалась в педантичную и послушную ученицу. Она размещалась рядом со мной поудобнее, доставала толстую тетрадь и стило, говорила мне номер очередной страницы и аккуратно записывала все, что я ей диктовал. Иногда мне приходилось брать у нее тетрадь и рисовать схемы магических воздействий, поясняя, что с чем связано и как это все работает. Она слушала предельно внимательно, задавая вопросы по существу. И эти вопросы свидетельствовали о том, что она не только запоминает, но и понимает, о чем речь. Я даже пару раз ловил себя на том, что испытываю в такие моменты гордость ментора за талантливого ученика.

В целом, девушка вписалась в отряд довольно органично, и ничто не предвещало резкого изменения ее поведения, из-за чего шевелюра Лима стала стремительно редеть.

В одну из ночей я услышал тихие девичьи всхлипы и, не в силах больше заснуть, пошел к источнику странного для суровых искателей звука. Это оказалась… Ситора. Сколь бы тщательно и глубоко она ни загоняла в самый дальний уголок своей души мысли о гибели брата, они все равно вырвались наружу подобно лопнувшему нарыву. Это было просто замечательно — кризис принял форму слез, а не безумия. Оставалось только очень деликатно ее поддержать, чтобы, наконец, наступило выздоровление от душевной боли — черное давящее отчаяние переплавилось в тихую печаль.

Я тихо подошел к девушке, присел рядышком, ласково начал гладить по волосам, при этом щедро делясь с ней энергией, адаптированной к нуждам вампиров. Структурированная таким образом магическая энергия позволяла организму сразу включать ее в поток собственной, пополняя резервы и стимулируя регенерацию. Можно назвать то, что я делал, общеукрепляющим воздействием. Для представителей расы Ситоры это было почти то же самое, что глоток свежей человеческой крови. Постепенно всхлипывания стали сходить на нет, и девушка положила свою голову мне на колени. Я продолжал гладить, немного уменьшив энергоотдачу.

Романтическая картинка. Ночь. Поют цикады. Сонно шепчутся листья деревьев. Тихо и мелодично плещет вода небольшой речки, протекающей за кустами в пределах защитного периметра. Все три луны на фоне ярких созвездий создают причудливые тени, делая самые обыденные вещи странными, незнакомыми и загадочными. На моих коленях лежит головка красивой девушки. Я глажу шелк ее волос. Мне тепло и… волшебно. Этим своим настроением я и пытался поделиться с Ситорой, понимая, что именно этого ей сейчас и не хватает.

Вдруг девушка встрепенулась и посмотрела на меня своими глубокими, черными, как сама ночь, глазами, в которых ярко сияли бриллианты звезд первой величины. На несколько секунд мы вот так — глаза в глаза — замерли, потом вампиресса, немного запинаясь, прошептала:

— Я не обижусь, если ты откажешься, но… сейчас мне очень нужно… глоток твоей крови и… немного любви. Я чувствую — ты способен… твоя энергия из ладони… Я даже готова заплатить…

Она, затаив дыхание, ждала моего ответа, а я задумался. Конечно же, это была никакая не любовь или внезапно вспыхнувшая страсть ко мне — «великолепному экземпляру

самца». Насколько мне было известно, вампиры испытывали потребность в ласке противоположного пола раз в несколько лет, будто накапливая страсть, или после сильных потрясений. Таких, например, как пережила только что Ситора. В любом случае, к подбору партнера подходили они очень тщательно, крайне редко выбирая представителей иных рас, поскольку практически никогда в результате такого альянса не рождались дети-вампиры.

Таким образом, если она предложила стать ее партнером на одну ночь именно мне — человеку, значит, она действительно в этом отчаянно нуждается. Мне тоже не помешает некоторая разрядка. Да и любопытство заело — а как оно получится?

Я согласился, и мы тихо, стараясь никого не потревожить, проскользнули к речке. Там я расстелил прихваченный с собой плащ, бережно помог Ситоре раздеться, совместив это с ласками. В свете лун мраморно белое тело девушки выглядело нереально красивым и в тоже время не совсем живым. Нет. Ничего похожего на мертвечину. Скорее что-то демоническое, словно сама дочь ночи снизошла на берег тихого ручейка. В целом, все это производило впечатление зыбкого, но сказочного, полусна — полуяви.

Я протянул девушке свое запястье. Она не больно укусила, сделала ровно три глотка, затем, лизнув языком, моментально остановила кровь — мне и регенерацию свою запускать не пришлось — и со вздохом легла на плащ. Она, по-видимому, ожидала, что партнер-человек рухнет на нее и быстро закончит все дела, как привыкли короткоживущие существа, но я спешить не стал и сначала обстоятельно с помощью губ, языка и рук тщательно настроился на партнершу — как учили… хм — и, только когда девушка сама в нетерпении все настойчивее и настойчивее не начала пытаться буквально изнасиловать меня, вошел.

На место мы вернулись уже под утро. Ситора, прежде чем лечь поспать оставшийся часик-полтора, довольно мне улыбнулась и нежно поцеловала в щеку.

И тут я почувствовал на себе чье-то внимание. Фиора, приподнявшись на локте, совершено не скрываясь, сверлила меня яростным взглядом, словно мужа — мартовского кота, вернувшегося под утро пропитанным запахом валерьянки и чужой кошечки. Поняв, что ее заметили, зло фыркнула, резко отвернулась и натянула одеяло себе на голову. Я пожал плечами, в свою очередь, тоже поцеловал Ситору и прошел на свое место.

Утром Фиора была полна злобы, яда и безрассудства. Попало всем, кто подвернулся ей под горячую руку. Кроме меня. Я стал вовсе пустым местом и, когда невольно наши пути пересекались,

она обходила меня, словно трухлявый пень, заросший поганками, или вонючую лужу.

С этого самого дня она и стала лезть «поперек батьки в пекло». Отчаянно проникала в такие глухие уголки руин, куда и мне было страшно входить, при нападении монстров кидалась в первые ряды и дралась с отчаянной храбростью. На все увещевания Лима только фыркала и отворачивалась. Будь она просто наемницей, никаких проблем и не было бы. Хочет сложить голову в срочном порядке — да и пусть себе. Лишь бы с собой никого не утянула. Но. Вся загвоздка была в принадлежности девушки к королевскому дому. В случае ее гибели отряду грозило долгое и нудное разбирательство с выяснением всех самых мельчайших подробностей происшествия. Поэтому Лим так переживал и мучился. Не раз на словах проклинал тот день, когда он согласился на ее зачисление в отряд в обмен на карту — лучше совсем без добычи остаться, чем иметь ее такой ценой. Он пробовал определить девушку к мечникам, но те воспротивились, предупредив, что команда у них слаженная и человек со стороны будет для них словно у птицы третье крыло. Гномам она была категорически не нужна и те также пригрозили, что уйдут из отряда, раз им настолько не доверяют. Магам она не нужна была тем более, а лекарь в отряде уже был и все равно на равных участвовал в поиске. Просто так, без оснований, исключить из отряда кого бы то ни было совершенно невозможное дело, тем более мотивируя страхом за жизнь охотника. Свои же собратья охотники осудят такого командира и живо разбегутся — объясняй, не объясняй потом причины. Так что, пришлось командиру, скрепя сердце, и, скрипя зубами, назначать девушку в поиск. Однако он не терял надежды поймать Фиору на неисполнении прямого приказа и получить повод убрать ее из отряда. Но та была настороже, и стоило командиру что-нибудь ей приказать, выполняла все в точности, скрупулезно следуя духу и букве распоряжения.

Вот так и стал Лим похожим на кота в засаде — ну только чуть-чуть ошибись, птичка, тут же тебя цап-царап!

Сегодня Фиора опять «отличилась». Надо отдать ей должное, чутье охотника у нее развилось на зависть. Она и углядела этот пакостный ларец, стоящий в глубине комнаты без окон. Увидела она его через окно и дверной проем на первом этаже развалин трехэтажного дома. Виден он был с такого ракурса, что, даже точно зная расположение предмета, не сразу его обнаружишь. Нарушать дисциплину она не стала и при очередной встрече поисковиков четко об этом доложила. Дело в том, что мы обычно

в поиске двигаемся расходящимся веером. Метров через пятьдесят-сто сходимся, обмениваемся мнениями и ощущениями. Довольно часто бывало так, что искатель не видит, не знает, но что-то чувствует. Здесь никто его не осмеет. Наоборот, потребуют подробнее рассказать о своих ощущениях, вместе хорошенько подумают и примут решение — копать или не копать в данном направлении. Копать, кстати, иногда приходится в буквальном смысле.

Лим, поразмыслив, предложил вернуться за ларцом и, не услышав возражений, скомандовал:

— Возвращаемся, подтягиваем отряд и действуем.

Мечников командир поставил прикрывать углы здания, двух гномов и магов — центр, сам он взял на себя окна верхних этажей, а Ситору с Фиорой направил в комнату за ларцом. Нам с гномом Ждамом, как обладателям самого мощного оружия в отряде — скоробоев, приказал непосредственно прикрывать девушек.

Мне уже давно пришлось рассекретить, что я имею скоробой и ручную бомбарду. Древнее оружие было редкостью и стоило очень дорого, особенно в таком хорошем состоянии. Мало того, кристаллы-накопители сами по себе имели приличную цену, в том числе недешево стоила их перезарядка. Но когда пришлось выбирать — использовать свою магию на глазах магов отряда или ручное оружие — я предпочел засветить оружие. Всегда можно отговориться тем, что нашел. Или получил от учителя, или просто купил где-то. Лим тут же попросил меня уступить ручную бомбарду принцессе, на что я не возражал, понимая его волнение. Он, может быть, попросил бы и скоробой, но тот из-за веса и габаритов девушке не очень подходил. В отряде, кстати, был еще один скоробой, который принадлежал одному из гномов (или всем вместе), но те никому и никогда не давали им пользоваться.

Нужное нам помещение представляло собой довольно большой, вероятно, когда-то бальный, зал с четырьмя большими окнами с низкими, почти до самой земли подоконниками. С противоположной стороны зал перегораживала глухая стена с дверным проемом ближе к правому краю. Проем этот был плотно забит битым кирпичом и прочим мусором, также как и главный вход, расположенный по центру правой стены. В левом углу была отгорожена небольшая комнатка, скорее всего, кладовка, в которой на время бала хранили напитки и закуски, предназначенные для услаждения гостей. Вот в этой то комнатке без окон и виднелся под определенным углом столик, на котором стоял вожделенный ларец.

Девушки осторожно подошли к зданию, внимательно, еще

раз, осмотрели зал и, не увидев опасности, вошли через окна в помещение. Ничего не произошло. Они сделали пару шагов по направлению к кладовке и тут… Я что-то почувствовал, но, что конкретно, никак не мог вспомнить. Словно едва уловимый запах или ощущение чего-то знакомого. Кажется, вот-вот и ты вспомнишь все — и что это за запах и что с ним связано и что следует от него ожидать, но как ни силился, ничего конкретного на память не приходило. Одно только чувство угрозы и опасности тревожным колокольчиком стало все громче звенеть где-то внутри моего естества. Я насторожился и расширил круг внимания до максимума. К сожалению, с тренировками в отряде было довольно напряженно — я старался, как бы ни был занят, найти время и место, чтобы размяться, но его было слишком мало. И места и времени. Поэтому мне часто приходилось использовать транс для тренировки тела, а что оставалось — магии. Таким образом, предел моих поисковых сетей составлял по-прежнему полкилометра, но и этого хватило, чтобы увидеть в магическом диапазоне стремительно приближающуюся со всех сторон волну мутантов. Казалось, с каждым шагом девушек по направлению к ларцу скорость их движения возрастала, хотя и так была немалой. Я крикнул, что чую опасность со всех направлений. Вскоре элв подтвердил мои слова.

— Через несколько секунд они будут здесь! Очень много мутантов! Мы можем не сдержать их!

Трудно сказать, что бы было лучше делать девушкам в этой ситуации. Может быть, отступить к отряду, а может быть и нет. Во всяком случае, пока Ситора колебалась — что-то в последнее время она стала очень осторожна — Фиора бросилась через зал в кладовку. И тут со всех сторон на отряд навалились мутанты.

Вероятно, когда-то много лет назад это были люди, но теперь, кроме двуногости — и то не всегда — они их ничем не напоминали, даже количеством голов, ртов и рук. Толстые, почти лопающиеся, или худые, совсем скелеты; несгибаемые, как лук титана, или гибкие, словно змеи — они оголтело перли вперед, не считаясь с потерями. Раньше они себя так не вели. Обладая некоторым разумом и инстинктом самосохранения, старались устраивать засады, внезапные налеты, но никогда не лезли так, как сейчас. Напролом. Даже серьезно раненые продолжали упорно двигаться вперед и вперед к цели — то есть к девушкам. Остальные, судя по всему, их не интересовали и воспринимались, как преграда, которую надо быстрее преодолеть.

Мечники перестроились дугой спиной к зданию, вместе с магами прикрывая окна зала. Гномы из арбалетов садили по окнам второго и третьего этажей, сбивая мутантов, с ловкостью

обезьян карабкавшихся по стенам от углов дома и через остатки крыши. Оттуда они старались спрыгнуть вниз и прорваться в зал. Мы с Ждамом прикрывали фланги мечников.

Толпу мутантов нападавших я встретил сплошным огнем. Вскоре к частому пульсирующему посвисту моего оружия присоединился такой же слева — Ждам со своим скоробоем тоже вступил в схватку. Вдруг Фиора вскрикнула и к нашим руладам добавились редкие вздохи ручной бомбарды девушки. Мутанты, не сумев прорваться сквозь залпы гномов прямо к окнам зала, сменили тактику. Они пробили дыру в потолке и проникли к девушкам сверху. Один из секторов внимания показал мне, что работа по пробивке еще нескольких дыр продвигается у мутантов успешно. Ситора превратилась в вихрь, из которого разлетались ошметки окровавленного мяса. Не отвлекаясь от основной работы, я выделил сначала два, потом четыре сектора внимания, объединив их для магического осмотра помещения и собственно ларца, предмета нашего любопытства. Так много потребовалось из-за очень интересной структуры воздействия, внедренной в кристалл, находящийся в открытом ларце, и другого воздействия, внедренного в сам ларец. Схема была очень сложной, красивой, удивительно компактной и настолько неэнергоемкой, что, проработав столько лет, могла продолжать работать еще столько же.

Твари сбегались со всего города и наращивали давление. В то же время мечники уже потеряли троих своих товарищей. Их сбили с ног и, навалившись всей массой, попросту разорвали в одно мгновение. Элв пока в схватку не вступал, готовя мощное воздействие. Оно мне было знакомо, но не очень подходило для скоротечного боя. Подготовив структуру, элв стал вливать в нее энергию и, по-видимому, не рассчитал сил. Он уже шатался, выжимая из себя остатки, но магии все равно не хватало примерно трети. Главное, он использовал не внешнюю энергию, а только внутренние силы — стало быть, в управлении магическими потоками он находился в самом начале пути… или не имел толковых учителей. Решив, что в такой драке вряд ли кто обратит внимание и поймет, я немного помог элву — закачал недостающий объем, а у мага, похоже, звезды в глазах хороводы водили, поскольку он явно заметил только то, что воздействие готово к активации. С облегчением оттолкнув от себя структуру, элв активировал воздействие и без сил рухнул, где стоял. Его творение сформировало зеленоватое облако, похожее на слоистый дым, которое выгнулось в полукруг радиусом метров пятнадцать и опустилось на землю немногим дальше строя мечников. Моментально в том месте, пробив каменную мостовую,

выстрелили вверх ростки жутко колючего растения и с огромной скоростью образовали непроходимое переплетение прочных веток, усеянных ядовитыми шипами в ладонь длиной.

Однако мутантов это не смутило — они лезли напролом, гибли, повисали на ветвях, а их сородичи продолжали атаку, используя тела погибших, как мостки. Когда вал из трупов на кустарнике, продолжавшем расти, достиг двухметровой высоты, мутанты стали с этой высоты перепрыгивать через мечников и, оказавшись у них в тылу атаковать сзади. Так мы потеряли еще двоих, пока не сократили периметр обороны до предела. А мне пришлось покрутиться, как и всем, кто был за спинами мечников. Пристрелить из скоробоя мутанта — еще полдела. Увернуться от падающей туши — другая половина. Я вынужден был почти все сектора внимания переключить на оборону. Первая дыра в потолке расширялась, и вскоре девушки явно не смогут противостоять натиску мутантов. Чтобы помочь им я задействовал одну из последних разработок центра — запространственный щит. Один. Которым заткнул дыру в потолке. В зале сразу стало свободно, хотя монстры, словно гигантская сумасшедшая мясорубка продолжали продавливать своих сотоварищей сквозь щит в неведомые дали, даже не заботясь их судьбой. Я очень наделся, что девушки в полутьме комнаты не разглядят, куда подевались нападавшие, а маги, занятые боем, да в этом безумии слабеньких магических воздействий тварей, не разглядят структуру моего.

Надо было прорываться отсюда, а для этого вернуть девушек из зала, но только Лим собрался отдать соответствующую команду, как Фиора, пользуясь передышкой, стремительно бросилась к кладовой. Вот тут и прозвучали исторические слова Лима. В горячке боя он не потерял голову и сумел разглядеть, что твари уже пробили потолок еще в двух местах.

Девушка влетела в кладовку, подхватила ларец и… оказалась отрезанной от нас толпой мутантов. Она отступила обратно в комнатку, поставила ларец на место и встретила нападавших в дверном проеме. Прабабушка действительно хорошо учила — Фиора словно окуталась молниями, так стремительно мелькали клинки в ее руках, не давая тварям приблизиться на длину шпаги. Густая кровь монстров брызгала фонтаном, из толпы сыпались отрубленные конечности, головы и куски тел мутантов. Однако долго это продолжаться не могло. Еще немного и обезумевшие монстры завалят девушку телами и просто утопят в своей крови. Да и уклоняться от ударов когтистых лап ей становилось все сложнее и сложнее.

Скоробой использовать я опасался — можно было задеть

девушку. Тогда я выхватил клинки, увеличив их магическую длину до максимума, и стальным вихрем врезался в гущу тварей, не забыв добавить еще два щита к дырам в потолке, чтобы хоть немного перекрыть поток мутантов.

Пробив себе кровавую тропу, я, не церемонясь, затолкнул Фиору в кладовку и в ответ на возмущенный возглас прорычал:

— Закрой крышку!

— Хам!

— Закрой крышку ЛАРЦА!

Чвяк! Хлопнула крышка, и я тут же отправил в замок ларца воздействие, блокирующее гармонические колебания магии, которое давно подготовил, но не имел возможности применить. Оно не подействовало бы при открытой крышке, а закрыть ее дистанционно у меня не получилось — внедренная в ларец структура заставляла магические воздействия либо проскальзывать мимо, либо отражаться.

В это самое мгновение сверху на девушку упал кусок потолка, оглушив ее, и рухнули две твари. Одна из них прямо в полете достала спину Фиоры когтями, пропоров четыре глубокие борозды. Этому мутанту я сначала отрубил лапы, затем снес голову. Второй мутант на полсекунды пережил своего товарища и, развалившись на две половинки, прилег рядышком.

Это была последняя атака. Стоило ларцу закрыться, мутанты с паническим визгом и воплями бросились врассыпную, будто инстинкт самосохранения, доселе дремавший в них, вдруг проснулся, и они внезапно осознали, в какую мясорубку только что добровольно лезли.

Я подхватил потерявшую сознание девушку на руки и вынес на улицу. Отдуваясь и устало вытирая пот, вокруг нас с Фиорой собрался весь отряд. Точнее, что от него осталось. Положив раненую на расстеленный кем-то плащ, не мудрствуя лукаво, распорол кинжалом остатки куртки и рубашки девушки. Быстро остановил кровь, затем промыл раны зельем и на всякий случай перевязал, наложив заживляющую мазь. В конце процедуры добавил воздействие, ускорившее регенерацию. Надеюсь, шрамов на спине не останется. Попросив Ситору напоить девушку укрепляющим эликсиром, когда она очнется, занялся другими ранеными. Фактически каждый боец отряда получил то или иное повреждение. Пятерых погибших мечников вернуть к жизни не удалось.

Закончив и с этими делами, я присел у стеночки, закрыл глаза и собрался ненадолго уйти в восстанавливающий транс — сегодня мне тоже досталось. Все-таки гораздо легче драться, когда не надо никого прикрывать и думать, как бы не попасть по

товарищам, да еще стараться при этом не демонстрировать особо свои возможности.

Отдых мой был недолгим. Маг Лотий подошел ко мне, внимательно посмотрел и спросил:

— Как ты понял, что надо закрыть шкатулку?

То, что я, кроме прочего, еще и блокировку активировал, он, похоже, не заметил, а хвастать я не стал. Пожав плечами, сослался на чутье. Якобы, оно мне подсказало необходимость сделать именно так.

— В чем дело, Лотий? — спросил его командир.

— Я не знаю как… — задумчиво протянул маг, — и не знаю почему… но что-то привлекает тварей, когда шкатулка открыта. Могу предположить, что вокруг создается специфический магический фон… явно не простой. И вот этот фон… В общем, вероятно этот фон связан с магической энергетикой тварей. На больших расстояниях он их притягивает, а на близких, наоборот, отталкивает. Причем любой чужак, а может даже и свой, приблизившийся к ларцу, вызывает у окрестных монстров однозначную реакцию — немедленно напасть и, не считаясь ни с чем, разорвать.

Я был честно восхищен проницательностью этого далеко не старого мага. Лет ему на вид было около сорока. Но с таким же успехом могло быть и все двести сорок, в зависимости от его силы и искусности.

— Почему же ты считаешь, что на близком расстоянии этот фон их отталкивает? — после некоторого раздумья спросил Лим.

— Иначе они постоянно терлись бы рядом с ларцом. Далеко бы отойти были не в силах, а как охотиться, чем питаться?..

Что-то мне не понравилось в том, как отряд, точнее, кто-то из отряда, отреагировал на слова мага.

Внимательно перебрав свои воспоминания, работая при этом в пять потоков по числу выделенных секторов, я понял, кто. Гномы. Такое впечатление, что они прекрасно знали, если не этот конкретный ларец, то подобные ему. Ну ладно, знали. Однако они пытались сделать вид, что удивлены этим открытием так же, как и все. А это действительно было важное открытие, если об этом не знал один из лучших (правда-правда лучших) командиров отряда охотников за сокровищами древних. Вот только зачем это гномам? Пока не ясно.

Глава 17

— …Скажи, Ситора, ты ведь из-за него уходишь из отряда?

— М-гм… из-за него, — мягко и нежно почти мурлыкнула Ситора с оттенком удивления. — А откуда ты знаешь?

— Знаю! Я все видела и считаю, что так нельзя! Я это дело так не оставлю! Я с ним поговорю! — возмущенно воскликнула Фиора.

Я услышал разговор девушек случайно — шел на «мужскую» половину ручья, места, определенного для купания мужской части отряда, и, видимо, слишком близко подошел к «женской». Не следует также сбрасывать со счетов мой тонкий слух, позволивший услышать тихий говор — девушки отнюдь не кричали на весь лес «о своем — о девичьем».

За два дня, прошедших после памятного боя, мы похоронили павших (что от них осталось), подлечили раненых и все набрались сил для похода на юго-восток в столицу Кронтора. Лим хотел передать таинственный ларец непосредственно магам столичной академии, справедливо полагая, что наш отряд способен сохранить добычу не хуже королевских гвардейцев. Да и где искать тех гвардейцев в эдакой глуши? Две-три деревеньки, которые согласно современной карте должны встретиться по дороге, не в счет. Там не было даже постоянного сборщика налогов, не говоря уж о силах способных с гарантией доставить нашу добычу властям и… выплатить вознаграждение, размер которого наш предводитель уже, облизываясь, прикидывал. Понятное дело — тайна ларца важна для всего мира и в первую очередь для собратьев-охотников, но почему бы не наварить на этом немного денег? Как-никак отряд рисковал и отдал за него пять жизней своих товарищей. То, что родным погибших причитается по три доли за каждого, даже не обсуждалось. Говорили только, как передать и в каком виде — монетами, найденными артефактами или как-то иначе. Откровенно говоря, это мне весьма импонировало.

Сегодня Ситора заявила, что уйдет из отряда, как только мы дойдем до городка Вапаи, неподалеку от столицы. Сказала, что ей грустно расставаться с нашей командой, но обстоятельства вынуждают поступить именно так. Ее очень ждут в Кассарии. Командир, которому она единственному сообщила причины такого решения, с ней согласился и заявил, что отпустил бы девушку прямо сейчас, или даже проводил ее в ближайший город,

отклонившись от маршрута, но, к сожалению, ближайшим как раз и был Вапаи.

— Поговоришь?! С ни-и-им? — безмерное удивление и растерянность слышались в голосе вампирессы. — Я знаю, что ты ученица мага лекаря, но чтобы вы, лекари, умели говорить с… ними… никогда не слышала.

— А что тут такого? — в свою очередь удивилась Фиора. — Подойду и поговорю. Я, конечно, с ним принципиально не общаюсь, но должно же у него быть хотя бы зачаточное представление о чести.

— Подожди. Фиора. Я не понимаю. Ты будешь говорить с моим еще не рожденным сыном? И почему-то принципиально с ним не общаешься? Он уже успел тебя обидеть?

— Каким сыном? — принцесса, похоже, была ошарашена не меньше Ситоры. — Причем тут сын? Я говорю про Родеро! Этот кобель, как честный человек, обязан на тебе жениться. Прости, но я знаю, чем вы занимались той ночью.

— А причем тут Родеро?

— Но ты же из-за него уходишь из отряда…

— Кто тебе сказал такое?

— Так ты же мне только что сказала: из-за него!

— Я такое не говорила.

— Как не говорила? А только что?..

— Ф-фух. Фиора. Ты меня совсем запутала. Я не хотела говорить… и сейчас не хочу, чтобы все начали обсуждать: кто, когда, от кого… Но раз ты и так теперь узнала, то, так и быть, объясню. Только прошу тебя — не говори никому. Хорошо?

— Клянусь! — в голосе принцессы явственно слышалось предвкушение тайны.

— Я беременна. Причем не просто беременна. У меня будет сын. Мальчик нашей расы. Не человек, а полноценный вампир с большими способностями к магии. Представляешь?! Это такое счастье и такая редкость…

— Я понимаю, конечно. Для любой женщины родить ребенка — это счастье…

— Нет. Ты не понимаешь, — перебила Ситора. — После войны нас стало слишком мало и очень трудно найти партнера с подходящим типом энергетики, а только от такого может родиться вампир с хорошими магическими способностями. Большинство же родившихся имеют довольно посредственные способности. Как я, например. Кое-что могу, но даже Лотий — средний по меркам людей маг — значительно сильнее меня. Поиски партнера, бывает, занимают всю жизнь, да так и остаются

бесплодными. Наш владыка прилагает титанические усилия, чтобы как-то разрешить эту проблему — устраивает ассамблеи, балы, конференции, на которые съезжаются вампиры со всего континента. Тратится на научные изыскания, на защиту каждого вампира, пусть и из другого государства, и даже воюет за ресурсы, за повышение благосостояния своих подданных, за выживание каждого младенца, где бы он ни был… Все равно талантливых детей рождается чуть больше, чем гибнет магов-вампиров. И такое неустойчивое равновесие продолжается уже несколько столетий. В общем, когда я почувствовала в себе новую жизнь, сразу пришла в ближайшее представительство Кассарии — это было в последнем городке Солди, куда мы заезжали продать добычу и пополнить припасы — и все рассказала. В том числе о своих подозрениях. По всем признакам я беременна вампиром-магом. Представитель потребовал остаться и даже собрался выделить сопровождение в Кассарию. Но тогда это были только подозрения, а перед Лимом я в долгу. Поэтому осталась. Но дальше тянуть невозможно. Понимаешь? Я обязана! Ради своей расы! Выносить и родить этого ребенка. Мне нельзя рисковать.

— Вот оно что-о-о-о… А как же Родеро?

— А что Родеро?

— Ну-у-у-у-у… вы же любите друг друга и по законам чести…

— Прости, что перебиваю, но ты, наверное, забыла, кто я. У нас все иначе. Не так, как у людей. В ту ночь Родеро поделился со мной силой, и его магия настолько отвечала моей, что у меня проснулась потребность в любви. Это была дружеская помощь. Я даже готова была заплатить за нее, но он отказался. У нас, конечно, случаются долгие привязанности, но это совершенно нетипично. В основном, женщина, когда возникает такая потребность, начинает чувствовать, кто ей подходит в большей степени. Тогда двое… любят друг друга. В результате их единения может появиться ребенок. Однако воспитание будущего вампира — это большой труд и огромная ответственность. Мужа до совершеннолетия ребенка назначает совет старших вампиров или сам древний. Наш владыка. Получить от него лично благословение и мужа — высокая честь. Как ты понимаешь, муж у меня может быть только вампир и никто иной.

— Значит, вы с Родеро не можете быть вместе?! Как это ужасно!

— Почему же ужасно? Для нас это нормально.

— Но вы же любите друг друга!

— Фиора. Не говори глупости. Он человек — я вампир. Мы — разные. Одной ведь кроватью любовь не исчерпывается. Не так ли? Думаешь, ему будет интересно со мной? Случались, говорят,

браки людей и вампиров, но ни к чему хорошему они не приводили. Поверь мне.

— Ну а ты его любишь?

Ситора тяжело вздохнула. Видимо, бесконечные вопросы ей уже надоели.

— Нет. В том смысле, который ты вкладываешь, не люблю. И он меня, уверяю, тоже.

— Значит! — с восторгом чуть не в голос воскликнула Фиора. — Вы не любите друг друга?!

— Еще раз повторяю. Нет! Мы не любим друг друга. Мы с Родеро — соратники и добрые друзья. Ничего более.

— Ситора! Пошли купаться! Погода такая чудесная!

— Хм. Да. Можно так сказать. Дождь не идет и для осени очень даже тепло…

— Какая ты… прямо… не романтичная! Вампирка, одним словом!

— Ой-ой-ой! А кто два месяца ходил надутый, как мышь на крупу? Не знаешь? Да весь отряд…

Ситора осеклась и замолчала. Несколько секунд длилась напряженная пауза, затем принцесса, с трудом выговаривая слова, тихо спросила:

— Что весь отряд?

— Нет, ничего. Ерунда это все. Не мучайся из-за разных глупостей…

— Ситора! Прошу тебя. Скажи, что за гадости выдумали про меня в отряде? Прошу тебя, как подругу.

— Понимаешь, — чувствуется, не без внутренней борьбы начала Ситора, — твое старательное игнорирование Родеро натолкнуло всех на мысль… глупую, конечно. Что ты влюбилась в него, как кошка, а он тебя не замечает. Отсюда твое стремление вылезти в первые ряды, попереть на рожон… только бы он тебя заметил…

Принцесса фыркнула:

— Вот еще! Нужен он мне больно. Лекаришка какой-то! Да за мной герцоги толпами по пятам ходят!

— Вот и я думаю, — покладисто сказала Ситора, — зачем тебе лекарь. Хоть и очень непростой лекарь…

— Ты тоже заметила, что он очень не прост? — живо откликнулась Фиора. — Вот и Литерия говорит — очень он не прост. Представляешь?! Когда я забегала в резиденцию перед отъездом из Бессора, сиделка, которая ночью дежурила в покоях моего брата, поклялась, что собственными глазами видела. Он во сне ногами(!) пошевелил. Представляешь?! Лучшие медики королевства и даже из других стран ничего сделать не могли, а

тут, в провинции, какой-то молодой парень… Теперь я понимаю, зачем Литерия поручила мне… Ой. Темнеет что-то, а мы еще не искупались. Пойдем быстрее.

— А что тебе поручила сестра? — с извечным женским любопытством, характерным и для женщин вампиров, спросила Ситора.

— Поручила? Я сказала: «поручила»? Нет, ничего не поручала. Купить кое-что по пути. Пойдем лучше купаться…

Дальше заниматься неблаговидным делом (подслушивать) стало неинтересно, и я пошел умываться перед ужином.

Гномы уговорили Лима сделать небольшой крюк на северо-восток и заглянуть в развалины города Сорамето. Карту командир, разумеется, не показывал никому, но гномы и так знали примерное местоположение. По их уверениям в этом населенном пункте был когда-то гномий банк, в котором с древних времен должны были сохраниться немалые ценности. Для того чтобы попасть в хранилище, надо было знать, как его открыть, поскольку магии там наворочено с давних времен ужас сколько. Причем защита ставилась тогдашними архимагами гномов, что гарантирует полную недоступность клада для других искателей. Наши гномы узнали о нем совсем недавно, так что пока… — Ждам, как главный, занимался уговорами и специально подчеркнул это «пока» — …пока, стало быть, другие гномы-конкуренты до него не добрались. Однако, как только доберутся — отряду ловить будет нечего. Нетронутый гномий банк — куш очень солидный. К тому же, как я понял, риск был на уровне обычного. Да. Может встретиться опасная тварь наподобие той, из-за которой, к примеру, погиб брат Ситоры, но на самом деле толпы мутантов и монстров по улицам руин отнюдь не шастают. То, что произошло в последних развалинах — большая редкость, и, насколько я понимаю, никакая не случайность.

Тем не менее, Лим сначала спросил вампиршу, не возражает ли она против небольшой задержки, и, только получив ее согласие, принял решение.

К Сорамето мы подошли на четвертый день к вечеру. Сразу в город не полезли и переночевали в лесу. Ни наши разведчики, ни я своими методами не обнаружили ничего необычного. Точнее, необычным было то, что тварей оказалось в пределах досягаемости моей сети меньше обычного. Впрочем, не намного.

В этот раз мы не стали обследовать руины, а пошли все вместе. Гномы указывали дорогу. Иной раз они долго совещались на бывших перекрестках, пару раз возвращались назад, но в целом уверенно выдерживали направление. Остановившись,

наконец, у ничем не примечательных руин когда-то трехэтажного строения, сообщили, что это и есть наша цель.

Два дня мы разбирали битый камень и копали, чтобы очистить вход в подвал. Собственно, самое тяжелое и опасное в работе охотника за сокровищами древних — это разбор таких вот завалов. Редко когда ценности лежат на виду — подходи и бери. Гораздо чаще приходится копать и думать, как бы не обрушилось ветхое перекрытие или стена. Магия магией, но выкапываться из под многотонной груды камней — задача нетривиальная. И так можно неделю копать, чтобы в результате найти старый, битый ночной горшок, хотя чутье охотника и все признаки указывали на богатый клад.

Гномы не обманули… скорее не обманулись, поскольку работали едва ли не больше всех. Такое впечатление, что для них крайне важно было добраться до этого хранилища. Мечта, можно сказать, всей жизни. Меня их поведение немного настораживало. Да еще и ларец… Они определенно заранее знали, что это такое. Да еще этот до боли знакомый «запах» магии ларца… где-то я определенно с ней сталкивался… но где… никак не мог вспомнить. Мысли в голове крутились по кругу, казалось, еще чуть-чуть и все прояснится. Однако разгадка, нахально показав язык, снова уходила в глубины памяти.

Гномы сказали Лиму, что нам предстоит долгий переход подземными галереями и оставлять мечников в прикрытии нет никакого смысла, поскольку почти наверняка выбираться придется другим, более удобным, путем. Командир послушался совета, и весь отряд приготовился последовать за потомками хозяев хранилища. Гномы собрались перед расчищенной массивной стальной дверью в подвал, достали из мешков какие-то записи и стали, сверяясь с ними, производить различные манипуляции. Один нажимал в определенной последовательности на стальные квадратики с цифрами слева от двери, в то время как другой переставлял два десятка рычажков в определенное положение справа от двери. Третий же по командам старшего крутил стальные колеса с рукоятками. То на полный оборот, то на четверть, то на половину. Вперед и назад. Наконец, что-то громко щелкнуло, лязгнуло, и массивная стальная дверь со скрежетом стала открываться наружу. Толщиной она была сантиметров двадцать и настолько плотно защищена магией, что мне пришлось бы пару суток попотеть, чтобы взломать.

За дверью открылся квадратный проход, облицованный полированным гранитом, высотой и шириной метра три. Галерея освещалась магическими светильниками, подвешенными на

потолок через каждые десять метров. Сейчас они светили довольно тускло. Вероятно, накопитель отдавал последние крохи энергии.

— Как видишь, Лим, задерживаться нет смысла, как и возвращаться этим же путем. Ну разве что в крайнем случае.

— Да, Ждам. Теперь я понял, что ты имел в виду, когда предлагал не оставлять прикрытия. Идем?

— Идем, — согласился гном. — Не отставайте, а то здесь целый лабиринт. Заблудиться, что высморкаться. Ждать и искать никого не будем. Иначе все потеряетесь.

Минуты через три этот туннель закончился такой же, как входная, массивной стальной дверью, и гномы снова принялись шаманить с замками и запорами. За этой дверью нас ожидал коридор с множеством ответвлений и перекрестков, но уже не пустой, а заваленный рассыпающимися в труху пустыми деревянными ящиками, ржавыми стальными коробами, мешками непонятно с чем. Столь же тусклый свет магических светильников озарял путь наш во мраке. В этом лабиринте мы блуждали около часа и я, с первого раза запомнив ориентиры, составил примерную карту нашего пути. Получалось, что мы нарезали кругов двадцать, прежде чем оказались перед искомым входом в хранилище. Это еще больше меня насторожило, и теперь я ни единого шага гномов не упускал из виду.

Дверь в само хранилище оказалась просто монументальной — полметра зачарованной стали. Кроме знакомых уже квадратиков, рычажков и колес в самой двери была выемка причудливой формы, в каковую Ждам, бережно достав из мешка, утопил металлический предмет, совпавший с ней по форме. Эта дверь не распахнулась, а вкатилась вправо, открыв довольно большой по площади зал. Стоило нам пройти за порог, как в нем вспыхнул свет, гораздо более яркий, чем в коридорах, и мы смогли в деталях рассмотреть интерьер. Он был прост и функционален. Все пространство занимали металлические длинные и прочные на вид шкафы с закрытыми ящиками и узкими проходами между ними. Каждый ящик имел по три прорези для ключей. Один ключ, насколько я знаю, хранился у клиента, а два у служащих банка. Открыть ячейку они могли только все вместе.

— Депозитарий гномов в вашем распоряжении, ребята, — с нехорошей ехидцей провозгласил Ждам. — Можете начинать потрошение ячеек. Советую начать с тех, что у дальней правой стены. Ближайшие обычно заполняли всяким бумажным хламом, не имеющим теперь ценности: закладными, купчими, договорами. Так что вы там начинайте, а мы немного походим и

присоединимся к вам.

Хотя в лабиринте мы не видели никаких тварей, тем не менее, Лим оставил двух мечников охранять вход. Весь остальной отряд направился, куда советовали гномы, сразу от входа к дальней правой стене. Для этого пришлось миновать, я посчитал, тридцать один ряд шкафов. Гномы пошли в противоположном направлении.

Я наблюдал за вскрытием ячеек и с помощью магической сети продолжал следить за гномами. Ячейки, не мудрствуя лукаво, выбивали топорами. Грохот стоял, словно в кузнице. Даже уши закладывало. Изъясняться приходилось по большей части жестами. Однако, первый улов не очень радовал — бумаги, любовные письма, скромное колечко с запиской на общеимперском: «Это самое дорогое воспоминание о славном вечере с милым Розакором», — и далее в том же духе. Правда, через час работы в одной из ячеек нашли мешочек с драгоценными камнями на приличную сумму, и это вдохновило на дальнейшие подвиги.

Поведение гномов нравилось мне все меньше. Оно не было похоже на простой осмотр хранилища. Куда более оно напоминало целенаправленный поиск. Один шел по пятьдесят третьему от нас ряду в сторону входа, и, казалось, считал ячейки. Другой — в пятьдесят седьмом делал то же самое, но шел к дальней стене. Наконец, они явно что-то нашли, быстро взломали ячейки и выгребли их содержимое. Что-то небольшое по размеру. Даже маленькое. Что именно — разглядеть не удалось. После этого двое из них направились в сторону входа, а один в дальний левый угол зала. Я бросил взлом ячеек и поспешил, повинуясь предчувствию, ко входу. Однако они были гораздо ближе, а я, к тому же, старался делать все незаметно, то есть не бросился рывком к цели, а терял время, осторожно лавируя между шкафами. Пока я секретничал, случилось следующее. Гномы… внезапно напали на охранников, оставленных при входе и незатейливо перерезали им горло. Те не ожидали от них предательства и просто не успели защититься. Один из гномов выхватил из мешка ларец, приманивающий монстров, метнулся за дверь и куда-то его спрятал. К сожалению, все хранилище было окутано защитной магией высочайшего уровня и разглядеть с помощью моей сети, что творится за ее пределами, было совершенно невозможно. Отбросив осторожность, я заорал:

— Тревога! Гномы предали! Они убили охранников и открыли ларец!

Сам же побежал за ними вдогонку. Те побежали так быстро, будто стая монстров висела у них на хвосте. Услышав мой крик,

они еще прибавили в скорости и опережали меня метров на пятнадцать. Бежали-то мы не по прямой. Приходилось лавировать меж шкафами. Казалось бы, куда они денутся? Однако я чувствовал, что в левый угол зала бегут они неспроста.

Вылетев из-за очередного шкафа, я увидел, как последний гном скрывается в проходе, а массивная дверь уже наполовину закрылась. В той ситуации мне показалось наиболее разумным последовать за предателями. Отряд, уверен, обязательно выкарабкается — ребята там тертые. Тем более о ларце я их предупредил. Стоп! Вспомнил! Вспомнил, где я встречался с этим ощущением, этим «запахом» странной магии… В учебном центре, пробиваясь к порталу в этот мир. Точно также бесились монстры, точно также, не считаясь с потерями, и, забыв, что такое инстинкт самосохранения, бросались в атаку. Именно там через мою магию и магические воздействия монстров пробивался этот самый фон.

Я все-таки успел проскочить в закрывающуюся дверь. Однако в тот момент, когда мне показалось, что все, больше ни туда, ни сюда пройти невозможно, в щель буквально протиснулась, рискуя быть раздавленной, чья-то фигура. Точнее, фигурка.

— Фиора! Какого… ты… за мной?! И что теперь делать? Я не смогу открыть дверь и вернуть тебя обратно!

— Что делать — что делать… Предателей преследовать, конечно, — сердито ответила мне девушка.

Обреченно махнув рукой, я побежал по прямому, как стрела, туннелю. Девушка мчалась за мной, не отставая. Будь я один — использовал бы запространственные переходы, но с ней мы больше потеряли бы времени на обсуждения и еще неизвестно смог бы я нас двоих переместить. Короче, не время для экспериментов.

Выскочив из туннеля, мы увидели пять огромных крытых повозок, сцепленных между собой. Они имели стальные колеса, стоящие на удивительной дороге из толстых т-образных стальных же полосок, уложенных параллельно друг другу на расстоянии примерно восьмидесяти сантиметров и опирающихся на каменные блоки шириной сантиметров десяти — пятнадцати. В этот момент что-то лязгнуло и колеса стали вращаться. Поезд из повозок дернулся и начал двигаться по дороге, наращивая скорость. В последний момент мы с Фиорой успели заскочить на заднюю площадку последней повозки и уцепиться за поручни, приделанные возле задней двери, ведущей внутрь. Скорость движения все возрастала и возрастала. Скоро уже и кугар, умный и хитрый родственник кугуара, уже не смог бы угнаться. Грохот и стук усилился, ветер засвистел, гранитная облицовка сменилась диким камнем, и сами стены слились в туманную смазанную

полосу.

Дверь в повозку я открыл, просто вырезав кинжалом замок. Она не содержала никакой магической защиты и не смогла противостоять моим воздействиям. Внутри повозка имела по четыре небольших окошка по левую и правую руку от входа, закрытых толстым стеклом. Освещалось внутреннее пространство все теми же магическими светильниками. Повозка была пуста. Вдоль боковых стен до следующей двери тянулись по два ряда скамей с небольшими проходами между ними и с более широким посередине. Все это напоминало очень большой омнибус, которые я видел еще в своем мире. В противоположной от нас стене была еще одна дверь. Вырезав замок мы по узкому мостику перешли в следующую повозку, затем в следующую и следующую. Некоторые были со скамьями вдоль стенок, некоторые полностью пустые, в других стояли стеллажи с остатками какого-то барахла.

Судя по всему, нам с принцессой довелось проникнуть в бережно хранимую подгорным народом тайну быстрого перемещения грузов и отрядов гномов по континенту, чем славились когда-то гномьи банки. Как им удалось построить и эксплуатировать это чудо техники втайне от всех — непостижимо. Хотя может кто и проболтался по пьяной лавочке, но кто бы ему поверил, не увидев чудо собственными глазами?

Тройка предателей оказалась в последней — точнее, первой по ходу движения — повозке, оканчивающейся двумя большими окнами впереди, и креслом перед наклонной полированной металлической доской (панелью), на которой не было ничего, кроме странного паза слева у самого края. Ждам вразвалочку вышел вперед, достал из мешка непонятную штуковину с раструбом, криво ухмыльнулся и, направив ее на меня, что-то там нажал. Я, разумеется, тоже не стал ждать и, на всякий случай, сформировал запространственный щит. Моя перестраховка оказалась далеко не лишней.

Я ожидал, что из этой бандуры вылетит нечто большое. Размером с арбуз — иначе для чего раструб, как не для задания направления воздействию? Но из артефакта вылетел тонкий, со спицу, ослепительно фиолетовый луч и впился в мой щит. Сфокусированный до невероятной плотности поток магической энергии мгновенно снес первый и второй слой щита, немного задержавшись на третьем. Я успел сформировать еще один щит, а третий уже никак не успевал. Тем не менее, два первых щита, прежде чем разрушиться, существенно ослабили силу удара. Вместо тонкого луча в меня попал уже толстый, с дерево, столб пламени. Он не смог пробить мою защиту, но ударная волна от столкновения двух воздействий сбила меня с ног и все-таки не

расплескала в брызги. Всего лишь с маху шарахнула об заднюю стенку повозки рядом с дверью. Фиору тоже зацепило краем. Ее отбросило под скамью, где она и пролежала до конца боя без сознания.

Меня такое отношение со стороны бывших сотоварищей до крайности возмутило. Коротким запространственным рывком я переместился за спины гномов и двумя ударами кинжалов, увеличив лезвия магией, снес головы двум подельникам Ждама. Их мощные защитные амулеты не смогли сдержать ярости моих клинков, хотя и мне пришлось потратить столько магической энергии, сколько тратится за целый день активных тренировок. Сам главарь обладал еще более мощной защитой, поскольку все мои рубящие и колющие удары скользнули вдоль его тела, не повредив. Продолжая на предельной скорости уклоняться от раструба странной штуковины — не припомню описания такого оружия в библиотеке центра — я срочно формировал структуру воздействия, которая совсем недавно помогла мне уничтожить представителя вампиров в Бессоре. Ждам практически беспорядочно продолжал поливать окружающее пространство непрерывным потоком мощных воздействий из своей штуковины. Скамьи взрывались облаками мелких опилок с частичками бывших болтов и шурупов. Тела его друзей уже давно разбрызгались по всем стенкам повозки и частично испарились от жара, а он все давил и давил на спуск. В глазах его нарастал страх, а руки начинали дрожать. Видимо, он никак не мог поверить, что кто-то может противостоять древнему боевому артефакту.

Я не торопился. Если не получится сразу, придется начинать сначала и риск допустить ошибку, чуть-чуть не успеть уклониться от раструба, многократно возрастет. Тогда этот сумасшедший гном убьет меня и Фиору. Сколько раз я говорил себе, что с принцессами связываться не буду, однако мой троглодит с этим не соглашался — пусть она достанется другому охотнику, но своих женщин надо защищать «не жалея живота своего, яко наиглавнейшее дело». Не жалея сил, я сформировал структуру «магобоя» аж из семи фокусирующих линз, сориентировав воздействие в горизонтальной плоскости на уровне живота гнома. В идеале достаточно будет просто прострелить предателя, но оставить его в живых для допроса.

Наконец, воздействие готово. Блок самонаведения захватил цель и теперь не отстанет. Здесь и сейчас нет свидетелей, способных разглядеть, что за структуры магические формируются, поэтому я не стал тратить времени на блоки невидимости и саморазрушения после первого выстрела. Первые

три выстрела шариками перемороженного льда в магопробивающих оболочках только разнесли защиту гнома вдребезги, полностью исчерпав энергию в его довольно емком накопителе. Зато четвертый пробил кольчугу, живот и прошел почти насквозь, но зацепил позвоночник и взорвался. Тело предателя вспухло, кольца кольчуги с лоскутами одежды вперемешку с кровью и мясом картечью пробарабанили по стенкам повозки и по моей защите, а все, что осталось от зад… талии и ниже шлепнулось на пол.

На этом драка закончилась. Я бросился к Фиоре, достал ее из под обломков непритязательной мебели, и с радостью убедился, что с ней все более-менее в порядке. Уложив поудобнее, я погрузил ее в оздоровительный сон и добавил немного энергии. Сейчас для нее лучшим лекарством будет покой и сон.

Пятые сутки пути в чудо-поезде увенчались относительным успехом. Я сумел частично разгадать тайну магического универсального ключа, открывающего доступ ко всей транспортной системе гномов. Этот ключ вместе с еще одной удивительной находкой гномов я обнаружил в маленьком, но хорошо бронированном ящичке, привинченном снизу к наклонной металлической доске справа от кресла, как я теперь уже понял, возницы. Что представляет собой вторая находка, я толком разглядеть не успел. Вскрыв после двухчасовой возни ящик, я и ахнуть не успел, хотя применил все навыки вскрытия хранилищ артефактов и был на все сто убежден — опасной магии там нет. Тем не менее, как только моя рука — в перчатке — приблизилась к серебристой полоске непонятно чего, та молниеносно скользнула мне в рукав, словно живая змейка с рубиновыми глазками. Впрочем, не уверен, что мне не померещилось. Я резко отдернул руку и хлопнул себя другой рукой, чтобы прижать это невесть что, но оно холодком просквозило по руке вверх, скользнуло мне на голову, обвилось вокруг лба и сжало его так, что, казалось, череп затрещал от страшного давления. В глазах помутилось, боль раскаленными иглами пронзила виски стекла к груди, потом к животу, потом… ничего кроме боли я уже не чувствовал. Мука продолжалась… не знаю как долго. Ее сменила блаженная прохлада и сил будто существенно прибавилось. В легкой панике — что это было? — я хлопнул себя по лбу, но ничего, кроме обруча вии, не почувствовал. Тогда лег на пол, расслабился, вошел в транс и досконально проверил свой организм. Все вроде было в порядке. Мало того. Магическая псевдоструктура моего тела без моего участия(!) продолжала стремительно усложняться и

совершенствоваться, а я этого даже не чувствовал, тогда как на занятиях по развитию этой самой псевдоструктуры любое, самое незначительное, усовершенствование сопровождалось ведрами пота и океанами боли, не говоря уж о затратах немереного количества магических сил. Посмотревшись, как в зеркало, в полированный металл доски возницы, ничего интересного на голове не увидел. Попытки мысленными командами прогнать змейку или хотя бы проявиться тоже к успеху не привели. Да и была ли эта змейка на самом деле? Может, мне все это почудилось после трудного боя с гномами?

Отложив загадку на потом, я снова вернулся к рассмотрению содержимого бронированного ящичка и увидел в нем голубой ограненный кристалл, оправленный в темный металл, на серебряной цепочке. Нижний конец оправы имел сложную форму с бороздками и выступами различной величины, формы и угла наклона. В целом похоже на ключ. Первичный осмотр ключа показывал, что для его активации необходима капля гномьей крови. Однако, как я ни вымазывал кристалл кровью мертвых гномов, ничего не получилось. Скорее всего, требовалась, кроме самой крови, живая связь с энергетикой организма.

Таки образом, мне пришлось очень осторожно заниматься перестройкой защиты ключа, проходя ее слой за слоем. В то же время поезд из повозок продолжал двигаться с сумасшедшей скоростью, а как его остановить я пока не знал. Тщательно обследовав состав, магически, визуально и даже на ощупь — на вкус не пробовал, еще не хватало облизывать грязные железки — я понял, за счет чего он двигался. То есть нашел бункер, куда засыпались кристаллы недрагоценных камней, которые по мере истощения заряда энергии разрушались. То есть их не заряжали, как накопители из драгоценных камней, а просто досыпали новые. Несколько мешков с кристаллами я нашел рядом с бункером. При этом пыль от разрушенных кристаллов по моим предположениям не вычищалась, а самостоятельно просеивалась через сито внизу бункера и летела вниз на дорогу. Ее было немного, поэтому засорение туннелям не грозило.

Поезд довольно часто, примерно раза три в сутки, останавливался напротив скудно освещенных подземных помещений с одинаковой для всех стальной дверью выхода, и, постояв несколько минут, ехал дальше. Можно было бы выйти из повозки, но попасть в неизвестную местность, вполне возможно, густо населенную враждебными существами, нам не улыбалось, поэтому, несмотря на скудные запасы еды и воды, найденные в единственном уцелевшем после драки мешке одного из гномов — явно заначка на черный день, а не основные запасы — мы с

Фиорой решили остаться и постараться разгадать тайну гномьего ключа.

Наконец, мне это удалось. Правда единственное, что я мог с ним сделать — это определить наше текущее местоположение и следующие остановки на маршруте. Очевидно, что доезжать до указанной гномами цели нам нет никакого резона — там ждут блудных детей и явно не будут рады их погубителям.

Собравшись с духом, я сел в кресло возницы, вставил ключ в соответствующий паз на передней панели и активировал его. Фиора встала сзади, положила руки мне на плечи и, потеревшись щекой о мою щеку, легонько куснула за ухо:

— Что такое? Не работает?

— Потерпи немного. Воздействию надо время, чтобы сработать.

Панель помутнела и вместо нашего с Фиорой группового портрета выдала схематическую карту. Зелеными точками обозначались пройденные нами остановки, красными — предстоящие. Я увидел ближайшую остановку, обозначенную красным, совсем рядом с порталом в учебный центр. Видимо когда-то этим путем отправляли группы «добровольцев», предварительно усыпив. Два портала поближе к Кронтору мы уже давно проехали, и возвращаться было бы очень далеко.

— Та-а-ак, Фиора. Собирай вещи. Скоро будет остановка, которую нежелательно пропускать, иначе придется ехать еще больше суток.

Девушка кивнула и, молча, пошла собирать наш небогатый скарб.

Откуда вдруг такое мировое потепление в наших отношениях? Да все просто. На второй день пути, когда принцесса немного пришла в себя после всех грустных событий, она, дождавшись паузы в моей работе по расшифровке структуры ключа, подошла ко мне с разговором. Вид у нее был решительный до нельзя, и я понял — выяснения отношений не избежать.

— Родеро. Я больше так(!) не могу. Я должна знать правду. Скажи. Тогда, в доме заместителя коменданта, я видела твои глаза. Я чувствую, что… была… небезразлична тебе тогда. А потом, в нашей резиденции, все вдруг поменялось. Что случилось? Скажи? Если ты про легион поклонников, о которых брякнула сестрица, то это же ничто. Они для меня пустое место. Они волочатся за мной, пристают с нежностями, признаниями, дарят цветы, слагают стихи… но все они мне безразличны. Я не знаю, куда от них деваться. Скажи? В этом все дело?

— Нет. Не в этом.

— А в чем же тогда?

— В том, принцесса, что я дал себе зарок не иметь никаких(!) отношений с принцессами, кроме деловых. Вот и вся загадка.

— Но-о-о… как же? — Фиора с изумлением смотрела на меня не в силах понять мою логику. Потом ее озарило и она радостно воскликнула: — Тебя обидела какая-нибудь вертихвостка принцесса и ты обиделся на всех?

— Принцесса! — не выдержал я тяжести разговора. — Она не была вертихвосткой…

— Ага! — надулась девушка. — Значит, принцесса все же была?

— Была-была, — с раздражением ответил я. — Вот только ей предстояло сделать выбор: корона или я. Причем, если выбиралась корона, то я должен был исчезнуть навсегда… из списка живых. Как думаешь, что она выбрала? — и язвительно добавил: — Не хочу больше ставить девушек перед столь трудным выбором.

Глаза Фиоры наполнились слезами, она шмыгнула носом, совсем как простолюдинка и прошептала:

— Прости, Родеро. Я не знала.

— Вот только жалеть меня не надо. Я сам себя давно уже отжалел. Но, тем не менее, прости — с принцессами романы крутить больше не намерен. Хватит прыгать в один и тот же огонь.

Фиора неожиданно улыбнулась сквозь слезы и сказала:

— Значит, дело только в этом?

— Да, — теперь настала моя очередь недоумевать, неужели этого недостаточно?

— Тогда позволь представиться, лигора (сударыня, леди, сеньорита…) Фиора, — и торжествующе добавила. — Я не принцесса и никогда ей не была.

— Как же так? Сестра принцессы — не принцесса?

— А вот так. Какой титул может носить внучка младшего брата наследника престола? Дедушка Литерии еще жив и здравствует, а прабабушка, да продлятся ее годы, не собирается освобождать трон. Просто в нашем королевстве принято всех членов королевской семьи называть принцами и принцессами, хотя это и неправильно. У нас в Кронторе таких царственных особ, что воробьев небитых. Королева, ничуть не смущаясь, гоняет их с поручениями, словно мелких барончиков… А ты говоришь — принцесса! Думаешь, будь я настоящей принцессой, меня бы отпустили к бесам вслед за учителем?

Фиора так звонко и заразительно рассмеялась, что я не выдержал и присоединился к ней. Мой троглодит с рыком восторга выпрыгнул из пещеры и протянул уже свои волосатые

лапы, чтобы сграбастать свою(!) женщину и, немедля, затащить ее в пещеру на мягкие шкуры — девушка прочитала это в моих глазах (как ей удалось — непонятно?) и явно не возражала — но я усилием воли частично цивилизованного человека пресек это непотребство, притушив немного огонь страсти. Фиора разочаровано вздохнула и опустила голову.

— Фиора, прости, но я не хочу твоего разочарования в дальнейшем… Постой! Послушай меня! Я хочу, чтобы ты разобралась в самой себе. Вдруг это только каприз. Желание добиться своего от потенциального поклонника не павшего к твоим ногам сразу. Прошу тебя! Подумай. Серьезно ли все это или только выдумка? Давай не будем спешить. Хорошо? Ты достигла своей цели — я готов припасть к твоим ногам. Теперь загляни в себя — не изменилось ли твое отношение?

Фиора кивнула и посмотрела на меня вновь потеплевшими глазами:

— Хорошо. Обещаю подумать. Но если что — ты у меня отработаешь по полной, — делано угрожающе прорычала она.

— О. Ты такая опытная дама?

— Н-нет… — мило покраснела девушка. — О чем ты говоришь? Я еще ни с кем… И вообще! Какое твое дело! Я еще ничего не решила. А будешь хамить, такого нарешаю…

Дни в поезде нас с Фиорой очень сблизили, но до близости мы пока не дошли. Девушка всерьез отнеслась к моей просьбе и честно копалась в себе, пока я был занят.

Сейчас перед высадкой я должен был с ней поговорить о наших дальнейших планах. Может, в результате окажется, что выйти предстоит мне одному.

— Фиора. Я должен сказать тебе. Мне предстоит вернуться… в одно место. Это совсем недалеко от остановки. Я готов предложить тебе пойти со мной, но не хочу скрывать — это опасно. Ты можешь потерять память и перестать быть собой, а можешь стать вровень со мной. Получить те знания и умения, которые имею я. Риск большой, но решать тебе. Есть и другой вариант. Я провожаю тебя до ближайшего поселения, и дальше ты возвращаешься с попутными караванами в Кронтор. Не скрою, второй вариант мне нравится гораздо больше. Ты мне нравишься такой, какая есть. Может все-таки не стоит рисковать?

Девушка не колебалась ни секунды.

— Я иду с тобой. Жизнь — сплошной риск. Завтра меня могут сожрать твари, а с тобой мне ничего не страшно.

Поезд замедлил ход и остановился. Фиора решение не изменила. Мы вышли на остановке и прошли на выход. С помощью универсального ключа я свободно открывал двери, а

других препятствий, например, в виде заваленных туннелей или тварей, мечтающих полакомится человечинкой, нам не встретилось. Благополучно выбравшись на поверхность, мы увидели развалины маленького поселения, приютившегося на горном плато. Невысоко над равниной. Метров тысяча, тысяча двести. Портал, если я все правильно помнил, находился шагах в трехстах от поселения.

Мы подошли к краю пропасти по тропинке, выбитой в камне десятками тысяч наших предшественников, я проверил указанные элвом признаки и, убедившись, что все правильно, еще раз внимательно посмотрел на Фиору.

— Ты не передумала? Еще не поздно.

— Нам… надо туда? — девушка, побледнев, кивнула головой в сторону пропасти.

— Да. Туда. Ты мне веришь?

Она решительно мотнула головой в знак согласия и крепко ухватила меня за руку. Опасаясь, что она потеряет решимость, я весело сказал:

— На счет три! Раз! Два!.. — и тут же, крепко держа Фиору за руку, шагнул в пропасть.

Девушка взвизгнула, мертвой хваткой сжала мою руку, закрыла глаза и… мы полетели вниз. Знакомая вспышка, мрак и вот мы стоим, по-прежнему держась за руки, на золотом(!) круге зала прибытия учебного центра.

— Позволь доложить, Древний, Владыка, Князь и Правитель…

— Хватит титулов. Говори по существу. У меня мало времени.

— Ситора благополучно прибыла в Вампур, столицу Кассарии. Отряд, скрытно сопровождавший ее от Солди, вынужден был вмешаться, когда к Сорамето стали неожиданно приближаться крупные стаи тварей. Наше вмешательство не заметили. В том числе и отряд скрытой охраны принцессы. Гвардейцы тоже вынуждены были драться с монстрами. Думаю, им было не до нас. Тем более — они сами старались не попадаться на глаза подопечным.

— Что ребенок Ситоры?

— Наши целители подтверждают прогноз. По самым осторожным оценкам ребенок родится вампиром и магом необыкновенной силы.

— Удвоить охрану Ситоры. Но… деликатно. За ее эмоциональным состоянием следить так же, как за физическим здоровьем. Организовать наилучшее питание, проживание и постоянный контроль наших медиков. Чтоб ни один волос не

упал… Отвечаешь головой.

— Слушаюсь, Древний.

— Что с этим таинственным лекарем, который последним видел нашего представителя и его помощников?

— Есть серьезные основания полагать, что этот лекарь и отец ребенка Ситоры — одно лицо. Он исчез из Сорамето вместе с лигорой Фиорой. В настоящее время его местонахождение даже предположительно установить не удалось.

— Отец ребенка и… возможный убийца трех вампиров. Никчемные были подонки, следует признать… А лекарь очень нам пригодился бы. Особенно, если этот ребенок не чудесная случайность. В чудеса я не верю давно, а вот… Итак. Приказываю. Месть отменить. Даже если будут твердые доказательства его причастности к убийству представителя. В случае обнаружения лекаря приложить все силы к тому, чтобы уговорить его приехать в Кассарию и встретиться со мной. Подчеркиваю. Уговорить! А не захватить или выкрасть! Гарантируйте ему от моего имени неприкосновенность и денежное вознаграждение. У меня все.

— Слушаюсь. Дозволь идти?

— Иди.

— Лим! Ну как же так?! Как ты мог вообще потащить девочку с собой?! Похоже, ты теряешь хватку. Не желаешь ли уйти на покой и стать обычным кладоискателем или трактирщиком?

— Прости, твое величество. Не доглядел. Но кто мог знать, что гномы устроят такое. Я работал с ними несколько лет. У них были такие рекомендации. Все эти годы ни намека на предательство… А не взять Фиору с собой я не мог. Она предложила древнюю карту. Меня бы свои не поняли, если бы я отказал. Тогда точно можно уходить на покой. Я знал, что она зайдет в резиденцию за картой и там обязательно поговорит с сестрой. Если бы Литерия была против, она просто не отпустила бы сестру. Да и наверняка тайно отправила отряд сопровождения…

— Отправила-отправила. Хоть один разумный человек был в вашей компании. Еще раз подумай, Лим. Ты твердо уверен, что девочку не утащили с собой силой?

— Твердо, Дария. Твердо. Я сам видел, как Родеро проскочил вслед за гномами в закрывающуюся дверь и только потом, уже в совсем малую щель протиснулась Фиора. Сама. Добровольно. Насколько я понимаю в людях, Родеро никогда не подверг бы ее риску. Уж поверь мне. Я знаю, о чем говорю.

— Как вы нашли шкатулку, оставленную гномами, и

выбрались из подвала, я знаю. Скажи, что ты еще странного подметил в лекаре?

— Про его боевое искусство я уже говорил…

— Знаю-знаю: «Техника очень похожая на твою, твое величество, только совершеннее».

— Точно так. Еще мне показалось, что он скрывал свой магический потенциал. Он ничем себя не выдал, но иногда, когда Лотий с элвом говорили у костра о магии, все слушали с жадным интересом, а он — словно это рассуждения учеников младших классов. Будто это для него всего лишь давно известные азы. Нет. Он не морщился. Не смотрел на магов свысока… даже жадный интерес проявлял, как все, но-о-о-о… Я не могу обосновать свое чувство. Оно просто есть и все.

— Что ж. Я доверяю твоему чутью. Как ведутся работы по вскрытию двери?

— С полным напряжением сил. Однако древние архимаги гномов на совесть зачаровали ее. По прогнозам наших магов на взлом потребуется до полугода. Им приходится действовать грубой силой…

— Хорошо. О ходе работ докладывать мне ежедневно. Лекаря, если объявится, немедленно ко мне. Но живым и желательно здоровым! Ты меня понял?

— Понял, твое величество.

— Все. Действуй.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ